ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1997 году

Серия Д
Филология и психология

2/2026

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**
Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**
Ответственный секретарь – канд. психол. наук **Н.П. Андрюшкова**
Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, д-р филол. наук **Э.С. Ветрова**, канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**, канд. психол наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.Г. Коваленко** (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы), д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **А.С. Ососкова**, канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal "Bulletin of Donetsk National University Series D: Philology and Psychology"

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**
Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**
Executive Secretary – Candidate of Psychology. **N.P. Andryushkova**
Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.S. Vetrova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University), Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.G. Kovalenko** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **A.S. Ososkova**, Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел**: +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru.

URL: https://dongu-vestnik05.ru.

Печатается по решению Учёного совета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет» . Протокол № 4 от 06.04.2026.

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН в 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и психология

№ 2/2026

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

Миннуллин О.Р. Ускользающая красота и трагизм повседневности в поэзии Якова Полонского 5

Архипова И.В. Интракатегориальный синкретизм в немецком таксисе 16

Никитин О.В. Языковой портрет времени: «революционная эпоха» в описании А.М. Селищева (к 100-летию завершения работы над одной легендарной книгой) 26

Свиридова Т.Н., Катермина В.В. Неологизмы англоязычного финансово-экономического дискурса с компонентом «инфляция»: семантический и аксиологический аспекты 43

Батулина А.В. Сегментация морфемной структуры слова в русской сетевой микропоэзии 53

Болнова Е.В. Поэтический сборник В. Сосноры «Хутор потерянный»: формальный и содержательный аспекты 67

Ван Сиин, Оленев С.В. Эволюция лексико-тематической группы «Государственные праздники» в современном русском языке 77

Здановская Л.Б. Особенности параметризации «Персоналистского дискурса Трампа» 92

Курмакаева Н.П. Диапазон лингворегионализма «донецкого текста» в аспекте норм словоупотребления 104

Оцомиева-Тагирова З.М. Топонимы как отражение этноязыкового и этнокультурного мировосприятия аварцев 115

Аляева Л.С. Коммуникативная тактика похвалы в англоязычных интервью с представителями шоу-бизнеса 127

Карпенко А.В. Карточная игра в XIX веке как лингвокультурный феномен 138

Писарик О.И. Функциональная типология пространственных локусов в повести «Хоббит, или Туда и обратно» Дж.Р.Р. Толкина (корпусное исследование) 150

Синенко П.Д. Дискурсивные стратегии формирования семейной медиаповестки 161

Смирнов А.Е. К вопросу о синонимии в терминосистеме шахтного подъема немецкого языка 173

Стомина А.А. «Малая» проза как лаборатория двоемирия: поэтика рассказов В. Набокова 1920–1930-х годов 183

Слово молодому учёному

Казакова А.Е. Лингвистические средства формирования цифровой репутации ресторанов (на материале интернет-отзывов) 194

Хасаншин А.Н. К вопросу о языковом статусе составных наименований с компонентом «дипломатия» 206

Психология

Андриалович Е.С., Сидоренков А.В. Вклад в групповую активность как разновидность гражданского поведения сотрудников в организации 217

Терёхин В.А., Велигодская А.А., Краснова Е.А., Кузнецова Е.О. Предметная модель как инструмент оценки эффективности совместной деятельности малых групп 231

Шульга В.В., Структура неформальных ролей в студенческой группе в процессе традиционного и дистанционного обучения 241

Правила для авторов 257

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series D: Philology and Psychology

No 2/2026

C O N T E N T S

Philology

Minnullin O.R. Elusive beauty and everyday life tragedy in poetry by Yakov Polonsky 5

Arkhipova I.V. Intracategorial syncretism in German taxis 16

Nikitin O.V. Linguistic portrait of time: “revolutionary era” as described by A.M. Selishchev (tribute to 100th anniversary of legendary book completion) 26

Sviridova T.N., Katermina V.V. Neologisms with component “inflation” in English financial-economic discourse: semantic and axiological aspects 43

Batulina A.V. Word’s morpheme structure segmentation in Russian network micropoetry 53

Bolnova E.V. Poetry collection "The Lost Farm" by V. Sosnora: formal and content aspects 67

Wang Xiying, Olenev S.V. Evolution of lexical-thematic group "State Holidays" in Modern Russian 77

Zdanovskaya L.B. Features of parameterization of Trump's personalistic discourse 92

Kurmakayeva N.P. Range of linguistic regionalism in "Donetsk text" in terms of normative word usage 104

Otsomieva-Tagirova Z.M. Toponyms as reflection of ethno-linguistic and ethno-cultural worldview of the Avars 115

Alyaeva L.S. Communicative tactics of praise in English interviews with show business representatives 127

Karpenko A.V. Card game in 19th century as linguocultural phenomenon 138

Pisarik O.I. Functional typology of locative objects in the novel “The Hobbit, or There and Back Again” by J.R.R. Tolkien (a corpus study) 150
Sinenko P.D. Discourse strategies in shaping family media agenda 161
Smirnov A.E. Synonymy in German mine hoisting terminology system 173
Stomina A.A. «Small» prose as two-worldness laboratory: V. Nabokov's 1920s–1930s short stories poetics 183

Commencing scholars, have your say!

Kazakova A.E. Linguistic means of shaping restaurants’ digital reputation (in online reviews) 194
Khasanshin A.N. Linguistic status of compound nominations with the component «diplomacy» 206

Psychology

Andrialovich E.S., Sidorenkov A.V. Contribution to group activities as type of employees’ civic behaviour in organization 217
Teryokhin V.A., Veligodskaya A.A., Krasnova E.A., Kuznetsova E.O. Subject-based model as tool for assessing socio-psychological efficiency of small group joint activities 231
Shulga V.V. Structure of informal roles in student group in traditional and distance learning 241

Guidelines for authors 257

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82.09
DOI: 10.5281/zenodo.19864397

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ КРАСОТА И ТРАГИЗМ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ПОЭЗИИ ЯКОВА ПОЛОНСКОГО

© 2026 *О.Р. Миннуллин*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева»; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасская аграрная академия».
ORCID: 0000-0002-5805-3821

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье исследовано своеобразие художественной системы поэзии Я.П. Полонского. Ключевым её свойством является способность лирического субъекта передавать эмоциональное переживание нюансов частной жизни в её повседневности и выражать ощущение трагической текучести этой жизни, которая подспудно существует за внешней обыденностью. Поэзия Я.П. Полонского представляет собой сложную «ткань», в которую вплетены общечеловеческие темы, такие как ускользающая красота и трагизм человеческой судьбы, тайна жизни, присутствующая в повседневности. В своих лирических сюжетах (лирика Полонского тяготеет к балладной эпичности) и образах поэт выражает тонкие эмоциональные состояния едва приметной переменчивости судьбы, в которой схватывается человеческая ситуация в бытии. В статье подробно проанализированы наиболее репрезентативные стихотворения поэта: «Затворница» (1846), «Колокольчик» (1854), «Узница» (1878), «А.А. Фету» (1888).

Ключевые слова: Я.П. Полонский, балладная поэзия, мещанский романс, трагизм, художественная деталь, кульминационное стихотворение.

Для цитирования: Миннуллин О.Р. Ускользающая красота и трагизм частной судьбы в поэзии Якова Полонского / О.Р. Миннуллин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 5–15. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19864397.

Введение. В современном литературоведении лирика Якова Петровича Полонского исследуется весьма активно и многоаспектно. Учёные обращаются к проблемам христианского мировосприятия поэта [5], изучают библейскую образность в его художественной системе [8]. Исследуется рецепция лирики Полонского современниками [10] и творческий диалог с ним поэтов XX и XXI столетий [1], а также другие аспекты его творчества и биографии.

Поэт прошёл долгий путь, прежде чем занял своё место на Олимпе отечественной поэзии: дебютное произведение «Священный благовест торжественно звучит…» (1840) опубликовано еще в послепушкинскую эпоху, а завершение пути поэта приходится на время, когда властителем дум уже стал молодой Александр Блок, впоследствии восхищавшийся уникальным поэтическим даром Я.П. Полонского. В опубликованных еще при жизни Блока «Записных книжках» находим возмущенную реплику: «Публика любит большие масштабы: Полонский уже второстепенность!» [3, с. 55]. Самому значительному лирику начала XX столетия представлялось абсурдной мысль

о Я.П. Полонском как об авторе не первой величины. Однако же нельзя не отметить, что литературная репутация этого автора необычна и оценки его творчества, как современниками, так и читателями будущего существенно разнятся.

Литературная критика современная поэту определила его место «триумвирате чистого искусства» (вместе с А.А. Фетом и А.Н. Майковым). Основными свойствами лирики поэтов этой группы считалась полнота поэтической гармонии, стройность, пушкинская ясность. Поэзия чистого искусства противостояла некрасовской поэтической школе с её гражданским пафосом и идеей служения народу, отстаивала идеалы творчества как таковые. Можно ли утверждать, что означенные характеристики и заявленные высокие творческие ориентиры прошли испытанием временем? Это справедливо лишь в какой-то мере: отнюдь не всё творческое наследие поэта равноценно, и классическим наследием по праву можно посчитать лишь том избранного.

Ключевая фигура литературы 1840-х, критик В.Г. Белинский, отзываясь о дебютной книжке Я.П. Полонского «Гаммы» (1844) ответственно признавал в ней присутствие «чистого элемента поэзии» [2, с. 121]. В вершинных, *кульминационных* [6, с. 48] стихотворениях, к которым относятся такие лирические произведения, как «Колокольчик», «Затворница», «Песня цыганки», где талант Я.П. Полонского проявился с полной силой, поэт предстаёт в качестве самобытного и оригинального художника. В этих поэтических текстах явственно ощутима столь характерная для поэта музыкальность формы (не случайно значительный объём его поэтических произведений обрёл музыкальную интерпретацию у композиторов позапрошлого столетия — речь о более чем ста тридцати стихотворениях, положенных на музыку и составивших золотой фонд отечественного романса). Обаяние поэзии Я.П. Полонского связано, прежде всего, с образом частной жизни, передаваемой через приметные детали быта. Одним из индивидуально-авторских творческих находок, запечатлевших уникальный стиль Полонского, считаю образ колышущейся занавески, которая своими едва заметными колебаниями как бы сигнализирует о неустанном движении жизни, о её глубоко драматичной неостановимости. Лирика Полонского претворяет обыденности, повседневности, поднимая её до уровня романтического идеала, данного, однако, не в своей концентрированной полноте, а как бы в разбавленной, полупрозрачной форме. Наиболее характерной жанровой конкретизацией этой близкой романтизму традиции в творчестве Полонского оказывается городской (т.н. «мещанский») романс, в основе которого лежит сюжет баллады. Однако этот сюжет у Полонского значительно сокращается, остаются лишь намёки, пунктир сюжета, а неизбежный мелодраматизм жанра уравновешивается недосказанностью и поэтому не выглядит вульгарным:

Мой костёр в тумане светит
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит
Мы простимся на мосту…
(«Песня цыганки» [15, с. 99]).

Обращая внимание на балладное происхождение романсов Я.П. Полонского Б.М. Эйхенбаум характеризовал их «сочетание лирики с повествованием» [11, с. 241]. Если многие стихотворения Ф.И. Тютчева можно охарактеризовать вслед за Ю.Н. Тыняновым редуцированными одами, то наиболее известные романсы Я.П. Полонского справедливо будет определить как редуцированные баллады. Сюжет в них, как правило, подан в свёрнутом виде, драма жизни разворачивается подспудно и о ней сообщается с помощью намёков и недосказанности. Лирика Я.П. Полонского

изобилует портретами, набросанными в пару штрихов, образами-деталями, зачастую психологизированными, бытовой конкретикой. Существенно то, что поэт был превосходным рисовальщиком, так что его занятия живописью сказывались на поэтическом творчестве. Всегда за этой бытовой конкретикой, переданной с характерной изобразительностью, как бы мерцает тайна жизни, ощущается присутствие некой мистической её изнанки, что, по все видимости, пришло именно из балладного жанра, который столь остро чувствовал Я.П. Полонский. «Балладный нерв» ощутимо присутствует в каждом заметном его стихотворении.

Завершая общую характеристику поэтической системы Я.П. Полонского, отметим присущую ему взаимопроницаемость биографически достоверной конкретики и поэтического воображения. В его поэзии всегда ощутимо обаяние личности, которая составляет как бы опору для воплощения лирической мелодии. Эта личность — лирический двойник — ощущается как благородная, одаренная, простая в своей открытости, но при этом проницательная натура. Красноречивы в этом отношении свидетельства современников (Григоровича, Щербины, Некрасова). Например, в одной из своих рецензий Н.А. Некрасов писал, что произведения Полонского проникнуты «колоритом симпатичной и благородной личности» [7, с. 251].

Основная часть. Обратимся к анализу отдельных произведений Якова Полонского разных периодов его творчества с тем, чтобы проследить своеобразие воплощения поэтической системы и авторской индивидуальности в наиболее репрезентативных для художественной системы поэта текстах.

Тайна за колышущейся занавеской: «Затворница» (1846). Стихотворение «Затворница» пунктирностью сюжета и общим настроением схожа с балладами романтизма, но, в отличие от них (в частности, в отличие от произведений на эту тему В.А. Жуковского), она отличается большей краткостью. Бытовые детали и образы персонажей здесь представлены предельно схематично: лирическая героиня, затворница, изображена как скромная, замкнутая, но в то же время пылкая (описана как «бледная, с распущенной косой»). Невольно возникает параллель с так называемым типом тургеневской девушки. Героиня баллады Я.П. Полонского стремится вырваться из своего уединения, она мечтает сбежать с привычной улицы, покинуть «гордый свет» и быть со своим возлюбленным. Мужской персонаж, лирический герой, испытывает тоску по утраченному прошлому, с нежной печалью вспоминая их тайные встречи, проходившие вдали от посторонних глаз.

Ограниченный мещанский мирок в произведении Я.П. Полонского в образе переживания предстаёт как будто озарённым высоким светом поэзии. Простота типового сюжета соединяется с трагической красотой мимолётной и невозвратной жизни. Казалось бы, в стихотворении нет ничего неожиданного, всё знакомо, история обыкновенная и, что называется, почти пошлая — но вместе с тем, вся человеческая жизнь, молодость с её ускользающей красотой, чистой страстью тайных любовных свиданий проносится перед глазами читателя. Обращает на себя внимание внутренняя динамика образа переживания, переданная в едва заметных нюансах: вначале стихотворения сакраментальная занавеска колышется «тихонько», а конце стихотворения «тревожно». Едва ли само колыхание изменилось, но изменилась его интерпретация, само ощущение тайны, сначала спокойно приветно зовущей, а потом неудержимо втягивающей в свой круг. Изменение образа переживания реализуется с помощью замены одного эпитета на другой. Колышущаяся занавеска является пограничным образом, соединяющим романтизированный мир мечты и идеала, с миром бытовой конкретики, пограничный он и в смысле разделения большого мира

за распахнутым окном и уюта частной жизни. Занавеска у Я.П. Полонского выступает своеобразной эмблемой стихии жизни, неуправляемой и текущей как бы самой по себе, наподобие романтического прибоя на берегу океана бытия, перед которым оказывается человек. Это «зримый образ тайны, полной красоты и еще не раскрытых, неясных возможностей» [4, с. 11].

Поэзия необратимой текучести жизни, воплощенная в этом стихотворении, в своё время привлекла Ивана Бунина, так что, строка из «Затворницы» дала заглавие одному из рассказов нобелевского лауреата по литературе. Вспоминая годы юности уже будучи в эмиграции, вдали от Родины, И.А. Бунин отмечал: «Весенней парижской ночью шел я по бульвару в сумраке от густой свежей зелени… чувствовал себя легко, молодо и думал:

В одной знакомой улице
Я помню старый дом,
С высокой темной лестницей,
С завешенным окном…

Чудесные стихи! И как удивительно, что все это было когда-то и у меня! Москва… глухие снежные улицы, деревянный мещанский домишко — и я, студент…

Ах, что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала в доме том
С распущенной косой…» [12, с. 397]

Примечательно, что «Затворница» пришлась по душе революционерам-демократам 1870-х годов, которые сделали её одним из своих гимнов, дополнив строки баллады Я.П. Полонского гражданскими стихами:

Такие речи дерзкие
Она твердила мне
О мужестве, о Родине,
О дальней стороне.

Для поэта это было удивительно, ведь никакого общественного пафоса в его произведении не было. Данный факт тем более примечателен на фоне неудачных попыток намеренного заигрывания поэта с социальной тематикой.

Образ дома в бесприютности существования в стихотворении «Колокольчик» (1854). Судьба Я.П. Полонского складывалась так, что он подолгу должен был жить на съемных квартирах и перебиваться непостоянными заработками. Приведём одно из воспоминаний поэта о московском периоде своей жизни: «И где, где я тогда в Москве ни живал! Раз, помню, нанял какую-то каморку за чайным магазином на Дмитровке и чуть было не умер от угара... Жил у француза Гуэ, фабриковавшего русское шампанское, на Кузнецком мосту; жил на Тверской в меблированной комнате у какой-то немки... Выручали меня грошовые уроки не дороже 50 копеек за урок» [14, с. 177]. В 1840-х у поэта были нерегулярные журналистские заработки, нечастые публикации и мизерные гонорары. Последующие мытарства по Кавказу и переезд в Санкт-Петербург немногим улучшили его неустроенный быт. Между тем именно в период житейских невзгод Я.П. Полонским создано одно из наиболее знаковых, узнаваемых читателем стихотворений «Колокольчик», которые было напечатано в 1854 году в «Современнике», где в это время ведущая роль принадлежала поэту из противоположного поэтического лагеря Н.А. Некрасову [15, с. 435].

Центральным образом данного произведения выступает образ дома. Дом противопоставлен остальному мировому пространству неприютному, переменчивому, безразличному и даже откровенно враждебному по отношению к частной человеческой

жизни. Не один десяток лет Я.П. Полонский вынужден был скитаться по «чужим людям», не имея даже призрачной перспективы обретения своего дома и прочного быта. Тем значительнее для него была ценностная составляющая образа дома, предстающая в его художественном мире фактически абсолютной ценностью. Космологическая обустроенность *своего* пространства противопоставляется у него хаотической неупорядоченности чуждой чаяниям человека стихии внешнего многоликого бытия. В поэзии Я.П. Полонского эта оппозиция обрела воплощение через идиллический модус художественности. Его поэтический идеал можно было бы несколько уничижительно определить как «мещанский» или «обывательский», однако в целостности художественной системы этот идеал обретает абсолютный масштаб, и эти нелестные приблизительные характеристики никак не отменяют его ценностного статуса художественно воплощенного идеала.

Предметы мещанского быта обретают очертания образов-символов, репрезентирующих благополучие и устойчивость бытия как такового. Появляется и уже ставший визитной карточкой для образной системы Я.П. Полонского образ занавески:

У меня ли не жизнь!.. чуть заря на стекле
Начинает лучами с морозом играть
Самовар мой кипит на дубовом столе,
И трещит моя печь, озаряя в угле,
За цветной занавеской кровать!.. [15, с. 102]

Обращает на себя внимание частотность притяжательных местоимений *моя*, *мой* в стихотворении «Колокольчик». Здесь они встречаются семь раз при относительно малом объёме стихотворного текста. Лирический субъект как бы стремится подчеркнуть момент обладания этой материальной прочностью быта/бытия и вместе с этим противопоставить «свое» и «чужое».

Любопытно, что именно «Колокольчик» было любимым стихотворением Ф.М. Достоевского у Я.П. Полонского. В тексте романа «Униженные и оскорблённые» писательское отношение к этой лирической миниатюре выражено в речи Наташи: «Как это хорошо! Какие это мучительные стихи... и какая фантастическая, раздающаяся картина. Канва одна и только намечен узор, — вышивай что хочешь... Этот самовар, этот ситцевый занавес, — так это все родное... Это как в мещанских домиках в уездном нашем городишке» [13, с. 79].

Структурно произведение можно разделить на две части, два плана: 1) внешнее открытое пространство, где «тройка усталых коней» «выносит» погруженного в полудремоту путника одинокой зимней ночью; 2) воображенная реальность, вторичная фабульная действительность, порожденная фантазией лирического героя, «нарядное» сновидение, в котором точечно намечен до конца неясный сюжет жизни. Образ колокольчика, погружающего путника в дремотное, почти трансовое состояние, выступает посредником между миром реальным и вторичной фабульной действительностью, миром сновидения. Одновременно с этим колокольчиком становится слышен потусторонний «страстный голос», который вводит нас в балладно-сказочный сюжет. Внутри него определяющую роль играет уже не путешественник, несущийся по зимним просторам, а лирическая героиня, посвящающая нас в свою тайну. Субъектно-образная структура этого лирического произведения похожа на матрёшку: автор воображает путника — путнику чудится поющий голос — этот голос повествует о женщине-мещанке, которая, в свою очередь по мере развития этого внутреннего сюжета также погрузилась в дремоту. Приближение к истоку, к

последней реальности на деле оказывается сном внутри сна. Погружение в глубины поэтического воображения совершается дважды.

В первоначальной сцене «лампада горит» вопреки житейским невзгодам, и никакие потрясения, привносимые внешним миром, по-настоящему не способны поколебать внутреннего уюта и благополучия. Лирическая героиня, пребывающая в своей светлой горнице, ждёт любимого, «изнывая по нём». Во второй раз женщина уже почему-то страшится старого друга, любви больше нет, в комнате царит мрак и духота — жизнь сделалась скучной. Наконец, сакральная для художественного мира Я.П. Полонского занавеска уже «полиняла», повседневность сделала сказку блеклой и бесцветной. До конца читателю не открывается причина произошедшего. Полунамёк не проливает света на подспудные причины, лежащие в корне событий. Сказано лишь, что «милого» нет, а весело теперь с соседом. Речь об измене? Или, может быть, сам милый ушёл к другой? Случилось что-то необратимое, но что именно, до конца не ясно, да и нужна ли эта ясность? Понятно лишь то, что «колесо жизни» неизбежно совершило свой оборот, нечто, скрытое в её глубине, произвело своё таинственное, по балладному мистическое действие. Райского уголка домашней идиллии больше нет. Читателю ничего не остаётся, кроме как повторить слова героини Ф.М. Достоевского Наташи (роман «Унижённые и оскорбленные»): «вышивай что хочешь».

С точки зрения структуры и тематики, стихотворение «Колокольчик» перекликается с более ранней работой Я.П. Полонского «Зимний путь», написанной в 1844 году. В обоих произведениях прослеживается сходный сюжет, основанный на пушкинском мотиве «Зимней дороги». Автор противопоставляет два мира: суровую реальность и мир мечтаний. Размышления и сны плавно трансформируются в видения, при этом ощущается опора на фольклорные мотивы и присутствует фигура посредника.

Уже в «Зимнем пути» Я.П. Полонский стремился идти по пушкинскому следу. Он пытался точно уловить, что же именно послышалось поэту «в долгих песнях ямщика» такое «родное и вселенское». Вначале, в раннем стихотворении, автору «Зимнего пути» показалось, что там внутри, в самом начале владычествует сказка:

Мне все чудится: будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядет,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поет… [15, с. 102]

Притом, что «Зимний путь» яркое и самобытное стихотворении, Я.П. Полонский остался им доволен неокончательно, что-то существенное оставалось нерешённым. И спустя десятилетие автор вновь обращается к тому же сюжету, создавая новую вариацию традиционной темы романтического двоемирия. Что же открылось поэту в «Колокольчике»? К какому истоку он прорвался в итоге и что увидел в нём? Саму жизнь, её мистическую первооснову, определяющую скрытый за суетой повседневности внутренний ход. В своих сновидческих погружениях к глубинам бытия, к первоначалам, поэту со всей очевидностью открылось: жизнь в своей первооснове и есть поэзия.

Поэтика «мещанского романса» в «Узнице» (1878). В 1860-70-х годах от участников литературного процесса, в том числе от поэтов ожидалось чёткое самоопределение — присоединение к одной из общественно-литературных групп и выражение своей гражданской позиции в произведениях. Лирика Я.П. Полонского никогда не была исполнена стремлением к общественной борьбе и вообще слабо проявляла социальную направленность. Сам себя поэт характеризовал как «человека сороковых годов», приверженца всеобъемлющих идеалов Истины, Добра и Красоты.

Я.П. Полонский избегал открытой общественной полемики и воздерживался от выбора стороны в литературных спорах. Ввиду этой сдержанной позиции его критиковали за «нечеткость мировоззрения». Нападки, что называется, справа и слева, ранили Полонского, и вот под внешним давлением он предпринял честную попытку создать произведение, соответствующее духу времени. Результатом стал его известное стихотворение, впервые увидевшее свет в альбоме княгини Шаховской:

Писатель, если только он
Волна, а океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия...
1864 [15, с. 160]

Спустя несколько лет Я.П. Полонский создает отдельный поэтический цикл под названием «Поэту-гражданину», посвященный Н.А. Некрасову:

Невольный крик его — наш крик,
Его пороки — наши, наши!
Он с нами пьет из общей чаши,
Как мы отравлен — и велик
(«Блажен озлобленный поэт…», 1872) [15, с. 193]

В этих произведениях поэт утратил роль пророка, ведущего за собой массы; напротив, он торопится слиться с активной интеллигенцией и революционно настроенными демократами, чтобы в своих стихах отразить их голоса. Искренность личной позиции автора в этих стихах невольно проявляется, несмотря на программные установки и заявленную приверженность современным общественным идеалам. Несмотря на всю тщательность, стройность и «любезную честность» (выражение И.С. Тургенева), в этих стихотворениях Я.П. Полонский словно бы теряет себя, исчезает его располагающая, доверительная интонация, и стихи приобретают декларативный характер. Об опытах гражданской лирики Я.П. Полонского высказывался чуткий критик уже следующей литературной эпохи Дмитрий Святополк-Мирский. Комментируя некрасовский цикл Полонского, он отмечал: «Поэтическое его мастерство было чисто романтическим, но он боялся отдаться ему целиком и считал своим долгом писать благонамеренные стихи о светоче прогресса, свободе слова и прочих современных предметах» [9, с. 685].

Однако стихотворение «Узница», представляющее именно гражданское направление, всё же следует считать удачным. Поводом к созданию произведения послужило судебное дело революционеров-народников («Процесс пятидесяти» 1878 года). Среди осуждённых была молодая девушка Софья Бардина, приговоренная за терроризм к 9 годам каторжных работ. Именно этому человеку, по мнению некоторых литературоведов, посвящена «Узница» [15, с. 451]. По другой версии прототипом образу узницы была Лидия Фигнер. Революционерка была смертельно больна туберкулёзом, о чём Я.П. Полонскому было известно от И.С. Тургенева [15, с. 451]. Имея в виду неизбежное творческое преломление реальной жизни, справедливо будет и допущение о собирательном характере образа узницы. Литератор внимательно отслеживал ход судебного разбирательства по газетным публикациям, испытывая глубокое сочувствие к участникам событий. Под впечатлением от происходящего он создал свою «Узницу», что называется, «по свежим следам». Существует две версии этого стихотворения. В первоначальном, более обширном варианте автор детально описывает условия жизни в заключении и размышляет о будущем осужденной:

Вот и теперь мне как будто мерещится
Жесткая койка тюрьмы,
Двери с засовами, окна под сводами,
Мертвая тишь полутьмы… [15, с. 233].

В позднейшей версии, которую Я.П. Полонский представил в либеральном журнале «Вестник Европы», эти детали были опущены. Вскоре «Узница» обрела музыкальную интерпретацию и получила широкое распространение среди участников революционного движения, породив множество вариаций текста.

В чём заключался залог успеха этого текста? Принципиальное отличие этого стихотворения, исполненного гражданского пафоса, от прежних опытов заключено в конкретике бытописательства и предметному воссозданию судьбы частного человека (пусть по законам жанра он и будет представителем социального типа). Здесь поэт оказывается в своей стихии привычного «мещанского романса», одной из возможных его вариаций, оказавшейся столь востребованной в жанре «блатной песни» уже в середине следующего столетия. Рассказывая о «доле проклятой», которая постигла революционерку, поэт опирается на хорошо разработанный им круг балладных образов: «жена», «любовница», «дочь». Его узница как будто не из этого списка, но отталкивание обозначено — она могла бы оказаться в одной из этих ролей, ведь она женщина со своей частной судьбой. С помощью этого допущения гражданская тема, по сути, контрабандой переносится в балладно-элегический мир, трансформируясь в некий криминально-каторжный вариант романса. Для Я.П. Полонского здесь первостепенное значение имеет не само по себе сочувствие революционному движению, а сострадание погибшей судьбе, молодой жизни, которое передано, опять же, через типичный для него приём грёзы, видения, сна. Портрет узницы воссоздан с опорой на словарь *жестокого романса*: «лихорадочно-*знойные*» глаза, «космы» растрёпанных волос, касающиеся пола. Даже интерьер арестантской камеры в стихотворении Я.П. Полонского перекликается с интерьером дома. Окидывая взглядом камеру, лирический субъект, однако, нигде не находит ни спасительной занавески, ни «пёстрого полога» кровати: лишь «койка» и «решётка», поэтому будущее видится «без надежд впереди». Для художественного мира Я.П. Полонского отсутствие этих привычных символов прочности и обустроенности быта/бытия как бы сигнализирует о безнадежности трагического пути. Обратившись к гражданской теме, Я.П. Полонский здесь сумел остаться в полностью органичном для него жанрово-тематическом поле. Это и обеспечило успех стихотворения.

Фетовская идиллия в старости: «Нет, не забуду я тот ранний огонёк…» (1888). Еще в конце 1830-х — начале 1840-х годов, когда оба были студентами словесного отделения Московского университета, произошло знакомство А.А. Фета и Я.П. Полонского. Их пути пересекались на экзаменах, они участвовали в деятельности кружка Аполлона Григорьева, обсуждали перспективы будущего, вели философские беседы, делились стихами. Я.П. Полонский, который ласково именовал Фета «Афоней», упоминает его уже в самом начале своих поздних воспоминаний («Мои студенческие воспоминания») [14, с. 256]. В свою очередь многие страницы книги А.А. Фета «Ранние годы моей жизни» посвящены Я.П. Полонскому: «Что касается меня, — вспоминает автор, — то едва ли я был не один из первых, почуявших несомненный и оригинальный талант Полонского. Я любил встречать его у нас наверху ещё до прихода многочисленных и задорных спорщиков, так как надеялся услыхать новое его стихотворение, которое читать в шумном сборище он не любил. Помню, в каком восторге я был, услыхав в первый раз: “Мой костёр в тумане светит”» [17, с. 161].

Стихотворение «Песня цыганки», ставшую известным русским романсом, А.А. Фет считал лучшим произведением Я.П. Полонского.

Иногда между друзьями бывали и размолвки (история, которая была связана с И.С. Тургеневым, произошедшая в 1874 году), однако юношеская дружба по-настоящему не теряла статуса чего-то священного до глубокой старости обоих поэтов. В 1887 году Фет писал: «Наш общий с Полонским приятель, Н.Н. Страхов, снова стал передавать мне сетования Полонского на то, что я, бывая в Петербурге, не только по-прежнему не навещаю его, но даже не бываю по пятницам, на которых бывают все его приятели. Передав Страхову о чёрной кошке между мною и Тургеневым, пробежавшей по поводу письма Полонского, я просил Страхова объяснить Полонскому, что мне неловко с оскорблением в душе по-прежнему чистосердечно жать ему руку. Последовало со стороны Полонского объяснение, что никогда он не писал слов в приписанном им Тургеневым смысле. Я… сердечно радуюсь восстановлению дружеских отношений с человеком, на которого с университетской скамьи привык смотреть, как на брата» [16, с. 399]. Добрые приятели вновь примирились и больше уже не ссорились до конца своих дней.

Стихотворение «Нет, не забуду я тот ранний огонёк…» относится именно ко времени окончательного примирения двух поэтов. Жанровая традиция, представленная в нём, это традиция дружеского послания, в котором сильным компонентом оказывается элегическая составляющая:

Нет, не забуду я тот ранний огонек,
Который мы зажгли на первом перевале,
В лесу, где соловьи и пели, и рыдали,
Но миновал наш май — и миновал их срок… [15, с. 239]

Элегическая тональность, однако не является преобладающей. Она преодолевается жизнеутверждающим, восходящим к пушкинской традиции царскосельской лирики, «всё те же мы» («…нам целый мир чужбина; Отечество нам Царское село»). Речь о поэтической вере, что есть прекрасное — пусть и воображаемое место, — в котором всё *навсегда по-прежнему*:

Там — те же соловьи и с ними тот же Фет…
Все тот же огонек, что мы зажгли когда-то,
Не гаснет для него и в сумерках заката… [15, с. 239]

Образ этого идиллического мира вечной юности и дружбы воссоздан в соединении двух стилистик авторской и фетовской. Рыдающие соловьи у Я.П. Полонского напоминают о «рыдающих звуках» раскрытого рояля («Сияла ночь. Луной был полон сад…»). Образ стороны «калинника и елей» отсылает к стихотворению «Ель рукавом мне тропинку завесила…» А.А. Фет прямо назван «поэт-соловей», неустанно поющий «вечной весне». Сизые тучки, даль, в которую у Я.П. Полонского «уносятся» грёзы («Уноси моё сердце в звенящую даль…»), а также «шепотливый спор в лесу» («Шёпот. Робкое дыханье…») — вся сумма эти образов репрезентирует образную систему А.А. Фета, которая всегда была близка Я.П. Полонскому как собрату по бастиону «чистого искусства».

Заключение. Поэзия Полонского, таким образом, предстает перед нами не просто как отражение личной биографии или как варьирование сложившейся до него жанровой традиции бытового романса (комбинирующего балладу, элегию, послание и др.), но как тонкое индивидуально-авторское переплетение личного и общечеловеческого, частной жизни и вечных вопросов бытия в уникальной поэтической системе. Поэт умел видеть Красоту в обыденном, трагизм в простом. Хрупкая красота и трагизм частной жизни,

запечатленные в его стихах, полно воплощенные в вершинных произведениях Полонского, предстают в виде подлинных художественных обретений, когда жанровая традиция и частная биография, оказываются лишь инструментом и материалом для неповторимого поэтического творчества. Занавеска, колышущаяся на ветру, колокольчик, звенящий в зимней ночи и повествующий о перипетиях частной судьбы, узница, тоскующая в тюремной камере, — все это образы, наполненные глубоким смыслом и эмоциональной силой. В каждом из них виден поэтический почерк Якова Полонского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л.Ф. «Тревоги духа» в лирике Я.П. Полонского и осмысление духовных катастроф поэтами XX века / Л.Ф. Алексеева // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. — 2025. — № 2(87). — С. 95–107. — DOI 10.37724/RSU.2025.87.2.009.
2. Белинский В.Г. Русская литература в 1844 году // В.Г. Белинский Собрание соч.: в 10 т. — Т.9. / под ред. С.А. Венгерова. — СПб : Общественная польза, 1910. — С. 81–134.
3. Блок А.А. Записные книжки 1901–1920 гг. / А.А. Блок. М.: Художественная литература, 1965. — 659 с.
4. Ермилова Е.В. Яков Петрович Полонский / Е.В. Ермилов // Я.П. Полонский. Стихотворения. — М. : Советская Россия, 1981. — С. 5–16.
5. Иконникова Д.А. Библейские сюжеты в лирике Я.П. Полонского / Д.А. Иконникова // Слово. Словесность. Словесник. — Рязань : Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2024. — С. 247–251.
6. Миннуллин О.Р. Кульминационное стихотворение как литературоведческое понятие (на материале лирики С.А. Есенина) / О.Р. Миннуллин, А.В. Ярема // Современное есениноведение. — 2025. — № 2(73). — С. 48–54.
7. Некрасов Н.А. Собрание сочинений: в 8 т. — Т. 7. Публицистика / Н.А. Некрасов; под ред. К.И. Чуковского. — М. : Художественная литература, 1967. — 488 с.
8. Потапова М.А. Христианское восприятие образа поэта в лирике Я.П. Полонского / М.А. Потапова // Русская литература в полилингвальном мире: вопросы аксиологии, поэтики и методики. — М. : ГИРЯ имени А.С. Пушкина, 2024. — С. 178–185.
9. Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Д.П. Святополк-Мирский; пер. Р. Зерновой. — Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2006. — 871 с.
10. Тарзаева А.В. Статьи В.С. Соловьева о Я.П. Полонском в контексте истории рецепции творчества поэта 1840-1880-х гг. / А.В. Тарзаева // Соловьевские исследования. — 2025. — № 3(87). — С. 117–131. — DOI 10.17588/2076-9210.2025.3.117-131.
11. Эйхенбаум Б.М. О поэзии / Б.М. Эйхенбаум. — Л.: Советский писатель, 1969. — 552 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. / И.А. Бунин; ред. и коммент. А.К. Бобореко. — Т.5 Жизнь Арсеньева. Тёмные аллеи. Рассказы. — М.: Художественная литература, 1988. — 639 с.
13. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 12 т. / Ф.М. Достоевский; под ред. Г.М. Фридлендер. — Т.4 Униженные и оскорбленные. — М.: Правда, 1982. — 382 с.
14. Полонский Я.П. Проза / Я.П. Полонский; сост. Э.А. Полоцкая. — М.: Советская Россия, 1988. — 496 с.
15. Полонский Я.П. Собрание сочинений: в 2 т. / Я.П. Полонский; под ред. И.Б. Мушиной. — Т.1. Стихотворения; Поэмы. — М.: Художественная литература, 1986. — 493 с.
16. Фет А.А. Мои воспоминания 1848–1889. Ч.2. / А.А. Фет. — М.: Типография А.И. Мамонтова, 1890. — 406 с.
17. Фет А.А. Ранние годы моей жизни / А.А. Фет. — М.: Типография А.И. Мамонтова, 1893. — 560 с.

REFERENCES

1. Alekseeva L.F. (2025). «Trevogi dukha» v lirike Ya.P. Polonskogo i osmyslenie dukhovnykh katastrof poetami XX veka ["Anxiety of the Spirit" in the Lyrics of Ya. P. Polonsky and the Understanding of Spiritual Catastrophes by Poets of the Twentieth Century]. Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina [Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin], 2(87), 95–107. DOI 10.37724/RSU.2025.87.2.009 (In Russian).
2. Belinskij V.G. (1910). Russkaya literatura v 1844 godu [Russian Literature in 1844]. In Sobraniye sochineniy [Collected Works], in 10 vol, Vol 9 (pp. 81–134). Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol′za (In Russian).

3. Blok A.A. (1965). Zapisnye knizhki 1901–1920 гг. [Notebooks 1901–1920]. Moscow: Khudozhestvennaya literature (In Russian).
4. Ermilova E.V. (1981). Yakov Petrovich Polonskij [Jakov Petrovich Polonsky]. Ya.P. Polonskij. Stikhotvoreniya [Poems] (pp. 5–16). Moscow: Sovetskaya Rossiya (In Russian).
5. Ikonnikova D.A. (2024). Biblejskie syuzhety v lirike Ya.P. Polonskogo [Biblical stories in the lyrics of Ya.P. Polonsky]. Slovo. Slovesnost′. Slovesnik [Word. Literature. Philologist] (pp. 247–251). Ryazan: Ryazan State University named after S.A. Yesenin (In Russian).
6. Minnullin O.R., Yarema A.V. (2025). Kul′minatsionnoe stikhotvorenie kak literaturovedcheskoe ponyatie (na materiale liriki S.A. Esenina) [The pinnacle poem as a literary concept (based on the lyrics of S.A. Yesenin)]. Sovremennoe eseninovedenie [Modern Yesenin Studies], 2(73), 48–54 (In Russian).
7. Nekrasov N.A. (1967). Sobranie sochinenij [Collected Works] in 8 vol, Vol 7. Moscow: Khudozhestvennaya literature (In Russian).
8. Potapova M.A. (2024). Khristianskoe vospriyatie obraza poeta v lirike Ya.P. Polonskogo [Christian perception of the image of the poet in the lyrics of Ya.P. Polonsky]. Russkaya literatura v polilingval′nom mire: voprosy aksiologii, poetiki i metodiki [Russian literature in the multilingual world: issues of axiology, poetics and methodology] (pp. 178–185). Moscow: State Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin (In Russian).
9. Svyatopolk-Mirskij D.P. (2006). Istoriya russkoj literatury s drevnejshikh vremen do 1925 goda [History of Russian literature from ancient times to 1925]. Novosibirsk: Svinyin i Sons (In Russian).
10. Tarzaeva A.V. (2025). Stat′i V.S. Solov′eva o Ya.P. Polonskom v kontekste istorii retseptsii tvorchestva poeta 1840-1880-kh gg. [Articles by V.S. Solovyova about Ya.P. Polonsky in the context of the history of reception of the poet's work of the 1840-1880s]. Solov′evskie issledovaniya [Solovyov studies], 3 (87), 117–131. 10.17588/2076-9210.2025.3.117-131 (In Russian).
11. Ejkhenbaum B.M. (1969). O poezii [About poetry]. Leningrad: Soviet writer (In Russian).

Поступила в редакцию 11.01.2026

ELUSIVE BEAUTY AND EVERYDAY LIFE TRAGEDY IN POETRY BY YAKOV POLONSKY

O.R. Minnullin

The article deals with the unique artistic system of Y.P. Polonsky's poetry. Its key feature is the lyrical subject's ability both, to convey the emotional experience of everyday private life nuances and to express a sense of the tragic flow of life, latently existing behind the external ordinariness. The poetry by Y.P. Polonsky is a complex "fabric", into which some universal themes are woven, such as the elusive beauty and tragedy of human destiny, the mystery of every day life. His lyrics being drawn towards ballad epicism, the poet expresses subtle emotional states of the barely noticeable fate changeability, which captures the human situation in existence. The article analyzes in detail the poet's most representative works: "The Recluse" (1846), "The Bell" (1854), "The Prisoner" (1878), "For A.A. Fet" (1888).

Key words: Y.P. Polonsky, ballad poetry, bourgeois romance, tragedy, artistic detail, pinnacle poem.

Миннуллин Олег Рамильевич.
Доктор филологических наук.
Донецкая государственная музыкальная академия имени С.С. Прокофьева, г. Донецк, Российская Федерация.
Заведующий кафедрой гуманитарных и художественных дисциплин.
Донбасская аграрная академия, г. Макеевка, Российская Федерация.
Профессор кафедры гуманитарных и социально-политических дисциплин.
ORCID: 0000-0002-5805-3821.
E-mail: o.r.minnullin@mail.ru

Minnullin Oleg Ramilevich.
Doctor of Philology.
Donetsk State Music Academy named after S.S. Prokofiev, Donetsk, Russian Federation.
Head of Humanities and Arts Department.
Donbass Agrarian Academy, Makeyevka, Russian Federation.
Professor of Humanities and Socio-political Disciplines Department.
ORCID: 0000-0002-5805-3821.
E-mail: o.r.minnullin@mail.ru

Научная статья
УДК 811.112.2`36
DOI: 10.5281/zenodo.19864601

ИНТРАКАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СИНКРЕТИЗМ В НЕМЕЦКОМ ТАКСИСЕ

© 2026 *И.В. Архипова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»
ORCID 0000-0002-0685-335X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена исследованию проявлений внутрикатегориального синкретизма в рамках функционально-семантической категории таксиса в современном немецком языке. Объектом анализа выступают политаксисные предлоги (*bei, mit, durch*), которые, вводя предложные девербативы, формируют не изолированные значения временной соотнесенности, а синкретические семантические комплексы, интегрирующие таксис с модальной, инструментальной, кондициональной или каузальной квалификацией глагольного действия. Цель работы — системное описание данных комплексов и факторов их актуализации. На материале примеров, полученных методом целевой выборки из Электронного словаря немецкого языка (DWDS) с помощью функционально-семантического анализа выделяются и классифицируются основные типы секундарно-таксисных семантических комплексов (модальный, инструментально-медиальный, кондициональный, каузальный). Доказывается, что полисемия указанных предлогов носит системный характер и является ключевым механизмом формирования гибридных категориальных значений. Реализация конкретного комплекса детерминируется взаимодействием прототипической семантики предлога, лексико-семантического класса девербатива и контекстуальных актуализаторов. Делается вывод о том, что интракатегориальный синкретизм, эксплицируемый через политаксисные предлоги, представляет собой не периферийное, а системообразующее свойство таксиса в немецком языке.

Ключевые слова: интракатегориальный синкретизм, таксис, функционально-семантическая категория, политаксисные предлоги, предложный девербатив, секундарно-таксисный семантический комплекс.

Для цитирования: Архипова И.В. Интракатегориальный синкретизм в немецком таксисе / И.В. Архипова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 16–25. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19864601.

Введение. Современные исследования функционально-семантической категории таксиса демонстрируют некоторую асимметрию. Основное внимание уделяется межкатегориальному синкретизму, то есть взаимодействию таксиса с иными категориями, прежде всего аспектуальностью и итеративностью. Таксис исследуется как узел в сети грамматических значений, формирующий поликатегориальные субкомплексы в рамках темпорально-аспектуально-таксисного поликатегориального семантического комплекса [1; 2; 3; 4; 5]. Данный подход доминирует и в типологических, и в других работах, анализирующих средства актуализации (девербативы, неличные формы) в различных языках [6; 7; 8; 9; 10].

В рамках функционально-семантического подхода к описанию грамматики центральной проблемой остаётся анализ синкретичных языковых образований, характеризующихся совмещением дифференциальных признаков нескольких семантических категорий в пределах одной формы. Интракатегориальный синкретизм

как системные механизмы взаимодействия и нейтрализации оппозиций внутри самой категории таксиса (между различными типами одновременности, предшествования, следования) остаётся лакуной в современных лингвистических исследованиях. Хотя необходимость его изучения констатируется, целостное описание внутренней организации поля таксиса, принципов «слияния» его значений в одних формальных средствах и противопоставления в других, отсутствует.

Актуальность системного исследования интракатегориального синкретизма в таксисе обусловлена следующими факторами:

1) Внутренняя логика развития таксиологии. Углублённое изучение межкатегориальных связей закономерно требует последующего перехода к анализу внутренней структуры поля.

2) Дальнейшее развитие теории функционально-семантических полей. Описание внутренних механизмов синкретизма позволит проверить и уточнить принципы полевой организации грамматической семантики, разработанные в работах А.В. Бондарко и его последователей.

3) Перспектива для таксономической типологии. Выявление универсальных (основанных на семантической близости значений) и идиоэтнических принципов внутреннего синкретизма откроет новый ракурс для типологического сравнения языков, выходящего за рамки сопоставления отдельных значений.

Таким образом, фокус на *интракатегориальный синкретизм* представляет собой следующий логический этап в изучении таксиса, направленный на моделирование его внутренней системной архитектоники.

В современном немецком языке данное явление находит отчётливое воплощение в классе политаксисных предлогов (*bei, mit, durch*). Вводя предложный девербатив, они актуализируют не изолированное хронологическое значение, а устойчивые синкретические семантические комплексы, в которых ядерная таксисная семантика (прежде всего, одновременности) неразрывно сливается с периферийными значениями логико-обстоятельственной квалификации действия (инструментальности, кондициональности, каузальности и др.). Системный анализ данного феномена позволяет выявить глубинные механизмы семантической диффузии и категориальной гибридизации в грамматике.

Целью данного исследования является системное описание проявлений интракатегориального синкретизма на материале высказываний с предложными девербативами в немецком языке и установление факторов, детерминирующих формирование конкретных семантических комплексов.

Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи:

1) определить корпус немецких политаксисных предлогов, выступающих основными маркерами интракатегориального синкретизма в сфере таксиса;
2) выделить и классифицировать типы образуемых ими секундарно-таксисных семантических комплексов (модально-таксисный, инструментально-/медиально-таксисный, кондиционально-таксисный, каузально-таксисный);
3) установить факторы, детерминирующие актуализацию конкретного типа семантического комплекса в высказывании.

Объектом исследования выступают грамматические конструкции современного немецкого языка, организованные вокруг ядра *политаксисный предлог + предложный девербатив* (например, *beim Anblick, mit Nicken, mit Lachen, durch Ziehen, durch Drehen*).

Предметом исследования являются семантические механизмы интракатегориального синкретизма, обеспечивающие кумуляцию таксисного значения с логико-обстоятельственными смыслами в рамках данных конструкций, а также закономерности реализации конкретных секундарно-таксисных комплексов.

Эмпирическую базу исследования составили высказывания с предложными девербативами, отобранные методом целевой выборки из Немецкого электронного словаря (DWDS). Использование корпусных данных обеспечивает репрезентативность материала и достоверность наблюдений над реальным языковым употреблением.

Методологическую основу составляет функционально-семантический подход, позволяющий рассматривать грамматические явления в единстве их формы, семантики и функции. В работе применяется комплекс взаимодополняющих методов: 1) гипотетико-дедуктивный метод для формулировки и последующей верификации исходной гипотезы; 2) ономасиологический и семасиологический подходы для анализа «от семантики к средствам её выражения» и «от средств выражения к их семантике»; 3) описательно-аналитический и контекстуальный методы для выделения, классификации и интерпретации семантических комплексов.

Работа вносит концептуальный вклад в общую теорию грамматического и семантического синкретизма, аргументированно демонстрируя на конкретном материале, что синкретизм является не маргинальным феноменом, а фундаментальным и системообразующим свойством языка, обеспечивающим экономичную интеграцию смыслов. Полученные выводы обладают значительным междисциплинарным потенциалом, представляя интерес для дальнейших изысканий в грамматической и лексической семантике, когнитивной лингвистике, а также для контрастивных исследований и прикладных областей лингводидактики. Практическая ценность исследования связана с возможностью использования результатов исследования в вузовской практике преподавания теории языка и функциональной грамматики.

Основная часть. В контексте данного исследования синкретизм понимается как свойство языкового знака кумулировать в себе признаки нескольких семантических категорий, образуя устойчивый гибридный комплекс. *Интракатегориальный синкретизм в сфере таксиса* проявляется в неразрывном соединении ядерного хронологического значения (например, одновременности) с периферийными значениями логико-обстоятельственной квалификации. Носителями этого синкретизма выступают политаксисные предлоги — полисемичные единицы, чья гетерогенная семантика позволяет им функционировать в различных зонах функционально-семантического поля. Их ключевая характеристика — поливариантность, то есть способность выступать маркером разных типов отношений в зависимости от контекста. В немецком языке ядро данной группы образуют предлоги *bei, mit, durch*. Их синкретическая природа заключается в том, что, вводя предложный девербатив, они задают для главного действия не просто временной ориентир, но и его качественную модификацию: способ, условие, причину или средство осуществления. Возникающее таксисное значение является вторичным, сопутствующим (секундарно-таксисным), но обязательным компонентом семантики высказывания.

На основе анализа контекстов употребления можно выделить следующие базовые типы секундарно-таксисных семантических комплексов, образуемых политаксисными предлогами: 1) модально-таксисный комплекс; 2) инструментально- и медиально-таксисный комплексы; 3) кондиционально-таксисный комплекс.

Модально-таксисный комплекс формируется предлогом *mit* и указывает на образ глагольного действия или характер/манеру его протекания. Девербативы относятся к семантическим классам психических состояний, эмоциональных реакций, кинетических проявлений и соматических обозначений (*Schnurren, Nachdenken, Schweigen, Lachen, Nicken, Kopfnicken, Winken, Kopfschütteln, Zittern, Zagen*). Например:

(1) Sie lässt sich gern streicheln und zeigt ***mit lautem Schnurren****, wie gut ihr diese Zuwendung gefällt. (DWDS) — Ей нравится, когда ее гладят, и она показывает, насколько ей нравится это внимание,* ***громким мурлыканьем****.*

(2) Die Fachwelt hatte die Kontroverse ***mit Schweigen und Kopfschütteln*** *verfolgt. (DWDS) — Научное сообщество следило за этой полемикой* ***молчанием и качанием голов****.*

(3) ***Mit Zittern und Zagen*** *dachte ich an das "Vogelhäuschen" bei der Scheune. (DWDS) –****С трепетом и волнением*** *я подумал о «скворечнике» возле сарая.*

(4) Ich verbringe sie meist allein, ***mit Nachdenken*** *(DWDS) — Обычно я провожу их в одиночестве,* ***размышляя****.*

Инструментально- и медиально-таксисный комплексы эксплицируются предлогами *mit* и *durch*. Разграничение между инструментальным (конкретное орудие/физическое действие) и медиальным (абстрактное, «непредметное» средство, часто жест или звук) значениями часто носит диффузный характер. Предлог *durch* тяготеет к более конкретным инструментальным значениям. Ср.:

(5) Die Festigkeitszunahme der Drähte ***durch das Ziehen*** *bei der Herstellung ermöglichte leistungsfähigere Tragkabel als bei Verwendung von Tragketten. (DWDS) — Повышенная прочность проволок* ***за счет вытяжки*** *в процессе изготовления позволила создать более эффективные опорные тросы, чем при использовании опорных цепей.*

(6) ***Durch das Drehen der Trommel****, z. B. durch einen Elektromotor, wird der entstehende Luftstrom laufend abgeschnitten und erzeugt einen Ton (DWDS) —* ***При вращении барабана****, например, с помощью электродвигателя, поток воздуха непрерывно прерывается, что приводит к возникновению звука.*

(7) ***Durch das Öffnen des Verschlusses*** *wurde der Abzug gespannt. (DWDS) –* ***Открытие застежки*** *взводило курок.*

(8) ***Durch das Pressen*** *und den niedrigen Wasser-Zement-Wert entsteht eine robuste, porenarme Fliese mit einer widerstandsfähigen Oberfläche. (DWDS) —* ***Процесс прессования*** *и низкое водоцементное соотношение позволяют получить прочную, малопористую плитку с долговечной поверхностью.*

(9) ***Mit Lachen*** *reagierte der Kanzler auf Proteste in Göttingen. (DWDS) — Канцлер отреагировала на протесты в Геттингене* ***смехом****.*

(10) Sie antwortet ***mit Schweigen****, was Art dazu veranlasst, sie zu bitten, ihm zu versichern, dass sie ihn immer noch lieben wird und fragt danach, ob er seine Karriere beenden kann (DWDS) — Она отвечает молчанием, побуждая Арта попросить ее заверить его, что она все еще будет любить его, а затем спрашивает, может ли он завершить свою карьеру.*

(11) ***Mit Kopfnicken*** *bestätigten sie alle Vorwürfe (DWDS). — Они подтвердили все обвинения* ***кивком головы.***

Примеры (5–8) демонстрируют канонический инструментальный комплекс (ИК), где предлог *durch* вводит непосредственную физическую причину или технологическую операцию, приводящую к результату. Во всех случаях предлог маркирует агентно-инструментальную или процессуально-причинную роль. Средство является необходимым и достаточным условием для наступления результата в рамках описываемой физической или технологической системы. Это ядерные значения ИК.

Примеры (9–11) иллюстрируют медиальный комплекс (МК), где *mit* вводит сопутствующий модус или некоторый символический акт, являющийся формой проявления основного действия. Средство, вводимое предлогом *mit*, не вызывает результат по принципу физической каузации, а конституирует внутренний способ осуществления или знаковое содержание самого действия, выраженного глаголом (*reagieren, antworten, bestätigen*). Это ядерные значения МК.

Системное различие между ИК и МК в немецком языке, эксплицируемыми *durch* и *mit*, заключается в типе семантического отношения: 1) ИК (*durch*) кодирует каузативно-инструментальное отношение (А происходит благодаря/в результате В); 2) МК (*mit*) кодирует модусно-комитативное отношение (А совершается в форме/сопровождаясь В).

Диффузность возникает не из-за семантической тождественности предлогов, а из-за возможности концептуализации одной и той же денотативной ситуации либо как цепочки причинно-следственных событий (склоняющейся к ИК), либо как единого сложного действия с его внутренней формой (склоняющейся к МК). Приведенные примеры демонстрируют ядерные реализации, где выбор предлога и конструкции однозначно задаёт инструментальную (5–8) или медиальную (9–11) интерпретацию.

Кондиционально-таксисный комплекс актуализируется предлогом *bei.* Действие или событие, обозначенное девербативом, трактуется как условие или предпосылка, при которой осуществляется главное действие глагольного предиката. Часто маркируется кондициональными актуализаторами (*erst, nur, genauer, näher, oberflächlich*). Например:

(12) ***Beim genauen Hinsehen*** *stellt sich heraus, daß lediglich eine Gewinnchance besteht. (DWDS) —* ***При ближайшем рассмотрении*** *оказывается, что есть только один шанс на победу.*

(13) ***Bei oberflächlicher Betrachtung*** *scheint ein Brief von seinem Freund Paolo Gualdo an Galilei vom 6. Mai 1611 zu bestätigen, dass sich unter denen, die die Beobachtung mit dem Teleskop ablehnten, auch Cremonini befand … (DWDS) —* ***На первый взгляд****, письмо его друга Паоло Гуальдо Галилею от 6 мая 1611 года, похоже, подтверждает, что Кремонини был среди тех, кто отвергал наблюдения с помощью телескопа …*

(14) ***Bei genauem Beobachten der letzten Szenen*** *fällt auf, dass Mr. Hyde ausschließlich mit dem rechten Arm agiert. (DWDS) —* ***При внимательном рассмотрении финальных сцен*** *становится видно, что мистер Хайд пользуется только правой рукой.*

Приведённые контексты (12–14) демонстрируют каноническую актуализацию кондиционально-таксисного комплекса посредством конструкции *bei + девербатив*. Семантика данной конструкции формируется на пересечении двух категориальных планов: таксиса (временной соотнесённости действий) и кондициональности (условного отношения). Предлог *bei* изначально маркирует отношение одновременности, а девербатив (*Hinsehen, Betrachtung, Beobachten*) обозначает фоновый процесс, в темпоральных рамках которого разворачивается основное действие, выраженное финитным глаголом (*stellt sich heraus, scheint … zu bestätigen, fällt auf*). Таким образом, базовая таксисная схема — одновременность зависимого и главного действий/процессов.

Фоновый процесс девербатива реинтерпретируется не просто как временной фон, а как необходимое условие или предпосылка, при наличии которой только и становится возможным или актуальным главное действие/событие. Прилагательные-актуализаторы (*genau, oberflächlich*) выполняют функцию модификации условия. Так, конструкция genaues *Hinsehen/Beobachten (точное, внимательное рассмотрение/наблюдение)* маркирует условие как требующее определённого качества для наступления корректного результата. Конструкция *Oberflächliche Betrachtung (поверхностное рассмотрение),*

напротив, указывает на условие, ведущее к вероятному, но потенциально ошибочному выводу. Эти актуализаторы сужают и квалифицируют кондициональную рамку, делая связь между двумя событиями не просто реальной, а квалификативно-обусловленной.

Итак, в анализируемых примерах (12–14) предлог *bei* грамматикализует сложное синкретичное значение, в котором таксисное значение одновременности служит семантической основой для выдвижения на передний план кондиционального значения. Девербатив обозначает действие-условие, а главный предикат — действие-следствие, актуализируемое именно в рамках этого условия. Кондициональные актуализаторы (*genau, oberflächlich*) выступают операторами, уточняющими свойства и достаточность данного условия для реализации следствия.

Каузально-таксисный комплекс выражается предлогами *bei, durch*. Состояние или восприятие, названное девербативом, интерпретируется как непосредственная причина главного действия, события или психического/физиологического состояния. Например:

(15) Perseus entbrennt in Liebe ***beim Anblick der Andromeda*** *und vergisst fast, mit den Flügeln zu schlagen. (DWDS) — Персей влюбляется* ***при виде Андромеды*** *и почти забывает махать крыльями.*

(16) Yōzo gerät ***durch den Anblick dieser grausamen Szene*** *in Angststarre, ihm wird übel und er murmelt nur vor sich hin, das sei eben so bei den Menschen. (DWDS) — Ёдзо парализован страхом,* ***увидев эту ужасную сцену****; его тошнит, и он бормочет себе под нос, что так устроены люди.*

(17) Eines Tages wird sie ***beim Anschauen eines besonders brutalen Videos*** *bewusstlos. (DWDS) — Однажды она теряет сознание* ***во время просмотра особенно жестокого видео.***

Представленные примеры (15-17) иллюстрируют актуализацию каузально-таксисного комплекса, в котором базовое таксисное отношение одновременности, выражаемое предлогами *bei* и *durch*, переосмысляется как отношение непосредственной каузации. Девербативы (*Anblick, Anschauen*) обозначают не просто фоновый процесс, а перцептивное или эмоциональное событие, являющееся триггером для последующей физиологической или психоэмоциональной реакции, выраженной главным предикатом. Семантический механизм заключается в следующем: предлоги *bei/durch* изначально задают таксисную рамку одновременности между действием-восприятием и действием-реакцией. Однако в данных контекстах акцент смещается с темпорального соположения на неразрывную причинно-следственную связь, где восприятие выступает прямой и достаточной причиной наступления состояния. Это классический случай синкретизма, где таксис служит семантической основой для импликации каузальности. Различие в выборе предлога (*bei vs. durch*) коррелирует со степенью каузальной силы и характером связи. Предлог *bei* (примеры 15, 17) маркирует каузацию как непосредственное, почти рефлекторное следствие, возникающее в момент восприятия. Связь носит ситуативный и психологически обусловленный характер: любовь (*entbrennt in Liebe*) и потеря сознания (*wird bewusstlos*) представлены как почти автоматические реакции *при виде* (*beim Anblick*) и *при просмотре (beim Anschauen).* Каузальность здесь вытекает из самой ситуации одновременного восприятия. Предлог *durch* (пример 16) акцентирует более сильную и фатальную причинно-следственную цепь. Конструкция *durch den Anblick* подчеркивает, что вид ужасающей сцены является не просто фоном, а действующим агентом, приводящим к тяжелому психофизиологическому результату (*gerät in Angststarre, wird übel*). *Durch* чаще эксплицирует каузальность, имеющую характер почти физического воздействия или непреодолимой силы.

Итак, в анализируемых контекстах (15–17) девербативы с предлогами *bei/durch* формируют синкретичный комплекс, в котором таксисное значение одновременности семантически переопределяется как условие каузальной связи. Перцептивное событие, выраженное девербативом, интерпретируется не как сопутствующее, а как инициирующее, что делает данную конструкцию специализированным средством для описания прямых психофизиологических реакций на стимулы.

Таким образом, актуализация того или иного типа комплекса подчиняется принципу семантической детерминации, основанной на: 1) прототипической семантике предлога (например, локативно-обстоятельственная основа *bei* предрасполагает к каузальным и кондициональным комплексам); 2) лексико-семантическом классе девербатива (девербативы восприятия *Anblick, Anschauen* тяготеют к каузальным комплексам; девербативы физического действия *Drücken, Ziehen* — к инструментальным); 3) наличию специализированных актуализаторов в контексте (квалификативные прилагательные, частицы), которые сдвигают интерпретацию в сторону конкретного типа обусловленности.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что внутрикатегориальный синкретизм представляет собой не маргинальное, а системообразующее свойство функционально-семантической категории таксиса в немецком языке. Политаксисные предлоги *bei, mit, unter, durch* функционируют как узлы семантической диффузии, обеспечивая устойчивую и регулярную кумуляцию ядерного значения хронологической соотнесенности (прежде всего, одновременности) с широким спектром периферийных значений логико-обстоятельственной квалификации действия. Возникающие в результате секундарно-таксисные семантические комплексы (модальный, инструментально-медиальный, кондициональный, каузальный) формируют устойчивый функционально-семантический континуум, где таксисная связь выступает обязательным, но не самодостаточным компонентом более сложного квалификативного целого.

Данное явление имеет глубокие системно-языковые основания. Оно является закономерным следствием полисемии предлогов, коренящейся в их прототипических пространственно-обстоятельственных значениях, которые в процессе грамматикализации и семантической абстракции стали источником для развития вторичных темпоральных и, далее, логических смыслов.

Конкретная реализация того или иного синкретического комплекса в высказывании не является произвольной, а представляет собой результат детерминированного выбора, регулируемого трехуровневым механизмом взаимодействия: 1) инвариантной (прототипической) семантики предлога, задающей вектор интерпретации; 2) лексико-семантических свойств девербатива, активирующих соответствующие зоны семантического потенциала предлога; 3) контекстуальных маркеров (квалификаторов, частиц, общей пропозициональной рамки), выполняющих функцию конкретизатора или актуализатора одного из возможных смыслов.

Таким образом, интракатегориальный синкретизм в сфере таксиса демонстрирует высокую степень системной упорядоченности и семантической мотивированности, отражая фундаментальную способность языка к экономичному выражению сложных смысловых отношений в рамках компактных грамматико-лексических конструкций.

Дальнейшая разработка проблемы интракатегориального синкретизма в немецком таксисе видится в реализации нескольких взаимосвязанных исследовательских программ. Во-первых, типологическое и контрастивное измерение предполагает выход за пределы немецкого языка для верификации универсального характера выявленных закономерностей. Представляется перспективным сопоставительный анализ

политаксисных предлогов в германских языках (например, немецкого *bei, mit* с английскими *by, with* или нидерландскими *bij, met*) с целью выявления как общего семантического инварианта, так и идиоэтнических различий в структурализации секундарно-таксисных комплексов. Особый интерес представляет сопоставление с языками, имеющими иные стратегии маркирования зависимого таксиса (например, славянскими деепричастиями или тюркскими конвербами), что позволит уточнить таксономический статус предложно-девербативных конструкций в универсальной типологии таксиса. Во-вторых, диахроническое исследование должно быть направлено на реконструкцию путей грамматикализации и семантической эволюции предлогов *bei*, *mit*, *durch*. Необходимо проследить, как происходит трансформация их прототипических пространственных значений (локативность, комитативность, транзитивность) во вторичные темпоральные и, далее, в абстрактные логико-обстоятельственные смыслы, формирующие современные синкретические комплексы. Такой диахронический анализ позволит построить модель семантической деривации и выявить когнитивные механизмы, лежащие в основе категориальной гибридизации. В-третьих, дискурсивно-прагматический анализ предполагает расширение эмпирической базы за счет материалов различных типов дискурса (научного, публицистического, разговорного, художественного). Это позволит не только верифицировать частотность различных типов синкретических комплексов, но и выявить их дискурсивную специализацию и прагматический потенциал. Важно установить, как выбор конкретного комплекса связан с коммуникативной стратегией говорящего, с категориями информационной структуры высказывания (тема-рематическое членение) и с типами речевых актов.

В-четвертых, когнитивное моделирование открывает перспективу интерпретации выявленных синкретических комплексов как языковых коррелятов определенных когнитивных структур (фреймов, сценариев, пропозициональных схем). Исследование концептуальной основы, объединяющей такие, казалось бы, разнородные смыслы, как одновременность, условие, причина и способ действия, позволит выйти на глубинный уровень категоризации опыта и понять, почему именно данные семантические комплексы оказываются устойчивыми и воспроизводимыми в языке. Прикладной аспект исследования связан с возможностью использования его результатов в лингводидактике (при обучении немецкому языку как иностранному) и в лексикографической практике. Учет синкретической природы политаксисных предлогов и правил актуализации их значений необходим для создания более адекватных грамматических описаний и словарных статей, отражающих не изолированные значения, а семантические потенции языковых единиц. Комплексная реализация обозначенных перспектив будет способствовать формированию целостной теории грамматического синкретизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова И.В. Категория таксиса как семантический фокус межкатегориального взаимодействия / И.В. Архипова // Вестник Удмуртского университета. серия: История и филология. — 2025. — Т. 35. № 2. — С. 447–451. — DOI: https://doi.org/10.35634/2412-9534-2025-35-2-447-451.
2. Архипова И.В. Немецкие девербативы: от таксисных функций к их актуализации / И.В. Архипова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2023. — № 4. — С. 82–93.
3. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. — Изд.7-е. — М. : ЛЕНАНД, 2017. — С. 234–242.
4. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики / А.В. Бондарко. — М. : Языки славянских культур, 2011. — 488 с.

5. Донченко Е.В. Категория таксиса и анализ аспектуально-таксисных ситуаций с атрибутивным придаточным во французском языке / Е.В. Донченко // Гуманитарные исследования. — 2020. - № 4 (76). — С. 45–51. — DOI 10.21672/1818-4936-2020-76-4-044-050.
6. Ивонина М.Ю. Нефинитные глагольные формы как способ актуализации таксиса в романских языках / М.Ю. Ивонина // Евразийский гуманитарный журнал. — 2024. — № 2. — С. 75–82.
7. Коцкова Я. Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском языках // Я. Коцкова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2019. — Т.3. № 15. — С. 87–110.
8. Макаров И.М. Причастия прошедшего времени на -ган как средство выражения таксиса (на материале татарского языка) / И.М. Макаров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18. № 2. — С. 460–464.
9. Недялков В.П. Типологические и сопоставительные аспекты зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) / В.П. Недялков, Т.А. Отаина // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. — Изд. 7-е. — М. : ЛЕНАНД, 2017. — С. 296–319.
10. Недялков И.В. Зависимый таксис в разноструктурных языках: значения одновременности/предшествования/следования / В.П. Недялков // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность. — Спб. : Изд-во «Наука», 2003. — С. 156–173.

REFERENCES

1. Arhipova I.V. (2025). Kategoriya taksisa kak semanticheskij fokus mezhkategorial'nogo vzaimodejstviya [The category of taxis as a semantic focus of intercategorical interaction]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. seriya: Istoriya i filologiya. [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology], 2 (35), 447–451. DOI: https://doi.org/10.35634/2412-9534-2025-35-2-447-451 (In Russian).
2. Arhipova I.V. (2023). Nemeckie deverbativy: ot taksisnyh funkcij k ih aktualizacii [German deverbatives: from taxis functions to their actualization]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology], 4, 82–93. (In Russian).
3. Bondarko A.V. (2017). Obshchaya harakteristika semantiki i struktury polya taksisa [General characteristics of the semantics and structure of the taxis field]. Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis [Theory of functional grammar: introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Izd.7-e. M.: LENAND (pp. 234–242). (In Russian).
4. Bondarko A.V. (2011). Kategorizaciya v sisteme grammatiki [Theory of functional grammar: introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur (488 p). (In Russian).
5. Donchenko E.V. (2020). Kategoriya taksisa i analiz aspektual'no-taksisnyh situacij s atributivnym pridatochnym vo francuzskom yazyke [The category of taxis and the analysis of aspectual-taxis situations with an attributive clause in French]. Gumanitarnye issledovaniya [Humanitarian Studies], 4 (76), 45-51. DOI: 10.21672/1818-4936-2020-75-3-080-086. (In Russian).
6. Ivonina M.YU. (2024). Nefinitnye glagol'nye formy kak sposob aktualizacii taksisa v romanskih yazykah [Non-finite verb forms as a way of actualizing taxis in Romance languages]. Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal], 2, 75–82. (In Russian).
7. Kockova YA. (2019). Nelichnye formy glagola kak sredstva vyrazheniya taksisa v russkom i cheshskom yazykah [Impersonal verb forms as a means of expressing taxis in Russian and Czech]. Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskih issledovanij [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute of Linguistic Research], 15 (3), 87–110. (In Russian).
8. Makarov I.M. (2025). Prichastiya proshedshego vremeni na -gan kak sredstvo vyrazheniya taksisa (na materiale tatarskogo yazyka) [Past participles in -gan as a means of expressing taxis (based on the Tatar language)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Theoretical and practical issues], 2 (18), 460–464. (In Russian).
9. Nedyalkov V.P., Otaina T.A. (2017). Tipologicheskie i sopostavitel'nye aspekty zavisimogo taksisa (na materiale nivhskogo yazyka v sopostavlenii s russkim) [Typological and comparative aspects of dependent taxis (based on the Nivkh language in comparison with Russian)]. Teoriya funkcional'noj grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis [Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Izd. 7-e. M.: LENAND (pp. 296–319). (In Russian).
10. Nedyalkov I.V. (2003). Zavisimyj taksis v raznostrukturnyh yazykah: znacheniya odnovremennosti/predshestvovaniya/sledovaniya [Dependent taxis in languages with different structures: the meanings of simultaneity/precedence/following]. Problemy funkcional'noj grammatiki: Semanticheskaya invariantnost'/variativnost' [Problems of functional grammar: Semantic invariance/variability]. Spb.: Izd-vo «Nauka» (pp. 156–173). (In Russian).

Поступила в редакцию 05.02.2026 г.

INTRACATEGORIAL SYNCRETISM IN GERMAN TAXIS

I.V. Arkhipova

This article examines the manifestations of intracategorial syncretism within the functional-semantic category of taxis in modern German. The object of analysis is polytactic prepositions (bei, mit, durch), which, by introducing prepositional deverbatives, form not isolated meanings of temporal correlation, but syncretic semantic complexes integrating taxis with modal, instrumental, conditional, or causal qualifications of verbal action. The work objective is to provide a systematic description of these complexes and the factors that actualize them. Using examples obtained through targeted sampling from the German Digital Dictionary (DWDS), functional-semantic analysis is used to identify and classify the main types of secondary-tactic semantic complexes (modal, instrumental-medial, conditional, and causal). It is demonstrated that the polysemy of these prepositions is systemic and is a key mechanism for the formation of hybrid categorial meanings. The realization of a specific complex is determined by the interaction of the prototypical semantics of the preposition, the lexical-semantic class of the deverbative, and contextual actualizers. It is concluded that intracategorial syncretism, explicated through polytactic prepositions, is not a peripheral, but a system-forming property of taxis in German.

Keywords: intracategorial syncretism, taxis, functional-semantic category, polytactic prepositions, prepositional deverbative, secondary-tactic semantic complex.

Архипова Ирина Викторовна.
Доктор филологических наук, доцент.
Новосибирский педагогический университет, Российская Федерация, г. Новосибирск.
Профессор кафедры романо-германских языков.
ORCID 0000-0002-0685-335X.
E-mail: irarch@yandex.ru.

Irina Viktorovna Arkhipova.
Doctor of Philology, Associate Professor.
Novosibirsk Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
Professor at Department of Romance and Germanic Languages.
ORCID 0000-0002-0685-335X.
E-mail: irarch@yandex.ru.

Научная статья
УДК 81’27
DOI: 10.5281/zenodo.19864700

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ: «РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЭПОХА» В ОПИСАНИИ А.М. СЕЛИЩЕВА (К 100-ЛЕТИЮ ЗАВЕРШЕНИЯ РАБОТЫ НАД ОДНОЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ КНИГОЙ)

©2026 *О.В. Никитин*
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет просвещения»
ORCID 0000-0003-2815-6691

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья приурочена к 140-летию со дня рождения выдающего русского слависта А.М. Селищева. Она построена как социолингвистический обзор-рефлексия идей ученого, выраженных в его книге «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)». Говорится о том, что в ней представлен и проанализирован богатый пласт газетно-публицистической лексики и терминологии, художественная литература и народные образы речи в непосредственных записях А.М. Селищева. Отражена уникальная коммуникативная ситуация в калейдоскопе языковых новаторств. Подчеркивается мастерство ученого в изображении «революционной эпохи», документальность исследовательского текста. В статье проводятся параллели с современным временем и теми новыми тенденциями в изучении реальных фактов языка, которые зафиксированы в СМИ и лексикографической практике последних лет. Особое внимание обращается на «коронавирусную эпоху» как еще один социокультурный «взрыв», приведший к рождению тысяч неологизмов. В статье используются следующие методы исследования: биографический, источниковедческий, текстологический, историко-лингвистический, персонологический, социолингвистический, лексикографический. Делается вывод об актуальности наследия А.М. Селищева в XXI в.

Ключевые слова: А.М. Селищев, язык революционной эпохи, коммуникативная практика, эмотивность, аббревиатура, семантика, словарь, социолингвистика.

Для цитирования: Никитин О.В. Языковой портрет времени: «революционная эпоха» в описании А.М. Селищева (к 100-летию завершения работы над одной легендарной книгой) / О.В. Никитин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 26–42. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19864700.

Введение. В плеяде выдающихся русских ученых первой половины XX столетия члену-корреспонденту АН СССР А.М. Селищеву (1886–1942) принадлежит особое место как новатору исследования «революционного» языка, увидевшему в нем ростки необычных явлений. Это парадоксальное культурное пространство он описал в книге «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)» [12], которая стала событием своего времени, во многом предопределившим будущее социолингвистики. Это тем более интересно, что по своему образованию А.М. Селищев был славистом: его интересы в начальном этапе научной биографии лежали преимущественно в изучении языка, этнографии и диалектов балканских стран (Македонии, Болгарии) [2]. Затем, в годы Гражданской войны, он преподавал в Иркутском университете, где активно занимался изучением местных говоров, истории и этноконфессиональной культуры старообрядчества, фактически став основоположником сибирской диалектологии. В 1920 г., после смерти

В.Н. Щепкина, Московский университет предложил уже тогда известному молодому ученому А.М. Селищеву занять вакантную должность заведующего кафедрой славянской филологии. Вскоре, в 1922 г., он переехал в столицу [4]. Вся дальнейшая его деятельность с небольшим перерывом, когда А.М. Селищев находился в ссылке [1], была сосредоточена в московских университетах и учреждениях [7]. Но как можно понять из подзаголовка книги, работу над ней он начал раньше, по крайней мере в 1917 г., и продолжал увлеченно наблюдать «революционный» новояз целые 10 лет.

В год 140-летия А.М. Селищева мы вспомним эту легендарную книгу не только памятник эпохи, запечатлевший язык того смутного времени, но и расскажем о том, какую роль она опосредованно играет в наши дни. Эта перекличка идей, образов, имен и событий очевидна.

Актуальность и новизна исследования. Актуальность исследования заключается в необходимости воскрешения отечественной классики и ее изучения в контексте формирования лингвистической традиции XXI в. Новизна состоит в изучении ценного памятника лингвистической мысли с точки зрения авторской рефлексии изложенных в нем идей и их сопоставления с современными достижениями.

Основной **задачей** статьи является анализ языкового портрета времени и рецепция личности А.М. Селищева как основоположника нового направления в науке сквозь призму социолингвистических идей прошлого и настоящего.

Материал и метод исследования. Материалами исследования являются текст книги А.М. Селищева и современные словари, изучающие социолингвистическую специфику времени. «Язык революционной эпохи…» оценивается нами не только как уникальный научный источник, но и собрание языковых фактов, отражающих коммуникативную ситуацию. Основным методом исследования является социолингвистический, позволяющий рассматривать разные единицы текста с позиции их представленности в речевой и лексикографической практике реальных участников коммуникации.

Основная часть. Первая четверть XX века — время очередных перемен в русской культуре и в ее коммуникативном пространстве. Это эпоха, в которую происходили кардинальные изменения в истории и социальной жизни России, приведшие к трансформации языка. Большое влияние на формирование новой политики оказывали революционные деятели, пролетарские писатели и публицисты, печать, транслировавшие неожиданные инициативы. Их речи, выступления, призывы стали лозунгами времени и получили новое осмысление в книге А.М. Селищева «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)» [12]. Она, как зеркало, стала отражением культурного кода эпохи за десять лет после революции. В то же время — и об этом писал автор — язык меняли оратор, рабочий и любой коллектив. Говоря по-современному, происходила словесно-культурная конвергенция. Ученый отмечал, что «в социальной жизни огромное значение принадлежит процессу подражания, взаимного внушения…» — то же происходит «и в языковой деятельности» [12, с. 9].

А.М. Селищев употребил в данном контексте лексему *приноравливает* (ср. далее термин *коррегирует*) применительно к тому, как происходило это приспособление к речевой экспрессии окружающей среды, обращая особое внимание на быструю реакцию «зумеров» 1920-х гг.: «В особенности велико значение молодого поколения в усвоении и распространении языковых новшеств своего времени. Энергичность и интенсивность сношений с носителями новшеств, обостренная восприимчивость новых веяний, переживаемых в данное время, способность приспособления органов речи

к производству новых звуков, свойственная юношескому и в особенности детскому возрасту, — всё это обусловливает усвоение новшеств в языковой деятельности» [12, с. 10]. Все наши *агриться, нормис, кринж, токсик* и им подобные не возникли ниоткуда. По «теории поколений» историка У. Штрауса и писателя Н. Хоу, «поколение зумеров — это художники (sic!). Они похожи на своих предшественников, рожденных в 1920–1930-х годах, которые взрослели в период Второй мировой войны и адаптировались к серьезным изменениям мира» [16].

Рисунок 1. А.М. Селищев на отдыхе под Москвой в санатории «Узкое».
Фрагмент рисунка художника-графика М.А. Доброва. 1923 г. (РГАЛИ. Ф. 2432. Оп. 1. № 74. Л. 19)

Книга А.М. Селищева необычна и по построению, и по замыслу, и по своей лингвистической откровенности. Никакое другое научное исследование того времени не читается так эмоционально, как эта работа. Идеи ученого находились на перекрестe разных лингвистических взглядов и направлений: от соссюровского и бодуэновского до социологических взглядов Питирима Сорокина и Эмиля Дюркгейма. И все же главное в ней заключается не в теоретизировании и попытке сформулировать свои постулаты, а в *живом* наблюдении над языком и обзоре многих интересных явлений «революционной эпохи». Мы лишь тезисно перечислим их, опираясь на главы этой ценной книги: «энергичная языковая деятельность», сильное влияние иноязычной стихии на формирование новой литературно-языковой традиции, присутствие в речи канцеляризмов и архаических элементов, отражение военных действий и партийной борьбы в языковом творчестве народа, эмоциональная насыщенность речи, многочисленные номинативные образования, смешение языка города и деревни и др.

Размышлял А.М. Селищев и о проблемах функционирования русского языка у «национальных меньшинств» — зырян, мордвы, чувашей, немцев, румын.

На страницах книги А.М. Селищев часто использовал стихотворные сюжеты — это своего рода культурная перекличка символов времени, с помощью которых можно было объяснить ситуацию в стране, показать отношение обычных людей к происходившим событиям. Так, например, он привел колоритный поэтический памфлет А.И. Безыменского:

Докладчики бывают тоже!
Эх, ты, губкомовец в пенснах!
Как будто лезет он из кожи,
Чтоб «измами» стереть нас в прах.
Слова, что не взбредут на ум нам,
Он так и жарит, так и прет…
(Пока он быть стремится умным,
Позевки раздерут нам рот)… [12, с. 54].

Этот контраст (будто бы «насмешка» автора, за которую его в начале 1930-х гг. порицали марристы) наблюдается очень часто: «Рабочие хотят как можно проще и глубже понять, что делается сейчас в Англии. Засыпают записками, а наши докладчики “стараются” во всю. “Политическая атмосфера”, “кунктаторская тактика”, “перспективы” и т.д. Недаром некоторые поговаривают: — Говорит непонятно — значит, большевик» [12, с. 55].

Обычно ученые анализируют историческое прошлое языка: древние рукописи, богослужебную и деловую литературу, художественные тексты — так было во времена А.М. Селищева, когда он только поднимался по тропе науки. Эта традиция существовала в дореволюционной филологической практике. И вдруг такой неожиданный поворот: А.М. Селищев стал «пионером социолингвистики» — о нем заговорили как о летописце эпохи… Он зафиксировал на бумаге *настоящее*, чем вызвал переворот в языковедческом мышлении современников. Известный лингвист-полиглот Е.Д. Поливанов писал в рецензии на «Язык революционной эпохи…»: «Я не ошибусь, если скажу, что книгу Селищева ожидали с нетерпением и возлагали на нее большие надежды именно те, кто считал, что лингвистика должна откликнуться на явления революционной современности, и кто настаивал на необходимости социологического направления в советской лингвистике» [9, с. 135]. Изменения в обществе стали настолько очевидны, что не заинтересоваться ими было невозможно. А.М. Селищев отмечал, что языковая деятельность в то время получила мощный импульс — многочисленные речи произносились не только в учредительном и законодательном собраниях, но и во многих других местах — в скверах и на площадях, на фабриках и заводах: «На собраниях *зачитывают* то или иное предложение, ту или иную резолюцию. Там дают выборным лицам определенный *наказ*. Выборные лица обязаны *отчитываться* перед собранием» [12, с. 199]. Из речевых черт, проникших в заводскую среду, А.М. Селищев отметил присутствие характерных слов и выражений вроде *ибо, тем паче; ясно* и *определенно; ставить / проделать работу; сугубое внимание; забаррикадировать* и т.д. [12, с. 201–202]. Показательно, что в случае передачи заимствований в речи рабочих обнаруживаются диалектные элементы, связанные с недостаточно правильным усвоением фонетики: *диссиплина, квалисцырóванный, экскурсья, дихтатура* и проч. [12, с. 204–205]. Ученый приводил и любопытные наблюдения над словесной практикой: «В комсомольской среде мужская часть молодежи называется “*парни*”, а женская “*девчата*” или “*девушки*” (реже). В ед.ч. получила распространение украинская форма:

“*д’ивчина*”. — *Дивчина* видно дельная. Эта *дивчина* может повести работу среди *девчат*, может в т я г и в а т ь беспартийных *девушек* в комсомол» [12, с. 206].

Преобразования в политическом строе, экономике, коммуникативных отношениях, науке, искусстве повлияли не только на формирование нового литературного языка, но и проникли в деревню, в словесный быт крестьян. Публицистика 1920-х откликнулась на такие «интервенции» ироническими строфами. А.М. Селищев приводил следующий пример из стихотворения П.В. Незнамова «Деревня в газете» (1924):

Ведь там, о, словесный лес!
О, буераки и кочки!
И «синтез» зачем-то влез
И «вотум» повис на строчке [12, с. 55].

А.М. Селищев посвятил отдельный раздел тому, «как отразились революционные годы в языке деревни» [12, с. 210]. Среди основных особенностей он указал на непонимание крестьянами новых слов и их значений. Иногда процесс адаптации заимствования происходил на ассоциативном уровне — по созвучию со знакомым им словом, например: *оккупация* — откупить, *декоративность* — дикое растение, *инициатива* — к.-н. национальность, *павильон* — старшее лицо, которое повелевает, *пленум* — плен, *продфронт* — против власти, *попустительство* — опустошение и др. [12, с. 211].

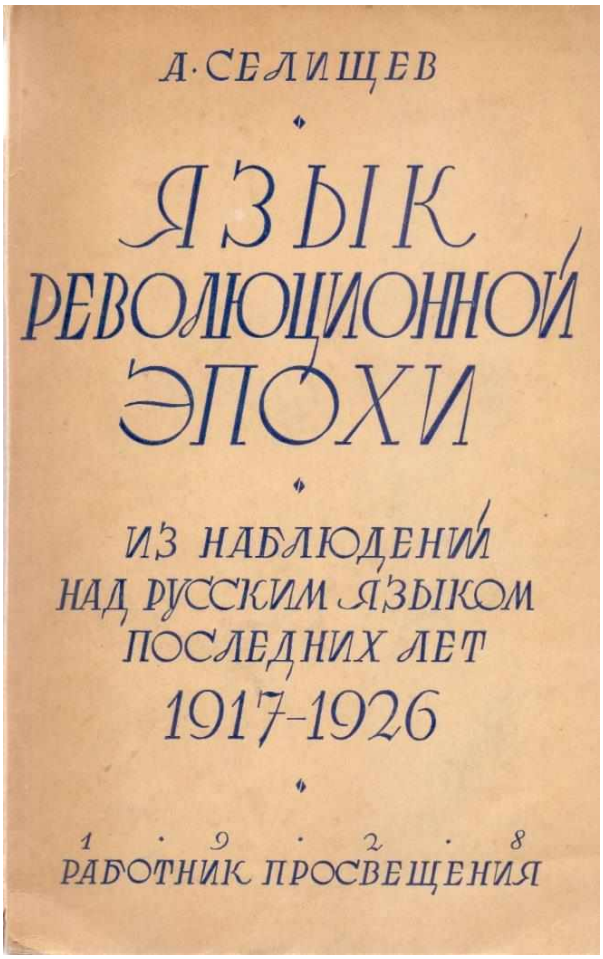

Рисунок 2. Обложка книги А.М. Селищева «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)» (М., 1928)

Другая черта их речи была связана с тем, что крестьяне, по мнению слависта А.М. Селищева, стали чаще бывать в городе, «внимательно всматриваться в бойкую жизнь его и усваивать манеры, а также речь горожан» [12, с. 212]. Это выразилось в приводимом им шуточном четверостишии:

Закручу ус колесом
Горячими щипчикам[и?],
Да с милою во лесок,
В кружевном лифчике [12, с. 212].

Отношение к новоязу у них неоднозначное, настороженное: «Язык деревенский — красочный, яркий и образный деревенский язык — портится. Поговоришь со стариком, — сердце радуется. Речь искрится, цветет, — настоящая земляная речь. Послушаешь молодого, — удивляешься. — “Постольку-поскольку”, “в общем и целом”, “констатируем”, “явный факт” и прочая ненужная бессмыслица» [12, с. 213].

Афанасий Матвеевич указывал, что революционные деятели придерживались краткости в речи и не останавливались на долгих описаниях предметов или действий, как это было в языке аристократов [12, с. 17]. Он отмечал, что язык стал проще, понятнее, но разве только из-за того, что его должны понимать все? Можем предположить, что многие изменения привносились в речь ораторами, которые старались сделать ее громогласной и эмоциональной. Выступления агитаторов подразумевают экспромтные слова, призывы, и вряд ли кто-либо из них смог бы «разжечь» толпу образными тропами и высоким стилем, хотя и такие элементы, а часто и церковнославянизмы, что парадоксально, присутствовали в революционной риторике. «Вы помните, как ваши комсомольцы возгорелись *гордыней*», «И *зиждется* последний завет Воровского», «И все это — *вотще*!» [12, с. 64–65], — цитировал ученый фрагменты из «Правды» (1925) и «Известий» (1925).

Язык революционной эпохи в некоторых своих художественно-изобразительных приемах иногда напоминал высокий стиль XVIII–XIX вв. Бесчисленные «говоруны» — политические деятели, писатели, публицисты, общественники того времени — прибегали к архаизмам и славянизмам для создания особой побудительной интонации в речи. Вот и в конце 1910-х — в 1920-е гг., писал А.М. Селищев, подобные явления были нередки. Например: «Либкнехт был арестован, избит, замучен. На *голгофе* пролетарской революции буржуазия *распяла* еще одного мученика–революционера!» [12, с. 126]. А.М. Селищев выделил четыре способа, которыми достигалась большая экспрессивность: 1) превосходная степень [12, с. 127] (*самым решительным образом*, *тяжелейшие испытания*); 2) словообразование с *архи-* [12, с. 128] (*архиважный*, *архибуржуазный*); 3) эпитеты величественности и колоссальности [12, с. 129] (*титанический*, *чудовищный*); 4) сочетания, приобщающие мир [12, с. 130] (*нигде в мире*, *коснулось всего мира*).

Он писал, что одной из форм эмоциональности в речи ораторов было повторение [12, с. 16] и приводил в пример высказывание Пьера Верньо: «Робеспьер, наконец, обвиняет нас в том, что мы вдруг стали у м е р е н н ы м и , фельянами. Мы — умеренные! Я не был им 10 августа, когда ты, Робеспьер, прятался в своем погребе! нет, [и т д.] Мы — умеренные! В чью пользу проявили мы великую умеренность? [и т.д.]... Мы — умеренные! Пусть нас благодарят за ту умеренность, которую нам вменяют в преступление» [12, с. 16]. С большой вероятностью повторение также придавало речи напористости и, конечно, помогало запомнить смысл всего выступления. Если проводить аналогию с нашим временем, то место «революционной редупликации» заняла ловкая реклама. Именно она стала одним из основных способов фиксации

внимания человека и передачи эмоций. Например, повторение названия фирмы, адреса и т.д. «Кажется, та фурындальная находилась на Ленина 25... Нет, она точно находилась на Ленина 25!», «Моторные масла «Rolf» — защита двигателя с первой секунды... Моторное масло «Rolf» [24].

Русский язык постоянно «атакуют» иностранные слова. Их распространение связано с новыми предметами, явлениями, процессами и пр., которым нужно давать название. Революционная эпоха не стала исключением. А.М. Селищев замечал, что настроение свободы в Российскую империю пришло из Франции, наполняя лексикон непривычными словами и выражениями: *петиция*, *декрет, экспроприация, национализация, коммуна, комиссар*. Стали использоваться характерные суффиксы: *-isme-* — рус. *-изм-,* -iste- — *-ист-, -iser-* — *-изировать, -isation* — *-изацuj(a)* и т.д.; префиксы *anti-* (*анти-*), *contre-* (*контр-*), *ultra-* (*ультра-*), *archi-* (*архи-*) [12, с. 22]. Схожие явления мы наблюдаем и сейчас. Активный всплеск таких словесных «образов» произошел в недавнюю «коронавирусную эпоху». Неравнозначным оказалось распределение таких слов в современном сегменте языка, если мы обратимся к этому времени. Суффикс *-изирова-* нам встретился в словах *куаризировать* [25, ч. 1, с. 348] и *уколизировать* [25, ч. 1, с. 493]. Более продуктивными оказались лексемы с формантами *-ирова-*: *квакцинировать, прочипировать, факцинировать* и т. п. Словоформы с префиксами *анти-*, *архи-*, *контр-* в полной версии «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» [25, ч. 1–2] вообще не зафиксированы. Но он задокументировал колоритные примеры новояза, в которых слышится селищевское эхо: *антиваксер, антикуаркодный, антимаскер, антимикроновка, антиперчаточник, антипри, антителец, антиукольщик* [25, ч. 1, с. 26–41] и мн.др. Мы насчитали 63 слова с приставкой *анти-*. И все они, может быть, за исключением лексемы *антисептик*, являются «революционными», то есть проникли в наш язык совсем недавно. В разделе «Словари» портала «Грамота.ру» *антисептик* указано как регулярное употребление в пяти словарях XXI в.: двух толковых, орфоэпического, орфографического и «Словаря трудностей русского языка» [17]. Значит, оно не является неологизмом. Более того, одна из первых фиксаций лексемы по материалам «Словаря современного русского литературного языка», относится к 1937 г. — с отсылкой к «Словарю иностранных слов» [26, т. 1, с. 190].

Интересно, что похожие явления мы наблюдаем сейчас. В «Словаре актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века» [20] приведены примеры, описывающие коммуникацию «сближения», «договоренностей» или «отдаления» и «неодобрения». Здесь и *амбассадор*, и *лайкнувший*, и *хайповать*, и *шиппинг*… Есть и почти «селищевские» *антибуллинг*, *антикарантинист, антикафе* («Общественное заведение для приятного времяпрепровождения (игр, общения, мастер-классов, прослушивания музыки и др.), где взимается поминутная плата за проведённое время, а не за блюда и напитки»), *антимоббинг* («Защита человека, который подвергается психологическому и / или физическому насилию в коллективе, проявляющемуся в травле его членами группы с целью вынудить к увольнению, уходу и др»), *античойсер* («Сторонник или участник общественного движения, которое выступает против абортов») и др. [20, с. 48–62]. Вечная проблема «свое» — «чужое» вспыхнула снова «жупелом» из комедии А.Н. Островского, от которого у его героини, купчихи, тряслись руки и ноги. По этому поводу в предисловии к «Словарю актуальной лексики…» В.М. Мокиенко справедливо писал: «Совсем недавно на страницах печати еще пылал спор о том, надо ли принимать в родную речь слово *компьютер*, если есть *вычислительная машина*, а теперь о нем больше никто не вспоминает [20, с. 4].

Вот и А.М. Селищев первым удивил своих читателей таким подробным и порой даже нелицеприятным, но правдивым и почти документальным изложением событий, которые отобразились в словах революционной эпохи. Это обстоятельство стало предметом травли ученого в Научно-исследовательском институте языкознания в 1932 г. Его директор М.Н. Бочачер, разбирая книгу «Язык революционной эпохи…», неистово клеветал на слависта, подставлял факты и не чурался самых резких выражений в его адрес, стремился опорочить честь выдающегося ученого. Можно сказать, что А.М. Селищев находился на эшафоте псевдонауки, дельцы которой записали его во враги Отечества. Директор института так начал свое выступление: «Проф. Селищев в своей книге “Язык революционной эпохи”, наподобие Аверченко, послал “12 ножей в спину революции”. Ленин расхваливал Аверченко, я тоже хвалю эту книгу Селищева. Я считаю, что эта книга талантлива по умению скрывать проводимые в ней враждебные нам идеи» [23, л. 51].

Какие только не сыпались обвинения в адрес А.М. Селищева: «социологизм опаснее открытого индоевропеизма» [23, л. 51]; «барское пренебрежительное отношение к рабочим» [23, л. 53]; «…Селищев повторяет тезис наших врагов, что мы имеем в нашей стране не диктатуру пролетариата, а диктатуру партии, диктатуру отдельных групп…» [23, л. 54]; «великодержавничество Селищева» [23, л. 57]; «Работы Селищева [–] это работы идеологического интервента» [23, л. 59] и т. д.

Приведем еще один фрагмент из выступления М.Н. Бочачера, чтобы показать атмосферу, в которой А.М. Селищеву приходилось работать и отстаивать свое мнение (а ведь он был далеко не рядовым лингвистом, а членом-корреспондентом АН СССР):

«Интересно отметить еще одно обстоятельство. Проф. Селищев для подтверждения языковых новообразований “революционной эпохи” приводит целый ряд примеров, взятых из наших газет “Правда”, “Известия” и т.д., но он подбирает свои доказательства очень умело. Кадетские “Последние Новости” также черпают информацию о советской действительности из советских газет, но при этом делается определенный подбор: собираются материалы определенного типа: тут лопнула домна, там промфинплан не выполнен, там имеется бюрократическое перерождение и т.д. Если читать все эти выдержки, подобранные из наших газет, то получится, что в нашей стране есть, что угодно, но только не социализм, не диктатура пролетариата, а господство бюрократов, сволочи и т. д. То же самое нужно сказать и про Селищева. Он, приводя примеры, подбирает их с таким содержанием, которое дает совершенно превратное представление о нашей действительности» [23, л. 54].

Часто обвинения в адрес А.М. Селищева носили голословный характер: приводимые его оппонентом цитаты вынимались из текста и произвольно истолковывались. Вот чем был, например, недоволен директор НИЯЗ: «Говоря о слове “толстовка”, Селищев “между прочим” пишет: “Теперь чрезвычайно редко можно встретить человека в сюртуке (вероятно, донашивает прежнее, за неимением другого костюма” (стр. 52)» [23, л. 55]. Однако далее ученый вполне корректно и без намека добавил: «*Толстовка* — наиболее распространенный вид одежды советского работника» [12, с. 52]. Но это предложение оппонент «на заметил». Читая документы «обсуждения», можно за автором книги употребить в качестве оценки тех событий слово, которое вошло в русский язык в то время: А.М. Селищев, упоминая о книжности некоторых новообразований и продуктивности суффикса *-изм*, приводил в одном ряду и такие лексемы: *большевизм, ленинизм, троцкизм, отзовизм, наплевизм…* [12, с. 52].

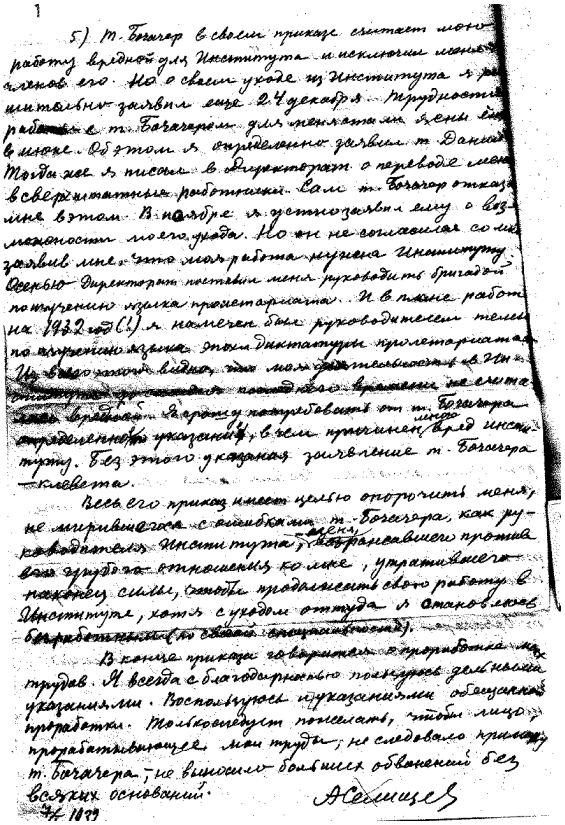

Рисунок 3. Письмо А.М. Селищева в Сектор науки Наркомпроса с протестом против исключения из состава действительных членов Научно-исследовательского института языкознания. Окончание. Автограф. (РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. № 143. Л. 32–33)

Ученый справедливо отмечал, что непонятные слова захватили умы простых людей. Отдельный раздел он посвятил языковым новшествам на фабрике и заводе. В этой среде он зафиксировал многочисленные канцеляризмы и штампы: *выявление квалификации молодежи, изживем безработицу, прорабатывать вопросы* и т.д. [12, с. 200–202]. Подчас происходило коверкание формы или ее не совсем удачное употребление. Так, вместо слова *задание* употреблялось *задаяние*, вместо *сплочение — сплощение*, вместо *нарекание — нарицание*, вместо *экзамен экзаменовка* [12, с. 204]. Автор книги отмечал, что заимствования не усваивались полностью — их просто было трудно произносить. Отсюда можно было услышать *сплаатировали*, *олектрофекац* (в деревенской среде), *страхкассыя* и т.п. [12, с. 205–206]. А.М. Селищев говорил: «Словарные новшества находят себе отклик в народной среде. Они относятся к ним отрицательно. Это — нерусские слова, непонятные. Перевод нужен... “Жуешь, жуешь и ничего не поймешь”» [12, с. 212]. Вот характерный пример деревенской интерпретации неологизмов: «…в нас *слыхи цыркулируют*», *ларивонный председатель, мелицея* и мн.др. [12, с. 213, 215].

И в настоящее время мы переживаем подобную ситуацию. Порой трудно понять, о чем говорится по радио и телевидению или в публикации в мессенджере. Одно незнакомое слово может разбить всю смысловую цепь. Например: «Как раскрыть потенциал банковской карты: чек-лист от Сбера» [19]; «...разных производителей и даже ритейлеров» [21]. Почему бы не выразиться ясно, по-русски словами *инструкция* и *продавец*?

А.М. Селищев писал, что в революционную эпоху появилось много необычных слов: *болтология*, *глупистика* [12, с. 53]; *юротат* (Южно-русское (sic!) общество торговли аптекарскими товарами), *лензото* (Ленское золотопромышленное товарищество) [12, с. 46] и т.д. Он обратил внимание на активное использование

аббревиации (*СССР, ВЦИК, ВЧК, НКВД* и т.д.). Подобные явления мы наблюдаем и в молодежном языке: *ИМХО, ДР, АФК* (англ. *away from keyboard*), МБ и прочие сокращения [28]. А.М. Селищев справедливо отмечал, что «события и обстоятельства революционного времени обусловили сильное изменение в области назывной, номинативной деятельности языка» [12, с. 156]. Это прежде всего *новообразования*. В книге он приводил длинный список сокращений разных способов: а) буквенные и аббревиатуры по начальным звукам: ВКП — вэкапэ = Всесоюзная Коммунистическая партия, ОДН — одээн = Общество «Долой неграмотность»; ВАПП — вап = Всероссийская ассоциация пролетарских писателей, ГУС — Государственный ученый совет, ЦИТ — Центральный институт труда [12, с. 158–159]; б) «произношение по начальным слогам слов, входящих в сложный термин», типа *агитпроп, военхозупр* — управление военного хозяйства, *Донбасс* — Донецкий бассейн, *женорг* — [руководитель, -ница] женских организаций, *истмол* — [изучение] истории молодежи [12, с. 159, 160–161]; в) «за начальным слогом или за двумя начальными слогами первого слова следует полная форма второго слова» — *главжелудок, госаппарат, продотряд, дензнак, корчванство* [корреспондентское чванство], *юндвижение* и т.д. [12, с. 162–164]. Ученый отмечал также наличие слов-композитов вроде *социал-демократ, социал-лакей, социал-саботант, социал-премьер*, историю появления которых в живой речи он описал так: «Последние два образования возникли в первое время революции, в 1917–18 г. *Социал-премьер* — это Керенский» [12, с. 169]. Интересно, что в экземпляре нашей книги есть пометки карандашом неизвестного нам читателя с дополнениями. К этом абзацу он приписал: «*Социал-вегетарианец* (специалист, противник расстрелов)». Эти и другие наблюдения А.М. Селищева над калейдоскопом аббревиатур во многом показательны и для нашего времени.

Мы найдем в книге примеры употребления слов, которые употребляли высшие партийные деятели (В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев и др.). Именно они явились законодателями словесной моды. Например, В.И. Ленин, писал А.М. Селищев, любил соединять слова в пару через слово «плюс»: «А что такое это давление пролетариата *плюс* крестьянства на верхи общества?» [12, с. 49]. Такие книжные выражения, как *не суть*, *поскольку*, *под знаком* (чего-либо) [12, с. 50–52]; *иже с ними*, *всуе*, *тем паче*, *доколе*, *паки*, — ввели в революционное общество люди, прошедшие духовную школу [12, с. 62–66]; а слова и синтагмы *даешь* («Крестьянин, *даешь* фронту хлеб!»), *в два счета*, *во что бы то ни стало*, *довести дело до победного конца*, *ничего подобного*, *факт*, *ясно* [12, с. 91–95] — пришли в русский язык из военной сферы.

Какую интересную тенденцию можно заметить, если мы от книги А.М. Селищева перенесемся в наше время? Молодые приверженцы революционных настроений любили зарубежные слова и считали их использование признаком образованности [12, с. 55]. Сейчас же это просто модно и удобно, но любовь к ним осталась. Например: *юзать программу*; *да уж, это полный фэйл*; *да он глупый, имхо*. Такие выражения давно прописались в молодежной среде и не являются там особенными. В итоге постепенно формируется *другой* язык общения. А.М. Селищев отмечал, что некоторые революционеры, рабочие и крестьяне уже тогда возмущались неразумным употреблением иноязычных слов, и при этом ссылался на руководителя государства: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить “дефекты”, когда можно сказать недочеты, или недостатки, или пробелы? Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности и коверканию русского языка?» [12, с. 56].

В 1920-х гг. в России происходила быстрая смена знаков словесной коммуникации [12, с. 122]. То же наблюдается и сейчас: вначале появился *абьюз*, а потом — *харассмент*. Постоянное развитие новых сфер деятельности и трансформация социокультурных приоритетов приводили к деградации облика языка. Социолингвист А.М. Селищев нашел данному процессу емкое объяснение: «Быстрота этой утраты соответствует широте и интенсивности распространения этих речевых явлений» [12, с. 124]. К сожалению, иногда у языка пропадает лицо… Речь не идет только о неуместном употреблении заимствований или нецензурной лексики, но и о том, что мы перестаем *чувствовать* смысл языка, насыщаем его лишними словами, добавляем для «смысла» совершенно не нужные «красивые» элементы, стремимся вписаться в портрет эпохи, стать более современными. А выходит иначе…

На одном из интернет-ресурсов собрали «10 фраз, которые убивают русский язык и делают вас безграмотными». К ним отнесли: 1) *мы с коллегами по работе вместе обедаем* — плеоназм, лучше так: *мы с коллегами вместе обедаем*; 2) *его отличительные особенности* — тоже избыточность, грамотнее: *его особенности*; 3) *взаимное / совместное сотрудничество* — оба слова лишние, надо проще: *сотрудничество*; 4) *подняться вверх по лестнице*, правильнее: *подняться по лестнице*; 5) *это самый оптимальный вариант* — слово «самый» обозначает превосходную степень и не всегда может сочетаться с прилагательными, корректно: *это оптимальный вариант*; 6) *Вы получите дополнительный бонус* — «бонус» и есть дополнение, следует говорить и писать: *Вы получите бонус*; 7) *лично мне кажется* — «рекордсмен среди не самых очевидных плеоназмов», правильно так: *мне кажется*; 8) *в вашем тексте переизбыток плеоназмов* — приставка *пере-* здесь лишняя, безошибочно: *в вашем тексте избыток плеоназмов*; 9) *ностальгия по прошлому* — и хотя эта фраза встречается в одном стихотворении А. Вознесенского (в поэзии «всё» возможно), налицо тавтология, надо проще: *ностальгия*; 10) *на это уйдет не больше часа времени* — дополнительное пояснение будет лишним, стоит сказать: *на это уйдет не больше часа* [18]. Таких примеров немало. На портале «Грамота.ру» есть специальный раздел «Справочная служба», где специалисты отвечают на вопросы. Можно предположить, если бы она существовала в 1920-х гг., А.М. Селищев был бы главным консультантом по вопросам языка революционного времени.

Следующая закономерность, на которую обратил внимание ученый, касается опрощения языка — это неформальное обращение к людям. В его эпоху политических деятелей называли по отчеству: «Ильич, Калиныч» [12, с. 81]. А.М. Селищев приводил и другие примеры: «Свое личное отношение коммунистические деятели находят возможным так выражать на партийном съезде: “Бухарин один из лучших теоретиков, наш дорогой *Бухарчик*”» [12, с. 81]. В XXI веке данная традиция постепенно исчезает. В кругах юношей и девушек далеко не всегда можно встретить обращение по именам, чаще так: «Здорово, ро́дник!» или «Привет, подруга», и т.д. Что же еще упрощало язык, по мнению А.М. Селищева? Это выступление против условности бытовых приличий в основном со стороны молодежи, которая во все времена отвергает правила и желает быть «особенной» [12, с. 68]. «Самобытность» заключалась в более прямых выражениях своих чувств, без стеснения. Ученый говорил, что даже авторитетные политические деятели выражались грубо: «Когда тов. Молотов прислал мне эту статью, ... я ответил грубой и резкой критикой», — говорил И.В. Сталин [12, с. 69]. Молодые люди становились все «смелее» и использовали ненормативную лексику — *идти пешедралом, покедова, перемать твою душу, хер моржовый* [12, с. 74], жаргон преступников — *арапа заливать, вола вертеть, затырить* [12, с. 75]. А.М. Селищев недвусмысленно указывал

на правило, по которому жила страна: «Как говорит партия — так говорят все». Принимаемые решения, особенности речи государственных деятелей — все влияло на язык населения [12, с. 97].

Наше время — тоже своего рода «революционная эпоха» из-за сети Интернет, ворвавшихся в жизнь *геймеров* и нового феномена — искусственного интеллекта. Онлайн-коммуникация стала отдельным жанром «бытового» общения со своими законами, знаками и символами. Скорость цифровой цивилизации предопределила в какой-то мере и манеру словесных взаимоотношений: мы используем неполные фразы, часто обрывки речи. К сожалению, можем забыть поприветствовать того, кому пишем, потому что мысль пришла в голову, и мы хотим поскорее ее передать: «*Ого, так она к нам перешла!.. Кстати, привет*». В современном студенчестве появилась и такая мода «делового» общения, при которой в ответ на письмо преподавателя с заданием староста пишет короткое: «Принято». О том, чтобы поздороваться или поблагодарить, речи уже не идет… Интернет и гаджеты дают возможность сделать все быстро — для этого не нужно много слов. Пишущему человеку нет надобности отсеивать мысли (=думать), подбирать слова, размышлять об особенностях пунктуации, потому что сообщение перестало выполнять ту самую *культурную* ценность, которую оно имело еще несколько десятилетий тому назад, когда писали на бумаге или почтовых открытках. Сейчас все просто: не знаешь модного слова — значит, ты *лузер*! Посмотри в Интернете, будь такой, как все — начинай *флудить*! Кстати, *флуд* — слово, которым в молодежной среде называют обильное, неуместное и часто бессмысленное общение, засоряющее эфир [29].

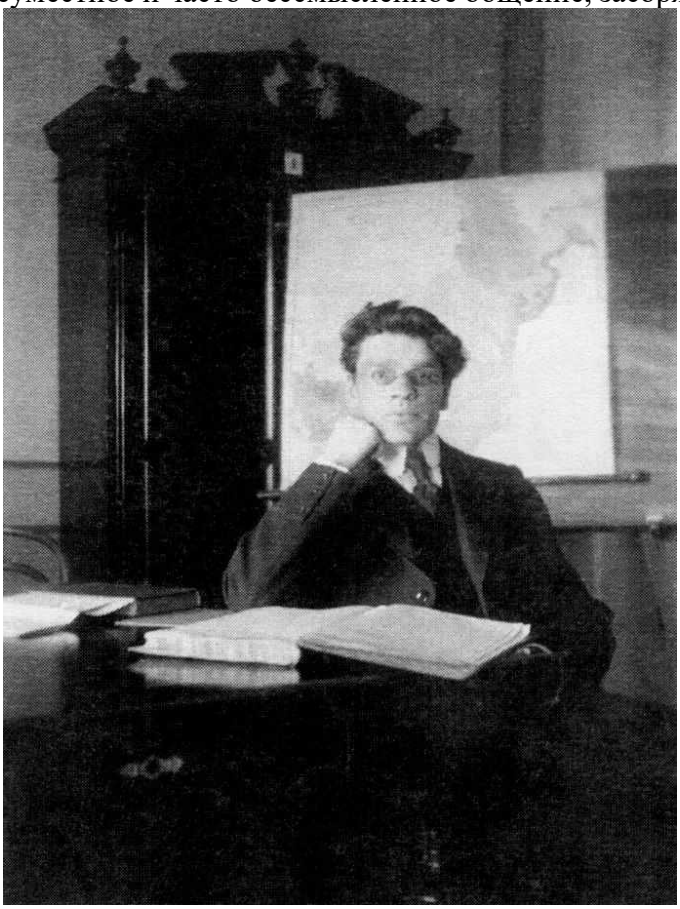

Рисунок 4. А.М. Селищев. Фото начала 1920-х гг.
(РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. № 179. Л. 11)

А.М. Селищев и позднее, в 1930-х гг., не оставлял мысли продолжить начатое исследование и продолжал сражаться за «революционный язык» — он мечтал подготовить обновленное издание своей книги под названием «Очерки по русскому языку современной эпохи». Подумать только — еще одно десятилетие под бойким пером Мастера!.. Сохранились черновики, многочисленные выписки и вырезки из печати тех лет (см., например: [22]), говорящие о том, насколько серьезным был замысел ученого, как глубоко он проникал в духовную жизнь слова — всё видел и чувствовал, как подлинный летописец. Только небольшую часть этих архивов нам удалось опубликовать — фрагмент рукописи, озаглавленный автором так: «Демократизация языка. Рабочие элементы в языке. Диалектизмы. Украинизмы. Блатной жаргон» [11, с. 300–319]. Но неприятности 1930-х гг. (ссылка, беспокойная жизнь после нее, исключение из Академии наук, поиски работы и постоянные нападки недоброжелателей) не позволили ему довести это дело до публикации. *Живой* язык уже другой — сталинской — эпохи так и остался в архиве не сломленного временем летописца А.М. Селищева.

Безусловно, язык — это живой организм, который впитывает все и зачастую негативное, «революционное». Что же нужно сделать, чтобы сохранить богатства родного языка? И славист А.М. Селищев, и современные филологи от Д.С. Лихачева до В.Г. Костомарова и Л.П. Крысина — все, кто беспокоится о *жизни* языка, говорят одно: все просто и… сложно. Первое: надо *читать* хорошую литературу, с ее образами и образцами красивой речи. Второе: слушать правильную речь и *учиться* этому у нормативных словарей, на публичных лекциях известных ученых и деятелей культуры и в общении с авторитетными интернет-ресурсами. Еще из нашей жизни как-то незаметно ушла такая, казалось бы, обычная вещь: мы редко общаемся с родственниками, особенно с теми, кто живет не в городе и хранит диалекты своей души — мягкость произношения, неподражаемое оканье, говорит статно, медленно или, напротив, по-свойски тараторит, нежно вплетает в речь архаизмы и историзмы и живет в гармонии с божественной природой народного слова.

Изменение языка — бесконечный процесс. Ребенок, еще не умеющий говорить, слышит от матери русские фольклорные напевы и сказки. «Смотри вон… *челядёнок* побежал», — однажды, находясь в экспедиции в Вологодской области, мы с коллегой услышали такой алмаз от молодой мамы (*челядёнок* — «маленький мальчик или девочка, иногда капризный и непослушный ребенок»). Сейчас мы часто можем наблюдать такую картину: едет в метро мама, а рядом сидит малыш. Чтобы он не скучал, она дает ему в руки игрушку — смартфон… Затем ребенок вырастает и в школе начинает изучение литературы… по нейросети! Несчастный Ф.И. Буслаев, сделавший переворот в образовании первой половины XIX века и учивший своих гимназистов *читать*, *разбирать* и *понимать*, а не зубрить древние тексты, будет сброшен с пьедестала. Вместе с ним уйдут эстетика и культура слова. И все же не будем пессимистами — наш язык не прервется. Он, как река, течет, перескакивая через пороги, то замедляясь, то набирая скорость, и впадает в бушующее море новой революционной эпохи. И все же он сохраняет свой остов. Язык передается от поколения к поколению… «Зумеры» селищевского времени теперь нам кажутся такими невинными и очаровательными в своих словах-художествах! А.М. Селищев, герой трагической эры, запечатлел ее главный документ — *живой* язык.

Заключение. В небольшом предисловии к книге А.М. Селищев упомянул о том, что его главной целью было «осветить различные стороны языковых переживаний последних лет» [12, с. 4]. Действительно, автор создал яркий, динамический портрет эпохи средствами ее языковых трансформаций. Он со всей своей филологической

страстностью погрузился в какофонию звуков и слов — в живую речь простого народа и, наверное, ощущал с ним духовную связь. Несмотря на отклонения от нормы литературного языка, эти эксперименты привлекали А.М. Селищева. Он увидел за языком «революционной эпохи» новую эру лингвистики и в этом смысле был летописцем-провидцем. Подобно тому, как И.А. Бодуэн де Куртенэ на заре XX в. говорил о будущем языкознания, называя перспективные направления и в их числе социолингвистику, лексикологию [3, с. 17–18], А.М. Селищев обозначил важную роль изучения коммуникативных процессов в сфере субстандарта. Его пионерские работы в дальнейшем стали стимулом для исследования глобальных процессов в области русского литературного языка (проект С.И. Ожегова и затем М.В. Панова «Русский язык и советское общество» [10]), активных явлений перестроечного времени [5; 6], переосмысления роли разговорного языка [8; 27] и рождения новых слов в условиях социальных потрясений (пандемия коронавируса и ее отражение в речевой практике как лингвокультурный феномен [19]), особенности сокращения слов [13; 14]. Наверное, можно обозначить и другие векторы влияния А.М. Селищева на формирование более современного облика лингвистической науки. Но одно безусловно: его памятник «революционной эпохе» не остался незамеченным, несмотря на все дискуссии и запреты, он превратился в фундамент для строительства свежих языковедческих идей. Тезис о «языке революционного времени» оказался востребованным и в лингвокультурных традициях других стран, чьи представители и сейчас рассуждают о локальных диалектах, проблеме многоязычия (см.: [15]).

Что касается некоторых современников А.М. Селищева, то и они прозревали момент эпохи (Е.Д. Поливанов, чуть младше В.В. Виноградов и Г.О. Винокур), откликались на новое в социуме конструктивными идеями. В этом отношении наследие А.М. Селищева заметно отличается от трудов многих компаративистов его поколения (Г.А. Ильинского, Н.Н. Дурново и др.), замыкавшихся в рамках традиционных представлений. Афанасий Матвеевич, может быть, в силу «кочевой» лингвистики (он формировался под влиянием прежде всего собственных поисков, а не научных авторитетов, и при этом всегда ориентировался на изучение пограничных проблем, связанных с языком — культурой — этносом — религией — социумом) очень точно почувствовал дыхание времени и был его летописцем.

Изучение социолингвистических идей А.М. Селищева, которые он изложил в книге «Язык революционной эпохи…», может быть продолжено с точки зрения поиска и систематизации новых архивных материалов и введения в более активный научный оборот уже имеющихся документов. Полноценная история отечественного языкознания первой половины XX в., несмотря на повышенный интерес к идеологии марризма и всему культурному пространству того времени, еще не написана. Роль филологической личности А.М. Селищева в переосмыслении словесных находок и потерь трагического века значительна и не ограничивается только синхроническими методами исследования языка. Наследие ученого, его жизненный подвиг позволяют говорить о нем как о человеке исключительного дарования, которому были по силам любые задачи и эксперименты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашнин Ф.Д. «Дело славистов»: 30-е годы / Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов; отв. ред. Н.И. Толстой. — М. : Наследие, 1994. — 284 с.
2. Бернштейн С.Б. А.М. Селищев — славист-балканист / С.Б. Бернштейн. — М. : Наука, 1987. — 110 с.

3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Языкознание, или лингвистика, XIX века / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Том 2. — М. : Издательство Академии наук СССР, 1963. — С. 3–18.
4. Василевская Е.А. Афанасий Матвеевич Селищев (Биографический очерк) / Е.А. Василевская // Селищев А.М. Избранные труды. — М. : Издательство «Просвещение», 1968. — С. 5–12.
5. Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия / А.Д. Дуличенко. — München : Otto Sagner, 1994. — xii + 347 с. — (Slavistische Beiträge. Bd. 317).
6. Дуличенко А.Д. Этносоциолингвистика «перестройки» в СССР. Антология запечатлённого времени / А.Д. Дуличенко. — München : Otto Sagner, 1999. — viii + 583 с. — (Slavistische Beiträge. Bd. 378).
7. Захарова Л.Д. Афанасий Матвеевич Селищев / Л.Д. Захарова // Отечественные лингвисты XX века : Сборник статей. Ч. 2. — М. : ИНИОН РАН, 2003. — С. 124–140.
8. Крысин Л.П. Статьи о русском языке и русских языковедах / Л.П. Крысин. — М. : Флинта; Наука, 2015. — 576 с.
9. Поливанов Е.Д. [Рец.] А. Селищев. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет, 1917–1926. [М.]: «Работник просвещ», 1928. 248 с. / Е.Д. Поливанов // Родной язык и литература в трудовой школе. — 1928. — № 3. — С. 135–138.
10. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование: В 4 кн. / Под ред. М.В. Панова; АН СССР Ин-т рус. яз. — М. : Наука, 1968. — Кн. 1–4.
11. Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / Сост. Б.А. Успенский, О.В. Никитин / А.М. Селищев. — М. : Языки славянской культуры, 2003. — 632 с.
12. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) / А.М. Селищев. — М. : Работник просвещения, 1928. — 248 с.
13. Теркулов В.И. Русский язык и этнический профиль личности / В.И. Теркулов // Русистика. — 2025. — Т. 23. — № 2. — С. 304–319. — http://doi.org/ 10.22363/2618-8163-2025-23-2-304-319
14. Теркулов В.И. Теоретические основания «Толкового словаря сложносокращенных слов русского языка» / В.И. Теркулов // Русский язык в школе. — 2025. — Т. 86. — № 3. — С. 40–50. — https://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-3-40-50.
15. Харшав Б. Язык в революционное время / Б. Харшав; Пер. с англ. Л. Черниной. — М. : Текст, 2008. — 477 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

16. Блог «Поколение Z» // Enjoy camp [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://enjoy-camp.ru/blog/pokolenie-z?ysclid=mm0f2ier26803419760 (дата обращения: 21.02.2026).
17. Грамота.ру : офиц. сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://gramota.ru/poisk?query=%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%BF%D1%82%D0%B8%D0%BA&mode=slovari (дата обращения: 24.02.2025).
18. 10 фраз, которые убивают русский язык и делают вас безграмотным // Мел [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://mel.fm/gramotnost/kak-govorit/8240659-illiterate?ysclid=mm0vyc6jix228472053 (дата обращения: 24.02.2026).
19. Как раскрыть потенциал банковской карты: чек-лист от Сбера // Губернія Daily [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://gubdaily.ru/article/spotlight/kak-raskryt-potencial-bankovskoj-karty-chek-list-ot-sbera/ (дата обращения: 18.02.2026).
20. Леонтьева Т.В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т.В. Леонтьева, А.В. Щетинина. — Екатеринбург: Ажур, 2021. — 424 с.
21. МегаФон запустил платформу, где можно подключить тарифы других операторов // Губернія Daily [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://gubdaily.ru/article/yasnoponyatno/megafon-zapustil-platformu-gde-mozhno-podklyuchit-tarify-drugix-operatorov/ (дата обращения: 18.02.2026).
22. РГАЛИ = Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 2231 (Афанасий Матвеевич Селищев). Опись 1. № 22.
23. РГАЛИ = Российский государственный архив литературы и искусства (Москва). Ф. 2231 (Афанасий Матвеевич Селищев). Опись 1. № 143.
24. [Реклама] // Yandex.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yandex.ru/video/preview/17898464576298660368 (дата обращения: 20.02.2026).
25. СРЯзКЭ = Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Полная версия. Т. 1–2 / Отв. ред. М.Н. Приемышева. — СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2025.
26. ССРЛЯ = Словарь современного русского литературного языка. Т. 1: А–Б. Изд. второе, перераб. и доп. — М. : «Русский язык, 1991. — 864 с.

27. Толковый словарь русской разговорной речи / отв. ред. Л.П. Крысин. — М. : Языки славянской культуры, 2014–2022. — Вып. 1–5.
28. Учим зумерский: топ-20 сокращений для чатов и соцсетей // TenChat [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://tenchat.ru/media/3258408-uchim-zumerskiy-top20-sokrascheniy-dlya-chatov-i-sotssetey (дата обращения: 18.02.2026).
29. Что такое флуд, какой он бывает и как защитить от него общение // РБК Тренды [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/social/67d3d52f9a7947471c5577e5 (дата обращения: 19.02.2026).

REFERENCES

1. Ashnin F.D., Alpatov V.M. (1994). “Delo slavistov”: 30-e gody [The Slavists’ Case: The 1930s]. Moscow: Nasledie. (In Russian)
2. Bernshtein S.B. (1987). A.M. Selishchev — slavist-balkanist [A.M. Selishchev as a Slavic-Balkanist]. Moscow: Nauka. (In Russian)
3. Baudouin de Courtenay I.A. (1963). Yazykoznanie, ili lingvistika, XIX veka [Linguistics, or the Science of Language, in the 19th Century]. Baudouin de Courtenay I.A. Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu [Selected Works on General Linguistics]. Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk. (In Russian)
4. Vasilevskaya E.A. (1968). Afanasiy Matveevich Selishchev (Biograficheskiy ocherk) [Afanasy Matveevich Selishchev (Biografical essay)]. Selishchev A.M. Izbrannye trudy [Selected writings]. Moscow: Izdatel’stvo “Prosveshchenie”. (In Russian)
5. Dulichenko A.D. (1994). Russkiy yazyk kontsa XX stoleyiya [The Russian language at the end of the 20th century]. München: Otto Sagner. (In Russian)
6. Dulichenko A.D. (1999). Etnosotsiolingvistika “perestroyki” v SSSR. Antologiya zapechatlyonnogo vremeni [Ethnosociolinguistics of “Perestroika” in the USSR. Anthology of captured time]. München: Otto Sagner. (In Russian)
7. Zakharova L.D. (2003). Afanasiy Matveevich Selishchev [Afanasy Matveevich Selishchev]. Otechestvennye lingvisty XX v. Sbornik statey [Russian linguists of the 20th century. A collection of articles]. P. 2. Moscow: INION RAN. (In Russian)
8. Krysin L.P. (2015). Stat’i o russkom yazyke i russkikh yazykovedakh [Articles about the Russian language and Russian linguists]. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)
9. Polivanov E.D. (1928). [Rev.] A. Selishchev. Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniy nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926). [Moscow]: “Rabotnik prosveshcheniya”, 1928. 248 s. [The language of the revolutionary era. From observations on the Russian language in recent years (1917–1926). [Moscow]: “Rabotnik prosveshcheniya”, 1928. 248 p.]. Rodnoy yazyk i literatura v trudovoy shkole, 3, pp. 135–138.
10. Panov M.V. (Ed.) (1968). Russkiy yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie: v 4 kn. [The Russian language and Soviet society: A sociolinguistic study: In 4 Books]. Moscow: Nauka. (In Russian)
11. Selishchev A.M. (2003). Trudy po russkomu yazyku. T. 1. Yazyk i obshchestvo [Works on the Russian language. Vol. 1. Language and society]. Comp. by B.A. Uspenskiy, O.V. Nikitin. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul’tury. (In Russian)
12. Selishchev A.M. (1928). Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniy nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926) [The language of the revolutionary era. From observations on the Russian language in recent years (1917–1926)]. Moscow: “Rabotnik prosveshcheniya”. (In Russian)
13. Terkulov V.I. (2025). Russkiy yazyk i etnicheskiy profil’ lichnosti [The Russian language and an ethnic personality profile]. Russian Language Studies, 23(2), pp. 304–319. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-2-304-319 (In Russian).
14. Terkulov V.I. (2025). Teoreticheskie osnovaniya “Tolkovogo slovarya slozhnosokrashchennykh slov russkogo yazyka” [Theoretical foundations of the “Explanatory dictionary of compound abbreviated words of the Russian language”]. Russian language at school, 86 (3), pp. 40–50. https://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-3-40-50 (In Russian).
15. Harshav B. (2008). Yazyk v revolyutsionnoe vremya. [Language in time of revolution]. Transl. from English by L. Chernina. Moscow, “Tekst”. (In Russian)

Поступила в редакцию 01.03.2026 г.

LINGUISTIC PORTRAIT OF TIME: "REVOLUTIONARY ERA" AS DESCRIBED BY A.M. SELISHCHEV (TRIBUTE TO 100th ANNIVERSARY OF LEGENDARY BOOK COMPLETION)

O.V. Nikitin

The article is dedicated to the 140th anniversary of the birth of the outstanding Russian Slavist A.M. Selishchev. It is constructed as a sociolinguistic reflection of the scholar's ideas expressed in his book "The Language of the Revolutionary Era. From observations on the Russian language in recent years (1917–1926)". It deals with the analysis of a rich layer of newspaper and journalistic vocabulary and terminology, fiction and folk images of speech in direct recordings by A.M. Selishchev. The unique communicative situation in the kaleidoscope of linguistic innovations is reflected. The scholar's mastery in depicting the "revolutionary era", the documentary nature of the research text is emphasized. The article draws parallels with modern times and those new trends in the study of real language facts that have been recorded in the media and lexicographic practice in recent years. Special attention is paid to the "coronavirus era" as another socio-cultural "explosion" that led to the birth of thousands of neologisms. The following research methods are applied: biographical, source-based, textological, historical-linguistic, personological, sociolinguistic, lexicographic. The conclusion is made about the relevance of A.M. Selishchev's legacy in the 21st century.

Keywords: A.M. Selishchev, language of the revolutionary era, communicative practice, emotivity, abbreviation, semantics, dictionary, sociolinguistics.

Олег Викторович Никитин.
Доктор филологических наук, профессор.
Государственный университет просвещения, Российская Федерация, г. Москва.
Профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации факультета русской филологии.
ORCID 0000-0003-2815-6691.
E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Nikitin Oleg Viktorovich.
Doctor of Philology, Professor.
Federal State University of Education,
Russian Federation, Moscow.
Professor at Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Faculty of Russian Philology.
ORCID 0000-0003-2815-6691.
E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Научная статья
УДК 81’373.43:33=111
DOI: 10.5281/zenodo.19864979

НЕОЛОГИЗМЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА С КОМПОНЕНТОМ «ИНФЛЯЦИЯ»: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© 2026 ***Т.Н. Свиридова[1], В.В. Катермина[2]***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет»
ORCID[1] 0009-0006-4933-7714
ORCID[2] 0000-0001-9141-9867

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматриваются неологизмы англоязычного финансово-экономического дискурса с компонентом «инфляция». Исследование направлено на изучение семантического и аксиологического аспектов новых слов, номинирующих виды инфляции в современном мире, а также пересечение финансово-экономического дискурса с другими типами дискурса. В качестве материала были использованы неологизмы Cambridge Dictionary Online Blog. В результате исследования было выявлено, что финансово-экономический дискурс пересекается с гастрономическим и экологическим типами дискурса; семы неолексем свидетельствуют об аморальных способах формирования цен, которые применяют производители и предприниматели, об экономических проблемах, возникающих под влиянием природных, политических и экологических факторов, о постоянном росте цен на жизненно важные продукты питания; аксиологический анализ выявил негативное отношение общества к изобретению схем обмана покупателей, наметившуюся тенденцию перехода к «зеленой экономике» и «оценку» дружбы с финансовой точки зрения. Исследование демонстрирует, что неологизмы выступают маркерами эпохи и отражают происходящие в современном обществе изменения ценностной картины мира.

Ключевые слова: финансово-экономический дискурс, неологизм, инфляция, семантика, аксиология, язык, культура.

Для цитирования: Свиридова Т.Н. Неологизмы англоязычного финансово-экономического дискурса с компонентом «инфляция»: семантический и аксиологический аспекты / Т.Н. Свиридова, В.В. Катермина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 43–52. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19864979

Введение. Развитие языка происходит на протяжении всего времени существования, что является естественной и неотъемлемой чертой живого языка. При этом изменения могут происходить на различных его уровнях, но самым подвижным пластом является лексический: стремительное развитие всех сфер общественной жизни вместе с дестабилизирующими событиями в мире на протяжении последних нескольких лет послужили причиной появления в языке огромного количества слов, которые номинируют новые реалии и выявляют наметившиеся тенденции. Такое интенсивное обновление лексического состава привлекает к себе внимание лингвистов: они стали заниматься изучением причин возникновения новых единиц, способами их образования и ценностной составляющей, рассматривать их как отражение различных настроений в обществе в целом и отношение людей к тем

или иным событиям или вещам в частности. В результате возник новый раздел языкознания — неология, цель которой состоит в выявлении и описании новых слов. В области неологии проводят исследования такие ученые, как М.В. Избицкая [6], В.В. Катермина [7], С.Х. Липириди [9], Е.В. Сенько [12], В.И. Теркулов, Н.В. Северова [11], А.С. Бурляй [3], Е.В. Руснакова [10], Marta Lacková [15] и др.

Большое количество современных лингвистических исследований посвящено дискурсу, в рамках которого происходит изучение взаимодействия и коммуникации участников тех или иных социальных групп. Ряд ученых занимаются рассмотрением особенностей финансово-экономического дискурса: К.Г. Апресян [1], Д.Г. Васибьева [4], Н.Ю. Бородулина [2], А.А. Чугунов [13] и др. Е.Ю. Воякина отмечает, что данный тип дискурса является институциональным и персональным одновременно в силу того, что «экономика и экономические понятия проникают во все сферы общественной жизни» [5, с. 13].

Процесс неологизации является результатом познавательной деятельности человека и его адаптации к постоянно меняющейся окружающей действительности. Неолексемы представляют интерес для лингвистов в том числе и потому, что они априори являются ценностно-маркированными: анализ неологизмов делает возможным сделать выводы о том, какие ценности и антиценности входят в ценностную картину мира определенного народа в данный момент времени. По мнению В.В. Катерминой и С.Х. Липириди, «само создание новых слов является актом придания ценности отражаемым ими объектам, введением их в пространство социального значения, а изучение ценностной специфики неологизмов позволяет увидеть способы включения тех или иных явлений в ценностное поле языка путём их номинации и категоризации» [8, с. 91].

Материалы и методы исследования. В качестве материала исследования выступает электронный лексикографический источник Cambridge Dictionary Online Blog [18]. В ходе проводимого исследования нами были применены: эмпирический метод, заключающийся в изучении и классификации материала в заданной предметной области; контекстуально-семантический, предполагающий исследование единиц в совокупности взаимосвязей их отдельных элементов; аксиологический, который состоит в выявлении ценностей, выраженных посредством формирования неолексем.

Цель данной статьи — изучение семантических и аксиологических особенностей неологизмов англоязычного финансово-экономического дискурса с компонентом «инфляция». Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

1) отобрать неологизмы с компонентом «инфляция»;
2) определить семантические особенности отобранных неолексем;
3) выделить и проанализировать аксиологический потенциал исследуемых неологизмов.

Основная часть. Жизнь человека неразрывно связана с различными экономическими категориями, такими как цена, стоимость, процентная ставка, налог. Человек без экономического образования имеет разное представление о значениях тех или иных терминов и понятий: он может не знать, например, что такое ликвидность или фискальная политика, но обладать широкими познаниями о других, потому что они всегда широко обсуждаются или являются остросоциальной темой. Одним из таких понятий, которое знакомо практически каждому жителю страны и которое всегда «на устах», является инфляция. Такая широкая известность инфляции совершенно не случайна: с наступлением XX века стабильность цен ушла в прошлое и страны столкнулись с ростом цен, нередко резким, затяжным, а порою и выходящим из-под контроля. Правительство на постоянной основе информирует население о

текущем уровне инфляции для того, чтобы экономическая политика государства была максимально прозрачной и чтобы граждане, руководители организаций и бизнесмены могли оценить текущую обстановку на рынке и принять управленческие решения. Так, в Толковом словаре С.И. Ожегова «инфляция (от лат. *inflatio* ‘вздутие’) — чрезмерное (по отношению к государственному золотому запасу) увеличение количества обращающихся в стране бумажных денег, вызывающее их обесценивание» [16]. Данное обесценивание означает, что за ту же сумму покупатель сможет приобрести меньшее количество товара или меньший объем услуг.

Инфляция является неотъемлемым и неизбежным явлением в экономике, поэтому правительство стран всегда старается контролировать уровень инфляции, сдерживать рост цен и своевременно оповещать граждан и участников рынка об инфляционных колебаниях. На изменения уровня инфляции могут влиять как внешние, так и внутренние факторы.

Предприниматели всегда стараются найти баланс между желанием получить максимальную прибыль от своей деятельности, минимизировав при этом свои расходы, и сохранением «лица» перед своими покупателями, удерживая цены на примерно одинаковом уровне. Не всегда этого удается добиться посредством честных принципов ведения бизнеса, иногда для этого им приходится изобретать новые схемы и уловки, которые имплицитно влекут за собой увеличение расходов покупателей. Это привело к появлению в языке следующих неологизмов:

– *shrinkflation — when the size of a product is reduced whilst the price is retained ([shrink+inflation]* ситуация, когда размер продукта уменьшается, но цена при этом остается на прежнем уровне);

– *sneakflation — a new tactic is being used as a subtle way for companies to pass on their costs without changes the price of good*s (*[sneak+inflation]* новая тактика, которая используется компаниями для продвижения своих товаров без изменения цен на них);

– *stealthflation — usually refers to hidden charges or fees* (*[stealth+inflation]* применение скрытых платежей, которые по умолчанию включены в стоимость товара).

На примере данных неологизмов прослеживается тенденция среди современных предпринимателей удерживать цены на прежнем уровне, не вызывая при этом негодования своих клиентов и не рискуя потерять их, но одновременно находить способы сокращения своих издержек: уменьшается размер товара или объем услуги; ухудшается качество товара или срок его службы за счет использования ингредиентов или материалов более низкого качества, а соответственно более дешевых; в стоимость товара включается сумма дополнительных услуг без озвучивания данных деталей покупателю (плата за предоставление банком овердрафта, за обработку платежных документов и т.д.). Семы *to reduce* ‘уменьшать’, *hidden* ‘скрытый’, *a subtle way* ‘хитрый способ’ подчеркивают негативный характер новых способов ведения бизнеса в современном мире. Семы *size* ‘размер’, *quality* ‘качество’ указывают на то, что новые схемы получения прибыли затрагивают важные для покупателей категории, которые являются определяющими при выборе того или иного товара/услуги.

Согласно Cambridge Dictionary, *to sneak — to go somewhere secretly, or to take someone or something somewhere secretly* (красться, красть незаметно — пойти куда-то тайно или взять что-то тайно); *stealth — the quality of carrying an action out secretly, so that people do not know it is happening* (хитрость — выполнение действия тайно, так что люди не знают, что происходит) [17]. Данные дефиниции отражают недобросовестный характер приемов маркетинговой политики, проводимой предприятиями, которые направлены на обман покупателей и введение их в заблуждение.

Другая категория производителей не использует скрытые методы повышения прибыли: они повышают цены на свою продукцию/услуги, ссылаясь на уровень инфляции в стране, в тот момент, когда ситуация на рынке этого не требует:

– *ripflation — the situation when companies use inflation as an excuse to increase their prices more than necessary in a way that rips off their customer*s (*[rip off+inflation]* ситуация, при которой компании используют инфляцию в качестве оправдания за повышение цен на свои товары больше, чем этого требует ситуация, для того чтобы обмануть своих покупателей);

– *greedflation — the situation when companies use inflation as an excuse to increase their prices more than necessary in order to make as much money as they can* (*[greed+inflation]* ситуация, при которой компании используют инфляцию в качестве оправдания за повышение цен на свои товары больше, чем необходимо, для того чтобы заработать как можно больше денег).

Семы *to rip off* ‘обмануть’, *greed* ‘жадность’ выступают маркером негативного отношения к способам ведения бизнеса современными недобросовестными участниками рынка, которые используют инфляцию для достижения своих корыстных целей. Согласно Cambridge Dictionary, *greed — a strong desire to continually get more of something, esp. money* (жадность — сильное желание постоянно получать что-либо в бóльшем объеме, особенно денег) [17]. Использование семы *greed* характеризует вектор, выбранный современными предпринимателями и предприятиями, целью которых является не желание получать доход от своей деятельности в соответствии с установленными правилами, а стремление заработать как можно больше денег, применяя нечестные способы ведения бизнеса, среди которых также фигурирует необоснованное «взвинчивание» цен. Крайне негативное отношение общества к такому поведению и его осуждение объясняет выбор лексемы *greed* при номинации нового вида инфляции: жадность является одним из семи смертных грехов. Сема *excuse* в данной ситуации также отражает негативный характер данных явлений: *a false reason that you give to explain why you do something* (ложная причина, по которой ты сделал что-то плохое).

Особенно остро население реагирует на повышение цен на продукты питания, которые являются базовыми, входят в продуктовую корзину и большинство людей испытывают ежедневную потребность в них. Так, рост цен на хлеб и яйца привел к появлению следующих новых слов в языке:

– *breadflation — a continuous significant rise in the price of bread or other baked goods* (*[bread+inflation]* постоянное значительное повышение цен на хлеб и хлебобулочные изделия);

– *eggflation — a significant increase in the price of eggs, normally because of higher production costs or shortages* (*[egg+inflation]* значительное повышение цен на яйца, вызванное повышением уровня производства или нехваткой продукта).

На повышение цен на яйца повлиял целый ряд внешних факторов: рост цен на корма, что является ключевым моментом в сельском хозяйстве; птичий грипп и последствия пандемии; на фоне низкого уровня экономического роста и высокого уровня инфляции люди стали искать более дешевые источники белка, что стало причиной повышенного спроса на яйца и привело к формированию дефицита данного продукта. Семы *continuous* ‘постоянный’, *significant* ‘значительный’ демонстрируют обеспокоенность населения постоянным ростом цен на жизненно необходимые продукты питания. Данные языковые единицы являются интенсификаторами семы *a rise* ‘рост, повышение’, так как они имеют отрицательное значение, если речь идет об инфляции, что является внешним раздражителем для человека.

Инфляция является неотъемлемой частью экономических процессов: постепенное, нескачкообразное повышение цен говорит о «здоровом» развитии экономики, где увеличение спроса на товары и услуги влечет за собой изменение цен в большую сторону. И, наоборот, стабильно низкий или отрицательный уровень инфляции сигнализирует о серьезном и опасном для страны замедлении экономического роста, которое вызвано нестабильной политической ситуацией в мире и высоким уровнем безработицы. *Lowflation — a persistently low level of inflation, particularly one that threatens a country's economy prosperity* (*[low+inflation]* устойчиво низкий уровень инфляции, в частности тот, который угрожает экономическому процветанию страны). Семы *persistently* 'устойчиво', *to threaten* 'угрожать' демонстрируют обеспокоенность и тревожность по поводу низкого уровня инфляции, который в будущем может привести к рецессии — спаду экономической активности или к стагнации — затяжному периоду отсутствия данной активности. На возникновение такого явления, как *lowflation*, с одной стороны, оказывают влияние внешние факторы (политические и военные конфликты, нестабильность экономического развития стран-экспортеров, пандемии и эпидемии), с другой стороны — внутренние (высокий уровень безработицы, ситуация на внутреннем рынке инвестиций, денежно-кредитная политика страны).

На сегодняшний день в большинстве развитых стран остро стоит экологическая повестка: сокращение избыточных выбросов парниковых газов и стремление к достижению углеродной нейтральности, разумное расходование природных ресурсов, снижение уровня всех видов загрязнения и т.д. Повышенное внимание к вопросам и проблемам экологии спровоцировало появление в англоязычном финансово-экономическом дискурсе неологизмов, номинирующих новые события и процессы в данной сфере. В силу того, что решение экологических вопросов сопряжено с экономикой и финансами, то среди экологически-маркированных неологизмов финансово-экономического дискурса есть несколько, которые связаны с инфляцией: *climateflation — refers to the rising cost of living caused by the climate crisis* (*[climate+inflation]* относится к растущей стоимости жизни, вызванной климатическим кризисом); *fossilflation — dependence on fossil energy sources, that is driving inflation* (*[fossil+inflation]* зависимость от топливных источников энергии, которая влечет за собой рост уровня инфляции); *greenflation — refers to a rise in prices of raw materials and energy as a result of the green transition* (*[green+inflation]* рост цен на сырье и энергию как результат перехода к «зеленой экономике»).

Погодные и температурные аномалии, стихийные бедствия наносят урон транспортной инфраструктуре и повреждения производственным мощностям. Восстановление и ремонт требуют дополнительных затрат, что неизбежно влечет за собой повышение цен на сырье, материалы и товары, которые производят предприятия в данном месте. При этом ученые отмечают, что жертвами *climateflation* становится не только местное население страны, но и страны, которые не пострадали напрямую от данного природного явления, но являются импортерами товаров из затронутого стихией региона. Так, из-за аномально высоких температур и затяжных периодов засухи в Бразилии розничные цены на кофе «взлетели» во всем мире, в том числе и в России. Подобные негативные последствия климатической инфляции в первую очередь наносят удар по малому бизнесу из-за снижения маржинальности. Но, по мнению экономистов, последствия *fossilflation* гораздо серьезнее: нестабильная политическая ситуация в мире, проведение санкционной политики одними странами в отношении других привели к резкому повышению цен на природный газ, а впоследствии и росту уровня инфляции в целом. В силу того, что многие компании

пытаются адаптировать свои производственные процессы к «зеленой экономике» в попытке уменьшить углеродные выбросы, происходит значительный расход металлов и минералов (медь, литий, кобальт), особенно в переходный период. Это спровоцировало *greenflation*, то есть рост цен на металлы и минералы из-за возникшего дисбаланса между спросом и ограниченными запасами. Экономисты обеспокоены тем, что восстановить баланс быстро не получится (к примеру, на разработку шахт может уйти от пяти до десяти лет) и это может продлить период роста цен на металлы и минералы.

Семы *rising cost* ‘растущая стоимость’, *climate crisis* ‘климатический кризис’, *dependence* ‘зависимость’, *a rise in prices* ‘рост цен’ позволяют понять, что несмотря на усилия тех стран, которые принимают меры по решению экологических вопросов и постепенно переходят к «зеленой экономике», остается комплекс проблем, которые из разряда экологических переходят в разряд экономических. Главам государств следует найти компромисс, который поможет разрешить проблемы экологии не в ущерб состояния экономики стран.

По мнению Н.Л. Шамне и В.С. Майер, «языковые явления, которые становятся характерными чертами современности, представляют собой слова и выражения, отражающие ключевые события, процессы и реалии текущего исторического периода» [14, с. 184]. Поэтому самым неожиданным стало возникновение неологизма *friendflation — the rising cost of socializin*g (*[friend+inflation]* растущие финансовые и эмоциональные затраты на поддержание дружбы и социальных связей). Поколения миллениалов и зумеров отметили, что дружить в современном мире дорого: походы в кафе и кинотеатры, подарки на праздники и траты на организацию массовых мероприятий требуют больших затрат, которые не всегда коррелируют с уровнем доходов. При наличии нескольких друзей и с учетом постоянно растущих цен для многих дружба становится финансовым бременем, которое можно сравнить с ипотекой. Финансовые ожидания от дружбы становятся чрезмерно высокими — настолько высокими, что дружба из «базового минимума» превращается в «роскошный максимум». Согласно Cambridge Dictionary, *socializing — the activity of spending time when you are not working with friends or with other people in order to enjoy yourself* (общение — времяпрепровождение в свободное от работы время с друзьями или другими людьми для получения удовольствия) [17]. Из дефиниции следует, что общение с друзьями в нерабочее время должно доставлять удовольствие и не должно быть обременительным, в тягость. В современном мире наблюдается смещение ценностей: теперь чтобы поддерживать дружеские отношения, необходимо иметь определенный финансовый капитал и быть готовым к вложениям в данный вид активов (при этом дружба перестает быть «нематериальным активом», то есть отношениями между близкими людьми, основанными на искренних, бескорыстных чувствах, и получает выражение в «денежном эквиваленте»).

Вслед за дружбой оценке с материальной точки зрения подверглись и романтические свидания, стоимость которых также выросла в связи с ростом цен на товары и услуги: *dating-flation — the rising cost of dating ([dating+inflation]* увеличение затрат на организацию свиданий). Исследования подтверждают, что расходы на романтические встречи выросли в среднем на 13% по сравнению с предыдущим годом, и большинство одиноких людей признают, что свидания финансово больше себя не оправдывают.

После того, как Дональд Трамп в 2017 году стал президентом США, в английском языке появился неологизм *Trumpflation — a portmanteau of “Trump” and “inflation,” gained prominence during the presidency of Donald Trump due to significant shifts in economic*

policies and market dynamics (блендинг слов *Трамп* и *инфляция*, который приобрел широкую популярность в период президентства Дональда Трампа в связи со значительными изменениями в динамике рынка и проводимой им экономической политикой). Целью экономической политики Трампа было провести налоговую оптимизацию, снизить величину расходов на инфраструктуру, ограничить объем импорта тех товаров, которые можно производить внутри страны. Экономисты отмечали, что, с одной стороны, данные меры должны были стимулировать экономический рост, но, с другой стороны, могли привести к увеличению дефицита бюджета и государственного долга страны. Ожидалось, что Трампфляция повысит инфляционные ожидания населения из-за непредсказуемости политики 45-го президента США. Опасения были вызваны тем, что денежно-кредитная политика, осуществляемая новым президентом, может негативно сказаться не только на экономике Америки, но и на экономике других стран. Данный неологизм приобрел новое «дыхание» после войны на Ближнем Востоке, развернутой Дональдом Трампом уже в статусе 47-го президента США. Так, финансовые эксперты прогнозируют, что Банк Великобритании вместо того, чтобы снизить ставки на ипотеку, как того ожидали до войны, постарается по меньшей мере сохранить их на прежнем уровне. Тревожным является тот факт, что результатом военных действий на Востоке стало повышение цен на нефть и газ, которое неизбежно повлечет за собой рост уровня инфляции, и при самом неблагоприятном развитии ситуации приведет к вынужденному увеличению ставки по ипотечным кредитам. The Guardian опубликовала статью New mortgages up by 800 pounds a year amid “Trumpflation” from Iran war («Новые ипотечные кредиты выросли на 800 фунтов стерлингов в год на фоне “Трампфляции”, вызванной войной в Иране»), в которой отмечено, что “Britons taking out a new home loan face paying almost £800 a year more on average than before the Iran war as “Trumpflation” pushes up UK mortgage rates, according to Moneyfacts” (Британцы, берущие новый ипотечный кредит, вынуждены платить в среднем почти на 800 фунтов стерлингов в год больше, чем до войны в Иране, поскольку «Трампфляция» повышает ставки по ипотечным кредитам в Великобритании, сообщает Moneyfacts) [19]. Стремительный рост стоимости ипотечных кредитов является ударом по покупателям и тем, кто надеется на повторную ипотеку.

Заключение. В результате проведенного анализа нами были отмечены семы в составе неологизмов с компонентом «инфляция», которые говорят о недобросовестности современных производителей и предпринимателей, пытающихся увеличить свои доходы, изобретая при этом скрытые схемы для обмана покупателей *(to sneak, to stealth)*, и о порицании такого поведения со стороны населения *(to rip off, greed)*; о высоком уровне безработицы и снижении уровня благосостояния населения, что влечет за собой поиск калорийных, но более дешевых продуктов питания; о масштабном влиянии проводимой санкционной политики, последствий природных катаклизмов и попыток внедрения главами государств прогрессивного безуглеродного производства на уровень инфляции *(climate, fossil, green)*. Ряд сем в дефинициях новых слов отражают обеспокоенность людей в отношении затяжного непрерывного характера роста цен в существенном размере (*continuous, significant, persistently*).

Проведенное исследование неологизмов англоязычного финансово-экономического дискурса, имеющих отношение к инфляции, позволяет сделать выводы об интердискурсивности вышеупомянутого дискурса: он отражает обмен информацией финансового характера между людьми (вопросами экономики и финансов занимаются не только на уровне университетов, политики государства и организаций, практически в каждой из которых есть финансовый или экономический

отделы; экономическими вопросами интересуются и простые граждане, потому что их жизнь неразрывно связана с материальным обеспечением и подвержена влиянию изменений в данной сфере); он вступает во взаимодействие с гастрономическим дискурсом, когда речь идет о повышении цен на продукты питания; прослеживаются пересечения с экологическим дискурсом, так как большинство развитых стран на сегодняшний день нацелены на переход к «зеленой экономике», а это неизбежно влечет за собой определенные финансовые трудности и требует принятия рациональных экономических решений.

На наш взгляд, неологизмы выступают культурными маркерами эпохи, они отражают смену вектора интересов, сдвиг в системе ценностей, а также наметившиеся тенденции. Новые лексические единицы финансово-экономического дискурса выступают индикатором ориентированности современных руководителей стран на вопросы экологии и переход к «зеленой экономике», который повлек за собой возникновение «зеленой инфляции»; производителей и продавцов товаров и услуг можно отметить как недобросовестных, старающихся тайно обмануть своих покупателей, что говорит о системе ценностей, сформировавшейся в данном сегменте экономики; материальное общество и повсеместное выражение всего в «денежном эквиваленте» стали причиной того, что дружба и любовь тоже стали рассчитываться в той или иной валюте и оказались для некоторых непозволительной роскошью. Также в настоящее время горячо обсуждается неологизм *Trumpflation* на фоне глобальных потрясений, вызванных войной в Иране, которая «всколыхнула» рынок ипотечного кредитования в Великобритании и привела к стремительному росту ставок на кредиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян К.Г. Аттрактивная функция метафоры в современном англоязычном и русскоязычном финансовом дискурсе / К.Г. Апресян // Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2020. — № 4. — С. 49–57.
2. Бородулина Н.Ю. Метафора в экономике vs экономическая метафора / Н.Ю. Бородулина // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. — № 2 (44). — С. 40–43.
3. Бурляй А.С. Характер языковых средств и инноваций языковой личности военного корреспондента / А.С. Бурляй // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 5. — С. 90–98.
4. Васибьева Д.Г. Интердискурсивный характер метафоры современного англоязычного экономического дискурса (на примере статей журнала “The Economist”) / Д.Г. Васибьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018. — № 5 (83). — С. 64–67.
5. Воякина Е.Ю. Ономастическая метафора в экономическом дискурсе: комплексный подход / Е.Ю. Воякина. — Тамбов : ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2014. — 100 с.
6. Избицкая М.В. Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях): дисс. канд. филол. наук : 10.02.19 Теория языка / Избицкая Мария Владиславовна ; ИГХТУ. — Иваново, 2020. — 214 с.
7. Катермина В.В. Культурно-интерпретирующий потенциал массмедийных неологизмов в английском дискурсе / В.В. Катермина // Вопросы когнитивной лингвистики, 2017. — № 1. — С. 84–90.
8. Катермина В.В. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса : монография / В.В. Катермина, С.Х. Липириди. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. — 230 с.
9. Липириди С.Х. Характеристика неологизмов в области IT технологий (на материале русского и английского языков) / С.Х. Липириди // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2024. — № 2 (53). — С. 131–137.
10. Руснакова Е.В. Английский язык в цифровой среде: новые формы и лексические процессы / Е.В. Руснакова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — № 1. — С. 119–129.
11. Северова Н.В. Заимствованные слова гибридного типа в эквивалентной трактовке / Н.В. Северова, В.И. Теркулов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2023. —

№ 3(50). — С. 37–42.
12. Сенько Е.В. Кросскультурная неология: монография / Е.В. Сенько. — Владикавказ : ООО НПКП «Мавр», 2023. — 158 с.
13. Чугунов А.А. Русскоязычный и англоязычный финансовый дискурс: метафоры как средство эмоционального воздействия на реципиента / А.А. Чугунов // Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — №3. — С. 167–175.
14. Шамне Н.Л. Колоративные маркеры современности в актуальных культурных конфликтах / Н.Л. Шамне, В.С. Майер // Научный диалог. — 2025. — Т.14. — №8. — С. 181–204.
15. Lacková M. The Linguistic Potential of the COVID-19 lexeme in English and Slovak (a Corpus-Based Study) / M. Lacková // Research in Language. — 2025. — vol. 23. — P. 211–224.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов. — Режим доступа: https://gufo.me/dict/ozhegov/ (дата обращения: 10.12.2025).
17. Cambridge Dictionary Online [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 21.12.2025).
18. Cambridge Dictionary Online Blog [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dictionaryblog.cambridge.org. (дата обращения: 20.12.2025).
19. The Guardian [Электронный ресурс]. — Режим доступа:https://www.theguardian.com/money/2026/mar/17/uk-new-mortgages-trump-inflation-iran-war-deals (дата обращения: 22.03.2026).

REFERENCES

1. Apresyan K.G. (2020). Attraktivnaya funkciya metafory v sovremennom angloyazychnom i russkoyazychnom finansovom diskurse [Atractive function of the metaphor in the modern in English and Russian financial discourse]. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Linguistics and crosscultural communication], 4, 49–57 (In Russian).
2. Borodulina N.Yu. (2015). Metafora v ekonomike vs ekonomicheskaya metafora [Metaphor in economics vs economic metaphor]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of the theory and practice], 2, 40–43 (In Russian).
3. Burlyaj A.S. (2025). Harakter yazykovyh sredstv i innovacij yazykovoj lichnosti voennogo korrespondenta [The character of the language means and innovations of the linguistic personality of a military correspondent]. Filologiya i psihologiya [Philology and psychology], 5, 90–98 (In Russian).
4. Vasib'eva D.G. (2018) Interdiskursivnyj harakter metafory sovremennogo angloyazychnogo ekonomicheskogo diskursa (na primere statej zhurnala “The Economist”) [Interdiscoursive character of the metaphor of English financial discourse (on the example of the articles of “The Economist”). Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Issues of the theory and practice], 5, 64–67 (In Russian).
5. Voyakina E.Yu. (2014). Onomasticheskaya metafora v ekonomicheskom diskurse: kompleksnyj podhod [Onomastic metaphor in the economic discourse: a complex approach]. Tambov: TGTU (In Russian).
6. Izbickaya M.V. (2020). Sovremennye tendencii v neologii: tipologiya obrazovaniya neologizmov i leksikograficheskaya praktika (na materiale novoj anglijskoj leksiki iz sfery «Kul'tura» v elektronnyh volonterskih slovaryah) [Modern Tendencies in Neology: Typology of Neologisms' Formation and Lexicographical Practice (on the material of the new English lexis from the sphere “Culture” in the electronic voluntary dictionaries)]. Ivanovo: KGHTU (In Russian).
7. Katermina V.V. (2017). Kul'turno-interpretiruyushchij potencial massmedijnyh neologizmov v anglijskom diskurse [Cultural-interpretive Potential of the Mass media Neologisms in English Discourse]. Voprosy kognitivnoj lingvistiki [The issues of cognitive linguistics], 1, 84–90 (In Russian).
8. Katermina V.V., Lipiridi S.Ch. (2021). Pragmatiko-aksiologicheskij potencial setevyh anglijskih neologizmov turisticheskogo diskursa [Pragmatic-axiological potential Internet English neologisms in the touristic discourse]. Krasnodar: KUBGU (In Russian).
9. Lipiridi S.Ch. (2024). Harakteristika neologizmov v oblasti IT tekhnologij (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [Characterics of neologisms in the field of IT technologies (based on the material of the Russian and English languages]. Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki [Actual issues of modern philology and journalism], 2 (53), 131–137 (In Russian).
10. Rusnakova E.V. Anglijskij yazyk v cifrovoj srede: novye formy i leksicheskie processy [English in the digital sphere: new forms and lexical processes]. Filologiya i psihologiya [Philology and psychology], 1, 119–129 (In Russian).

11. Severova N.V. (2023). Zaimstvovannye slova gibridnogo tipa v ekvivalentnoj traktovke [Borrowed words of the hybrid type in the equivalent interpretation], 3 (50), 37–42 (In Russian).
12. Sen'ko E.V. (2023). Krosskul'turnaya neologiya [Crosscultural neology]. Vladikavkaz: OOO NPKP “Mavr” (In Russian).
13. Chugunov A.A. (2014) Russkoyazychnyj i angloyazychnyj finansovyj diskurs: metafory kak sredstvo emocional'nogo vozdejstviya na recipienta [Russian and English financial discourse: metaphors as a way of the emotional influence on a recipient]. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Linguistics and crosscultural communication], 3, 167–175 (In Russian).
14. Shamne N.L. Kolorativnye markery sovremennosti v aktual'nyh kul'turnyh konfliktah [Colorative markers of the modernity in the actual cultural conflicts], 8, 181–204 (In Russian).
15. Lacková M. (2025). The Linguistic Potential of the COVID-19 lexeme in English and Slovak (a Corpus-Based Study). Research in Language, vol. 23, 211–224 (In English).

Поступила в редакцию 31.01.2026 г.

NEOLOGISMS WITH COMPONENT “INFLATION” IN ENGLISH FINANCIAL-ECONOMIC DISCOURSE: SEMANTIC AND AXIOLOGICAL ASPECTS

T.N. Sviridova, V.V. Katermina

The article addresses neologisms with the component “inflation” in English financial-economic discourse. The purpose of the work is to study semantic and axiological aspects of the new words, naming types of the inflation in the modern world, and the intersection of financial-economic discourse with other types of discourse. The research material is an electronic lexicographical source Cambridge Dictionary Online Blog. The research results show that financial-economic discourse overlaps with gastronomic and ecological types of discourse. It was established that the semes of the new words show the “dishonest” ways of the price-formation used by producers and businessmen, ecological problems emerging because of natural, political, and ecological factors, and continuous price rise of the vital products. The axiological analysis showed up that people disagree with the fraudulent schemes against customers, the emerging tendency of the transition to the “green economy” and “evaluation” of friendship in terms of finance. The research demonstrates that neologisms are markers of the epoch and reflect the existing changes in the axiological world view in modern society.

Key words: financial-economic discourse, economy, neologism, inflation, price, semantics, axiology, language, culture.

Свиридова Татьяна Николаевна.
Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, г. Краснодар.
Аспирант кафедры английской филологии.
ORCID 0009-0006-4933-7714.
E-mail: autumn.86@mail.ru.

Sviridova Tatyana Nikolaevna.
Kuban State University, Russian Federation, Krasnodar.
Postgraduate student at English Philology Department.
ORCID 0009-0006-4933-7714.
E-mail: autumn.86@mail.ru.

Катермина Вероника Викторовна.
Доктор филологических наук, профессор.
Кубанский государственный университет,
Российская Федерация, г. Краснодар.
Профессор кафедры английской филологии.
ORCID 0000-0001-9141-9867.
E-mail: katermina_v@mail.ru.

Katermina Veronika Viktorovna.
Doctor of Philology, Professor.
Kuban State University, Russian Federation, Krasnodar.
Professor at English Philology Department.
ORCID 0000-0001-9141-9867.
E-mail: katermina_v@mail.ru.

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.19865366

СЕГМЕНТАЦИЯ МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА В РУССКОЙ СЕТЕВОЙ МИКРОПОЭЗИИ

© 2026 ***А.В. Батулина***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»
ORCID 0000-0001-6341-5965

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена описанию сегментации морфемной структуры слова — одному из самых продуктивных в современном поэтическом, рекламном и газетном дискурсе приемов игры с внутренней формой слова, рассчитанных на визуальное восприятие текста. Сегментация исследуется на материале популярного в рунете жанра сетевой микропоэзии — «стишков-пирожков», «порошков», «депрессяшек» и др. Применив описательный метод, метод словообразовательного и компонентного анализа, автор выделяет две функциональные разновидности игрового членения морфемной структуры слова: рассчитанные на семантический эффект и не предполагающие возникновения добавочных смыслов. В зависимости от вида языковых средств, с помощью которых сегментируется узуальная лексическая единица, разграничиваются три способа сегментации: графический, лексический и семантический. Отмечается, что сегментация в сетевой микропоэзии часто сочетается с усечением и с другими игровыми приемами. Обосновывается понимание сегментации как одной из форм реализации поэтики жанра — поэтики абсурда, гротеска.

***Ключевые слова*:** окказиональное словообразование, сетевая микропоэзия, сегментация, псевдовосстановление производящей основы, интернет-фольклор, однострофные иронические стишки, поэтика абсурда.

Для цитирования: Батулина А.В. Сегментация морфемной структуры слова в русской сетевой микропоэзии / А.В. Батулина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 53–66. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19865366.

Введение. Регулярные модели словообразования, в том числе арготического и общеразговорного, намного чаще оказываются в фокусе внимания исследователей, чем модели окказиональные. Предметом интереса в настоящей работе является один из продуктивных в современном медийном, рекламном, поэтическом дискурсе [13, с. 12; 9, с. 66–67; 16, с. 230; 17, с. 133] способов окказионального словопроизводства, при котором «в одном узуальном слове выделяется его часть, которая совпадает с другим узуальным словом» [17, с. 96]. Данный процесс может рассматриваться как разновидность компрессивного способа словообразования: «одна звуковая оболочка служит для выражения разных значений или оценки обозначаемой реалии… [компоненты] слов с графически выделенным квазикорнем вступают в определенные синтаксические отношения, при этом часть информации может остаться невербализованной» [13, с. 15].

Поскольку при выделении в слове отрезка, имеющего самостоятельное значение, в качестве словообразовательного оператора, как правило, используются графические и орфографические средства (дефисация, курсив, использование букв различной

величины, отступление от привычной орфографии) [8, с. 77; 9, с. 46; 13, с. 16], данный прием традиционно определяется как графическое или орфографическое словообразование [8, с. 77; 17, с. 96; 9, с. 99–105), графодеривация [16, с. 230], графическая гибридизация [20, с. 298]. В зависимости от типа применяющихся при сегментации знаковых систем разграничивают моно-, поли- или кодографиксацию [20]. Использование в тех же целях лексических единиц обычно рассматривается отдельно, как иной способ деривации [8, с. 82–83; 13, с. 102; 9, с. 234–236]. В настоящей работе для номинации приема вычленения в структуре узуальной или окказиональной лексической единицы сегмента, тождественного другой лексической единице, мы вслед за Н.А. Николиной используем термин «сегментация слова», или «сегментация морфемной структуры слова», поскольку рассматриваемый прием может реализовываться не только посредством графических средств, но и, как будет показано далее, посредством лексических средств и введения семантизирующего контекста.

Несмотря на активное исследование сегментации, многие вопросы, связанные с механизмами и средствами выделения квазиморфем, взаимодействием сегментации с иными способами окказиональной деривации, прежде всего — контаминацией, остаются спорно или недостаточно освещенными. Об актуальности исследования процессов словотворчества свидетельствует и появление отдельной отрасли гуманитарного знания — лингвистики креатива, «объединившей представителей разных научных школ (Е.А. Земская, Т.А. Гридина, Б.Ю. Норман, Е.Н. Ремчукова, С.А. Минюрова, A. Aieinikov и др.), занимающихся исследованием языкового творчества в практически любых проявлениях и сферах, от поэзии и рекламного дискурса до детской речи и молодежного жаргона» [19, с. 166].

Предметом интереса в настоящей работе является определение словообразовательной и семантической специфики процесса сегментации слова в русской сетевой микропоэзии, описание языковых средств сегментирования, а также взаимодействия сегментации с иными окказиональными способами словообразования. Сегментация морфемной структуры слова, представляющая собой один из способов окказионального словообразования, рассматривается в функционально-прагматическом аспекте как стилистический прием, реализующий прежде всего поэтико-эстетическую функцию — характерную для русской однострофной иронической поэзии поэтику абсурда, гротеска.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили 126 однострофных иронических стишка, принадлежащих к различным субжанрам («пирожки», «порошки», «две девятки», «депрессяшки» и др.), в которых используется прием сегментации морфемной структуры узуальных и окказиональных лексических единиц. Источником материала является сайт «Поэторий» — «самый большой сборник малых сетевых поэтических жанров в интернете» [23]. Все примеры приводятся со ссылкой на этот сайт.

Анализ иронических стишков базировался в первую очередь на разновидностях описательного метода исследования: структурно-описательного, описательно-сопоставительного и описательно-функционального. При описании механизма сегментации использовался словообразовательный и компонентный анализ, при выявлении степени продуктивности различных способов сегментации — графического, лексического, семантического — количественный метод. Интертекстуальный метод применялся в тех случаях, когда вычленение совпадающего со словом отрезка взаимодействует с отсылкой к прецедентному тексту.

Основная часть. Приемы окказионального словотворчества в микропоэзии находятся в неразрывной связи с ее жанровыми особенностями: лаконичностью формы,

отсутствием шрифтовых выделений и знаков препинания, анормативностью, установкой на комизм и абсурд. Поэтому наблюдение В.С. Елистратова об обусловленности арготического словообразования его эстетической функцией: «в арго фонетико-экспрессивный (образно-фонетический) аспект превалирует над формально-словообразовательным и грамматическим», вследствие чего «арготическое словообразование является одной из форм реализации специфической аргопоэтики» [4, с. 654–655], — представляется актуальным и для поэтического интернет-фольклора.

Русская сетевая микропоэзия — популярный жанр современного сетевого дискурса в формате однострофных (2–4 строки) коротких стишков различных субжанров («стишки-пирожки», «порошки», «две девятки». «депрессяшки» и др.) комического содержания, в которых обычно не используются прописные буквы и знаки препинания. Невозможность установить подлинное авторство, незакрепленность ролей «автор — читатель», отсутствие идиостиля у стишков, подписанных одним и тем же ником, дают основания рассматривать сетевую микропоэзию как жанр постфольклора [11, с. 144] или жанр, переходный между сетературой и фольклором [3, с. 300; 15, с. 129; 2, с. 46]. Предложенное М.Л. Ковшовой наименование э-стишки, т.е. стишки, передающиеся электронным путем, отражает характер бытования сетевой микропоэзии.

Свойственная жанру повышенная экспрессивность, сильное игровое начало имеют следствием активизацию словотворчества, в том числе основанного на использовании словообразовательных возможностей языка. Выбор в качестве материала исследования иронических стишков обусловлен присущими сетевой микропоэзии техническими особенностями оформления текста, отличающими ее от иных жанров интернет-коммуникации: запретом на использование прописных букв, скобок, дефисов, элементов иных алфавитов и знаковых систем, т.е. тех графических средств, которые активно применяются для выделения части слова, формально совпадающей с другим словом, в медиа и иных жанрах интернет-коммуникации.

В соответствии с принятым в работе функционально-стилистическим подходом к сегментации, можно выделить два основных типа окказионального членения морфемной структуры слова: с установкой на семантический эффект и с установкой на экспрессию, игру с графикой и орфографией, не затрагивающую лексической семантики сегментируемой единицы.

Несемантическая сегментация. Сегментация, не относящаяся к явлениям семантики, в сетевой микропоэзии является достаточно частотной. О существовании приемов игрового словообразования, не предполагающих семантического эффекта, писали Е.А. Земская, разграничивающая острословие и балагурство [5, с. 206], Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев [1, с. 447], различающие языковую игру и «наивный» эксперимент. Несемантическая сегментация может производиться графическими либо лексическими (разделение вычленяемых сегментов полнозначными словами) средствами, выделяемые сегменты могут совпадать с полноценными лексемами либо представлять собой неморфемные комплексы.

Графический способ. Способы графической сегментации, использующиеся в сетевой микропоэзии, уступают в разнообразии способам выделения сегментов слова в текстах современного поэтического, газетного и рекламного дискурса, что обусловлено отсутствием в э-стишках знаков препинания, прописных букв и средств графического выделения. Поэтому практически единственным средством графической сегментации в э-стишках является пробел. Как показал анализ контекстов, в новой интернет-поэзии в качестве сегментируемого отрезка практически не выступают соответствующие реальному морфемному членению производящего слова звукокомплексы — корневые

морфемы или форманты. И при семантически нагруженной, и при несемантической сегментации, как правило, вычленяются неморфемные сегменты, которые совпадают с узуальными словами или являются им созвучными. Графическая сегментация в сетевой микропоэзии представлена различными разновидностями. Так, в приводимом ниже примере контекстуальное сближение словоформы *добра* с предложно-падежной формой *до бра* имеет следствием изменение восприятия морфемной структуры нечленимой узуальной единицы, которая начинает восприниматься одновременно и как нечто целое, и как объединение двух самостоятельных сегментов:

мой бро не просто добрый малый
он квинтэссенция добра
мне далеко ещё размером
до бра

Образующиеся таким образом составные рифмы соединяют никак не связанные между собой сущности, поэтому, по справедливому замечанию В.З. Санникова, такого рода каламбуры «в лингвистическом плане… не очень интересны» [18, с. 286]. Следует отметить, что отсутствие семантических приемов языковой игры не исключает наличия иных игровых приемов, не последнее место в ряду которых занимает использование прецедентных текстов — широкоизвестных, обладающих ценностной значимостью для определенной культурной группы знаковых единиц [10, с. 216]. В процитированном э-стишке игровой характер сегментации усиливается благодаря расширению парадигмы несклоняемого существительного *бро — до бра,* травестированию цитаты из «Евгения Онегина» (*добрый малой*).

В отличие от рассмотренного э-стишка, в котором материально выраженными являются и словоформа — объект сегментации, и ее результат, в следующем примере сегментируемое слово отсутствует, поскольку легко восстанавливается из контекста:

ночь не спал петрович
думал до зари
что за мушки тёра
и зачем их три

К не предполагающим «игру смыслов» приёмам сегментации относится расчленение лексических единиц, выполняющее исключительно функцию поддержания ритмико-метрической структуры текста. Так, в приводимом ниже примере каламбурное сближение прямого и переносного значения глагола *снять* невозможно с вычленяемой корневой морфемой -*ответ,* поэтому добавочных смыслов в результате сегментации морфемной структуры существительного *ответственность* в контексте не возникает:

хавьер входя снимает шляпу
пальто кальсоны и ответ
ственность за все что может сделать
хавьер без шляпы и кальсон

«Наивность» насмешки свойственна стишкам, в которых сегментируемое слово расчленяется на основании фонетических созвучий с узуальными словами:

персеверации опасны
сказал тревожно психиатр
перс север рации поп пасть сны
натр натр

Содержательно не нагруженной сегментации могут подвергаться окказиональные образования. Например, в следующем э-стишке расчленяемый глагол образован способом субституции: *перезимовал → переосеневал*:

взяв томик пушкина крестьянку
запас еды на сеновал
поэт с трудом но переосе
невал

Особую разновидность несемантической графической сегментации представляет перестановка частей слова:

геннадий нечленораздельно
в поту холодном и в бреду
кричит мол я вас преждаю
преду

Рифмовка сегментируемой и фонетически созвучной языковой единицы в сетевой микропоэзии нередко обеспечивается через сочетание сегментации с суффиксацией:

мы как то стремительно движемся
вниз
кричит перепуганный карик
а валя глотает профессорский вис
карик

герасим гребет сохраняя литсо
и правит лодчонку на бакен
а рядом сидит беспокоится со
бакен

Присоединение к производящей основе арготических суффиксов *-ик, -ен* добавляет тексту экспрессии, однако смыслового взаимодействия каламбурно сближающихся фонетических отрезков: *карик — (вис)карик, бакен — (со)бакен* — не происходит. Как отмечает В.З. Санников, назначение такого рода каламбуров состоит в передаче метаязыковой информации: «в языке разные слова имеют иногда сходное звучание… я, автор, это подметил и сумел объединить их в одном связном тексте» [18, с. 499].

Лексическая сегментация. Сегментация слова посредством его разделения лексическими единицами в сетевой микропоэзии используется значительно реже, чем графическая. Не предполагающее семантического эффекта расчленение лексических единиц может производиться не только полнозначными, но и незнаменательными словами. Так, в серии стишков, в которых расчленяется фамилия *Петров-Водкин*, в качестве средств выделения используются языковые единицы разного грамматического статуса:

петров который также водкин
следил за мной четыре дня
не зная где я покупаю
коня

трезвая джоконда
примитивный арт
наш петров и водкин
круче леонард

Как неоднократно отмечалось, при разграничении семантических и несемантических игровых приемов возникают определенные трудности [5, с. 186; 1, с. 447].

Анализ контекстов несемантической сегментации показывает, что вычленяемые морфемные и неморфемные комплексы могут абсолютно орфографически и орфоэпически совпадать с сегментируемым производящим (*бакен — со бакен, добра*

— *до бра, кая — вты кая*) либо иметь лишь звуковое — полное или частичное — совпадение (*корги — мира торге, из кра — искра, три-пять — припять*). Контексты, в которых совпадение лишь звуковое, преобладают:

дать пять не смогу хоть секи батогом
могу дать без малого три-пять
здесь вам не чикаго поскольку
кругом припять

Семантическая сегментация. Сегментация, вследствие которой появляется добавочный смысл, по нашим наблюдениям, представляет собой преимущественно переосмысление морфемной структуры слова. Под переосмыслением морфемной структуры слова (переэтимологизацией, или псевдовосстановлением производящей основы), понимается «шутливое, с установкой на языковую игру членение и псевдочленение слова, приводящее к актуализации его внутренней формы» [6, с. 164]. Для обозначения данного явления используются также термины «новая образная мотивация» [7], «псевдомотивация», «псевдочленение» [9, с. 106].

Переосмысление словообразовательной структуры слова, или переэтимологизация, посредством сегментации может происходить через разделение вычленяемых сегментов пробелами (графический способ), полнозначными словами (лексический способ) либо через введение семантизирующего контекста (семантический способ).

Графический способ. По нашим наблюдениям, графическая сегментация является основным приемом сегментации, имеющей следствием переосмысление морфемной структуры слова. Имеющая широкое распространение в сетевой микропоэзии неморфемная графическая сегментация представлена преимущественно в рифмованных э-стишках — «порошках» и «депрессяшках»:

клянусь мальчишник будет скромным
спокойный ужин тихий паб
лишь женя саша валя ника
ких баб

Графическое выделение в местоимении *никаких* отрезка, омонимичного имени собственному, приводит к удвоению его морфемной структуры, которая воспринимается одновременно как сочетание нечленимого существительного *ника* с несемантизируемым морфемным комплексом *-ких* и как членимое отрицательное местоимение *никаких*. Игровой характер сегментации усиливается благодаря тому, что онимы, не имеющие определенной соотнесенности с биологическим полом (*женя, саша, валя*) с появлением сегментируемого отрезка *ника* начинают восприниматься как женские имена.

В «порошках» — четверостишиях с рифмующимися четными строками и двусложной концовкой, количество слогов в которых по строкам составляет 9-8-9-2, — сегментации, как правило, подвергается трехсложное слово в конце третьей строки, реже — последнее слово четвертой или второй строки, например:

неадекватная царевна
вдруг закричала адеква
тная я адекватна кватна
ква ква

Местоположение сегментируемого слова на границе 3-й и 4-й строки не случайно — оно отвечает содержательному делению стишка на «основной текст» и неожиданную концовку, которая нарушает коммуникативные ожидания читателя и обеспечивает «неожиданный… семантический или прагматический сдвиг, который подразумевает конфликт двух фрагментов текста, то есть их несовместимость» [12, с. 129)].

Анализ материала показывает, что высокочастотным для сетевой микропоэзии является сочетание неморфемной сегментации с конечным неморфемным усечением, апокопой, например:

глава один придумал пушкин
гуляя по лесу зимой
но занемог и не добрался
до мой

При помощи разделения наречия *домой* актуализируются два смысла: связанный с узуальным обликом слова и обусловленный фондом общих для автора и адресата знаний о петербургском адресе Пушкина: *пушкин… не добрался до мой(ки).*

Как можно заметить по приведенным примерам, благодаря усечению конечных слов четных строк в стишках появляется рифма с сегментируемым компонентом. Так же, как и в «традиционных» поэтических текстах, результатом окказионального членения может являться восстановление утраченной этимологии сегментируемого слова:

и отвернулась сразу люба
накрывшись парой одеял
хотя олег недопрелюбо
деял

Членение глагольной производящей основы отсылает к устойчивому сочетанию *прелюбы деяти*. Игровой характер сегментации деривата *недопрелюбодеял* усиливается благодаря сочетанию с окказиональной префиксацией: *недо* + *прелюбодеял,* паронимической аттракции глагола *недопрелюбодеял* с *люба* и с *одеяло.*

В результате игровой графической сегментации могут вычленяться звуковые отрезки, созвучные обсценной лексике:

я мат прошу вас не употре
блять в этих сказочных каньё
нах не туристы вы а хули
ганьё

В сетевой микропоэзии используется также пересегментация лексических единиц, прежде всего «каламбурное столкновение двух потенциальных членений» [7, с. 316]:

и снилось веничке как будто
североморск ростов и омск
по очереди становились
ио мск

Следствием пересегментации *и омск — ио мск* является семантическое взаимодействие широко используемого в сетевом общении сокращения *мск* (*Москва*) и топонима *омск*.

В результате пересегментации нередко изменяется грамматическая организация текста:

при появлении в театре
маэстро кальмана имре
все дамы вскрикивали кальман
и мре

Выделение в антропониме *имре* соединительного союза *и* приводит к «оглаголиванию» сегмента *мре* и возникновению у него синтаксической связи с *вскрикивали*. *Мре* сближается с архаичными формами *умрети / умерети*, что актуализирует историческое морфемное членение глагола: *у-мереть.*

Лексический способ. С помощью полнозначных слов так же, как и посредством пробелов и переноса на границах строк, вычленяются прежде всего неморфемные сегменты:

по речке ходят два корейца
кореец пуш кореец кин
крадутся сзади два якудзы
якудза дан якудза тэс

Онимы *пуш* и *кин, дан* и *тэс* образованы простым расчленением фамилий *Пушкин, Дантес*. Употребление лексемы *кореец* для сегментации фамилии *Пушкин* находит логическое обоснование в односложном характере корейских фамилий, а также в созвучности сегмента *кин* с одной из самых распространенных в Корее фамилий *Ким*. Использование экзотизма *якудза* (*якудза* — 2. «представитель японской мафии, гангстер» [22, с. 939]) связано, вероятно, с аллюзией на конфликт Южной Кореи с Японией.

Сегментируемые компоненты в э-стишке могут меняться местами, как в следующем примере:

я с утра до ночи
тычу в мышку пальц
потому что геймер
потому что альц

Расчленямые звукокомплексы могут представлять собой сверхсловные единицы:

сказал патологоанатом
приподнимая простыню
ну что голубчик хава в целом
а ю

мне народ по дюнам
сорок лет мотат
только без акунав
только без матат

В первом процитированном примере сегментируется данная в русской транскрипции этикетная формула *how are you*, во втором — устойчивое сочетание *акуна матата,* узуально неизменяемые компоненты которого подвергаются грамматическому переоформлению, употребляясь как склоняемые существительные. Семантическими последствиями сегментации является появление у вычленяемых отрезков определенного содержания.

Как и в большинстве рассмотренных примеров, сегментация, в данном случае сочетающаяся с имитацией грамматических особенностей просторечия, встречается в составе рифмы.

В случае разделения компонентов окказионализмов, образованных путем рифмованного сложения, или гендиадиса [8, с. 48], лексическая сегментация может рассматриваться как разновидность дегендиадиса — приема обратного словообразования: употребления одного из членов сложения как самостоятельного слова [8, с. 20]:

я негр шаинского и больше
скрывать от мира не хочу
да чунгу написал маэстро
но чанга выстрадана мной

Результатом лексической сегментации в данном случае становится семантическая разнофункциональность вычленяемых единиц.

Особым типом псевдовосстановления производящей основы, которая является результатом лексической сегментации, является переосмысление мотивационных отношений в производящем при сохранении границ между морфемами:

нет гулять сегодня
саша не пойдёт
патамушта голый
патамушта лёд

Вследствие декомпозиции с десуффиксацией *гололедица → голый лед + -иц(а)* происходит наложение и каламбурное сближение разных значений прилагательного *голый*: *голый* — 1. «не имеющий на себе никакой одежды, не прикрытый одеждой; нагой» и *голый* — 2. «лишённый растительного покрова; лишённый растительности (волос, шерсти, перьев, листьев и т. п.)» [21].

Нетривиальный образец лексической сегментации представлен в стишке, в котором сегментация не только становится основой для каламбура, но и обеспечивает интертекстуальные связи стишка:

мой гений тихо молвит таня
грущу по вас не спав не ев
не твой онегин поправляет
а ев

Имя *евгений* распадается на два самостоятельных сегмента *гений* и *ев*, в котором *-ев* каламбурно сближается с подвергшимся графической деформации местоимением *его*, в тексте стишка включаясь в семантический ряд: *мой — (не) твой — ев*. Сегмент *гений,* употребляющийся в значении “олицетворение, воплощение чего-нибудь”, отсылает к известнейшему пушкинскому стихотворению «К ***». Поскольку сегментируемый компонент находится в последней строке стишка, которая, собственно, и указывает как на наличие сегментации, так и на необходимость переосмысления первых трех строк текста, операцию сегментации должен произвести читатель, ориентируясь на предлагаемые ему сигналы.

Лексическая сегментация может выполнять функцию эвфемизации:

и не описать вам
грусти февраля
не употребляя
бэ без слога ля

Семантический способ. Как отмечается в исследованиях, посвященных поэтической речи, «актуализируемый сегмент слова далеко не всегда выделяется графически. Текст может строиться так, что сама структура слов с повторяющимися элементами обусловливает осознание значимого в семантическом отношении компонента» [13, с. 20]. Семантическая сегментация в сетевой микропоэзии, по нашим наблюдениям, осуществляется различными способами, которые можно свести к двум основным:

1) введение дефиниционного контекста, содержащего прямое указание на производящее;

2) введение в текст специальных сигналов, «намекающих» на производящее при отсутствии последнего: употребление одноструктурных слов, повтор звукокомплексов, содержащих вычленяемый сегмент.

Первый способ аналогичен толкованию псевдомотивированных слов, принятому в «Энтимологическом словаре» Б.Ю. Нормана [14].

кошатник будет гладить кошек
собачник обнимать собак

и лишь китаец грустный любит
издалека своих китов

Псевдочленению существительного *китаец* способствуют сразу нескольких приемов: употребление в предтексте двух узуальных производных с тем же словообразовательным значением: «любитель того, что названо производящей основой», словесное выражение этого значения для каждого из членов словообразовательной квазикатегории. В контексте стишка окказиональная сегментация подчеркивает смысловое противопоставление тех, кто может выразить свою привязанность к объекту любви, и тех, кто лишен такой возможности.

Сходный тип переосмысления словообразовательной структуры слова представлен в э-стишке, в котором семантически сближаются омонимичные сегмент основы *корейк-* и связанного корня *корей-*, что приводит к окказиональному выделению в нечленимой основе суффикса со значением женскости *-к(а)*:

кореец где твоя корейка
не в смысле мясо от свиньи
а молодая с нежной кожей
миндалеокая герла

Переэтимологизация в данном случае поддерживается, помимо дефиниционного контекста (2–4 строки), регулярностью выражения коррелятивных отношений существительных мужского и женского рода со значением лица, а также общеизвестностью примеров языковой игры типа *грек — гречка, чех — чешка*.

Как показывает наш материал, формула «не тот / та, что…, а» или «не в смысле…, а…» для объяснения псевдомотивационных отношений используется в ряде э-стишков, например:

поганец где твоя поганка
не та что ядовитый гриб
а та которую грибами
я отравила год назад

меня пленила сарабанда
не в смысле траурный напев
а в смысле банда тёти сары
поймала держит взаперти

В первом процитированном стишке контекстуально объединяются этимологически родственные омонимичные значения корня *поган-*: *поганец* «скверный, недостойный, гадкий человек… < *поганка*…» [21] и *поганка* «несъедобный (обычно ядовитый) гриб» [21]. Во втором примере благодаря лексической сегментации происходит каламбурное сближение прямого и переносного значения глагола *пленить*.

При морфемной семантической сегментации сохраняются границы между морфемами, однако изменяется семантика или грамматический статус морфем. Так, в приведенном ниже стишке под влиянием дефиниционного контекста изменяются залоговые отношения в предложении *она звалась олегом*: действительная конструкция преобразуется в страдательную. Словообразовательная игра сопровождается травестированием фрагмента из «Евгения Онегина»:

итак она звалась олегом
не в смысле женщина олег
а просто гдето потерялась
и вот олег её зовёт

Одним из способов непрямого указания на производящее является повтор звукокомплекса, содержащего вычленяемый сегмент, либо наличие в тексте стишка одноструктурных слов, под влиянием которых повторяющаяся корневая морфема либо формант начинают восприниматься как самостоятельная единица, обладающая целостным значением:

итак она звалась татьяна
ей сразу бог на день рождень
вручил и пушкина и мячик
и день

Наличие двух употреблений словоформы *-день* в тексте э-стишка обусловливает вычленение элемента *-день* в качестве семантически самостоятельного сегмента и в усеченном *деньрождень*. Ср.:

да асфальт по омску
неприлично мерзк
но сперва покроем
вольтовск и амперск

Отчетливая членимость окказиональных топонимов *вольтовск* и *амперск*, которые, подобно узуальным названиям городов, имеют финаль *-ск*, а также их семантическая близость приводит к переосмыслению морфемной структуры онима *омск*, в которой начинает вычленяться корневая морфема, встраивающаяся в общий ассоциативный ряд единиц измерения характеристик электрического тока, и суффикс *-ск-* с локативным значением.

В отдельных случаях средством псевдочленения является не только опора на повторяемость вычленяемого сегмента, но и экстралингвистическая информация. Так, в приводимом ниже примере псевдочленение опирается на имеющееся у реципиентов знание об отсутствии глаза у Питера Фалька — актера, сыгравшего роль лейтенанта Коломбо:

признаюсь мне было порой нелегко
терпеть лейтенанта коломбо
глядишь ему в глаз а сам думаешь ко
лом бы

Семантическая сегментация также поддерживается контекстом (*глядишь ему в глаз*) и наличием устойчивых системных ассоциативных связей: *глаз — колоть.*

Заключение. Итак, сегментация морфемной структуры слова — распространенный в русской сетевой микропоэзии прием. Объектом сегментирования могут быть узуальные и окказиональные, производные и непроизводные лексические единицы. Сегментируемые отрезки представлены преимущественно неморфемными комплексами, чрезвычайно редко вычленяются префиксы и префиксоиды. В большинстве рассматриваемых примеров сегментация взаимодействует с усечением, суффиксацией, намеренным нарушением языковых норм, отсылкой к прецедентным текстам и иными игровыми приемами.

Сегментация морфемной структуры слова может производиться графическим, лексическим либо семантическим способом. Способ сегментации коррелирует с ее функцией: несемантическая сегментация производится графическими либо лексическими средствами. Сегментация, рассчитанная на семантический эффект, может осуществляться графическими, лексическими либо семантическими способами. Следствием семантической сегментации, как правило, является переосмысление словообразовательной структуры слова. В интернет-микропоэзии так же, как и в рекламном, газетном, поэтическом дискурсе, самый частотный прием сегментации —

графический. При этом, в отличие от иных типов дискурса, единственным средством графического членения слова в сетевой микропоэзии является пробел.

Обеспечиваемые сегментацией многообразные функции: от акцентирования внимания на звуковом совпадении семантически разноплановых морфемных и неморфемных отрезков, поддержания метрико-ритмической структуры стишка, усиления экспрессии до построения вектора сюжетного развития, содержательного членения текста на основную и содержательно контрастную финальную часть — позволяет сделать вывод о том, что сегментация в сетевой микропоэзии является одной из форм реализации поэтики жанра — поэтики абсурда, гротеска, алогизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира: (На материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 574 с.
2. Вардиц В.В. «Пирожки» и «порошки»: анонимная интернет-поэзия как новый речевой жанр / В.В. Вардиц // Русский язык сегодня. Речевые жанры современного общения. — 2015. — Вып. 6. — С. 44–54.
3. Джалилова Н.А. Виртуально-фольклорные формы презентации идентичности в Интернете / Н.А. Джалилова // Интернет и фольклор. — 2009. — М.: Гос. респ. центр рус. фольклора. — С. 294–301.
4. Елистратов В.С. Арго и культура / В.С. Елистратов // Толковый словарь русского сленга: свыше 12000 слов и выражений. Арго, кинемалогос, жаргоны. Примеры употребления. — М.: Грамота, АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. — С. 614–662.
5. Земская Е.А. Языковая игра / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русская разговорная речь. — М.: Наука, 1983. — С. 172–235.
6. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е.А. Земская. — М.: Наука, 1992. — 220 с.
7. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка / Л.В. Зубова. — М.: Новое лит. обозрение, 2000. — 431 с.
8. Изотов В.П. Параметры описания системы способов русского словообразования : монография / В.П. Изотов. — Орел, 1998. — 149 с.
9. Ильясова С.В. Язык СМИ и рекламы: игра как норма и как аномалия : монография / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. — М.: ФЛИНТА: Наука. — 328 с.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — М.: КомКнига, 2006. — 264 с.
11. Ковшова М.Л. Язык и комизм э-стишков в русской сетевой микропоэзии / М.Л. Ковшова // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней. — Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2023. — С. 142–163.
12. Ковшова М.Л. Смех не без причины. Язык и механизмы комического в новых жанрах интернет-поэзии: монография / М.Л. Ковшова, М.А. Кронгауз. — М.: Дискурс, 2024. — 208 с.
13. Николина Н.А. Активные процессы в языке русской художественной литературы / Н.А. Николина. — М.: Гнозис, 2009. — 335 с.
14. Норман Б.Ю. Энтимологический словарь / Б.Ю. Норман. — М.: ФЛИНТА, 2022. — 169 с.
15. Петренко С.Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой / С.Н. Петренко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Актуальные проблемы литературоведения. — Волгоград. — 2014. — № 7(92). — С. 129–134.
16. Попова Т.В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX — начала XXI века / Т.В. Попова // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. — М., 2007. — С. 230–231.
17. Рацибурская Л.В. Коммуникативные риски в современном медийном словотворчестве : учебное пособие / Л.В. Рацибурская, Д.В. Соловьева. — М.: ФЛИНТА, 2021. — 168 с.
18. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 547 с.
19. Сергаева Ю.В. Творчество виртуальной языковой личности как основа антропоцентрической неографии / Ю.В. Сергаева // Язык и текст в антропомерной науке : коллективная монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. — С. 166–187.
20. Штукарева Е.Б. Языковая специфика интернет-коммуникации / Е.Б. Штукарева // Интернет-коммуникация как новая речевая формация : коллективная монография. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. — С. 29–302.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

21. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gramota.ru (дата обращения: 20.05.2025).
22. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. — М.: Эксмо, 2008. — 944 с.
23. Поэторий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.poetory.ru (дата обращения: 25.06.2025).

REFERENCES

1. Bulygina T.V., Shmelev A.D. (1997). Yazikovaya kontseptualizatsiya mira: (Na materiale russkoi grammatiki) [Language Conceptualization of the World: (Based on the Russian grammar)]. M.: School "Languages of Russian Culture", 574 (in Russian).
2. Vardits V.V. (2015). «Pirozhki» i «poroshki»: anonimnaya internet-poeziya kak novii rechevoi zhanr ["Pirozhki" and "porozhki": anonymous Internet poetry as a new speech genre. Russian language today. Speech genres of modern communication], 6, 44–54 (in Russian).
3. Dzhalilova N.A. (2009). Virtualno-folklornie formi prezentatsii identichnosti v Internete. Internet i folklor [Virtual-Folklore Forms of Identity Presentation on the Internet. Internet and Folklore]. M.: State Republic. Center of Russian Folklore. 294–301 (in Russian).
4. Elistratov V.S. (2023). Argo i kultura. Tolkovii slovar russkogo slenga: svishe 12000 slov i virazhenii. Argo, kinemalogos, zhargoni. Primeri upotrebleniya [Argo and Culture. Explanatory Dictionary of Russian Slang: Over 12,000 Words and Expressions. Argo, Kinemalogos, and Jargons. Examples of Use]. Moscow: Gramota, AST-PRESS SCHOOL, 2023, 614–662 (in Russian).
5. Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.A., Rozanova N.N. (1983). Yazikovaya igra. Russkaya razgovornaya rech [Language Game. Russian Spoken Language]. Moscow: Nauka, 172–235 (in Russian).
6. Zemskaya E.A. (1992). Slovoobrazovanie kak deyatelnost [Word Formation as Activity]. Moscow: Nauka, 220 (in Russian).
7. Zubova L.V. (2000). Sovremennaya russkaya poeziya v kontekste istorii yazika [Modern Russian Poetry in the Context of Language History]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 431 (in Russian).
8. Izotov V.P. (1998). Parametri opisaniya sistemi sposobov russkogo slovoobrazovaniya. Monografiya [Parameters of the Description of the System of Methods of Russian Word Formation. Monograph]. Oryol, 149 (in Russian).
9. Ilyasova S.V., Amiri L.P. (2018). Yazik SMI i reklami: igra kak norma i kak anomaliya: monografiya [The Language of the Media and Advertising: Play as a Norm and as an Anomaly: Monograph]. Moscow: FLINTA: Nauka, 328 (in Russian).
10. Karaulov Yu.N. (2006). Russkii yazik i yazikovaya lichnost [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: KomKniga, 264 (in Russian).
11. Kovshova M.L. (2023). Yazik i komizm e-stishkov v russkoi setevoi mikropoezii. Problemi lingvisticheskoi semantiki i pragmatiki yazikovikh yedinits raznikh urovnei [The Language and the Comicism of E-Poems in Russian Online Micropoetry. Problems of Linguistic Semantics and Pragmatics of Language Units at Different Levels]. Kaluga: KSU named after K.E. Tsiolkovsky, 142–163 (in Russian).
12. Kovshova M.L., Krongauz M.A. (2024). Smekh ne bez prichini. Yazik i mekhanizmi komicheskogo v novikh zhanrakh internet-poezii: monografiya [Laughter has a Reason. Language and Mechanisms of the Comic in New Genres of Internet Poetry: A Monograph]. Moscow: Discourse, 208 (in Russian).
13. Nikolina N.A. (2009). Aktivnie protsessi v yazike russkoi khudozhestvennoi literaturi [Active Processes in the Language of Russian Fiction]. M.: Gnozis, 335 (in Russian).
14. Norman B.Yu. (2022). Entimologicheskii slovar [Enthymological Dictionary]. M.: FLINTA, 169 (in Russian).
15. Petrenko S.N. (2014). Pirozhki i poroshki: setevaya poeziya mezhdu folklorom i literaturoi [Pirozhki and porozhki: Network Poetry between Folklore and Literature]. Izvestiya VGPU. Actual Problems of Literary Studies, 129–135 (in Russian).
16. Popova T.V. (2007). Grafoderivatsiya v russkom slovoobrazovanii kontsa XX — nachala XXI veka [Graphoderivation in Russian Word Formation at the End of the 20th and the Beginning of the 21st Century. Russian Language: Historical Destinies and Modernity. III International Congress of Russian Language Researchers: Proceedings and Materials]. Moscow, 230–231 (in Russian).
17. Ratsiburskaya L.V., Solovyova D.V. (2021). Kommunikativnie riski v sovremennom mediinom slovotvorchestve: uchebnoe posobie [Communicative risks in modern media word–making: a textbook] / L.V. Ratsiburskaya, D.V. Solovyova. Moscow: FLINTA, 168 (in Russian).
18. Sannikov V.Z. (2002). Russkii yazik v zerkale yazikovoi igri [The Russian Language in the Mirror of Language Play]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 547 (in Russian).

19. Sergaeva Yu.V. (2018). Tvorchestvo virtualnoi yazikovoi lichnosti kak osnova antropotsentricheskoi neografii. Yazik i tekst v antropomernoi nauke: kollektivnaya monografiya. [Creativity of a Virtual Language Personality as the Basis of Anthropocentric Neography. Language and Text in Anthropomorphic Science: A Collective Monograph]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University, 2018, pp. 166–187 (in Russian).
20. Shkutareva E.B. (2016). Yazikovaya spetsifika internet-kommunikatsii. Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya: kollektivnaya monografiya. [Language Specificity of Internet Communication]. Internet Communication as a New Speech Formation: A Collective Monograph. Moscow: FLINTA: Nauka. 29–302 (in Russian).

Поступила в редакцию 13.01.2026 г.

WORD MORPHEMIC STRUCTURE SEGMENTATION IN RUSSIAN NETWORK MICROPOETRY

A.V. Batulina

The article addresses a word morphemic structure segmentation. Designed for visual text perception, it is one of the most productive methods of playing with the word's inner form in modern poetic, advertising and newspaper discourse. Segmentation is studied on the material of the popular micropoetry genre in the Russian Internet. Having the descriptive, word-formation and componential analysis methods applied, two functional varieties of a word morphemic structure game division were outlined. These functional varieties imply those designed for a semantic effect and those that do not involve the additional meanings emergence. Depending on the type of linguistic means by which the lexical unit is segmented, three segmentation methods are distinguished: graphical, lexical, and semantic. It is pointed out that segmentation in network micropoetry is often combined with apocope and other gaming techniques. The paper substantiates the understanding of segmentation as one of the forms of the genre poetics realization — that of the absurd and the grotesque.

Key words: occasional word formation, network micropoetry, segmentation, pseudo-restoration of the root, Internet folklore, one-line ironic poems, the poetics of absurd.

Батулина Анна Валерьевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Российская Федерация, Великий Новгород.
Доцент кафедры филологии.
ORCID: 0000-0001-6341-5965.

Batulina Anna Valeryevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Yaroslav the Wise Novgorod State University, Russian Federation, Veliky Novgorod.
Associate Professor of Philology Department.
ORCID: 0000-0001-6341-5965.

Научная статья
УДК 882
DOI: 10.5281/zenodo.19865524

ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК В. СОСНОРЫ «ХУТОР ПОТЕРЯННЫЙ»: ФОРМАЛЬНЫЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

© 2026 *Е.В. Болнова*
Федеральное государственное автономное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
ORCID 0000-0003-4956-642X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье впервые предпринимается попытка целостного анализа сборника В. Сосноры «Хутор потерянный» в его взаимосвязи с предшествующими сборниками и более поздними. Исследуются также частные вопросы: анализируется сквозной образ монгола, обращение автора к жанровому определению «лубок», переклички цикла «У озера у пруда» со сборником «Дева-рыба», многочисленные аллюзии и реминисценции на художественные произведения предшественников, среди которых особо значимыми оказываются А. Блок, М. Цветаева, О. Мандельштам, Л. Толстой, Ф. Достоевский. Делается общий вывод о культурологичности сборника «Хутор потерянный», ориентации большинства входящих текстов на сюжетность. Особое внимание уделяется двум заключительным текстам сборника, поскольку в них автор предпринимает попытку осмысления своего творческого пути, что сигнализирует об осознании им сборника «Хутор потерянный» как пограничного, итогового для определенного творческого этапа.

Ключевые слова: В. Соснора, сборник «Хутор потерянный», культурологичность, аллюзии, реминисценции, поэзия второй половины XX в.

Для цитирования: Болнова Е.В. Поэтический сборник В. Сосноры «Хутор потерянный»: формальный и содержательный аспекты / Е.В. Болнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 67–76. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19865524.

Введение. В. Соснора, бесспорно, является одним из центральных авторов второй половины XX века. В поэтический сборник «Хутор потерянный» вошли стихотворения, написанный автором в 1976–1978 гг. Автор неоднократно подчеркивал, что каждая книга строится вокруг разработки одной или нескольких тем, кроме того, для каждого сборника характерна определенная композиция, при которой всякое стихотворение в рамках сборника вступает в сложные смысловые отношения с соседними текстами. В данной статье предпринимается попытка целостного осмысления сборника «Хутор потерянный». Исследование коррелирует с такими статьями, посвященными творчеству В. Сосноры, как работы Т. Ковалевой и И. Лощиловым [7; 8; 9; 10], И. Лощиловым [11; 12], И. Лощиловым и Т. Соснора [13], Л. Зубовой [5; 6], Е. Зейферт [4], Ю. Доманским [3], О. Соколовой [14].

Материалы и методы исследования. На протяжении длительного времени произведения В. Сосноры не издавались в том виде, в котором они были задуманы автором. Данное утверждение относится в том числе и к сборнику «Хутор потерянный». Авторская воля была соблюдена в издании стихотворного тома, опубликованного в 2006 г. и сохранялась в изданиях 2011 и 2018 г. Материалом исследования станет корпус текстов, объединенных автором в сборник «Хутор потерянный», цитируемый по

последнему прижизненному изданию В. Сосноры в авторской редакции 2018 г. [15]. Базовыми методами исследования являются структурно-описательный и описательно-функциональный. Широко используется также сравнительно-сопоставительный и формальный методы. При необходимости привлекаются мифопоэтический и биографический методы.

Основная часть. Первое стихотворение, открывающее сборник «Хутор потерянный», «Ворон», уже становилось предметом литературоведческого анализа [1]. Было высказано предположение, что оно может быть прочитано как отдаленный и очень вольный перевод стихотворения Э. По «Ворон». В художественном мире В. Сосноры практически все переводы являются диалогическими по отношению и к первоисточнику, и к метапозиции автора первоисточника. «Ворон» не становится исключением. В тексте В. Сосноры акцентируется потусторонняя сущность птицы, которая сразу опознается лирическим героем:

ворон — демон ПРАВДЫ…
ворон — демон ДУХА…
ворон-демон-ГОЛОС… [15, с. 622]

Показательно, что в последнем случае *голос* рифмуется со словом *космос*, что подчеркивает природу вещей птицы. Можно предположить, что для В. Сосноры в поэме Э. По несоприродны были сомнения в сакральности посланника, нежданно оказавшегося в комнате лирического героя, поскольку лирический герой сборника «Хутор потерянный» пребывает в постоянном заостренном контакте с миром космоса, культуры, истории. По удельному весу аллюзий и реминисценций данный сборник заметно превосходит все предыдущие и предваряет поздние сборники В. Сосноры, в которых крайняя сгущенная цитатность и культурологичность выйдут на первый план, заметно усложнив понимание самих текстов. В сборнике «Хутор потерянный» культурологичность зачастую соседствует с сюжетностью, которая в сжатом виде присутствует в том числе и в стихотворении «Ворон».

Второй текст — «Мой монгол» — может быть разделен на несколько частей, он представляет собой сложное развернутое повествование-диалог. Так, в первой части находит отражение условная «положительная» модель начинающегося дня:

Счастье проснуться, комната в лунных звонках.
Санкт-Петербург просыпается,
над Ленинградом водоросли небес… [15, с. 623]

Далее в данной модели начинающегося дня возникает образ Евы, понимаемой в контексте стихотворения как образ собирательный, включающий в себя всех возлюбленных лирического героя, с которыми его связывают лишь мимолетные эротические связи. Можно предположить, что автор обыгрывает в данном случае языковую метафору *женщина в костюме Евы*, обозначающую обнаженную женщину.

Во второй части стихотворения реализуется «негативная» модель дня:

Хуже проснуться, комната в капельках солнца.
Как по утрам, осмотреться окрест — кто там справа?
И обнаружить, что справа лежит Чингиз-хан. [15, с. 623]

Данный образ также является символическим, несоотносимым с реальным историческим лицом, как несопоставимы многочисленные Евы с героиней библейского мифа. Предположим, что Чингиз-хан — это символ творческого вдохновения. Данную трактовку подтверждает диалог лирического героя с монголом. В реплике последнего задана парадигма утренних «пробуждений» лирического героя:

Вдумайся, дурень:

уснул ты, ли проснулся,
не все ли тебе одинаково, –
с Евой ли, сам ли с собой, с Чингиз-ханом?
Даже последнее, я бы сказал, перспективней
(в историческом смысле)… [15, с. 625]

Далее, «обсуждая абсурды тринадцатого века / да царства двадцатого, — театры террора, / я, телепатически, что ли, а может, взаправду — желтел» [15, с. 625]. Таким образом, в процессе диалога происходит слияние лирического героя с Чингиз-ханом. Диалог трансформируется во внутренний монолог, насыщенный аллюзиями и реминисценциями и начинающийся с отсылки к стихотворению А.С. Пушкина:

Я за решеткой вскормленный (темница, клоповник!)
Ох и орел в неволе, юный, как Ной!
В иго играли вы, вурдалак, теперь я — ваше иго.
С миской кумыса смотрим в окно (окаянство!) [15, с. 625]

Далее во внутреннем монологе героя, построенном по принципу визионерского прозрения и вдохновения поэта, возникают отсылки и к другим текстам А.С. Пушкина, упоминаются герои произведений Д.И. Фонвизина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова.

Образ монгола, появившийся впервые в стихотворении «Мой монгол», становится одним из центральных во всем сборнике «Хутор потерянный». Он может оставаться на периферии образной системы (например, в тексте «Традиционное»), может помещаться в ее центр. Примером может служить текст «Все как всегда» с подзаголовком «лубок с монголом»:

Монгол стоял на холме и как ветряная мельница бежал на месте.
Глаза у него с грустинкой но не худ
а даже влажен животик потому что он был — ниоткуд.
Бежать-то бежал а в левой деснице держал драгоценность –
курицыно яйцо.
В ноздрях еще дрожало из высоковольтной проволоки –
кольцо.
Я подошел и подышал в его не без желтизны лицо. [15, с. 636]

В сборник «Хутор потерянный» входит сразу несколько стихотворений, содержащих в заглавии указание на жанр лубка. Данный феномен является предметом исследования в статье 2024 г. [2]. В этом же сборнике частотным является образ птицы Хлои, образ индивидуально-авторский, сконструированный В. Соснорой с ориентацией на фольклорные образы птиц Алконост и Сирин. Отличительной особенностью птицы Хлои становится ее людоедство, которое не приписывалось ни одной из названных мифических птиц. В этом контексте Хлоя может быть сопоставлена с античными сиренами, заманивающими путников и поедающими их. Однако птица Хлоя не наделяется автором ни привлекательной наружностью, ни магическим голосом.

Небольшой по объему цикл «У озера у пуда», состоящий из 5 стихотворений, последнее из которых является дистихом, семантически и образно тесно связан с предшествующим поэтическим сборником В. Сосноры «Дева-рыба», относящимся к любовной лирике. Однако в отличие от текстов, образующих сборник «Дева-рыба», в основе которых лежит проживание лирической ситуации расставания лирического героя с возлюбленной, цикл «У озера у пруда» ориентирован на лиро-драматические жанровые формы. На это указывает и подзаголовок «плач в пяти пейзажах», соотносимый с принятым делением драматических произведений на акты или действия, и сама форма

организации текста. Так, первое стихотворение цикла соотносимо с прологом в драматическом произведении, выполняющим роль указания на контекст и атмосферу, в которых будут разворачиваться дальнейшие события:

Озеро Голубое, вода — гобелен, и нет волн и в ливни.
Лыжницы-плавнички, мишень-художница-карп.
Волосы в воду, — воздушна, хлад в зеркальцах.
Пьявки и я, лилия — роза Зверя.
Купальня в цветах-гербах, в мифах овеяна ива.
В озере — Дева (пропасть была, или моя) жила.
Озеро в линзах, — лишь волосы выплывали
о опускались (о пусть!) паутинка по паутинке
в ад без акустики, как «ау» без аука... [15, с. 641]

Во втором стихотворении воссоздается история любовных взаимоотношений лирического героя с Девой-рыбой, резюмируемая в последней строфе: «Так любила она одиннадцать лет, / а потом три года я был один. / Возвратился... и никого нет... / Сто осин!» [15, с. 642]. Третье стихотворение воспроизводит иносказательно лирическую ситуацию трехлетнего отсутствия героя перед его возвращением к пруду, в котором его продолжает ждать Дева-рыба. Ситуация их встречи воспроизводится в форме диалога в четвертом стихотворении, где героиня обретает собственный голос:

– Я — Дева-Рыба! — (голос!) — сказала она.
– Я любила тебя одиннадцать лет, а Ты три не смог.
Ты — создатель — тварь жива, я — творенье в твоей судьбе.
Ну любил бы меня хоть молнией, Деву, Ты — бездетный мой Бог.
Ну убил бы меня в голову, Рыбу, Ты — Себе! [15, с. 643]

В последней строфе четвертого стихотворения возникает еще одно авторское определения жанровой природы текста: баллада, что обусловлено напряженным мелодраматическим сюжетом, лежащим в основе данного жанра. Однако жанровые ожидания, будучи только заявленными, снимаются самим автором, поскольку фактически обязательная для баллада трагическая развязка оказывается невозможной: «Неужели не знала, что мне — нельзя / ни любить, ни убивать?» [15, с. 643]. Для лирического героя истинным миром, в котором проживаются все события, становится пространство слова, художественного текста: «Смысл баллады — Любовь. И ритм — не зря» [15, с. 643].

Ярко выраженная сюжетность, как и тяготение к крупным формам характерны и для целого ряда других стихотворений, входящих в сборник «Хутор потерянный». В частности, речь идет о текстах «В больнице», «Об Анне Ахматовой», ««Мулен-Руж» (рецензия на кинофильм)», «Не о себе». При этом сюжетность, пусть даже ослабленная, вторгается даже в те тексты, которые изначально обозначены как пространственные художественные зарисовки. Например, в первых двух частях цикла «Триптих» («На лестнице» и «Красный фонарь») объектом изображения становится улица Зодчего Росси, на которой В. Соснора в то время проживал. Городской пейзаж улицы Зодчего Росси дан автором в разных состояниях:

Над Петербургом турецкое небо.
Над улицей Зодчего Росси — полумесяц и звезда. [15, с. 631]
Двадцать второго марта двадцатого века.
Улица Зодчего Росси. Воздушная кубатура двора. [15, с. 632]

В третьей части, «Смерть соседа», заглавие которой отсылает сразу к нескольким произведениям, в том числе рассказу Л.Н. Толстого «Три смерти» и повести «Смерть Ивана Ильича», в начале дана аналогичная художественная зарисовка:

На улице Зодчего Росси дождь — моросило. Фильм рифмовали:
красногвардейские шлемы, с ребрышками статистки... залп!
[15, с. 633]

Далее в текст вторгается сюжет, связанный со смертью соседа, разворачиваемый в духе философской прозы Л.Н. Толстого. Ассоциации с героем повести «Смерть Ивана Ильича» поддерживаются в том числе за счет совпадения отчества героя стихотворения В. Сосноры, которого зовут Федор Ильич Поздненько. Смерть героя становится поводом поиска ответов на вопросы о его внутреннем мире, о его жизни. В тексте В. Сосноры он предстает современным воплощением «маленького человека». Однако в советском мире он не только не оказывается в положении униженного и угнетенного, нуждающегося в жалости, он диктует свое рациональное, непоэтическое мировидение лирическому герою, который из-за Федора Ильича Поздненько теряет «загадку» красного фонаря, делавшую жизнь человека, наделенного художественным сознанием, более осмысленной и наполненной:

Красный фонарь (как я боялся!) — он разгадал. Однажды
окошко
он осмотрел. И сказал: ты смотришь со стула. Ты встань.
Встал я: в корпусе цвета желе параллельном, по вертикали
на всех этажах (всех — пять!) горело — пять фонарей!
В доме есть лестница. У лестниц есть лифты.
У лифтов — красный сигнал, что лифт неисправен, — он
объяснил.
Я не смеялся. Я был благодарен: он опроверг мои муки.
Спасибо за правду. Поздненько, Федор Ильич. [15, с. 634]

Муки в приведенном стихотворении равны мукам творчества, болезненным, но необходимым лирическому герою. Неслучайно следующим в сборнике «Хутор потерянный» идет стихотворение «Моей машинке»:

Нищецы Неба, баловцы Библий, церковцы Цели, –
за хлебок хлеба как нам пульс били по сердцам цепью,
по перстам Таинств, по губам Божьим — двум! — по тем
Царствам! –
Где ж ты был — не был, кровенос боя, Зверь мой швейцарский?
[15, с. 634]

В приведенном тексте в минималистской форме, имеющей с точки зрения фонетики и синтаксиса много общего с поздней прозой М. Цветаевой, высоко ценимой автором, зашифрована формула понимания искусства слова В. Соснорой, как противостояния истинного «живого» высказывания ложному механическому, рациональному.

В сборнике «Хутор потерянный» текст «Моей машинке» резонирует с другими поэтическими высказываниями автора, объединенными общей темой осмысления искусства и своего места как творца. Речь идет о стихотворениях «Бессмертье в тумане», «Трое», «Разговор со свечой». В них одной из центральных является проблема бессмертия творца в своем творении:

Как научился (на «у» или числа?) так не уметь — не умереть?
Или надеется, знает (незнаемый!) все про любовь... и кровь?..

И... — вновь?
Или бессмертье — больше близ смерти ?.....
Голос мой! Логос мой! [15, с. 637]

Небольшой по объему цикл «Закат в дождь», состоящий из четырех стихотворений, с одной стороны, написан в технике, напоминающей художественную технику импрессионистов: отдельными крупными мазками даны и реалии окружающего мира, и философские вопросы, которые роятся в сознании лирического героя:

Замок Заката. Дождь из Дамасска и стужа –
дочь дождя.
Солнце-сомнамбула. Гость моя — грусть:
гений-гнус.
У стужи есть лужа, у лужи есть еж, у ежа — змея.
(Ежик, но есть же и я!)
Рукоплесканье — ворон, стартует в космос:
там кость и съест.
Воздушный океан у глаз –
у нас.
А Бог?
Вы в Бога веруете, Бог? [15, с. 640]

С другой стороны, каждое стихотворение, входящее в микроцикл, соотнесено с определенными жанровыми или стилистическими установками, которые создают крайне плотный и насыщенный культурный фон текстов. Так, завершающее стихотворение микроцикла «Три розы в бокале у Бога» построено на ассоциативном и индивидуально-авторском переплетении образов и мотивов поэтического мира А. Блока:

Триптих — Отчизна, Мать и Жена — не дано.
Лицо на цепи, копыто Китая, центавр, — где курс кораблю?
Сердце — «десятка», сутана и цель (ну давай, я — давно!).
Три розы в бокале у Бога, — я говорю!
Роза — герб соловья — я расстрелял ребус страниц.
Роза — белизна свадьб — я растлил, Гамаюн.
Третья не требуется: монастырь у мокриц...
Три розы в бокале у Бога, — я говорю! [15, с. 640]

Помимо очевидной отсылки к стихотворениям «В ресторане» и «Гамаюн, птица вещая» в приведенных строках можно отметить и переклички с образной системой стихов А. Блока о Прекрасной Даме, цикла «На поле Куликовом», ряда стихотворений о Родине. В последней строфе можно опознать в равной мере и присутствие постмодернистской иронии, и трагический пафос ощущения богооставленности:

Три раза в Байкале... Но если Иерусалим...
Ландыш Невест — Но бульварщина Букварю.
БОГ МЕНЯ НЕ ЛЮБИЛ И НЕ ВЗЯЛ МОЛОДЫМ.
Три розы в бокале у Бога, — я говорю! [15, с. 641]

В том случае, когда автор выносит в заглавие сборника название одного из входящих в него стихотворений, данный текст начинает восприниматься как обладающий повышенной семантической нагруженностью. Соответственно, особого осмысления требует «Хутор потерянный», третье стихотворение в одноименном сборнике. В данном тесте теснейшим образом переплетается культура, история, современность. Способ связи образов и мотивов отсылает к тексту О. Мандельштама «На розвальнях, уложенных соломой…», неоднократно становившемуся объектом

внимания литературоведов. В. Соснора, во-первых, также обращается к осмыслению переломных трагических моментов русской истории, переплетая их между собой таким образом, чтобы у читателя возникала иллюзия множественности возможных прочтений и интерпретаций. Во-вторых, В. Соснора опять же вслед за О. Мандельштамом, выводит образы Лжедмитрия, Марины Мнишек (как известно, соотносить себя с данной героиней было свойственно М. Цветаевой, также высоко ценимой В. Соснорой):

Дом — день одиночеств (что ночь — не считаю!)
Лжедмитрий фонтанов! «Лже» — значится — лгать,
не лгал бы — была бы твоя Московия.
Но свадьбы — не судьбы... И, помнится, тать
тогда еще, в молодости моросила.
Так век пятерчат — не треперст. Перестань!
Тут минула молодость. И не могли мы...
Оплакан опилками... О просто так –
венчанье второе у Мнишек Марины! [15, с. 627–628]

Большая часть стихотворения построена как цепь риторических вопросов, обращенных к имплицитному читателю, в том числе прямо названному в тексте как подразумеваемый адресат лирического высказывания:

Читатель стихов! Если дух твой так худ
(невеста, невроз, геморрой, нищета ли)
читай троеточье: потерян мой хут...
<…>
Писатель стихов! Я — писатель? О тень
азов алфавита, — ах арфа в партере!
Не я, не писал, не пишу, — дребедень!
Читай одноточье: мой хутор — потеря... [15, с. 627–628]

Встает закономерный вопрос о символическом значении образа потерянного хутора. Вероятно, он сопоставим с идеей идеального искусства, некого художественного рая, града Китежа для избранных. На подобное восприятие наталкивает и финал стихотворения, в котором на одну доску ставятся «феминетчицы рифм / и прозы писатели: прозервативы…» [15, с. 628], которые в одинаковой степени оказываются далеки от понимания истинной сути искусства лирического героя, alter ego автора: «“Кайфуют” мой хутор они, близнецы» [15, с. 628].

В последних строках стихотворения «Хутор потерянный», данных после отточия, автор утверждает избранность собственного поэтического слова, ориентацию на круг избранных семи читателей, имена которых не раскрываются в тексте:

Опять «о поэзии»… Не соловьи.
Не путаники. Неспроста получилось.
ДУХ СВЯТЫЙ ЗДЕСЬ ЖИЛ. Я ПИШУ ДЛЯ СЕМИ,
А КТО ЭТИ СЕМЬ — я потом перечислю. [15, с. 628]

Рифмой внутри сборника к стихотворению «Хутор потерянный» можно считать стихотворение в прозе «Песнь лунная». Очевидна перекличка образов: как образа хутора, так и образов исторических деятелей. В финале вновь поднимаются вопросы осмысления искусства и поиска себя в искусстве: «Как мне с глаголами? Как мне с глазами? Как мне — со мной?.. Бьется еще на пульсе братский браслет! Жду, как Джордано. Простится и пульс и дрожь: ночью вничью все боится и бьется (не днем!)… Не бойся! Ты — это Ты (без междометий), я-то значок язычка!.. Ежик! Я жив ли? Жужжим ли? Не съешь светлячка!» [15, с. 650].

Обращаясь к музыкальной терминологии, можно определить финальные стихотворения сборника «Хутор потерянный» как коду. Проблематика текста «Посмертное» вынесена в заглавие и связана с осмыслением посмертной судьбы лирического героя. Так, в первой части он отвергает для себя возможную цепь перерождений в других живых существах: «Я умру: не желаю ни розой, ни муравьем, ни львом» [15, с. 668].

Подытоживается опускаемая нами аргументация следующим выводом: «Не желаю — в живое!» [15, с. 668] Интересно, что в категорию «живого» попадают в том числе и небесные созвездья. Во второй части отвергается возможная цепь перерождений и в объекты неживой природы: «Я умру… Не желаю ни в мрамор, ни в каплю, ни в воздух векам!» [15, с. 668].

На пике отрицания возможного возрождения лирический герой отказывается и от возможности вторичного возрождения в виде человека. Отрицание дано в том числе в контексте известного высказывания Ивана Карамазова об отказе от билета в рай и его переосмысления в стихотворении М. Цветаевой «О слезы на глазах…»:

Человеком вторично («Восход»! «Возрожденье»!) — не
желаю!.. Кому-то там вторить в торговлю, безбилетник
Творца — любить тех, кого не любил при моей Безымянной,
лгать гуннам и лигам… [15, с. 669]

Заканчивает данное стихотворение автор нарочито афористичным высказыванием о себе в третьем лице, что фиксирует взгляд на себя со стороны, как на уже умершего:

Маски метаморфоз — возьмите и возрождайтесь!... Жил он
так, как желала, умер так, как умел… [15, с. 669]

Таким образом, автор предпринимает попытку осмысления жизни, фиксации метапозиции творца и создателя собственных жизни и смерти.

Финальное стихотворение «Заклинание» написано в форме обращения к неназванному герою (наименование «друг-дрозофила» скорее следует рассматривать как иносказательное). Автор использует форму местоимения 2 лица единственного числа *ты* многократно в сильной позиции начала строки. Данное произведением может быть рассмотрено как попытка творческого завещания начинающему автору, ученику. В основе такого завещания оказываются максимальная сосредоточенность на себе и одновременно умение точно описать окружающий мир, что иносказательно выражено через обращение к мифологическим именам Нарцисса и Эхо:

Это-солнечность, это — столичность. Ты будешь — быть!
Это — ночь Нарцисса и Эха. И день — дан!..
Ты еще несчастья не счел, ты еще досчитай — до дня! [15, с. 669]

Заключение. Сборник «Хутор потерянный» является результатом двухлетней работы авторы. В нем, с одной стороны, нашли отражение образы и мотивы более ранних сборников, с другой стороны, обозначены те тенденции поэтического стиля В. Сосноры, которые станут ведущими в более поздних книгах автора, написанных в том числе после длительного, шестнадцатилетнего, молчания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болнова Е.В. В.А. Соснора — переводчик О. Уайльда и Э. По / Е.В. Болнова // Русский язык и культура в зеркале перевода. XIII Международная научная конференция: материалы конференции. — Москва, 2023. — С. 64–73.
2. Болнова Е.В. Стихотворения В.А. Сосноры 1970-х гг. с жанровым подзаголовком «лубок»: формальный и содержательный аспекты / Е.В. Болнова // Палимпсест. Литературоведческий журнал. — 2024 — Т. 24. — № 4. — С. 21–34.

3. Доманский Ю.В. «Я-то знал, кто они»: красная лошадь и белый пудель в «Латвийской балладе» Виктора Сосноры / Ю.В. Доманский // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. — 2024. — № 2. — С. 74–83
4. Зейферт Е.И. Автобиографический миф Виктора Сосноры: к постановке проблемы / Е.И. Зейферт // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — №13 (881). — С. 123–130
5. Зубова Л.В. Подобия в книге Виктора Сосноры «Флейта и прозаизмы» / Л.В. Зубова // Восемь великих. Российский государственный гуманитарный университет. — М.: РГГУ, 2022. — С. 487–502.
6. Зубова Л.В. Древнерусский язык в поэтическом отражении: Виктор Соснора / Л.В. Зубова // Теоретические проблемы языкознания. — СПб.: Изд-ва СПбГУ, 2004. — С. 596–606.
7. Ковалева Т.И. Владимир Маяковский как «Запевший Илья Муромец»: «Карачарово» Виктора Сосноры / Т.И. Ковалева, И.Е. Лощилов // Филологический класс. — 2022. — Т. 27. — № 4. — С. 9¬21.
8. Ковалева Т.И. Стихотворение Виктора Сосноры «1111 год»: от древнерусской традиции к авангарду / Т.И. Ковалева, И.Е. Лощилов // Герменевтика древнерусской литературы. — 2023. — № 22. — С. 581–599.
9. Ковалева Т.И. Поднятый «бубен»: Древняя Русь и авангард в стихотворении В. Сосноры «Пир Владимира» (1959) / Т.И. Ковалева, И.Е. Лощилов // Герменевтика древнерусской литературы. — 2024. — № 23. — С. 613–632.
10. Ковалева Т.И. «Мстислава древний поединок..»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) / Т.И. Ковалева, И.Е. Лощилов // Сибирский филологический журнал. — 2023. — № 2. — С. 166–179.
11. Лощилов И.Е. Поэзия и дидактика: о стихотворении Виктора Сосноры «Тоска по родине» / И.Е. Лощилов // Сибирский филологический журнал. — 2022. — № 1. — С. 101–112.
12. Лощилов И.Е. К разбору стихотворения Виктора Сосноры «Разлука звериного лая со страхом совиным..» (1966) / И.Е. Лощилов // Критика и семиотика. — 2022. — № 1. — С. 366–379.
13. Лощилов И.Е. Сибирские поэтические турне Виктора Сосноры (1960-е гг.) / И.Е. Лощилов, Т.В. Соснора // Литературный факт. — 2022. — № 2 (24). — С. 104–131.
14. Соколова О.В. Деонтологическая модель творчества как смерти в «Девяти книгах» В. Сосноры / О.В. Соколова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. — 2006. — № 8. — С. 57–77.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Соснора В. Стихотворения / В. Соснора. — СПб., М.: Пальмира, 2018. — 910 с.

REFERENCES

1. Bolnova E.V. (2023). V.A. Sosnora — perevodchik O. Uajl`da i E. Po [V.A. Sosnora is a translator of O. Wilde and E. Poe]. Russkij yazy`k i kul`tura v zerkale perevoda [Russian language and culture in the translation mirror]. Moscow. 64–73. (In Russian)
2. Bolnova E.V. (2024). Stihotvoreniya V.A. Sosnory 1970-h gg. s zhanrovym podzagolovkom «lubok»: formal'nyj i soderzhatel'nyj aspekty [V.A. Sosna's Poems of the 1970s with the Genre Subtitle "Lubok": Formal and Content Aspects]. Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal [Palimpsest. Literary Review]. № 4 (24). 21–34. (In Russian)
3. Domanskij Yu.V. (2024). «Ya-to znal, kto oni»: krasnaya loshad' i belyj pudel' v «Latvijskoj ballade» Viktora Sosnory ["I Knew Who They Were": The Red Horse and the White Poodle in Viktor Sosna's "Latvian Ballad"]. Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University]. № 2. 74–83. (In Russian)
4. Zejfert E.I. (2023). Avtobiograficheskij mif Viktora Sosnory`: k postanovke problemy` [Victor Sosnora's Autobiographical Myth: towards a Problem Statement]. Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarny`e nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. №13 (881). 123–130. (In Russian)
5. Zubova L.V. (2022). Podobiya v knige Viktora Sosnory` «Flejta i prozaizmy`» [Similarities in Victor Sosnora's book "Flute and Prose"]. Vosem' velikikh [The Eight Great Ones]. Moscow, RGGU Publ. 487–502. (In Russian)
6. Zubova L.V. (2004). Drevnerusskii iazyk v poeticheskom otrazhenii: Viktor Sosnora [The Old Russian language in poetic reflection: Victor Sosnora]. Teoreticheskie problemy iazykoznaniia [Theoretical problems of linguistics]. Saint Petersburg: SPbGU Publ. 596–606. (In Russian)
7. Kovaleva T.I., Loshchilov I.E. (2022). Vladimir Mayakovskij kak "Zapevshij Il'ya Muromec": "Karacharovo" Viktora Sosnory [Vladimir Mayakovsky as "The Singing Ilya Muromets": "Karacharovo" by Viktor Sosnora]. Filologicheskij klass [Philological Class]. № 4 (27). 9¬21. (In Russian)

8. Kovaleva T.I., Loshchilov I.E. (2023). Stihotvorenie Viktora Sosnory "1111 god": ot drevnerusskoj tradicii k avangardu [Viktor Sosna's Poem "1111": From the Old Russian Tradition to the Avant-Garde]. Germenevtika drevnerusskoj literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature]. № 22. 581¬599. (In Russian)
9. Kovaleva T.I., Loshchilov I.E. (2024). Podnyatyi "buben": Drevnyaya Rus' i avangard v stikhotvorenii V. Sosnory "Pir Vladimira" (1959) [Raised Tambourine: Ancient Russia and the Avant-garde in V. Sosnora's poem "Vladimir's Feast" (1959)]. Germenevtika drevnerusskoi literatury [Hermeneutics of Ancient Russian literaure]. № 23. 613–632. (In Russian)
10. Kovaleva T.I., Loshchilov I.E. (2023). "Mstislava drevnii poedinok...": rasskaz "Povesti vremennykh let" v stikhotvorenii V. Sosnory "Boi Mstislava s Rededei" (1959) ["Mstislav's ancient duel...": the story "Tales of Bygone Years" in V. Sosnora's poem "Mstislav's Battle with Rededey" (1959)]. Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Philological Journal]. № 2. 166–179. (In Russian)
11. Loshchilov I.E. (2022). Poeziia i didaktika: o stikhotvorenii Viktora Sosnory «Toska po rodine» [Poetry and didactics: about Victor Sosnora's poem "Homesickness"]. Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Philological Journal]. № 1. 101–112. (In Russian)
12. Loshchilov I.E. (2022). K razboru stikhotvoreniia Viktora Sosnory «Razluka zverinogo laia so strakhom sovinym…» (1966) [To the analysis of Victor Sosnora's poem "The separation of animal barking with the fear of an owl ..." (1966)] Kritika i semiotika [Criticism and semiotics]. № 1. 366–379. (In Russian)
13. Loshchilov I.E., Sosnora T.V. (2022). Sibirskie poeticheskie turne Viktora Sosnory (1960-e gg.) [Victor Sosnora's Siberian Poetry Tours (1960s)]. Literaturnyi fakt [A literary fact]. № 2 (24). 104–131. (In Russian)
14. Sokolova O.V. (2006). Deontologicheskaya model' tvorchestva kak smerti v "Devyati knigah" V. Sosnory [The Deontological Model of Creativity as Death in V. Sosna's "Nine Books"]. Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyj dialog [Russian Literature in the 20th Century: Names, Problems, and Cultural Dialogue]. № 8. 57–77. (In Russian)

Поступила в редакцию 14.01.2026 г.

POETRY COLLECTION "THE LOST FARM" BY V. SOSNORA: FORMAL AND CONTENT ASPECTS

E.V. Bolnova

This article is the first attempt to provide a comprehensive analysis of V. Sosnora's collection of poems "The Lost Farm" in its relationship with previous and later works. Specific issues are examined, such as that of the pervasive image of the Mongol, as well as the author's use of the genre definition "lubok". The similarities between the cycle "By the Lake by the Pond" and the collection "The Maiden Fish" are studied. Numerous allusions and reminiscences to the works of previous authors, including Alexander Blok, Marina Tsvetaeva, Osip Mandelstam, Leo Tolstoy, and Fyodor Dostoevsky are established. A general conclusion is made about the cultural relevance of the collection “The Lost Farm” and the orientation of the included texts majority towards the plot. Particular attention is paid to the two final texts of the collection, since in them the author attempts to comprehend his creative path, which marks his awareness of the collection “The Lost Farm” as a boundary, a final one for a certain creative stage.

Key words: V. Sosnora, "The Lost Farm" collection, cultural relevance, allusions, reminiscences, poetry of the second half of the 20th century.

Болнова Екатерина Владимировна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, г. Нижний Новгород.
Доцент кафедры русской литературы Института филологии и журналистики.
ORCID: 0000-0003-4956-642X.
E-mail: eka332@yandex.ru.

Bolnova Ekaterina Vladimirovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russian Federation, Nizhnij Novgorod.
Associate Professor at Russian literature Department.
ORCID: 0000-0003-4956-642X.
E-mail: eka332@yandex.ru.

Научная статья
УДК 81.39
DOI: 10.5281/zenodo.19865670

ЭВОЛЮЦИЯ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2026 *Сиин Ван[1], С.В. Оленев[2]*
[1-2]Северо-Восточный нефтяной университет (Китайская Народная Республика, Дацин)
ORCID[1] 0009-0006-0296-5115
ORCID[2] 0000-0002-7116-1309

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье осуществляется исследование эволюции лексико-тематической группы «Государственные праздники» в современном русском языке. На материале лексики советского и современного периодов анализируются изменения состава, семантики и прагматики лексических единиц. Используемые методы исследования включают анализ формальных и смысловых изменений лексики и фразеологии русского языка; семантический и компонентный анализ лексических единиц, лингвокультурологический анализ значений лексических и фразеологических единиц в связи с фоновыми знаниями и др. На основании классификации лексики государственных праздников по основным смысловым подгруппам (праздничные ритуалы, праздничные украшения, праздничные поздравления, символы праздника) и дальнейшего описания праздничных контекстов функционирования данной лексики в исторической перспективе XX–XXI вв. описаны процессы деидеологизации (например, трансформация праздников 1 Мая и 8 Марта), десоветизации лексики и появление новых ритуалов и праздничных символов (Георгиевская лента, Бессмертный полк), закрепляемых в лексике. Показано, что эволюция лексики отражает социально-экономические и культурные трансформации, произошедшие в Российской Федерации с распадом СССР. Результаты, раскрывающие взаимосвязь языка и общества во временной перспективе последних десятилетий, значимы для исторической лингвистики и культурологии.

Ключевые слова: лексико-тематическая группа, государственные праздники, русский язык, историческая лексикология, эволюция лексики, советский период, постсоветский период, социально-культурные трансформации.

Для цитирования: Ван С. Эволюция лексико-тематической группы «Государственные праздники» в современном русском языке / С. Ван, С.В. Оленев // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 77–91. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19865670.

Введение. Праздник — это неотъемлемая составляющая жизни народа, многогранное внутрикультурное и межкультурное явление, которое задает темп человеческой повседневной жизни. Это уникальный социально-культурный феномен, отражающий разные этапы мно–говековой истории народа, поскольку праздники — одни из главных свидетелей социокультурной жизни этноса. В истории каждой нации или этнической группы праздничному торжеству всегда отводится важнейшее место в качестве элемента бытия и общественного взаимодействия. Более того, праздники часто выступают основой консолидации общества, помогают ему осознать себя в качестве нации или какого-либо иного этнического объединения. Перечни календарных дней, которые принято считать праздничными, отличаются в разных странах, что обусловлено историческими, национальными и культурными факторами. Среди всей совокупности торжественных событий наиболее значимыми традиционно принято считать те праздники, статус которых официально утвержден на государственном уровне. Речь

идет о государственных праздниках как специфической ритуально-обрядовой категории, которая «представляет собой особый феномен конституирования гражданской общности, легитимирования нации как источника власти» [9, с. 114].

В состав лексики, используемой в русском языке для обозначения праздников, входит большое количество специфических лексических единиц (слов, терминов, фразеологизмов), которые непосредственно характеризуют отношение народа к конкретному праздничному событию и соответствующему времени.

Существует ряд исследований феномена российских государственных праздников в исторической ретроспективе, а также с культурологической и лингвистической точки зрения. Для нас наиболее интересны и ценны в этом аспекте труды представителей российского научного сообщества [3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 13, 16 и др.]. Анализ научной литературы свидетельствует о преобладании исторических и культурологических исследований, в которых объектом изучения являются праздничные практики и ритуалы, семиотическая структура праздничного (карнавального) пространства, а также роль праздников в конструировании национальной идентичности за счёт формирования и поддержания актуальности общих воспоминаний о героическом или трагическом прошлом нации. При этом особое внимание уделяется тому, как формируется и в чем выражается «связь праздника с общественной структурой и ее изменениями, причем не только религиозных, этнических, классов или слоев, но и малых групп, начиная с семьи» [13, с. 32].

Однако, несмотря на достаточно широкий исторический и культурологический научный взгляд на трактовку государственных торжеств, очевиден недостаток объективных и обоснованных сведений об их лингвокультурологической динамике (одна из таких работ — исследование [12], в котором внимание сосредоточено на средствах вербализации концепта «Праздник» и их динамическом изменении). В особенности это касается лингвистических данных, которые были бы представлены в сопоставительном, контрастивном контексте, в которых было бы с исторической точки зрения отражено исследование лексики тематической группы «Государственные праздники», выделены особенности ее функционирования на примере разных периодов, например, в период существования СССР и во время трансформации Союза в современную Российскую Федерацию.

Решаемая в рамках настоящей статьи проблема видится нам актуальной в связи с тем, что исследование лексико-тематической группы (далее — ЛТГ) «Государственные праздники» (далее — ГП) в русском языке через призму динамического и исторического аспектов основывается на комплексном подходе, сочетающем положения диахронической лингвистики, теории тематических словников и социальной лингвистики. **Динамический** аспект, в нашем понимании, предполагает анализ изменений в составе и значении лексических единиц (ЛЕ) этой группы в течение времени, а **исторический** — связывание этих изменений с этапами развития общества, экономики и культуры России (включая период СССР и настоящее время).

Объектом исследования выступает ЛТГ «Государственные праздники» в русском языке — совокупность лексических единиц, номинирующих сами праздники, их участников, ритуалы, практики, атрибуты, символику, а также устойчивые культурно-исторические реалии, закреплённые в речевом употреблении. **Предмет исследования** — тенденции изменения состава и значений лексических единиц этой ЛТГ в современном русском языке на материале двух эпох: советского и постсоветского периодов.

Цель исследования — выявить, как меняются состав и семантика единиц, их прагматические, оценочные и идеологические оттенки, то есть то, каким образом

трансформация праздничных практик фиксируется в составе и значениях лексических и фразеологических единиц русского языка.

Материалы и методы исследования. Эмпирической базой исследования послужили толковые и ассоциативные словари на русском и китайском языках, а также справочники, энциклопедии, интернет-ресурсы, а также беседы с русскоязычными студентами на тему празднования государственных праздников (при цитировании таких бесед будем использовать сокращение БС). Для решения поставленных задач использованы методы структурно-семантического анализа лексики и фразеологии русского языка, включая компонентный анализ лексических единиц; метод лингвокультурологического анализа значений лексических и фразеологических единиц в связи с фоновыми знаниями; приемы сплошной и направленной выборки единиц из словарных и текстовых источников; приемы структурно-семантической характеристики исследуемого материала.

Основная часть.

1. Теоретическая база исследования изменений в лексике. Диахроническая лингвистика как направление языкознания изучает изменение языка и отдельных его подсистем в исторической перспективе. Этот подход важен для исследования ЛТГ «Государственные праздники», поскольку ГП представляют собой социальные феномены, которые отражают идеологию, ценности и повседневную жизнь общества — а ЛЕ, обозначающие их атрибуты, ритуалы и смыслы, традиционно являются идеологически и ценностно мотивированными единицами.

В работах русских лингвистов XX вв. (В.В. Виноградов, Л.П. Крысин, Д.Н. Шмелёв, Н.М. Шанский, Л.В. Щерба и др.) подчеркивается, что тематические группы лексики не являются статичными: их состав и семантика меняются вместе с трансформациями социума. При изменении социальных условий одни слова исчезают из лексической системы (становятся историзмами или архаизмами), другие приобретают новые значения вследствие семантического сдвига, а третьи — неологизмы — появляются как необходимые обозначения для новых реалий (см. об этом классическую статью [18]). Особенно ярко это проявляется в ЛТГ «Государственные праздники», так как сами ГП часто используются властью для пропаганды идеологий, а при смене власти их лексический облик кардинально меняется.

Для предпринятого исследования также важна идея социолингвистики о взаимосвязи языковых и общественных явлений, которую можно выразить с помощью известного закона языковых изменений, разработанного Е.Д. Поливановым и кратко сформулированного В.И. Беликовым и Л.П. Крысиным: «темпы языковой эволюции зависят от темпов развития общества, а в целом язык всегда отстает в совершающихся в нем изменениях от изменений социальных» [2, с. 7], то есть язык с некоторым запозданием функционально реагирует на социальные изменения, отражая их свойственными ему способами (подробнее см. [15, с. 57-142]). При исследовании ЛТГ «Государственные праздники» этот подход позволяет объяснить причины изменений ЛЕ: например, исчезновение «терминов дефицита» после развала СССР обусловлено переходом к рыночной экономике, а потеря политической окраски у ЛЕ Международного женского дня — отказом от советской идеологии. Кроме того, социальная лингвистика подчеркивает роль контекста в формировании значения ЛЕ. Например, слово «митинг» в СССР использовалось в контексте политических собраний в поддержку власти, а в настоящее время — в контексте массовых мероприятий любого характера (культурных, экологических, социальных). Контекст изменяется вместе с обществом, и это приводит к изменению семантики ЛЕ.

Лексический состав праздничного дискурса имеет особую природу и структуру. Слова и выражения, именующие ГП, являются своеобразным воплощением динамичных изменений, которые так или иначе происходили в обществе на разных этапах его развития. Праздничная лексика тесно взаимодействует с фольклорным, бытовым, политическим, педагогическим и другими типами дискурса, во многом определяясь ими. Одним из важнейших функциональных назначений данной лексики является упорядочивание жизни коллектива, акцентирование внимания на важных общественных событиях, придание им особой ценности и культурного шарма [7]. Реализация данной функции обеспечивается прежде всего в устойчивых типичных коммуникативных ситуациях, спектр которых в культуре ограничивается пространством праздника. Лексика, обозначающая ГП, имеет культурно-специфический характер не только в сравнении с иными языковыми культурами, но и в контексте одного языка. Например, отдельные праздничные лексические единицы могут иметь как природу отдельного жанра (*Международный женский день*), так и специально наполняться особым праздничным смыслом (*Новый год*, *День Победы*).

В разные исторические периоды различные культурные и языковые сообщества придавали нетождественное значение праздничной лексике и отдельным словам, наделяя их специфическим смыслом. Так, исследователи отмечают, что жанровые разновидности и закономерности употребления праздничной лексики в русском и китайском языках меняются под влиянием коммуникативных технологий и социальных обстоятельств [14]. Это отражается в текстах районных газет, художественной литературе, выступлениях, вывесках, календарях, объявлениях и других культурно и общественно значимых источниках информации (см. об этом статьи [1, 11]).

Период СССР характеризовался глубокой идеологизацией лексики ГП: большинство связанных с праздниками ЛЕ обозначало атрибуты советской власти (портреты лидеров, митинги в поддержку КПСС, подарки от партийных организаций разного уровня). В настоящее время лексика ГП деидеологизируется: она фокусируется на личных переживаниях (праздники с семьей, шопинг, путешествия), культурных традициях (церковные службы на Рождество) и национальной идентичности (День Победы как символ памяти о войне).

Эти общие интуитивно понятные и предсказуемые тенденции предопределяют структуру дальнейшего анализа: мы рассмотрим изменение названий и ритуалов каждого праздника, анализируя ЛЕ в разные периоды и сопоставляя ЛЕ в похожих ситуациях, проследим исчезновение ЛЕ или изменение их семантики, и на основе этого сделаем вывод об обусловленности лексики социальной историей современной России.

2. Анализ динамики ЛТГ «Государственные праздники»

2.1. Эволюция названий праздников и изменение праздничных ритуалов

В настоящем разделе рассмотрим шесть государственных праздников: Новый год, Рождество Христово, День защитника Отечества, Международный женский день, День Весны и Труда, День Победы. Для каждого праздника проанализируем изменения названий и ритуалов в период СССР и настоящего времени.

Новый год. Если в советский период акцент делался на всенародном и семейном характере праздника с элементами советской символики, то сегодня праздник приобрел более универсальный, глобализированный и коммерциализированный характер. Ритуалы, связанные в дореволюционной России с Рождеством (ёлка, подарки, Дед Мороз), были полностью ассимилированы советским Новым годом, который, по сути, занял в советское время место Рождества.

Рождество Христово. В СССР праздник был под полным запретом, характеризовался как «вредный буржуазный пережиток» разрушенного царистского строя. Его отмечали тайно, при этом ритуалы были сохранены лишь в узком кругу искренно верующих семей. В современной России Рождество Христово стало официальным государственным праздником (7 января), однако многие его публичные ритуалы (колядки, вертепы, гадания) так и не приобрели массового характера, уступив место новогодним традициям.

День защитника Отечества. Произошла деидеологизация названия: от «День Красной армии» и «День Советской армии и Военно-морского флота» к более нейтральному «День защитника Отечества». Если в СССР ритуал был связан с прославлением военной мощи страны («*военный парад*», «*красная звезда*»), то в конце XX века и в первые два его десятилетия XXI века праздник постепенно трансформировался в гендерно-ориентированный «день всех мужчин». Однако, в последние годы, начиная с 2022 года и до настоящего времени, праздник снова получает преимущественно военную окраску и смысл, что связано с чествованием военнослужащих — участников Специальной военной операции (СВО), независимо от их пола, а также с памятными мероприятиями в честь российских солдат, погибших при выполнении воинского долга.

Международный женский день. Произошел кардинальный сдвиг от политизированного «*дня солидарности женщин всего мира в борьбе за равноправие*» к аполитичному «*празднику весны, красоты и женственности*». Ритуалы советского времени («*митинги*», «*доклады о роли женщин в строительстве коммунизма*») сменились частными практиками поздравления, дарения цветов и подарков.

Праздник Весны и Труда. Переименование отражает смягчение идеологического заряда: от «*Дня Интернационала*», «*Дня международной солидарности трудящихся*» к «*Празднику Весны и Труда*». Ключевой ритуал советской эпохи — обязательная «*демонстрация трудящихся*» с «*лозунгами*» и «*портретами вождей*» — сменился частным отдыхом на даче («*майские шашлыки*»).

День Победы. Это единственный праздник, который не только сохранил свое название и высочайший статус, но и усилил и обогатил свои ритуалы новыми символами («*Георгиевская ленточка*», «*Бессмертный полк*»). Акцент сместился с прославления партии («*праздник победы ленинско-сталинского курса*») на личную и семейную память (современные лозунги «*Спасибо деду за Победу!*», «*Я помню, я горжусь*»), всенародное чествование ветеранов Великой Отечественной войны.

2.2. Сопоставление единиц ЛТГ «Государственные праздники» в СССР и современной России.

Для каждого из шести исследуемых праздников мы выделяем подгруппы ЛЕ (например, «Праздничные ритуалы», «Праздничные украшения», «Праздничные поздравления») и перечисляем ЛЕ, входящие в каждую подгруппу в период СССР и современного времени. Для наглядности представим лексический состав ключевых подгрупп ЛЕ двух периодов в виде сопоставительной таблицы.

Таблица 1. Подгруппы лексики государственных праздников в СССР и современной России

подгруппа	СССР	РОССИЯ
Новый год		
праздничные ритуалы	совместный обед на предприятии, очередь за дефицитными товарами, подарки от партии,	шопинг, «Черная пятница», новогодние распродажи,

	новогодний заказ, достать (дефицит), колонный зал, коллективные ёлки, Кремлёвская ёлка (билеты через предприятия)	онлайн-шопинг, новогодние туры (за рубеж)
праздничные украшения	игрушка-ракета, космонавт, трактор, ёлочные игрушки с портретом вождя (Ленин, Сталин), пятиконечные звёзды, бенгальские огни	гирлянды, светодиодная иллюминация, арт-объект, гигантские инсталляции (шары с логотипом года), ёлочные игрушки со сказочными персонажами
праздничные поздравления	выступление генсека ЦК КПСС, новогоднее обращение, поздравление по радио	обращение президента РФ, поздравления в соцсетях, видеопоздравления, онлайн-поздравления
символы праздника	кремлёвская ёлка, «Советское шампанское»	ёлка в Кремле, шампанское
Рождество Христово		
праздничные ритуалы	антирелигиозная акция «Комсомольское Рождество», отказ от церковных служб, ёлка как атрибут Нового года (без религиозной символики)	публичная церковная служба, рождественская служба, посещение церковных служб (всенощное бдение), пост, сочельник, обед с семьей, обмен рождественскими подарками
праздничные украшения	пятиконечная звезда на верхушке ёлки (как замена Вифлеемской)	Вифлеемская звезда, крест, икона, украшенная ёлка (церковная), ленты с христианскими символами
праздничные поздравления	поздравления в семейном кругу	поздравления в церкви, подарки с религиозной символикой
символы праздника	красная ёлка (с красной звездой вместо Вифлеемской звезды)	Вифлеемская звезда, вертеп, колядки
День защитника Отечества		
праздничные ритуалы	парад Красной Армии, митинг ветеранов, награждение военнослужащих от партии	парад военных подразделений, лекция в школе о армии, подарки мужчинам
праздничные украшения	красные звезды, красные флаги, плакаты с военными, портреты лидеров	флаги России, портреты ветеранов
праздничные поздравления	поздравление от министерства обороны СССР, выступления руководителей КПСС	поздравление президента РФ, открытые выступления ветеранов
символы праздника	красный флаг СССР, серп и молот, портреты военачальников и лидеров, ордена и медали, пятиконечная звезда на форме и технике, красноармейцы, солдаты, моряки и лётчики	триколор (флаг России) и эмблемы видов войск РФ, слово «защитник» в широком смысле, подарки как «атрибуты мужественности»
Международный женский день		
праздничные ритуалы	митинг женщин в поддержку КПСС, митинги с лозунгами о женской эмансипации, награждение ударниц труда, совещание по женским правам, митинги с лозунгами о женской эмансипации, лекции о правах женщин, профсоюзные банкеты	преподнесение букета цветов, угощение женщин в ресторанах, освобождение от домашних дел (мужчины готовят), сюрпризы (букеты, украшения)
праздничные украшения	плакаты с женщинами-трудящимися, красные флаги, земной шар	розы, тюльпаны, украшения с женскими символами (например, лепестки цветов)
праздничные поздравления	поздравление от ЦК КПСС, поздравление в газетах	поздравления президента, открытые признания в любви

символы праздника	ударница труда, женщина-работница / ударница	мимоза, тюльпан, подарок женщинам
День Весны и Труда		
праздничные ритуалы	демонстрация на Красной площади, демонстрации с лозунгами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», маёвки (коллективные пикники в парках), выступления рабочих коллективов, трибуна мавзолея Ленина	пикник в парке, шашлыки на даче, отдых на природе, отдых с семьей, отдых на даче, открытие дачного сезона, шашлычный сезон, прогулки в парках, фестивали народного творчества
праздничные украшения	плакаты с трудящимися, красные флаги, лозунги («Мир! Труд! Май!»)	цветы (тюльпаны, нарциссы), гирлянды с изображением весны, фигуры птиц
праздничные поздравления	поздравление от профсоюзов, поздравление по телевидению	поздравления в соцсетях, открытые выступления о важности труда, подарки друзьям
символы праздника	портрет Ленина, серп и молот	цветы, воздушные шары и ленты
День Победы		
праздничные ритуалы	военные парады, выступление Генерального секретаря КПСС, награждение ветеранов	минута молчания, «Бессмертный полк», посещение мемориалов, возложение цветов к Могиле Неизвестного Солдата, народное гуляние, парад Победы на Красной площади, выставки фотографий военных лет
праздничные украшения	плакаты с героями войны, красные флаги, знамя, красные флаги, плакаты с изображениями солдат, портреты Сталина, гербы союзных республик	Георгиевская лента, флаги России, мемориальные плиты, венки памяти, портреты павших солдат
праздничные поздравления	поздравление от ЦК КПСС, поздравление по телевидению	поздравление президента РФ, личное поздравление ветеранов, открытые выступления о народной памяти
символы праздника	Красное знамя Победы, парад на Красной площади, ордена и медали, Вечный огонь	Красная гвоздика, Георгиевская лента, парад на Красной площади, Красное знамя Победы, Вечный огонь

3. Эволюция лексики государственных праздников.

Для того, чтобы продемонстрировать общие тенденции изменений набора ЛЕ и словосочетаний, входящих в ЛТГ каждого из исследуемых ГП, рассмотрим отдельные лексические подгруппы, соответствующие эпохе СССР и современной России, их наполнение и особенности употребления. Объем настоящей статьи не позволяет полностью рассмотреть все подгруппы для каждого праздника, поэтому выбираем произвольные подгруппы, представленные выше в таблице 1.

3.1. Праздничные ритуалы Нового года.

К ЛЕ времен СССР относятся такие специфичные единицы, как *очередь, дефицит, достать, новогодний* заказ. Пример употребления: *В декабре 1985 года моя бабушка выстаивала очередь три часа за мандаринами и конфетами — это была традиция новогодних покупок в СССР, так как эти товары были дефицитными* (БС). Данные единицы отражают экономическую ситуацию позднего СССР — негативные эффекты плановой экономики, сформировавшие нехватку отдельных товаров, названных дефицитными. Покупки продуктов и подарков к Новому году требовали от граждан

времени и усилий, так как важно получить именно те товары, которые ассоциировались с праздником.

В число ЛЕ современной России входят *шопинг, распродажа, подарочный сертификат, онлайн-заказ*. Пример употребления: *В ноябре 2023 года я вместе с подругой пошла на «Черную пятницу» в супермаркет «Ашан» — мы купили новогодние украшения со скидкой 50%, а потом продолжили шопинг в центре города* (БС). Данные единицы отражают реалии современной рыночной экономики: покупки еды и подарков для Нового года стали удобными и приятными, потому что товары доступны и достаточны, а магазины проводят специальные акции для привлечения покупателей.

3.2. Праздничные украшения Рождества Христова.

Во времена СССР главным украшением служила *пятиконечная звезда на верхушке ёлки*, ставшей символом Нового года, по сути, подменившего Рождество. Пример употребления: *Когда вновь разрешили елки, появились украшения, связанные с советскими достижениями и свершениями. Вместо Вифлеемской звезды — пятиконечная* («Отдавали на разграбление: как в разные годы наряжали новогоднюю елку». URL: https://ria.ru/20181228/1547727782.html) Данные единицы отражают идеологическую политику СССР — власть боролась с религией, считая её «*вредом для общества*», «*опиумом для народа*» и «*инструментом эксплуатации масс*» (согласно формулировкам советской пропаганды). Пятиконечная звезда не только заменяла религиозную символику, но и служила средством формирования у населения (особенно детей) чувства принадлежности к советской системе: ёлка со звездой становилась не знаком Рождества, а символом «советского счастья» и «коллективного праздника».

В настоящее время рождественские украшения обозначаются словами религиозной тематики: *Вифлеемская звезда, крест, икона*. Пример употребления: *В 2023 году мы украсили дома рождественскую ёлку: на верхушке установили маленькую Вифлеемскую звезду с огоньками* (БС). Данные единицы отражают религиозную свободу современного российского общества: религия не запрещена, а, наоборот, становится важной частью культурной идентичности многих россиян. Вифлеемская звезда, крест и икона несут в себе смысл духовности и традиции: они связывают современное празднование с историческим наследием русской православной культуры, а не с идеологическими установками государства. Если в СССР ёлка с пятиконечной звездой была инструментом формирования светского праздничного пространства, то в современности украшения с Вифлеемской звездой или иконой являются выражением личной веры и уважения к культурным корням.

3.3. Праздничные поздравления в День защитника Отечества.

ЛЕ времен СССР: *поздравление от министерства обороны СССР, выступления руководителей КПСС*. Пример употребления: *В 1980 году мой отец, военнослужащий, получил поздравление от министерства обороны СССР — в письме говорилось о важности его службы для защиты советской родины* (БС). Данные единицы отражают идеологическую направленность праздника — акцент на поддержке Советской Армии и власти. Поздравления были официальными и подчеркивали лояльность к партии.

ЛЕ периода современной России: *поздравление президента РФ*. Пример употребления: *Владимир Путин в видеообращении поздравил соотечественников с 23 февраля. <…> Президент подчеркнул, что уже много лет это один из самых значимых государственных праздников. <…> Лидер страны выразил уверенность, что россияне хранят память об истории подвигов предков* («Путин поздравил россиян с Днем защитника Отечества». URL: https://ria.ru/20260223/putin-2076144851.html). Единица отражает национальную направленность праздника, поскольку сделан акцент на защите

Отечества, а не на поддержке конкретной партии. Поздравления стали более личными и обращены ко всем мужчинам, а не только к военнослужащим, что позволяет воспринимать данный праздник как своеобразный «День мужчин», соотносимый с «Днём женщин» (8 марта). В то же время, как было отмечено выше, в последние годы, в связи с проведением СВО, праздник и связанная с ним лексика возвращают себе военный смысл; см. пример: *Первые лица Республики Крым поздравили всех защитников Отечества — тех, кто служил и служит в армии, ветеранов и участников боевых действий. «Для крымчан 23 февраля — особенный праздник. Ровно 12 лет назад в этот день началось формирование народного ополчения, задачей которого было не пропустить на полуостров нацистов, захвативших власть в Киеве в результате государственного переворота, сохранить мир на нашей земле», — подчеркнул глава крымского парламента Владимир Константинов. Он убежден, что для крымчан защищать наше общее Отечество — почетная миссия, а общество нацелено на победу в Специальной военной операции* («Аксенов и Константинов особо поздравили с 23 февраля бойцов СВО». URL: https://crimea.ria.ru/20260223/aksenov-i-konstantinov-osobo-pozdravili-s-23-fevralya-boytsov-svo-1153415516.html).

3.4. Символы праздника Международный женский день.

Во времена СССР символами праздника выступали *ударница труда, женщина-работница / ударница, награждение звездой «Героя труда»*. Пример употребления: *В 1965 году моя бабушка, рабочая на заводе, получила звание «Ударник коммунистического труда» в честь Международного женского дня — это было признание её трудовых заслуг* (БС). Данные единицы отражают политическую окраску праздника, поскольку акцент сделан на роли женщин в строительстве коммунизма, и награды были связаны с работой, а не с личными качествами женщин.

ЛЕ современной России — *мимоза, тюльпан, подарок женщинам, цветы и косметика*. Пример употребления: *В прошлом году я подарил маме букет роз и набор косметики в честь Международного женского дня — она была счастлива, так как это был мой подарок от всего сердца* (БС). Данные единицы отражают деидеологизацию праздника — акцент на женской красоте и любви. Символы стали личными и приятными, а не связанными с работой или политикой.

3.5. Праздничные ритуалы Дня Весны и Труда.

Во времена СССР первомайские праздничные ритуалы обозначали следующие ЛЕ: *демонстрация на Красной площади, демонстрации с лозунгами, маёвки, колонна трудящихся, трибуна Мавзолея*. Пример употребления: *В 1975 году мой дедушка принимал участие в демонстрации на Красной площади в честь Первомая — праздника Весны и Труда — там были тысячи трудящихся, и все скандировали лозунги в поддержку КПСС* (БС). Данные единицы отражают политическую окраску праздника — акцент на солидарности трудящихся и поддержке советской власти. Митинги были обязательными для многих работников, а лозунги воспроизводили идеологически окрашенные формулировки.

ЛЕ современной России перестали обозначать официальные праздничные ритуалы: *пикник в парке, шашлыки на даче, отдых на природе, отдых с семьей, отдых на даче, открытие дачного сезона, шашлычный сезон, прогулки в парках*. Пример употребления: *В том году мы с друзьями устроили пикник в парке по случаю Дня Весны и Труда — мы жарили шашлык, играли в футбол и наслаждались весной* (БС). Данные единицы отражают деидеологизацию праздника — акцент смещается на неформальный отдых и наслаждение весенними выходными днями, поскольку праздник стал днем дружеского

или семейного отдыха, а не политического собрания, место митингов заняло приятное времяпрепровождение с семьей и друзьями.

3.6. Праздничные ритуалы Дня Победы.

Во времена СССР праздничные ритуалы Дня Победы обозначали следующие ЛЕ: *военные парады, выступление Генерального секретаря ЦК КПСС, награждение ветеранов*. Пример употребления: *Однажды мой отец наблюдал военный парад на Красной площади в честь Дня Победы — там маршировали солдаты, выступал Генеральный секретарь, ветеранов награждали медалями* (БС). Данные единицы отражают государственно-идеологический характер праздника — акцент на военной мощи СССР, руководящей роли КПСС и официальном чествовании победы. Парады демонстрировали силу армии, а выступления лидеров подчеркивали политическую значимость события.

В лексику Дня Победы современной России входят такие единицы, как *минута молчания, «Бессмертный полк», посещение мемориалов, возложение цветов к Могиле Неизвестного Солдата, народное гуляние, парад Победы на Красной площади, выставки фотографий военных лет.* Пример употребления: *В прошлом году я впервые участвовал в акции «Бессмертный полк» в День Победы — мы прошли с портретами погибших родственников-фронтовиков, почтили их память минутой молчания и возложили цветы к мемориалу* (БС). Данные единицы отражают смещение акцента на личную и семейную память, а также на всенародное участие — праздник стал более инклюзивным и эмоциональным, сочетая торжественные ритуалы (парад с военной техникой) и массовые символы (Георгиевская лента) с гражданскими инициативами («Бессмертный полк»). Идеологическая составляющая уступила место исторической памяти и благодарности ветеранам.

4. Исчезновение праздничных «советизмов» и деидеологизация / реидеологизация сохранившихся единиц из ЛТГ «Государственные праздники».

Многие «праздничные» ЛЕ советского периода имели яркую окраску, обусловленную идеологической, экономической и политической спецификой СССР. Практически сразу после развала страны такого рода единицы подверглись переосмыслению, в результате которого часть единиц исчезла из речевого обихода, тогда как другие единицы, сохранившись в контексте унаследованных праздников, утратили четкие ассоциации с коммунистическим строем и оказались деидеологизированы.

Лексическая единица *дефицит* исчезла из повседневного праздничного дискурса потому, что после перехода к рыночной экономике в 1990-х годах вынужденные ограничения по поставке товаров были сняты и явление дефицита многих товаров перестало быть актуальным. Сейчас слово используется редко, преимущественно в исторических текстах, для описания единичных экстремальных экономических ситуаций не в контексте праздников (например, кратковременный дефицит туалетной бумаги и некоторых пищевых продуктов длительного хранения в начале периода пандемии коронавируса), причём, часто получая ироническую окраску, знаменующую «возврат в СССР». Деактуализация данной ЛЕ отражает трансформацию экономики: из плановой системы, где государство регулировало производство, в рыночную, регулируемую балансом спроса и предложения. Как следствие, слово *талон* тоже выпало из употребления, так как система распределения товаров по талонам, широкомасштабно действовавшая в последние годы существования СССР, была отменена вместе с преодолением товарного дефицита. Сейчас слово ассоциируется исключительно с советским периодом, символизируя экономические ограничения того времени.

Словосочетания *портреты Ленина / Сталина* в контексте праздников отражает практику культа личности в СССР, когда государственные лидеры были идеализированы. После развала СССР власть отказалась от этой идеологии, а повсеместные портреты лидеров стали символами прошлого. В настоящее время личности лидеров СССР не требуют особого почтительного отношения и, напротив, часто подвергаются критике, поэтому их портреты исчезли из праздничных украшений.

Словосочетание *«партийный митинг»* исчезло из общенародного языка, так как после распада СССР коммунистическая партия перестала быть руководящей силой, а массовые мероприятия перешли к менее идеологизированной форме (например, *«праздничный марш»* или *«фестиваль»*). Единица отражает специфику политической системы СССР, где все общественные события были подчинены идеологическим целям. В 2010-е годы слово *митинг* приобрело прочные ассоциации с оппозиционным протестным движением (митинги на Болотной площади, проспекте Сахарова и др.), однако данные митинги не были связаны с деятельностью одной определенной партии.

Следует отметить, что почти все ЛЕ, связанные с праздниками 8 Марта и 1 Мая, претерпели радикальную деполитизацию. Связанные с 8 Марта единицы *борьба, солидарность, эмансипация* были вытеснены единицами *цветы, подарки, красота, весна*, поскольку праздник превратился из дня политической мобилизации в день гендерного комплимента. Связанные с 1 Мая единицы *интернационал, солидарность трудящихся, демонстрация* были вытеснены единицами *шашлык, дача, отдых,* поскольку праздник утратил профсоюзный и политический характер, став символом начала весенне-летнего дачного сезона.

В случае с ЛЕ, используемыми в контексте празднования Дня Победы, можно говорить о своеобразной реидеологизации лексики, поскольку именно этот праздник является наиболее значимым в конструировании национальной идентичности современной России. Об этом свидетельствует развитие и расширение набора праздничных традиций, ритуалов и символов, часть из которых унаследована из советского прошлого, тогда как некоторые появились относительно недавно, например, шествие «Бессмертного полка» и массовое использование цветовой символики Георгиевской ленты. При этом, делая акцент на государствообразующей роли русского народа в России, дискурс Дня Победы не оставляет без внимания и вклад других народов бывшего СССР в победу в Великой Отечественной войне, а также совместные действия иностранных союзников, обеспечившие общую победу над фашизмом.

5. Трансформация лексических единиц: сохранение формы, изменение эмоциональной окраски и содержания.

Некоторые лексические единицы из ЛТГ «Государственные праздники» сохранили свою форму, но в современном контексте передают другие эмоции, меняют значение или содержание. Это особенно ярко видно на примерах *«Ёлка в Кремле»* и *«митинг»* — единиц, которые были важными атрибутами советских праздников, но сейчас ассоциируются с другими смыслами.

В советский период *«Ёлка в Кремле»* была не просто праздничным атрибутом Нового года, но и символом государственной власти и единства народа под руководством КПСС. Её установка сопровождалась официальной церемонией: руководители государства, дети из привилегированных семей (дети высокопоставленных работников партии, военных) принимали участие в украшении ёлки, а само событие освещалось на центральном телевидении как знак «*заботы государства о детях*». Пример употребления: *В ноябре 1936 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Новый год признан государственным праздником, и уже*

1937-й в Московском Кремле официально встречали с новогодней елкой («Цари наряжали елки открыто, а революционные вожди — тайно». URL: https://www.kp.ru/daily/27071.7/4140557). Отметим, что слово *ёлка* в контексте новогоднего дискурса метонимически обозначало не только праздничное хвойное дерево, но и праздничное мероприятие (концерт), проводимое в Кремле.

В настоящее время *«Ёлка в Кремле»* сохранила форму (ёлка, установленная на территории Кремля, а также ёлка как праздничное мероприятие / концерт), но изменила содержание и эмоциональную окраску. Во-первых, из знака государственной власти она превратилась в туристический аттрактант и культурный символ Москвы. Во-вторых, изменилась эмоциональная окраска праздничного символа: официальная властная атмосфера стала более неформальной, радостной, связанной с отдыхом и культурным наследием. Пример употребления: *В декабре мы пошли в Кремль, чтобы сфотографироваться рядом с ёлкой — это самое красивое новогоднее украшение Москвы, особенно в вечернее время, когда включена иллюминация* (БС). Изменение смысла *«Ёлки в Кремле»* отражает трансформацию отношения общества к государственным институтам: от почитания власти как высшей ценности современное общество перешло к восприятию Кремля как исторического и культурного объекта. Лексема сохранила форму, но её содержание перешло из политического в культурное.

«Митинг» в СССР был массовым мероприятием, посвященным государственным праздникам, с обязательным участием граждан (часто работники предприятий, студенты университетов) и политическими лозунгами. Он ассоциировался с обязательностью, идеологией и единством народа под флагом КПСС. Пример употребления: *Каждый раз 23 февраля мои родители ходили на митинг в центре города — все работники их завода были обязаны прийти. На лозунгах было написано: «Слава Красной Армии!» и ещё что-то в этом духе* (БС). В современной России ЛЕ *«митинг»* сохранила форму и значение (массовое собрание людей), но изменила эмоциональную окраску и ассоциативный фон. Во-первых, митинг перестал быть обязательным: люди приходят на митинги по собственному желанию, а не по приказу. Во-вторых, содержание митингов изменилось: вместо политических лозунгов, посвященных праздникам, митинги зачастую стали посвящать социальным проблемам (например, митинг за защиту окружающей среды, за честные выборы) или культурным событиям (например, митинг фанатов музыкальной группы). В-третьих, изменилась эмоциональная окраска события: из официальной, связанной с властью, она стала свободной, связанной с самовыражением и выражением гражданской позиции, которая, в том числе, может и противоречить государственной позиции по каким-либо вопросам (легитимность результатов голосования, необходимость пенсионной реформы и т.д.). Пример употребления: *Сегодня, 9 мая, у мемориального комплекса «Вечный огонь» прошёл торжественный митинг, посвящённый 78-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Его участниками стали ветераны Великой Отечественной войны, депутаты Городского совета, представители администрации города и жители Салавата* («В День Победы у Вечного огня в городе Салавате прошёл торжественный митинг». URL: https://gazetavibor.ru/news/novosti/2023-05-09/v-den-pobedy-u-vechnogo-ognya-v-gorode-salavate-proshyol-torzhestvennyy-miting-3250923). Трансформация употребления слова *«митинг»* отражает изменения в политической культуре: тоталитарный режим, обладающий монопольным правом на инициирование и организацию общественных мероприятий, сменился демократической формацией, в которой люди могут самостоятельно организовывать собрания. Лексема сохранила базовое значение, но её

смысл и ассоциативный фон перешли из идеологической плоскости в гражданскую и культурную.

Заключение. ЛТГ «Государственные праздники» — репрезентативный материал для изучения связи языка и общества: она не только отражает реальность, но и формирует восприятие праздников, истории и роли человека в обществе, выступая как зеркало его ценностей и трансформаций. Исследование эволюции данной ЛТГ в русском языке показывает, что ее ЛЕ отражают социально-экономические и идеологические изменения России. Периоды СССР и современной России оставляют уникальные следы в лексике: меняются названия праздников, ритуалы и семантика ЛЕ — всё это свидетельствует о специфике каждого этапа: от плановой экономики и идеологизированных советских реалий (*«дефицит», «портреты вождей»*) к рыночным отношениям и деполитизированному обществу. Анализ эволюционных изменений в лексике позволяет проследить закономерности появления, исчезновения и семантического сдвига ЛЕ, поэтому он важен не только для лингвистики (изучение эволюции языка), но и для истории и культурологии, поскольку лексика становится ценным источником информации об изменении культурных практик и общественных настроений.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в анализе влияния глобализации на праздничную лексику, сравнительном изучении праздников в разных лингвокультурах и описании формирования традиций новых государственных праздников, например, Дня народного единства и Дня семьи, любви и верности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басовская Е.Н. Стилевое оформление праздничного медиатекста: история и современность / Е.Н. Басовская // Верхневолжский филологический вестник. — 2019. — № 2 (17). — С. 63–68.
2. Беликов В.И. Социолингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. — М.: РГГУ, 2001. — 315 с.
3. Вереитинова Т.Ю. Праздник как феномен и концепт антропологии культуры / Т.Ю. Вереитинова // Наука. Искусство. Культура. — 2015. № 4 (8). — С. 150–167.
4. Жигульский К. Праздник и культура: праздники старые и новые / К. Жигульский. — М.: Прогресс, 1985. — 336 с.
5. Зеверт Д. Современные подходы к пониманию праздничной культуры в Советском Союзе / Д. Зеверт // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2015. — № 2. — С. 103–113.
6. Зеверт Д. Советский карнавал: от политического шествия до «Праздника народа» / Д. Зеверт // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2016. — № 4 (6). — С. 118–125.
7. Лашевская А.Д. Значение государственных праздников для россиян / А.Д. Лашевская // Дискуссия. — 2015. — № 8 (60). — С. 77–83.
8. Макашова А.С. Традиции ноябрьских праздников в истории России: символическое содержание праздников / А.С. Макашова // Вестник СПбГУ. — 2012. — Сер. 6. — Вып. 3. — С. 128–132.
9. Макашова А.С. Государственные праздники в истории культуры России и концепция «Изобретения традиции» Э. Хобсбаума / А.С. Макашова // Общество, Среда. Развитие (Terra Humana). — 2013 а. — № 3. — С. 114–118.
10. Макашова А.С. День семьи, любви и верности: символический формат социальной политики / А.С. Макашова // Ярославский педагогический вестник. — 2013 б. — № 2. — С. 249–253.
11. Маркасов М.Ю. «Календарно»-хронологический дискурс в советских и постсоветских изданиях / М.Ю. Маркасов // История журналистики. — 2012. — № 6. — Т. 11. — С. 11–16.
12. Мишенькина Е.В. Синхронно-диахронный аспект репрезентации концепта «Праздник» в малых фольклорных жанрах русского речевого творчества / Е.В. Мишенькина, Т.Ф. Извекова // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — № 4. — С. 173–176.
13. Орлов О.Л. Российский праздник как феномен культуры / О.Л. Орлов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2011. — № 1. — С. 32–41.
14. Пивоварчик Т.А. Речевой жанр поздравления как «Образ времени» в дискурсе районной газеты / Т.А. Пивоварчик // Медиалингвистика. — 2014. — № S3. — С. 96–100.
15. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. — М.: Наука, 1968. — 376 с.

16. Старыгина Г.М. Этнокультурная лексика русских и китайских народных праздников / Г.М. Старыгина, И.А. Кунгушева // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2017. — № 76. — С. 148–154.
17. Тульнова М.А. Праздник в контексте глобализации: лингвокультурные характеристики / М.А. Тульнова // Известия ВГПУ. — 2008 — № 10. — С. 4–7.
18. Шанский Н.М. Устаревшие слова в русском языке / Н.М. Шанский // Русский язык в школе. — 1954. — № 3. — С. 27–33.

REFERENCES

1. Basovskaya E.N. (2019) Stilevoe oformlenie prazdnichnogo mediateksta: istoriya i sovremennost` [Style design of the festive media text: history and modernity]. Verxnevolzhskij filologicheskij vestnik, 2 (17), 63–68. (In Russian)
2. Belikov V.I. & Kry`sin L.P. (2001) Sociolingvistika [Sociolinguistics]. Moscow: RGGU, 315 p. (In Russian)
3. Vereitinova T.Yu. (2015) Prazdnik kak fenomen i koncept antropologii kul`tury` [Holiday as a phenomenon and concept of anthropology of culture]. Nauka. Iskusstvo. Kul`tura, 4 (8), 150–167. (In Russian)
4. Zhigulskij K. (1985) Prazdnik i kultura: prazdniki staryje i novyje [Holiday and culture: old and new holidays]. — Moscow: Progress, 336 p. (In Russian)
5. Zevert D. (2015) Sovremennyje podxody k ponimaniyu prazdnichnoj kultury v Sovetskom Soyuze [Modern approaches to understanding holiday culture in the Soviet Union]. Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyje otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie, 2, 103-113. (In Russian)
6. Zevert D. (2016) Sovetskij karnaval: ot politicheskogo shestviya do "Prazdnika naroda" [Soviet Carnival: from the political procession to the "Holiday of the People"]. Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyje otnosheniya, 4 (6), 118–125. (In Russian)
7. Lashevskaya A.D. (2015) Znachenie gosudarstvennyh prazdnikov dlya rossiyan [The importance of public holidays for Russians]. Diskussiya, 8 (60), 77–83. (In Russian)
8. Makashova A.S. (2012) Tradicii noyabrskih prazdnikov v istorii Rossii: simvolicheskoe soderzhanie prazdnikov [Traditions of November holidays in the history of Russia: symbolic content of holidays]. Vestnik SpbGU, 6, Vol. 3, 128–132. (In Russian)
9. Makashova A.S. (2013) Gosudarstvennyje prazdniki v istorii kultury Rossii i koncepciya «Izobreteniya tradicii» E. Hobsbauma [Public holidays in the history of culture of Russia and the concept of "Invention of tradition" E. Hobsbaum]. Obshhestvo, Sreda. Razvitie (Terra Humana), 3, 114–118. (In Russian)
10. Makashova A.S. (2013) Den semji, lyubvi i vernosti: simvolicheskij format socialnoj politiki [Day of family, love and fidelity: a symbolic format of social policy]. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2, 249–253. (In Russian)
11. Markasov M.Yu. (2012) "Kalendarno"-hronologicheskij diskurs v sovetskix i postsovetskix izdaniyax ["Calendar"-chronological discourse in Soviet and post-Soviet publications]. Istoriya zhurnalistiki, 6, Vol. 11, 11–16. (In Russian)
12. Mishenkina E.V. & Izvekova T.F. (2011) Sinhronno-diahronnyj aspekt reprezentacii koncepta "Prazdnik" v malyh folklornyh zhanrah russkogo rechevogo tvorchestva [Synchronous-diachronous aspect of the representation of the concept "Holiday" in small folklore genres of Russian speech creativity]. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 4, 173–176. (In Russian)
13. Orlov O.L. (2011) Rossijskij prazdnik kak fenomen kultury [Russian holiday as a phenomenon of culture]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury, 1, 32–41. (In Russian)
14. Pivovarchik T.A. (2014) Rechevoj zhanr pozdravleniya kak «Obraz vremeni» v diskurse rajonnoj gazety [Speech genre of congratulations as "The Image of Time" in the discourse of the regional newspaper]. Medialingvistika, S3, 96–100. (In Russian)
15. Polivanov E.D. (1968) Statji po obshhemu yazykoznaniyu [Articles on general linguistics]. — Moscow: Nauka, 376 p. (In Russian)
16. Starygina G.M. & Kungusheva I.A. (2017) Etnokulturnaya leksika russkih i kitajskih narodnyh prazdnikov [Ethnocultural vocabulary of Russian and Chinese folk holidays]. Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 76, 148–154. (In Russian)
17. Tulnova M.A. (2008) Prazdnik v kontekste globalizacii: lingvokulturnyje harakteristiki [Holiday in the context of globalization: linguistic and cultural characteristics]. Izvestiya VGPU, 10, 4–7. (In Russian)
18. Shansky N.M. (1954) Ustarevshie slova v russkom yazy`ke [Obsolete words in Russian]. Russkij yazyk v shkole, 3, 27–33 (In Russian)

Поступила в редакцию 09.01.2025 г.

EVOLUTION OF LEXICAL-THEMATIC GROUP "STATE HOLIDAYS" IN MODERN RUSSIAN

X. Wang, S.V. Olenev

The paper deals with a diachronic study of the lexical-thematic group "Public Holidays" in Russian. On the material of the vocabulary of the Soviet and modern periods, changes in the composition, semantics and pragmatics of lexical units are analyzed. The research methods used include diachronic analysis of the vocabulary and phraseology of the Russian language; semantic and componential analysis of lexical units, linguo-cultural analysis of the meanings of lexical and phraseological units in connection with background knowledge, etc. On the basis of the division of the public holidays vocabulary into the main semantic subgroups (holiday rituals, holiday decorations, holiday greetings, holiday symbols) and the further description of the festive contexts in which this vocabulary functions in the historical perspective of the XX-XXI centuries, the deideologization processes are described (for example, the transformation of the May 1st and March 8th holidays), as well as the vocabulary desovetization and the emergence of new rituals and holiday symbols (St. George's Ribbon, Immortal Regiment), fixed in the vocabulary. It is shown that the evolution of the vocabulary reflects the social-economic and cultural transformations that took place in the Russian Federation after the collapse of the USSR. The results revealing the relationship of language and society in the time perspective of recent decades are significant for historical linguistics and cultural studies.

***Key words*:** lexical-thematic group, public holidays, Russian language, historical lexicology, evolution of vocabulary, Soviet period, post-Soviet period, socio-cultural transformations.

Ван Сиин.
Северо-Восточный нефтяной университет, Китайская Народная Республика, г. Дацин.
Старший преподаватель Института иностранных языков.
ORCID 0009-0006-0296-5115.
E-mail: wangxiying@yandex.ru.

Оленев Станислав Владимирович.
Кандидат филологических наук, доцент.
Северо-Восточный нефтяной университет, Китайская Народная Республика, г. Дацин.
Доцент Института иностранных языков.
ORCID 0000-0002-7116-1309.
E-mail: olenestan@yandex.ru.

Wang Xiying.
Northeast Petroleum University, People's Republic of China, Daqing.
Senior Lecturer at Foreign Languages Institute.
ORCID 0009-0006-0296-5115.
E-mail: wangxiying@yandex.ru.

Olenev Stanislav Vladimirovich.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Northeast Petroleum University, People's Republic of China, Daqing.
Associate Professor at Foreign Languages Institute.
ORCID 0000-0002-7116-1309.
E-mail: olenestan@yandex.ru.

Научная статья
УДК 81’42:32-051(73)
DOI: 10.5281/zenodo.19865832

ОСОБЕННОСТИ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ «ПЕРСОНАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА ТРАМПА»

© 2026 ***Л.Б. Здановская***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
ORCID: 0000-0003-2488-2506

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматривается способ измерения дискурса персонифицированного типа, выступающего специфическим продуктом речевого общения главного продуцента – публичной персоны мирового уровня Дональда Трампа. Рассматриваемый в рамках исследования временной период 2016–2021 гг. отображает хронологическую последовательность появления, развития и закрепления в типологии дискурсов «Персоналистского дискурса Трампа». В качестве единицы измерения анализируемого дискурса избирается оппозиция. Структура оппозиции отмечена простой или усложненной организацией. Субъектами оппозиций выступают адресант – дискурсивная личность Д. Трампа и адресаты, вступающие с главным актантом действия в отношения коммуникативного взаимодействия. Выделенные оппозиции представляют первую и вторую группы «Персоналистского дискурса Трампа». Распределение оппозиций по группам регламентируется формой субъектного участия в оппозиции – активной и пассивной для структур первой группы и активной для второй. Реализация субъектами оппозиций полярных действий совмещается с дихотомической концепцией «*созидание*» – «*разрушение*».

Ключевые слова: «Персоналистский дискурс Трампа», оппозиция, дискурсивная личность, субъект оппозиции, действие «созидание», действие «разрушение», «свои», «чужие», дихотомия.

Для цитирования: Здановская Л.Б. Особенности параметризации «Персоналистского дискурса Трампа» / Л.Б. Здановская // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 92–103. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19865832.

Введение. Глобальное обострение противоречий в современной действительности находит отображение в теории дискурса, широко представленной в многочисленных лингвистических исследованиях, посвященных указанной проблематике. Реализация противоречий, объективируемая через дискурс, предполагает наличие субъекта – языковой личности, коммуникативная активность которой ведет к его продуцированию, а следовательно, позволяет рассматривать ее как дискурсивную личность (ДЛ). Форма речевой активности дискурсивной личности обусловливается социальным статусом и степенью популярности, подтверждаемой численной представленностью аудитории, заинтересованной в общении с данной персоной. Дискурсивная личность устанавливает тематику и формат коммуникации с партнером, который принимает вектор речевого действия либо оппонирует ему в процессе общения. Форма взаимного противодействия коммуникантов, выраженная посредством реализации ими полярных действий, выступает основным признаком формирования оппозиций. Процесс коммуникативного взаимодействия контрарных сторон демонстрирует доминирующую роль ключевой

фигуры дискурса – ДЛ Дональда Трампа, выступающего адресантом, и подчиненную, иерархически зависимую позицию его адресата.

Независимость языковой личности в процессе общения И.А. Кудряшов определяет как «коммуникативную свободу», проявление которой сигнализирует об игнорировании ЯзЛ позиции субъекта. Демонстрация самостоятельной, коммуникативной самореализации подтверждает ролевое превосходство «говорящей личности», которое позволяет ей «<…> воспринимать себя в качестве единственного центра диалогового взаимодействия <…>» [8, с. 22]. Специфика интеракционной коммуникации, регулируемая языковой личностью, принимает форму коммуникативного давления на партнера, которое идентифицируется как признак «<…> ‘превосходства’ личной сферы говорящего над сферой адресата» [8, с. 22].

Простая или осложненная форма оппозиции обусловливается контекстным окружением структуры. Оппозиция объективирует реализацию субъектами действий, подтверждающих активное (динамическое) или пассивное (статическое) участие субъекта в структуре. Форма активной субъектной партиципации в оппозиции обозначена наличием у обоих субъектов состава репрезентантов, активирующих оппозитивность в границах сформированной структуры. Пассивное участие, напротив, сопровождается отсутствием у одного из актантов действия компонентного состава. Статическая партиципация субъекта фиксируется главным актантом действия, номинирующим оппонента. Структура оппозиции, закрепляющая алгоритм коммуникативных действий, совершаемых актантами, имеет уровневую организацию.

В результате проведенного исследования были выделены две оппозиции: “*Trump”. – “Crocked politicians”*; «*Смягчить риторику*» – «*Ужесточить меры*». Выявленные структуры, согласно разработанной нами типологической классификации, демонстрируют принадлежность к первой и второй группам «Персоналистского дискурса Трампа» (далее — ПРСД Трампа). Обе оппозиции имеют осложненную структурную организацию, которая подтверждается образованием двух уровней – базового межсубъектного (1) и субординированного внутрисубъектного (2). Субъекты оппозиций демонстрируют дифференцированное участие в активизации коммуникативных действий. Участники первой структуры отмечены партиципацией в монополярной реализации действия *“destruction”*, которая ведет к нарушению дихотомического равновесия *“creation” – “destruction”*, устанавливая «дихотомический дисбаланс». Субъекты второй оппозиции участвуют в реализации полярных действий, поддерживающих дихотомическую концепцию «*созидание*» – «*разрушение*». Особенностью структурного оформления данной оппозиции является образование композитного конструкта, организованного совмещением двух дихотомий – «*свои*» – «*чужие*» и «*созидание*» – «*разрушение*».

Обе структуры объективируют процесс оппозитивной коммуникации, ведущий к образованию специфического дискурсивного продукта – «Персоналистского дискурса Трампа».

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили книга российского журналиста, писателя и политолога К. Бенедиктова «Чёрный лебедь. Политическая биография Дональда Трампа» и сообщение 45-го президента США, Дональда Трампа, размещенное в сети Twitter. Выбор источников, демонстрирующих принадлежность к русскому и англо-американскому языковым пространствам, обусловлен целью исследования – определить тенденцию закрепления коммуникации контрарного плана в глобальном информационном пространстве, инициируемую ключевым актантом

действия и главным продуцентом персоналистского дискурса – Дональдом Трампом. Постановка указанной цели предполагает решение следующих задач:

1) сформулировать принцип формирования оппозиций в «Персоналистском дискурсе Трампа»;

2) установить состав участников оппозиций, позволяющий определить продуцентов «Персоналистского дискурса Трампа» и их функции;

3) обозначить форму субъектной партиципации в оппозициях, регламентирующую закрепление групповой принадлежности структур в составе типологических классификаций ПРСД Трампа;

4) указать вид структурного осложнения оппозиций, обусловленного совмещением дихотомий и ведущего к образованию внутреннего и внешнего пространств дискурса;

5) определить единицу параметризации ПРСД Трампа.

Выделенные оппозиции "*Trump" – "Crocked politicians"* и «*Смягчить риторику*» – «*Ужесточить меры*» подвергнуты комплексному анализу на основе методов лексико-семантического и дискурсивного анализа репрезентативных составов субъектов, позволивших произвести лингвокогнитивное моделирование структур, которое дополнено схематической верификацией. Результаты проведенного исследования подтверждают функциональную способность оппозиций выступить инструментом параметризации «Персоналистского дискурса Трампа».

Выполненное исследование может быть использовано в качестве эффективной методики дискурсивного анализа, применяемого при изучении способов измерения дискурсов различной типологии.

Основная часть. Теоретическое обоснование понятия оппозиция в парадигме дискурса. Идея оппозитивной организации дискурса отправляет, с одной стороны, к участникам процесса коммуникации, выступающих его продуцентами, с другой стороны, раскрывает форму «овнешнения» общения, выстроенного в формате контрарного взаимодействия, которое совмещается со структурой оппозиции. Лингвокогнитивная направленность исследования позволяет отобразить фактическую представленность оппозиции в тексте, которая дополняется широкой вариативностью интерпретаций, выраженных имплицитной формой объективации.

Понятие «оппозиция» представлено в лексикографических источниках русского языка тремя значениями: 1. Противодействие, сопротивление. 2. Группа лиц внутри какого-н. общества, организации, партии, ведущая политику противодействия, сопротивления большинству. 3. Противопоставление, противопоставленность [13, с. 456].

Английский толковый словарь включает 4 значения данной единицы: *1 (to sb / sth) the act of strongly disagreeing with sb/ sth, especially with the aim of preventing sth from happening. 2 the opposition the people you are competing against in business, a competition, a game, etc. 3 the Opposition the main political party that is opposed to the government*; *the political parties that are in a parliament but are not part of the government. 4 the state of being as different as possible*; *two things that are as different as possible* [14, p. 1066] (1. (по отношению к кому-л./чему-л.) Акт решительного несогласия с кем-л./чем-л. особенно с целью предотвращения этого. 2. Оппозиция – люди, с которыми вы конкурируете в бизнесе, соревновании, игре и т.д. 3. Оппозиция – основная политическая партия, выступающая против правительства; политические партии, которые находятся в парламенте, но не входят в правительство. 4 состояние быть настолько непохожим, насколько это возможно; две вещи, которые отличаются друг от друга настолько, насколько это возможно).

Сопоставление приведенных значений слова *оппозиция / (the) opposition* в русском и английском словарях демонстрирует численное превосходство английской лексемы: рус. – 3; англ. – 4. Особо следует отметить закрепление значений, характеризующих понятие в политической аспектности, что позволяет предположить о более выраженной акцентуации термина *opposition* в англо-американском языковом пространстве, объективирующем широко представленную типологию политико-ориентированных дискурсов. Рассмотрим близкие направлению нашего исследования теоретические концепции ученых–лингвистов, служащие весомой аргументацией актуальности работ, посвященных анализу оппозиций в лингвоконцептологии, когнитивной лингвистике и лингвопрагматике.

Т.И. Краснова указывает на терминологическую сопряженность категорий «оппозиция» и «оппозитивность» применительно к изучению и описанию оппозитивного дискурса. «Оппозиция трактуется» как «противоположение», которое воспроизводится на содержательном и структурном уровнях в дискурсе. Оппозиция интегрирует разность определений на основе сопоставления с понятием «*Другой*», маркируя факт наличия определенного несоответствия, противоречия, воспроизводимых в коллективном сознании социума. Оппозиции, по Т.И. Красновой, подлежат реконструкции, учитывающей взаимодействие «горизонтального и вертикального контекстов». Ученый указывает на соотнесенность категорий «оппозиция» и «оппозитивность», которые выступают признаком дискурса и «выводятся на поверхность» в процессе дискурсивного анализа. Процесс коммуникативного взаимодействия рассматривается ученым как речевой акт, способствующий порождению дискурса и развитию оппозитивности как аргументированного неприятия и противопоставления, выраженного через дискурс [6, с. 21].

Т.В. Дубровская, отмечая эффективность применения разноплановых методик для исследования и описания оппозиций, настаивает на необходимости осуществления анализа оппозиции на уровне «конкретных дискурсивных практик», в состав которых включен семантико-прагматический подход. Исследователь усматривает возможность использования модели оппозиции «*сила vs. слабость*» в качестве структуры, позволяющей произвести конструирование отношений межнационального уровня в политическом, юридическом и масс-медийном типах дискурса. Модель оппозиции, выстроенная на основе указанного метода, предполагает выявление и систематизацию смыслов, «<…> реализуемых всеми средствами языка в прагмалингвистическом контексте». Ученый обращает внимание на аксиологическую нагруженность компонентов оппозиции, принимающую противоречивый характер [4, с. 24–30; 35].

Я.А. Блохина определяет «оппозицию» в дискурсе как системно и семантически выраженное противопоставление ее составляющих – «членов оппозиции». Конструирование оппозиции осуществляется на основе средств языка и лингвопрагматического контекста, обусловливающего формирование противоположных смыслов в границах оппозиции [1, с. 21].

А.С. Геворгян исследует «оппозицию» в аспекте научно-политического дискурса, подчеркивая многоаспектность понятия, которая осложняет его дефинирование. Особенность закрепления значения единицы «политическая оппозиция» в дискурсе обусловлена главным признаком данного феномена – участием в конфликте с властью [3, с. 206]. В качестве ключевых методов, используемых исследователем для проведения системного анализа «политической оппозиции», указываются элитологический, конфликтологический и бихевиоралистский подходы, подтверждающие формирование

противопоставлений: *элита – контрэлита*; *действующая власть – оппозиция*; *природа человека – властные отношения*; *системная оппозиция – внесистемная оппозиция*. Таким образом, термин «политическая оппозиция» в контексте научно-политического дискурса применим по отношению к группе лиц – «<…> носителей противоположного политического поведения, культуры и установок» [3, с. 207].

А.А. Мурадян анализирует базовую оппозицию «свой – чужой» в аспекте политического дискурса на основе метода моделирования структуры, отображающей «<…> сглаживание первоначальных острых углов между противоборствующими сторонами» [9, с. 72]. По мнению ученого, процесс деконструкции, формирующий «единый концепт», основан на укреплении позиции игрока «нейтрального» плана, перекрывающего «чуждость», которая ведет к ее дискредитации. Сформированная структура, по А.А. Мурадян, принимает форму единого концепта.

И.В. Привалова при исследовании аксиологических концептов и этнодескрипторов настаивает на необходимости включать понятия, выражающие нравственные предписания, «в двуполюсные оппозиции». Образованные структуры представлены бинарно оформленными соотношениями: «*грех – добродетель*», «*добро – зло*»; «*правда – ложь*» [10, с. 200]. Ученый ограничивает возможность сопоставления национальных понятий рамками одной этнолингвокультуры.

Е.В. Танков исследует бинарные концептуальные оппозиции на основе когнитивного подхода в русле политического дискурса. Оппозиция как структура бинарной организации представлена «единицами мышления» – концептами. Ученый относит к основным критериям указанных конструкций «содержательный объем оппозиций» и языковой ресурс, обеспечивающий устойчивое «смысловое наполнение концептов» [11, с. 165]. Нам близка идея исследователя присваивать полярную маркируемость частям бинарной оппозиции в следующем порядке: левая – *положительная*; правая – *отрицательная*. Универсальность бинарных оппозиций подтверждается их облигаторной представленностью при описании различных картин мира.

Фундаментальный анализ оппозитивно выстроенной ценностной картины мира изложен В.И. Карасиком в аксиологической теории, посвященной детальному изучению аксиогенных ситуаций, составляющих ее «содержательную основу». Согласно концепции ученого, аксиогенные ситуации представляют собой «положения дел, осмысливаемые как взаимосвязанные представления о том, что есть благо и зло» [5, с. 32]. Исследователь акцентирует значимость ключевой характеристики ценностей – «установки идентичности», транслирующей способ специфического восприятия «своих» и «чужих». Основополагающая ценность, по В.И. Карасику, заключается в диалектическом отношении к фактору «самоидентификации», которое выражено схемой «тезис – антитезис – синтез». Наличие недостатков у «своих» и достоинств у «чужих» ведет к закреплению контрарного исходному принципа иррациональности «<…> свои дороже чужих» [5, с. 18]. Таким образом, иррациональность духовных ценностей выступает оппозитивной по отношению к рациональности ценностей моральных и утилитарных («добро» – «зло») [5, с. 18].

Близкой указанной теоретической позиции придерживается С.Г. Воркачев при анализе понятия «патриотизм» и его эволюции в отображении русской языковой личности. Ученый рассматривает «патриотизм» как идею лингвокультурного плана, «<…> сложное семантическое образование <…>, включающее в себя концепты и «антиконцепты» – родину и чужбину, «свое» и «чужое»« [2, с. 4–8]. Обращение к указанной теме исследователь связывает с текущим моментом, поскольку «<…> в мире действуют две противоположные тенденции <…>« [2, с. 4–8]. Закрепление оппозитивной динамики указанного процесса выражено полярно соотносимыми категориями: «интеграция» – «дезинтеграция; «глобализация» – «распад» [2, с. 8].

В.В. Красных, определяя в качестве ключевой фигуры дискурса языковую личность – «человека говорящего», обращает внимание на наличие у нее определенного набора знаний и представлений, при анализе которых используется принцип «оппозиции». Сформированные пары оппозитивно соотносимых категорий принимают следующий вид: «*научное / ненаучное*; *социальное / индивидуальное (знание)*; *предметные / методологические*; *языковые / энциклопедические*; *врожденные / приобретенные*; *языковые / метаязыковые*; *процедурные / декларативные*; *освоенные / выученные*; *имплицитные / эксплицитные* <…>« [7, с. 141].

Приведенные теоретические позиции, с одной стороны, подтверждают актуальность выбора оппозиции в качестве ключевой категории, с другой стороны, осложняют систематизацию категориальных характеристик понятия, обосновывающих релевантность использования в различных областях научного знания и в первую очередь в сфере дискурсивной лингвистики. Следовательно, изучение языковой личности, закрепляющей статус дискурсивной и выступающей главным продуцентом собственного дискурса – «Персоналистского дискурса Д. Трампа», образованного в процессе оппозитивной коммуникации, обосновывает актуальность выбранного направления исследования.

Дискурсивная личность Дональда Трампа удовлетворяет характеристике «репрезентативная языковая личность» через установление ею в силу доминирования специфического алгоритма общения: «*говорит сама*» и мотивирует «*говорить с ней*». Дискурсивная личность обладает приоритетом в выборе тематики общения, которая поддерживается целевой аудиторией Д. Трампа – субъектами оппозитивной коммуникации. Закрепляемый статус дискурсивной личности находит подтверждение в эффективности и степени влияния Трампа-коммуникатора, способного инсценировать и постоянно поддерживать состояние оппозитивности, вовлекая в него всех участников организованного им дискурсивного пространства, «*говорящих с ним*». Таким образом, «Персоналистский дискурс Трампа» является результатом коммуникативной активности фигуры мирового уровня, медийной персоны, признанной мировым политическим сообществом и способной оказывать влияние на экзистенциальные процессы с учетом современной реальности.

В основе формирования ПРСД Трампа лежит стратегия перманентной бинарной оппозитивности, реализованная в оппозициях дифференцированной структурной организации. Типология оппозиций составлена структурами первой и второй групп. Оппозиции 1 группы организуются на основе прямых высказываний Д. Трампа, объективирующих оппонентов дискурсивной личности, которые выступают пассивными участниками оппозиции, представленными в номинации ДЛ.

Оппозиции 2 группы образуются в результате речевого общения оппонирующих сторон — дискурсивной личности (Д. Трампа) и субъектов, поддерживающих с ней формат отношений оппозитивной коммуникации. Оппозиции обеих групп отмечены доминирующей позицией Д. Трампа, выступающего главным продуцентом и ключевой фигурой дискурса. Таким образом, критерием групповой принадлежности оппозиции является форма участия актантов действия в процессе общения: активная (динамическая), реализуемая в процессе прямой коммуникации; пассивная (статическая), закрепляемая посредством номинации ДЛ.

Наше понимание «оппозиции» основывается на возможности определить ее как специфическую конструкцию, характеризующуюся дифференцированной структурой уровневой организации. Уровни оппозиции представлены двумя позициями: 1) базовый (межсубъектный) уровень: С1 — С2; 2) внутрисубъектный (субсидиарный) уровень: вС1

— вС2. Базовый уровень оформляется бинарной оппозицией, выделенной на основе анализируемого прецедентного текста и выступающей основой для образования внутрисубъектного противоположения на субсидиарном уровне структуры. Оппозиция оформлена контрарным взаимодействием субъектов, отмеченных участием в реализации полярных действий «*созидание*» – «*разрушение*», и закрепляет за собой статус единицы измерения «Персоналистского дискурса Трампа». Специфика параметризации оппозиций анализируется нами на основе структур, подвергнутых процедуре лингвокогнитивного моделирования, к рассмотрению которых мы переходим далее.

Оппозиция *"Trump" –"Crocked politicians"* выделена на основе следующего сообщения Д. Трампа:

"If the Russians want to expose American politicians' corruption, then I am 100% ok with that. Thanks, Putin!" (@Trump2016News, 7:12 AM 17/12/2016) («Если русские хотят разоблачить продажность американских политиков, то я согласен на 100%. Спасибо, Путин!»).

Бинарная оппозиция *"Trump" –"Crocked politicians"* закрепляет за собой функцию базовой и оформляет 1-й уровень структуры. Номинант субъекта оппозиции *"Trump"* (С1) представлен ограниченным компонентным составом, включающим одну единицу: *"am ok"*. Контекстное окружение субъекта С1 позволяет предположить о возможном расширении его номинации через присоединение двух номинантов – *"the Russians"*, *"Putin"*. Результатом структурной реконструкции субъекта *"Trump"* является образование трехкомпонентной номинации, формирующей субъект вС1 на втором внутрисубъектном уровне, определяемом как субсидиарный по отношению к базовому:

"Trump" + "the Russians" + "Putin".

Реконструкция субъекта указывает на закрепление результирующих факторов: 1) смещение внутрисубъектной акцентуации номинанта на основе его значимостной позиции в составе субъекта; 2) изменение численной представленности ключевых репрезентантов в сравнении со стартовой структурой (С1).

Деструктивность действия, иллюстрируемая глаголом *"to expose"*, усиливается единицей *"am ok"*, обозначающей степень участия номинанта в реализации действия дополняющим его компонентом *"100%"*. Компонентный состав субъекта С1 отсылает к имплицитно выраженным характеристикам, совмещаемым с действием *"destruction"*: *"to show smb. up in his true colors"* («показать кого-л. в истинном свете»); *"to blow the lid of"* («вывести на чистую воду»); *"to strip off someone's mask"* («сорвать с кого-л. маску»). Действие деструкции, традиционно сопрягаемое с отрицательной коннотацией репрезентантов, в данном случае отправляет к положительному ассоциату, формирование которого обусловлено созидательной интенцией адресата: *"to recreate a sound society"* («воссоздать здоровое общество»).

Субъект *"Crocked politicians"* (С2) репрезентируется лексемой, закрепляющей отрицательную коннотацию *"corruption"*. Предельная ограниченность компонентного состава С2 обусловливается двумя факторами: 1) лимитированностью текста; 2) типом сообщения (формальное выражение благодарности официальному лицу). Лексема *"corruption"* имплицитно воспроизводит признаковый ряд, совмещаемый с действием "destruction": *"flip side of the coin"* («оборотная сторона медали»); *"true colors of the U. S. establishment"* («истинное лицо американской политэлиты»); *"to find oneself behind bars"* («попасть за решетку»). Смысловое наполнение сообщения позволяет предположить о присутствии в нем элемента менасива.

Процесс структурной реконструкции субъекта С1 в составе базовой оппозиции не оказывает влияния на состав субъекта С2, демонстрирующий константность номинации в противоположении внутрисубъектного уровня:

вС1 – вС2: *“Trump” + “the Russians” + “Putin” – “Crocked politicians”*.

Субъекты рассмотренной оппозиции *“Trump” – “Crocked politicians”* демонстрируют различную структурированность. Субъект С1 отмечен нежесткой организацией компонентного состава. Расширение субъектной репрезентации С1 обусловлено структурной реконструкцией, которая оформляет внутрисубъектное противоположение на втором (субсидиарном) уровне базовой оппозиции:

вС1 – вС2: *“Trump” + “the Russians” + “Putin” – “Crocked politicians”*.

Репрезентация субъекта С1 на основе стартового (1 уровень) и итогового составов (2 уровень) позволяет предположить о его участии в процессе актуализации оппозитивности посредством реализации действия *“destruction”*.

Субъект *“Crocked politicians”* (С2), напротив, демонстрирует устойчивость номинации. Имплицитное признаковое сопровождение репрезентантов субъекта совмещается с действием *“destruction”*. Таким образом, субъекты оппозиции С1 и С2 отмечены участием в монополярной реализации действия *“destruction”*, ведущей к нарушению дихотомического равновесия «*созидание*» – «*разрушение*» и установлению дихотомического дисбаланса.

Анализ оппозиции *“Trump”* (С1) – *“Crocked politicians”* (С2), предпринятый на основе метода лингвокогнитивного моделирования, позволил определить главным продуцентом и ключевой фигурой персоналистского дискурса дискурсивную личность Д. Трампа. Доминирующей позиции дискурсивной личности, подтвержденной активным участием в процессе контрарной коммуникации, противостоит пассивное участие оппонента — субъекта С2, номинированного ДЛ. Фиксируемая партиципация субъектов позволяет включить данную оппозицию в типологическую классификацию первой группы ПРСД Трампа.

Структура оппозиции *“Trump”* (С1) – *“Crocked politicians”* (С2) представлена схемой:

Схема 1

1 уровень	С1 – С2
“Trump” – “Crocked politicians”	

↓

2 уровень	вС1 – вС2
“Trump” + “the Russians” + “Putin”– “Crocked politicians”	

Вторая группа оппозиций ПРСД Трампа включает структуры, образованные коммуникативной активностью субъектов-участников общения – Д. Трампа и его оппонента. Иллюстративным примером структуры данной группы ПРСД Трампа является оппозиция «*Смягчить риторику*» – «*Ужесточить меры*», выделенная на основе источника К. Бенедиктова.

Субъект оппозиции «*Смягчить риторику*» (С1) репрезентируется единицами, участвующими в реализации полярных действий «*созидание*» («*сзд*») – «*разрушение*» («*рзр*»): («*сзд*») – «*<…> легально получить гражданство США*» [12, с. 332]; «*<…> постепенная либерализация позиций в отношении мигрантов*» [12]; «*<…>попросил Трампа смягчить <…> его риторику в отношении реформы иммиграционного законодательства*» [12, с. 212]; «*план иммиграционной реформы, предусматривающий легализацию нелегальных мигрантов*» [12, с. 333]; «*<…> мексиканские мигранты*

вносят «*значительный вклад в экономику США*» [12, с. 212]; «*<…> на территории США трудятся миллионы мексиканских мигрантов <…>*»; 2) («*рзр*») – «*Подобные высказывания, <…> могут повредить отношениям между двумя странами <…>*»; «*<…>МИД Мексики выступил с заявлением, в котором назвал слова миллиардера* «*отражающими расизм <…>*» [12, с. 212]; «*<…> негуманно просто выслать 12 миллионов человек из этой страны*» [12, с. 332]; «*<…> строительство нанесет ущерб природе <…>*» и др.

Представленный компонентный состав субъекта «*Смягчить риторику*» (С1) поддерживает двуплановую реализацию действий, иллюстрируемую словосочетаниями: «*сзд*» – «*получить гражданство*»; «*смягчить риторику*»; «*трудятся миллионы мексиканских мигрантов*»; «*план реформы*»; «*вносят вклад в экономику*»; «*либерализация позиций*»; «*легализация мигрантов*»; «*рзр*» – «*повредить отношениям*»; *отражающие* «*расизм предрассудки*»; «*выслать 12 миллионов человек*»; «*нанесет ущерб*».

Вербальная репрезентация субъекта оппозиции «*Смягчить риторику*» С1 дополняется полярными имплицитными смыслами, совмещаемыми с дихотомией «*созидание*» – «*разрушение*»: «*сзд*» – «*поэтапное выстраивание миграционной политики*»; «*рзр*» – «*деструктивные последствия антимигрантских настроений*».

Субъект оппозиции «*Ужесточить меры*» (С2) представлен компонентным составом, поддерживающим контрарную реализацию действий: «*сзд*» – «*<…> построить <…> фортификационное сооружение <…>*»; «*<…> возведение <…> тройных стен <…>*»; «*<…> стать <…> строительным проектом века*»; «*постройка* «*<…> гигантских стен*»«; «*постройка <…> разделительных барьеров <…>*»; «*<…> хотел бы построить большую стену <…>*»; «*<…> построю большую-большую стену <…>*»; «*<…> построю <…> недорого*»; «*рзр*» – «*<…> заставлю Мексику заплатить за её строительство <…>*»; «*В первый день моего президентства все они <…> уберутся вон, и уберутся вон быстро*» и др. [12, с. 210–215].

Компонентный состав субъекта «*Ужесточить меры*» (С2) поддерживает двуплановую реализацию действий, иллюстрируемую словосочетаниями: «*сзд*» – «*построить сооружение*»; «*возведение стен*»; «*стать проектом века*»; «*постройка стен*»; «*рзр*» – «*уберутся вон*»; «*заставлю заплатить*».

Вербальная репрезентация субъекта «*Ужесточить меры*» (С2) дополняется имплицитными смыслами, совмещаемыми с действием деструкции *(«рзр»)*: *тотальная изолированность*; *непреодолимое препятствие*; *искусственно созданный заслон*.

Состав репрезентантов субъекта оппозиции «*Ужесточить меры*» (С2) включает текстовый фрагмент, который оформляет внутрисубъектное противоположение, отправляющее к дихотомии «*свои*» (вС1) – «*чужие*» (вС2), которая объективируется в пространстве дихотомии «*созидание*» – «*разрушение*»: «*Когда Мексика присылает нам своих людей, она не посылает <…> своих лучших граждан. Она посылает не таких, как вы. <…> их проблемы становятся нашими <…>*« [Там же, с. 210-211]. Совмещение дихотомий в рамках оппозиции реализуется на основе принципа взаимодополнения и ведет к формированию внутреннего и внешнего пространств дискурса, отмеченного образованием композитного конструкта.

Субъект «*свои*» (вС1) представлен лексемами: «*нам*», «*вы*», «*нашими*». Субъект «*чужие*» объективируется единицами: «*своих*», «*она*», «*не такие*». Посессив «*своих*», выступающий репрезентантом субъекта «*чужие*», позволяет предположить о наличии в противоположении семантической трансформацией (СмТ), при которой коннотативная маркированность подвергается изменению:

– стандартная маркированность действия: «*свои*» → «*нам*», «*вы*», «*нашими*» → положительная → «*созидание*»;

– нестандартная маркированность действия – (СмТ) → «*своих*», «*она*», «*не такие*» → отрицательная → «*разрушение*».

Выявленная специфика репрезентации субъекта «*Ужесточить меры*» (С2) позволяет предположить о локализации дихотомии «*свои*» (вС1) – «*чужие*» (вС2) в пространстве дихотомии «*созидание*» – «*разрушение*». Схема структуры оппозиции «*Смягчить риторику* – «*Ужесточить меры*» принимает вид:

Схема 2

1 уровень С1 – С2 «*Смягчить риторику*» – «*Ужесточить меры*»
↓
2 уровень вС1 – вС2 «*свои*» – «*чужие*»

Заключение. Предпринятый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Основным принципом образования оппозиций выступает взаимное противодействие коммуникантов, выраженное посредством реализации ими полярных действий «*созидание*» / «*разрушение*».

2. В оппозиции *"Trump" – "Crocked politicians"* главным продуцентом дискурса выступает субъект *"Trump"* (С1), демонстрирующий активное участие в оппозиции. Субъект *"Crocked politicians"* (С2) отмечен пассивным участием в структуре. Нежесткой фиксации номинации субъекта С1, подтверждаемой структурной реконструкцией, противостоит устойчивая номинация субъекта *"Crocked politicians"* (С2). Субъекты оппозиции отмечены участием в монополярной реализации действия "*destruction*", ведущей к нарушению равновесия и установлению дихотомического дисбаланса. Критерием оппозиций 1 группы является динамическая (С1) и статическая (С2) формы участия субъектов в процессе речевого общения.

3. Субъекты оппозиции «*Смягчить риторику*» – «*Ужесточить меры*» отмечены активной позицией коммуникантов – дискурсивной личности Д. Трампа и оппонирующего ему субъекта. Субъекты оппозиции участвуют в реализации полярных действий «*созидание*» / «*разрушение*». Особенностью репрезентации субъекта С2 является локализация дихотомии «*свои*» – «*чужие*» в дихотомическом пространстве «*созидание*» – «*разрушение*». Слияние дихотомий, реализуемое на основе принципа взаимодополнения, обусловливает образование внутреннего и внешнего пространств дискурса, сопровождаемого образованием композитного конструкта. Подвижность границ оппозиции обусловлена семантической трансформацией субъектного участия в оппозиции. Критерием оппозиций 2 группы является динамическая форма участия субъектов С1 и С2 в процессе коммуникации.

4. Подвергнутые анализу на основе метода лингвокогнитивного моделирования оппозиции, формирующие первую и вторую группу дискурса, закрепляют тенденцию оппозитивной коммуникации, ведущую к образованию специфического дискурсивного продукта – «Персоналистского дискурса Трампа».

5. Единицей параметризации ПРСД Трампа определена оппозиция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блохина Я.А. Семантическая оппозиция «сила vs слабость» во внешнеполитическом дискурсе: функциональный аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук / Я.А. Блохина. — М., 2019. – 22 с.

2. Воркачев С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре : монография / С.Г. Воркачев. — Волгоград : Парадигма, 2008. – 200 с.
3. Геворгян А.С. Оппозиция в научно-политическом дискурсе: категориальная определенность и потенциал плюрализма / А.С. Геворгян // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 2. – С. 205–209.
4. Дубровская Т.В. Методологические вопросы исследования оппозиций в политическом дискурсе (на примере оппозиции «сила vs. слабость») / Т.В. Дубровская // Научный диалог. – 2016. – № 7 (55). – С. 23–44.
5. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2019. – 424 с.
6. Краснова Т.И. Феномен оппозитивности газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920 (22) гг. автореф. дис. … д-ра филол. наук / Т.И. Краснова. — СПб, 2015. – 42 с.
7. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : Лекц. *курс* / В.В. Красных. – Москва : *Гнозис,* Кучково поле, *2001.* – 269 с.
8. Кудряшов И.А. Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе / И.А. Кудряшов. — Ростов-н / Д. : Изд-во РГПУ, 2005. – 240 с.
9. Мурадян А.А. Стратегическая модель репрезентации оппозиции «свой–чужой» в контексте политического выступления / А.А. Мурадян // Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2016. – № 3. – С. 68–73.
10. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак. Лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации : монография / И.В. Привалова. — М. : Гнозис, *2005.* – 472 с.
11. Танков Е.В. Исследование политического дискурса: бинарные концептуальные оппозиции / Е.В. Танков // Филология. Гуманитарные науки. – 2020. – № 4 (2). – С. 165–169.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Бенедиктов К. Чёрный лебедь. Политическая биография Дональда Трампа / К. Бенедиктов. — Второе издание. (Серия «Политики XXI века»). — М. : Книжный мир, 2016. – 364 с.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2007. – 944 с.
14. Hornby A.S. The Advanced Learner’s Dictionary / A.S. Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield. – Oxford, 2005. – 1060 p.

REFERENCES

1. Blohina Ya.A. (2019). Semanticheskaya oppoziciya «sila vs slabost'« vo vneshnepoliticheskom diskurse: funkcional'nyj aspekt [Semantic opposition «strength vs weakness» in foreign policy discourse: a functional aspect]. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk [Abstract PhD thesis in Philology]. Moscow. (In Russian)
2. Vorkachev S.G. (2008). Ideya patriotizma v russkoj lingvokul'ture: monografiya [Idea of patriotism in Russian linguistic culture: a monograph]. Volgograd: Paradigma. (In Russian)
3. Gevorgyan A.S. (2023) Oppoziciya v nauchno-politicheskom diskurse: kategorial'naya opredelennost' i potencial plyuralizma [Opposition in scientific and political discourse: categorical certainty and potential of pluralism]. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski [State and municipal administration. Scientific notes], 2, 205–209. (In Russian)
4. Dubrovskaya T.V. (2016). Metodologicheskie voprosy issledovaniya oppozicij v politicheskom diskurse (na primere oppozicii «sila vs. slabost'«) [Methodological issues of opposition research in political discourse (using the example of the opposition « strength vs. weakness»)], Nauchnyj dialog, 7 (55), 23–44. (In Russian)
5. Karasik V.I. (2019) Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy [Language spiral: values, signs, motives]. Moscow: Gnozis. (In Russian)
6. Krasnova T.I. (2015) Fenomen oppozitivnosti gazetnogo diskursa russkogo zarubezh'ya 1917–1920 (22) [Phenomenon of oppositivity of the newspaper discourse of the Russian diaspora 1917-1920 (22)]. Avtoref. dis. … d–ra filol. nauk [Abstract of the Senior Doctoral thesis in Philology], Saint Petersburg. (In Russian)
7. Krasnyh V.V. (2001). Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii: Lekc. kurs [Fundamentals of Psycholinguistics and Communication theory: Lecture course]. Moskva : Gnozis, Kuchkovo pole. (In Russian)
8. Kudryashov I.A. (2005). Fenomen kommunikativnoj svobody v ustnom i pis'mennom diskurse [Phenomenon of communicative freedom in oral and written discourse], Rostov on Don: RGPU: Izd-vo RGPU. (In Russian)
9. Muradyan A.A. (2016). Strategicheskaya model' reprezentacii oppozicii «svoj–chuzhoj» v kontekste politicheskogo vystupleniya, [Strategic model of the «us–them» opposition representation in the context of political speech]. Seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika [Theory of language. Semiotics. Semantics]. Vestnik RUDN [*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*], 3, 68–73. (In Russian)

10. Privalova I.V. (2005). Interkul'tura i verbal'nyj znak. Lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii : monografiya [Interculture and verbal sign. Linguistic and cognitive foundations of intercultural communication : a monograph]. Moscow : Gnozis. (In Russian)
11. Tankov E.V. (2020). Issledovanie politicheskogo diskursa: binarnye konceptual'nye oppozicii [Study of political discourse: binary conceptual oppositions]. Filologiya. Gumanitarnye nauki [Philology. Humanities], 4 (2), 165–169. (In Russian)

Поступила в редакцию 20.02.2026 г.

FEATURES OF PARAMETERIZATION OF TRUMP'S PERSONALISTIC DISCOURSE

L.B. Zdanovskaya

The article deals with a method of measuring the discourse of a personalized type, which is a specific product of the speech communication of the main producer, Donald Trump, the world-renowned public figure. The time period under study, 2016-2021, reflects the chronological sequence of the emergence, development, and consolidation of “Trump's personalistic discourse” (hereinafter referred to as Trump's PD) in the discourse typology. The opposition is chosen as a unit of measurement for the analyzed type of discourse. The opposition structure is marked by a simple or complicated organization. The subjects of the oppositions are D. Trump's discourse personality, and the communicants who interact with the main agent of the action. The selected oppositions represent the first and second groups of Trump's PD. The oppositions distribution into groups is regulated by the form of the agent participation in the opposition, which is active and passive for the structures of the first group and active for the second group. The implementation by the agents of opposite actions is combined with the dichotomous concept of “creation” and “destruction”.

Key words: Trump's personalist discourse, opposition, discourse personality, subject of opposition, action “creation”, action “destruction”, “us”, “them”, dichotomy.

Здановская Лидия Борисовна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Российская Федерация.
Доцент кафедры иностранных языков.
ORCID 0000-0003-2488-2506.
E-mail: zdanovskaya2903@gmail.com.

Zdanovskaya Lidia Borisovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation.
Associate Professor at Department of Foreign Languages.
ORCID 0000-0003-2488-2506.
E-mail: zdanovskaya2903@gmail.com.

Научная статья
УДК 81’282
DOI: 10.5281/zenodo.19865930

ДИАПАЗОН ЛИНГВОРЕГИОНАЛИЗМА «ДОНЕЦКОГО ТЕКСТА» В АСПЕКТЕ НОРМ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ[1]

© **2026** ***Н.П. Курмакаева***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID: 0009-0005-3472-0203

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье поднимаются проблемы, возникающие при анализе единиц регионального текста, но не имеющие решения в лингвистике, одновременно заставляющие глубже осмысливать признаки и семантическое наполнение лингвистического знака *лингворегионализм* как многомерного феномена. Объект и предмет исследования — лингворегионализмы «донецкого текста», их место на шкале <нормативное — ненормативное> и смысловой диапазон знака. Цель работы — представить доказательное описание диапазона смыслового наполнения регионального слова в тексте в аспекте норм словоупотребления с ориентацией как на системоцентрический, так и на антропоцентрический подход к норме. Сформулированы причины обращения к заявленной теме, даны уточнения дискуссионного понятия *норма словоупотребления*, осуществлено выяснение наличия / отсутствия прагматических установок для релевантного декодирования контекста реципиентом. Применены методы описательно-аналитический, дистрибутивный, компонентного анализа и интерпретации текста. В процессе анализа текстовых примеров с лингворегионализмами приведены обоснования того, насколько необходимо выявление прагматических функций знака и установок автора, а также выводов о культурологической ценности информации, заложенной в региональном языковом знаке как лингвокультуреме.

Ключевые слова: антропоцентрический подход, донецкий текст, лингвокультурема, лингворегионализм, норма словоупотребления, прагматическая функция, принцип релевантности, культурный код, культурологическая ценность.

Для цитирования: Курмакаева Н.П. Диапазон лингворегионализма «донецкого текста» в аспекте норм словоупотребления / Н.П. Курмакаева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 104–114. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19865930.

Введение. Наше исследование является частью начатого большого научного проекта по изучению городского (и шире — регионального) речевого пространства в общем контексте разработки донецкого диффузного регионолекта, или регионально маркированной речи жителей донбасских городов и населённых пунктов городского типа. По определению В.И. Теркулова, то, что мы изучаем, это «не какой-то отдельный идиом, а определенная регионально маркированная организация всего языкового пространства региона» (выделено автором. — Н.К.) [3, с. 17]. Проект осуществляется коллективом ученых-лингвистов Донецкого государственного университета [3; 10 и др.]. В настоящее время продолжается накопление эмпирического материала («донецких

[1] Работа выполнена в рамках НИР «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 1025030500191-9-6.2.1;6.2.3).

текстов», регионально отмеченных слов и выражений, в том числе обусловленных и спровоцированных военной ситуацией в регионе), обработка, систематизация и описание фактов донецкой речи в разных аспектах и ракурсах (см. работы В.И. Теркулова, М.Н. Панчехиной, Н.П. Курмакаевой).

Важный тезис высказан В.И. Теркуловым: «Исследование и описание регионального лексикона имеет лингвокультурологическую значимость: если, несмотря на все унификационные процессы, регионализмы сохраняются, значит они имеют определённую культурную ценность, и их изучение позволит определить “культурные маркёры региона”, то, что формирует ментальное своеобразие сознания его жителей» [15, с. 83]. Поскольку региональный словарь в основном собирается из текстов, то накопилось определенное количество фактов употребления местных слов или регионально обусловленных значений общеупотребительных слов и выражений, требующих взгляда на них с позиций нормативности. Собранные текстовые примеры показывают, что в одних случаях имеем дело с явным нарушением принятых норм словоупотребления или, мягче сказать, отклонениями от литературного стандарта. В других случаях контекст свидетельствует о том, что «эти отступления делаются преднамеренно для создания стилистического колорита, они могут быть оправданы с точки зрения функционально-стилистической» [1, с. 136]. А в определенных контекстах сталкиваемся со словами абсолютно нормативными, но отсутствующими в действующих словарях и неизвестными или неупотребительными в других регионах страны. Возникает вопрос: как их соотнести с нормами словоупотребления? Нет ли противоречий между предписываемыми нормами и прагматической значимостью регионального слова в тексте? И вообще, что обозначают и как трактовать эти нормы в приложении к единицам регионального речевого пространства, в том числе если они функционируют в письменном тексте?

Решение данных проблем позволит расширить горизонты нашего знания, с позиций которого осмысливается функционально-прагматическая, а во многих случаях и культурологическая суть региональных слов и выражений в текстах, правильность их толкования при использовании в различных коммуникативных ситуациях, распознавание и дифференцирование общепринятых и регионально обусловленных значений одного и того же знака.

Актуальность сформулированной в заголовке темы обусловливается фактом ее неразработанности. Знания об отступлениях от литературной нормы в донецкой речи ограничены пока только материалами брошюры Г.И. Рихтера [13], некоторыми наблюдениями в коллективной монографии [3] и дополнительными сведениями в учебном пособии [10]. Эти знания, как правило, ограничиваются констатацией фактов наличия регионализмов в тексте, семантизацией слов, поуровневой и частеречной (или внутричастеречной) стратификацией и определенными необходимыми комментариями исследователя в русле ортологических установок. Иначе говоря, анализ регионализмов сводится к обычному лингвистическому разбору с указанием характера «ненормативности». Все остальные нюансы глубинного анализа языкового знака зависят от степени компетентности реципиента (собственно лингвистической, прагматической, лингвокультурологической).

Объект нашего исследования — лингворегионализмы, функционирующие в «донецком тексте». **Предмет** исследования — место региональных слов на шкале «нормативное — ненормативное» и диапазон заключенных в регионализме смыслов. Материал для комплексного анализа собирался из художественных и публицистических «донецких текстов» разных временных срезов.

Цель работы — представить доказательное описание диапазона смыслового наполнения регионального слова в «донецком тексте» в аспекте норм словоупотребления с ориентацией как на системоцентрический, так и на антропоцентрический подход к норме. Достижение этой цели потребует вскрытия причин обращения к данной теме, уточнения дискуссионного понятия *норма словоупотребления*, выяснения наличия / отсутствия прагматических установок автора текста для релевантного декодирования текстового фрагмента реципиентом.

Методы исследования: описательно-аналитический, ориентированный на всестороннюю лингвистическую характеристику объекта и предмета исследования; дистрибутивный как дополнительный к первому, метод компонентного анализа и интерпретации текста.

Основная часть. Заявленная нами тема актуальна по трём причинам: собственно лингвистической, методической и культурологической.

Собственно лингвистическая причина внимания к единицам региональной речи и их отношению к языковой норме объясняется так: давно возникла, а в настоящее время активно реализуется потребность вычленить из речевого пространства Донбасса и из разножанровых региональных текстов и зафиксировать в словарях, справочниках и различных пособиях единицы языка и речи с регионально отмеченным компонентом в составе общенационального лексико-фразеологического фонда, наделить их соответствующими пометами и исчерпывающим толкованием, включающим не только лексико-семантические и грамматические характеристики, но и лингвопрагматическую (речедеятельностную) сторону, а при определенных условиях — и лингвокультурологическую. Например, слово *зубок* в словаре ТСРЯ (под ред. Д.Н. Ушакова) квалифицируется однозначно как уменьшительно-ласкательное к *зуб* [24: I, с. 1120], в МАС добавляется второе значение ‘резец врубовой машины’ [21: I, с. 624] в связи с развитием механизации в угледобывающей отрасли в 30–50-е годы XX в. В донецком регионе (в составе шахтерских профессионализмов и бытовизмов) так называется острый, из твердого металлического сплава наконечник рабочей кирки (обушка, кайла), значимость которого сохранилась в основном в быту: «***Зубок*** *у кайлы затупился*»; в народной мудрости в виде, например, напутствия шахтеру, уходящему в забой: «*Пусть сегодня твоя рука будет крепкой, твой* ***зубок*** *— острым, а уголь мягким*» (Б. Горбатов, «Донбасс»), воспета в поэзии военных лет: «***Зубок****, врезайся в угольные толщи! / Чтоб бить врагов сильней страна могла, / В ответ на нападенье подлых полчищ / утраиваем до́бычу угля*» [26, с. 62]. В поэтическом дискурсе П. Беспощадного общеупотребительное и региональное значения, слившись, породили уникальный региональный фразеологизм: «*...смерть* ***острит*** *на меня “****зубок****”*» («Коногон» 1924).

Для того чтобы такое словосочетание в авторском контексте было полностью понятно читателю с учетом закавыченного слова *зубок*, нужна не только общепринятая для фраземы семантизация (*точить[вострить, острить] зубы (зуб) на кого, на что* ‘испытывать злобу против кого-либо или чего-либо’) [25, с. 458], но и региональная, в данном случае профессиональная шахтерская (*острить зубок* ‘делать наконечник инструмента острым, способным легко разбивать угольный пласт’). Автор совсем не случайно выбирает для яркости образа тот предмет быта, который многие годы служил ему в забое, в шахтерском труде, а теперь в метафорическом облике возник во время тяжелой болезни. Данная фраза — образец соблюдения принципа релевантности (коммуникативной эффективности), чтобы была постигнута глубина авторского замысла и по достоинству оценена вдумчивым читателем как уместность, так и нормативность (и новизна для своего времени) подобного словоупотребления в литературном тексте. С

позиций лингвокультурного подхода данный лингвистический знак в региональной картине мира приобрёл статус лингвокультуремы с глубоким культурно-историческим смысловым наполнением, что является в настоящее время важным выводом в исследованиях ценностного содержания регионального дискурса.

Методическая причина, вероятно, наиболее понятна: бóльшая часть лингворегионализмов (мы этот пласт назвали региолектизмами, по аналогии с диалектизмами [10, с. 65]) — это слова и выражения со сниженной стилистической окраской и/или с различными отклонениями от литературной нормы (акцентологическими, фонетическими, словообразовательными, морфологическими, синтаксическими), следовательно, их употребление нередко ограничено разговорной речью, характеризует говорящего как региональную языковую личность, служит идентифицирующим маркёром донбассовца. Подобный «отклоняющийся» от нормы речевой ландшафт, имеющий давнюю историю, дает учителю в школе основания для проведения комплекса лингводидактических мероприятий по выравниванию речи учащихся с целью «преодоления привычных местных особенностей» [13, с. 4], как это происходило и в прежние годы. Однако художнику слова такое состояние дел позволяет наполнить содержательную сторону текста особыми смыслами, всецело оправдывающими нелитературные включения. Так, в речи школьника императивная форма глагола *ложи* неприемлема, в школьной практике она признается и отмечается как грубая ошибка и должна быть не просто исправлена, но обязательно отработана через систему морфолого-стилистических упражнений. А вот в начале поэмы Анны Ревякиной «Шахтерская дочь» этим единственным глаголом охарактеризован отец героини: «*У Марии был дом — занавески и витражи, / был отец, который ей говорил: “Ложи!”*» [22, с. 45]. Именно этим региолектизмом (просторечным по происхождению) идентифицируется социоэтническая принадлежность персонажа как коренного донбассовца, простого русского рабочего человека, плоть от плоти потомка русских переселенцев из глубинной России. В этом случае нежелательно, чтобы, например, учитель школьникам прокомментировал, а ученики восприняли этот факт как простую малограмотность персонажа. Принцип релевантности, как смысловое соответствие между информационным запросом и полученным сообщением, должен быть соблюдён. Ещё подобные преднамеренные примеры грамматических отклонений от нормы обыгрывает Анна Ревякина, изображая реалистичный портрет речевой личности родом из Донбасса: «*Как полны и влажны ее уста, / а она, дурёха, спешит в места, / где боец, считающий “**до двухста**”, / и прогорклый воздух*» [22, с. 30] (Сравним со строго литературной формой того же числительного у Д. Трибушного: «*Окраина считает **до двухсот**. / Так много нас на тесном белом свете, / Что, если снайпер крайнего найдет, / Статистика потери не заметит*». (Д. Трибушный. «Еще не умер ты, еще ты не убит»); «*Мам, **насыпь борща** мне тарелку, с горкой. / Как красиво, мама, горят конфорки. // Я давно не видела, как **на газу** / варят что-то с пенкой в большом тазу*» [22, с. 127]. (А здесь напрашивается параллельная по способу стилизации текста под «донецкую речь» фраза у О. Измайлова: *Эта необыкновенная женщина* [Настя Биценко. — Н.К.] *тоже из наших, из донбасских. **За Лёву** Задова мы уже вам говорили, так послушайте **за Настю**, как сказали бы вам **на посёлке**, где она родилась — на границе Донецка и Макеевки* [18, с. 236]). Оставаясь в поле компетенции методики грамматики и методики развития речи учащихся (эксплицированные в тексте формы необходимо сопоставить с нормативными литературными в учебных целях), подобные примеры отступлений от литературной нормы должны заставить реципиента осмыслить региональный текст как категорию субэтнической культуры, а региональное слово в нём как средство и способ презентации

глубинной народной культуры, как маркёр регионального мировидения, чаще всего уже только в текстах-стилизациях.

Третья причина — лингвокультурологическая — обусловлена тем, что принятый какое-то время назад образовательный стандарт преподавания русского языка в культурологическом аспекте включает как основную составляющую родного языка единицы с национально-культурным компонентом значения. В школьной практике заметен отбор текстов соответствующего содержания и с соответствующим анализом ключевых слов в них. Бурно развивающаяся наука лингвокультурология активно выявляет и исследует эти лексико-фразеологические пласты языка (см. работы Н.Ф. Алифиренко, Е.Н. Блохиной, С.Г. Воркачёва, В.В. Воробьева, М.Л. Ковшовой, В.В. Красных, В.А. Масловой и мн. др.), наименовав их лингвокультурными пластами, а их составляющие — лингвокультуремами, лингвокультурными концептами, кодами культуры. Возникает вопрос: могут ли иметь своё место в словарях и грамматиках лингвокультуры, в складывающейся системе лингвокультурных пластов (феноменов), в «символьной подсистеме лингвокультуры» [8, с. 371], в так называемом *лингвокультурологическом тезаурусе* (термин, предложенный учеными Витебского университета) соответствующие лингворегионализмы, региональные метафоры и перифразы, региональные фразеологизмы, прецедентизмы, паремии, крылатизмы? Тем более, что во многих российских регионах, где проведена серьезная работа по выявлению и систематизации регионально обусловленного кластера русского языка, такие феномены описаны с разной степенью полноты (локальные элементы лексического уровня и локальная фразеология пермского региона [4; 5], белгородские регионализмы, топоконцепты и топонимические перифразы как единицы языка с национально-культурным компонентом значения и как лингвокультурное образование [6; 7; 16], региональная лексика Крайнего Северо-Востока России [14], новосибирские регионализмы [11], образ Екатеринбурга «в динамике топонимического текста» [2], а также языки других российских городов со своими локально обусловленным лексемным и фраземным фондом, и среди этого многообразия региональных слов и выражений, безусловно, есть достойные претенденты в общеязыковую копилку «символьной подсистемы лингвокультуры».

Представляется нужным и полезным пополнить общенациональный лингвокультурологический словарь, образцы словарных статей которого продемонстрировала проф. В.В. Красных в [8, с. 418–477], некоторыми единицами регионального уровня, особенно если они не выходят в строгом понимании за границы нормативности и отличаются заметной активностью в региональной картине мира.

В донецком речевом пространстве, например, мифологический персонаж *Шубин* (‘горный дух’, ‘шахтный домовой’, ‘хозяин шахты’) стал субъектом множества связанных метафорических выражений: *козни /проделки Шубина, тормозок для Шубина, задобрить Шубина, услышать Шубина, предупреждение Шубина, Шубин шалит/разбушевался* и проч. О Шубине сложено много баек и небылиц, вошедших в различные сборники. В регионе есть спрос на этот мифоним для эргонимных номинаций, например торговая марка и кафе «*Добрый Шубин*». Эти знания сделают понятными для отечественного читателя и стихотворные строчки таких поэтов, как И. Лысый: «*И* ***Шубин*** *нам споёт из тьмы, / И флягу даст воды напиться*» (И. Лысый, «Шахтерская душа») или А. Ревякина: «*…мы и есть земля, / земля* ***Шубина****, земля* ***чёрного короля****!*» (А. Ревякина, «Вослед шипели: “Гордячка…”»). И если в первом примере регионим *Шубин* выступает в своем основном номинативном значении, то во втором примере имеем метафорическое словосочетание-перифразу с этим регионимом в значении

‘Донбасс’. Культурный код региона расширяет семантические границы, претерпевает изменения концептуального характера, которые отражают эволюцию представлений региональной языковой личности и всего субэтноса региона, связанных с данным фольклорным персонажем как мифологемой. Подобные употребления в речи не просто дань прошлому, они воспроизводят менталитет того субэтноса, который сохранил в языковой памяти и обогатил новыми смыслами символические единицы регионального дискурса. И они должны быть доступны и понятны современному русскоязычному сообществу. Так региональный оним выводит нас на психлингвокультурологический уровень погружения в проблему.

Думается, следует согласиться с тем, что все приведенные выше примеры имеют то или иное отношение к понятию «нормы словоупотребления», несмотря на своё неприсутствие в современном русском литературном языке и неявную ограниченность функционирования в национальном речевом пространстве. Этому есть объяснения, если правильно трактовать термин «нормы словоупотребления». Первое слово (*зубок*) можно отнести к разряду архаизмов, в современном языке его заменило слово *наконечник*. Но региональный текст его по-прежнему хранит как код культуры угольного региона. Второе в качестве одной из форм глагольной парадигмы (*ложи*) достаточно активно проявляет себя в русском просторечии, строгие нормы его сдерживают в употреблении в составе литературной речи, и это верно. На уровне же культурологическом данная словоформа выступает идентификатором культурно-языковой личности (вспомним слова В.Н. Телия: «субъект языка — это всегда и субъект культуры»), её культурно-языковой компетентности. Третье слово (*Шубин*) — вполне распространенная русская фамилия, нормы не предписывают никаких ограничений в употреблении, однако на региональном уровне оно претерпело семантическую деривацию и в приобретенном благодаря фольклорному образу значении стало принадлежать к метафорическому разряду онимного кластера донецкого регионолекта. В этом значении оно действительно неизвестно или малоизвестно за пределами региона функционирования. При этом, исходя из норм, выход за пределы региональной речи никакими нормативными рамками не ограничен. Употребление лексических единиц, подобных двум первым, считается оправданным только в двух случаях, а именно: в бытовой речи региональной языковой личности и в художественной литературе для стилизации речи автора или для создания речевого портрета персонажа. Именно этому они и служат в текстах, только, как было выше указано, нужно учитывать прагматическую функцию и культурологический статус этих лексических единиц в авторском тексте.

Необходимо учитывать, что, характеризуя речевые особенности региональной личности, мы вводим понятие «регионально отмеченная культурная информация», т.е. выявляем специфические «формы осознания мира» продуцентом высказывания, поскольку человек, владеющий такой информацией, владеет ценностным кодом, ориентирующим его в региональном дискурсе и духовной сфере субэтноса («***Святой Варварой*** *живы мы, / Покуда есть о ком молиться. / И* ***Шубин*** *нам споет из тьмы, / И флягу даст воды напиться*», И. Лысый). Две значимые региональные лингвокультуремы в одном контексте объединяют реальные события, историю края, его веру и его мифологию.

Мы знаем, что термин «норма словоупотребления» обычно синонимизируется с термином «лексическая норма» и понимается как «языковая норма, регулирующая формирование словарного состава литературного языка и использование лексики в литературных текстах» [19, с. 360] В словаре О.С. Ахмановой лексическая норма

трактуется как «норма словоупотребления, принятая в данном языке» [17, с. 271]. Прослеживается почти прямая связь со словарным значением лексемы *словоупотребление* (в словаре Ушакова: «Употребление в речи слова в том или ином значении. *В новейшем словоупотреблении слово "вредитель" означает не только вредное насекомое, но и врага народа*» [24: IV, с. 274]). В МАС дана эта же семантизация без примера [21: IV, с. 141]. В других словарях нормативного типа на нормы словоупотребления смотрят шире, языковые факты рассматривают «с точки зрения правильности или неправильности, уместности или неуместности употребления в определенной речевой ситуации и вызывающие трудности в области семантики, акцентологии, произношения, словоупотребления и грамматической характеристики» [23, с. 6]. Они в первую очередь ориентированы на предупреждение и исправление ошибок, вызванных факторами различного порядка, а не только собственно лексического.

Считаем наиболее аргументированной позицию А.Г. Кротовой в дискуссии по соотношению терминов норма лексическая и норма словоупотребления. Она пишет: «Учитывая многоаспектность слова, достаточно широкое понимание понятия словоупотребление, отношения между терминами словоупотребительная норма и лексическая норма следует определять как гиперо-гипонимические: термин словоупотребительная норма целесообразно использовать для обозначения норм, связанных с выбором и правильным и уместным употреблением лексических и фразеологических единиц (т.е. лексем и близких к ним единиц языка)» [9, с. 10]. В компетенцию норм словоупотребления входят: точность выбора, уместность, коммуникативная целесообразность, дистрибутивная и смысловая сочетаемость, коннотативность, а также, как показывают примеры с регионализмами, прагматическая убедительность, релевантность, культурная информация (связь с лингвокультурной ситуацией, «культурный фон» и культурная память в слове). Если выбор регионального слова неизбежен и является единственным, то он не только не нарушает нормы словоупотребления, а, наоборот, обогащает новыми смыслами, свежей тропеичностью, разве только реципиенту потребуются дополнительные знания или толкования, связанные с углублением в лингвопрагматические и культурно-исторические факты.

Такими примерами изобилует художественно-публицистическое пространство Донбасса, особенно поэтическое, динамично развивающееся на всём протяжении своего существования: «*Я — труженик. Строфа — моя "**упряжка**" / (Так день рабочий звался в старину), / Забойщик я. В поту моя рубашка — / Я столько тонн угля перевернул*» (П. Беспощадный, «Мне кажется, когда пишу…»); «*У Марии дрожат колени, / над Марией молчит луна* / ***коногонкою*** *в небе буром — немигающий глаз отца*» (А. Ревякина, «Шахтёрская дочь»); «*Как хочется, чтоб не было войны / И не рвались ракеты где-то рядом./ Не только не уметь, а и не знать / Различий в звуках "**исходящих**" и "**обратки**"*» (Н. Дмитренко).

В подобных литературных текстах с необходимым употреблением регионализмов, вносящих в текст эмоционально-экспрессивные коннотации в виде идентифицирующей метафоры, уникального регионально обусловленного сравнения, переосмысленных в связи с военным противостоянием номинаций действий и событий, эксплицируется глубинная связь между культурно-исторической спецификой Донбасса и ментальностью его жителей. Авторы текстов тонко чувствуют, где это норма, а где лишь ее подобие или приближение к норме, узуально уже принятое и признанное.

Анализируя лексический состав региональных текстов, особенно важно норму словоупотребления рассматривать в двух ракурсах: системоцентрическом

(ортологическом) и антропоцентрическом (культурологическом и прагматическом, а при необходимости и психологическом, поскольку психика человека управляет речевой деятельностью, по убеждению А.А. Леонтьева). В ортологическом ключе наука имеет большое количество качественных разработок языкового материала (С.И. Виноградов, К.С. Горбачевич, А.В. Калинин, Л.И. Скворцов и мн. др.; обзор работ в диссертации А.Г. Кротовой [9]).

В связи с поворотом языкознания в сторону изучения роли человека в процессе коммуникации и утверждения антропоцентрической концепции в лингвистической науке одного ортологического подхода к языковым явлениям стало недостаточно. Тем более, что региолектные явления изначально было предложено изучать и анализировать в лингвокультурологическом аспекте (работы Т.Ф. Новиковой, Е.В. Ерофеевой, С.А. Кошарной, Е.А. Оглезневой, В.А. Масловой и др.), то есть в ориентации на региональную языковую личность, ее ментальность и картину мира как «базисное понятие теории человека» (Б.А. Серебренников). В поле зрения исследователя должны быть уровень осведомленности в языке как продуцента текста, так и его реципиента, общая культура речи коммуникантов. Вообще говоря, понятие нормы словоупотребления закладывается в языковое сознание человека еще на стадии социализации и инкультурации и по тому, как он распоряжается словарным фондом (в том числе региолектным, если он региональная языковая личность), мы можем судить об уровне развития, о степени сформированности его языковой компетенции. Знание и учёт этот нюанса позволяет реципиенту адекватно воспринять и усвоить информацию, глубже постигнуть смысл и при необходимости правильно выстроить обратную связь.

Заключение. Регионализмы, включенные в «донецкий текст», демонстрируют разные способы манифестации диапазона и глубины смыслового наполнения лингвистического знака. В соответствии с принятыми нормами словоупотребления, являясь маркёрами регионально окрашенной речи, лингворегионализмы ограничены использованием только в региональном разговорном дискурсе и языке художественной литературы для создания местного колорита. Большая часть из этих слов — предмет изучения в ортологии (шире — в коллоквиалистике). Однако текстовый материал показывает неоднослойность и неодномерность регионального кластера. Многие из регионализмов связаны с понятиями «коммуникативное событие», «речевое поведение», «культурно-историческое явление». Они имеют высокую прагматическую значимость, поскольку передают реалии подчас уникальные, связанные с конкретным речевым поступком региональной языковой личности, с особым замыслом автора. Нередко по-другому это выразить невозможно, а региональное слово — единственно точное. Региональные тексты с включенными в них регионализмами убеждают и содержанием и формой, что мы имеем дело вовсе не с искаженной, неправильной, безграмотной речью, а с образцами особым образом в письменной форме структурированного речевого пространства региона, в котором через употребленные лингворегионализмы реципиент-читатель получает не просто слово в его словарном значении, а целый комплекс информации, в том числе лингвопрагматического, культурологического и даже психолингвокультурологического плана, что в дальнейшем должно стать предметом пристального внимания специалистов-филологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вепрева И.Т. Разговорная норма: В поисках новых критериев / И.Т. Вепрева // Русская разговорная речь как явление городской культуры: Сб. ст. — Екатеринбург: АРГО, 1996. — С. 136–153.

2. Голомидова М.В. Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста / М.В. Голомидова // Слово. ру: балтийский акцент. — 2023. — Т. 14, № 1. — С. 29–53.
3. Донецкий регионолект: монография / [В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой и др.] ; под ред. В.И. Теркулова ; ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» ; Фонд «Русский мир». — Донецк : [ООО «НПП Фолиант»], 2018. — 264 с.
4. Ерофеева Е. В. Локализмы в литературной речи горожан : учебное пособие / Е.В. Ерофеева, Т.И. Ерофеева, Ф.Л. Скитова. — 5-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2023. — 108 с.
5. Ерофеева Т.И. Социолингвистический глоссарий пермских локализмов: 60–90-е годы XX века: словарь / Т.И. Ерофеева. — Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. — 239 с.
6. Кошарная С.А. Регионолект Белгородчины как лингвокультурное образование / С.А. Кошарная // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. — Белгород, 2017. — С. 14–25.
7. Кошарная С.А. К вопросу о феномене «язык региона»: язык, речь, регионолект / С.А. Кошарная // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сб. статей по итогам III Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.Ф. Новикова. — Белгород : ООО «Эпицентр», 2020. — С. 32–36.
8. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2016. — 496 с.
9. Кротова А.Г. Лексическая норма и ее отражение в языковом сознании носителей языка (опыт экспериментального исследования) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А.Г. Кротова. — Красноярск, 2011. — 23 с.
10. Курмакаева Н.П. Введение в лингворегионоведение: Теоретический курс: Учебное пособие / Н.П. Курмакаева. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Донецк: ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2025. — 276 с.
11. Матвеева И.В. Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация (на материале лексики г. Новосибирска) : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / И.В. Матвеева. — Новосибирск, 2021. — 243 с.
12. Насибуллова Г.Р. Городской текст в современном художественном дискурсе: интерпретация смыслов / Г.Р. Насибуллова // Филологический класс. — 2025. — Том 30, № 3. — С. 105–112.
13. Рихтер Г.И. Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной / Г.И. Рихтер. — Сталино: Сталинское обл. изд., 1958. — 30 с.
14. Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России): учебное пособие / под ред. А.А. Соколянского. — Магадан: СВГУ, 2016. — 219 с.
15. Теркулов В.И. Словарь регионолекта: принципы и методики составления / В.И. Теркулов // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления. Сб. статей II Международной научной конференции. — Сургут, 2021. — С. 82–94.
16. Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сб. статей по итогам III Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.Ф. Новикова. — Белгород : ООО «Эпицентр», 2020. — 364 с.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

17. Ахманова О.С. Словарь лингвистическх терминов / О.С. Ахманова. — Изд. 3-е, стереотипное. — М. : КомКнига, 2005. — 576 с.
18. Измайлов О.В. Донбасс — сердце России / О.В. Измайлов. — М. : Вече, 2024. — 368 с.
19. Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. — М. : Флинта: Наука, 2003. — 840 с.
20. Лысый И.О. Ловец ветра. Сборник стихотворений / И.О. Лысый. — Донецк: Большой Донбасс, 2019. — 288 с.
21. МАС*:* Словарь русского языка. В 4-х томах. Т. I–IV. 3-е изд. / Главн. ред. А.П. Евгеньева. — М. : Русский язык, 1985–1988.
22. Ревякина Анна. Восемь. Донбасских. Лет. Стихи / А.Н. Ревякина. — СПб. : Издательство Лира, 2023. — 160 с.
23. СРЛС: Словарь русского литературного словоупотребления / Сост. Л.П. Безрук и др.; Отв. ред. Г.П. Ижакевич. — Киев : Наукова думка, 1987. — 304 с.
24. ТСРЯ: Толковый словарь русского языка. В 4-х томах. Т. I–IV. / Гл. ред. проф. Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. — М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

25. ФСРЯ 2006: Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова и др. Под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. — 7-е изд., испр. — М. : АСТ: Астрель. — 524 с.
26. Эпоха газетной строкой. Статьи, документы, воспоминания, очерки, интервью, хроника, фотоиллюстрации / Сост. В.Ф. Вовенко. — Донецк: ЗАО «Редакция газеты “Донбасс”», 2007. — 304 с.

REFERENCES

1. Vepreva I.T. (1996). Razgovornaia norma: V poiskakh novykh kriteriev [Colloquial Norm: In Search of New Criteria]. Russkaia razgovornaia rech' kak iavlenie gorodskoi kul'tury [Russian Colloquial Speech as a Phenomenon of Urban Culture] (pp. 136–153). Ekaterinburg: ARGO. (In Russian)
2. Golomidova M.V. (2023). Ekaterinburg — Sverdlovsk — Ekaterinburg: obraz goroda v dinamike toponimicheskogo teksta [Ekaterinburg — Sverdlovsk — Ekaterinburg: The Image of the City in the Dynamics of the Toponymic Text]. Slovo.ru: baltiiskii aktsent [Slovo.ru: Baltic Accent], 14(1), 29–53. (In Russian)
3. Terkulov V.I. (Ed.), Kurmakaeva N.P., Mozgovoi V.I., et al. (2018). Donetskii regiolekt [Donetsk Regiolect] (Monograph). Donetsk: OOO “NPP Foliant” (In Russian)
4. Erofeeva E.V., Erofeeva T.I., & Skitova F.L. (2023). Lokalizmy v literaturnoi rechi gorozhan [Localisms in the Literary Speech of City Dwellers] (5th ed.). Moscow: FLINTA. (In Russian)
5. Erofeeva T.I. (2020). Sotsiolingvisticheskii glossarii permskikh lokalizmov: 60–90-e gody XX veka [Sociolinguistic Glossary of Perm Localisms: 1960s–1990s] (Dictionary). Perm: Perm State National Research University. (In Russian)
6. Kosharnaia S.A. (2017). Regiolekt Belgorodchiny kak lingvokul'turnoe obrazovanie [The Regiolect of Belgorod Region as a Linguocultural Formation]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Filologiia. Zhurnalistika. Pedagogika. Psikhologiia [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Humanities. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology], 14–25. Belgorod. (In Russian)
7. Kosharnaia S.A. (2020). K voprosu o fenomene «iazyk regiona»: iazyk, rech', regiolekt [On the Phenomenon of “Regional Language”: Language, Speech, Regiolect]. T.F. Novikova (Ed.). Iazyk i kul'tura regiona kak sostavliaiushchie obrazovatel'nogo prostranstva [Language and Culture of the Region as Components of the Educational Space] (pp. 32–36). Belgorod: OOO “Epitsentr”. (In Russian)
8. Krasnykh V.V. (2016). Slovar' i grammatika lingvokul'tury; Osnovy psikholingvokul'turologii [Dictionary and Grammar of Linguoculture; Foundations of Psycholinguoculturology]. Moscow: Gnozis (In Russian)
9. Krotova A.G. (2011). Leksicheskaia norma i ee otrazhenie v iazykovom soznanii nositelei iazyka (opyt eksperimental'nogo issledovaniia) [Lexical Norm and Its Reflection in the Linguistic Consciousness of Native Speakers (Experimental Study)] (Unpublished doctoral dissertation). Krasnoyarsk. (In Russian)
10. Kurmakaeva N.P. (2025). Vvedenie v lingvoregionovedenie: Teoreticheskii kurs [Introduction to Linguoregional Studies: Theoretical Course] (3rd ed., rev. and exp.). Donetsk: DonGU. (In Russian)
11. Matveeva I.V. (2021). Tipologiia regionalizmov i ikh leksikograficheskaia interpretatsiia (na materiale leksiki g. Novosibirska) [Typology of Regionalisms and Their Lexicographic Interpretation (Based on the Vocabulary of Novosibirsk)] (Unpublished doctoral dissertation). Novosibirsk. (In Russian)
12. Nasibullova G.R. (2025). Gorodskoi tekst v sovremennom khudozhestvennom diskurse: interpretatsiia smyslov [Urban Text in Modern Literary Discourse: Interpretation of Meanings]. Filologicheskii klass [Philological Class], 30(3), 105–112. (In Russian)
13. Rikhter G.I. (1958). Normy literaturnoi rechi, po preimushchestvu razgovornoi [Norms of Literary Speech, Mainly Colloquial]. Stalino: Stalinskoe oblastnoe izdatel'stvo. (In Russian)
14. Sokolyanskii A.A. (Ed.). (2016). Regional'naia lingvistika (Krainii Severo-Vostok Rossii) [Regional Linguistics (Far Northeast of Russia)] (Textbook). Magadan: SVGU. (In Russian)
15. Terkulov V.I. (2021). Slovar' regiolekta: printsipy i metodiki sostavleniia [Regiolect Dictionary: Principles and Methods of Compilation]. In Sovremennaia regionalistika: traditsionnye podkhody i novye napravleniia [Modern Regional Studies: Traditional Approaches and New Directions] (pp. 82–94). Surgut. (In Russian)
16. Novikova T.F. (Ed.). (2020). Iazyk i kul'tura regiona kak sostavliaiushchie obrazovatel'nogo prostranstva [Language and Culture of the Region as Components of the Educational Space]. Belgorod: OOO “Epitsentr”. (In Russian)

Поступила в редакцию 01.03.2026 г.

RANGE OF LINGUISTIC REGIONALISM IN "DONETSK TEXT" IN TERMS OF NORMATIVE WORD USAGE

N.P. Kurmakaeva

The article addresses a number of versatile problems that arise when analyzing regional text units. Having no solution in linguistics, these problems bring into the open the features and semantic content of the linguistic sign of linguoregionalism as a multidimensional phenomenon. The focus is made on the linguorregionalisms of the so-called “Donetsk text”, their place on the <normative-non-normative> scale, and the semantic range of the sign. The research objective is to provide an evidence-based description of the range of semantic content of a regional word in a text in terms of the norms of word usage, with a focus on both a system-centric and an anthropocentric approach to the norm. The reasons for addressing the stated topic are formulated. The controversial concept of the norm of word usage, as well as the occurrence of pragmatic settings for relevant decoding of the context by the recipient are clarified. Descriptive-analytical, distributional, componential analysis, and text interpretation methods are used. In the course of the analysis of the text examples with lingvo-regionalisms, the author provides grounds for the necessity of identifying the pragmatic functions of the sign and the author's attitudes. The conclusions about the cultural value of the information embedded in the regional linguistic sign as a lingvo-cultural unit have been made.

Keywords: anthropocentric approach, Donetsk text, lingvo-cultural unit, lingvo-regionalism, norm of word usage, pragmatic function, principle of relevance, cultural code, cultural value.

Курмакаева Нина Петровна
Кандидат филологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Россия.
Старший научный сотрудник.
ORCID: 0009-0005-3472-0203.
E-mail: kurmakayeva@mail.ru.

Kurmakaeva Nina Petrovna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk State University, Donetsk,
Russian Federation.
Senior Researcher.
ORCID: 0009-0005-3472-0203.
E-mail: kurmakayeva@mail.ru.

Научная статья
УДК 811.351.12
DOI: 10.5281/zenodo.19866110

ТОПОНИМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОЯЗЫКОВОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ АВАРЦЕВ

© 2026 *З.М. Оцомиева-Тагирова*
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук
ORCID 0000-0001-6517-8465.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена комплексному анализу топонимической системы аварского этнического ареала, исследуемой в качестве ценнейшего лингвокультурного источника для многоаспектного рассмотрения особенностей этноязыкового сознания и духовной традиционной культуры народа. В фокусе исследования находится фундаментальная проблема декодирования и интерпретации многослойной культурно-исторической информации, семиотически заложенной в географических названиях. Рассматриваются и классифицируются лингвистические и культурологические механизмы отражения топонимов в аварских пословицах и поговорках, как индикаторы национальных особенностей, древнейшие архаичные мифологические и религиозные представления, конкретно-чувственное и практическое восприятие пространства, сложный социально-экономический уклад, а также коллективная историческая память аварского общества. В работе подробно разбирается, как устроен язык этого народа: какие есть скрытые правила построения фраз, какие способы образования новых слов работают лучше всего и по каким принципам предметы и явления получают свои названия. Это позволяет наглядно показать, что язык, мышление человека и окружающая природа неразрывно связаны друг с другом. Именно эта связь лежит в основе формирования уникальной, самобытной картины мира у каждого народа.

***Ключевые слова*:** национальная специфика мышления, картина мира, концепт, топоним, топонимическое пространство, образно-ассоциативный сегмент топонимического пространства.

Для цитирования: Оцомиева-Тагирова З.М. Топонимы как отражение этноязыкового и этнокультурного мировосприятия аварцев / З.М. Оцомиева-Тагирова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 115-126. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19866110.

Введение. Этноязыковое и этнокультурное мировосприятие формирует уникальную систему осмысления реальности, сложившуюся в результате многовекового исторического опыта народа. Этот комплексный феномен объединяет языковые структуры, культурные коды и психологические особенности этноса.

Язык выступает не просто средством коммуникации, но особой оптикой восприятия, через которую носители интерпретируют мир. Каждый язык создает специфическую концептуальную сетку, определяющую параметры мировосприятия, сформированную под влиянием: исторического пути, природной среды, религиозно-мифологических представлений и социальной организации. Этнокультурное мировосприятие проявляет себя через фольклор и повседневные практики. В паремиях топонимы обретают особый символический статус, трансформируясь в культурные кристаллы, в которых преломляются коллективное сознание, историческая память и ценностные ориентиры этноса.

В аварской фольклорной традиции географические названия выполняют функции:

1. Маркеров культурной идентичности — обозначая сакральные центры этнического пространства.

2. Хранителей исторической памяти — кодируя ключевые события народной истории.

3. Носителей этических норм — транслируя модели поведения через географические образы.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили более 250 топонимов из аварских пословиц и поговорок; корпус ойконимов (названий населённых пунктов), оронимов (названий гор, хребтов), гидронимов (названий рек, источников) и микротопонимов (названий урочищ, полей, пастбищ) территории исторического расселения аварцев в Республике Дагестан. 4 района Дагестана (Гергебильский, Гумбетовский, Казбековский, Хунзахский); фольклорные тексты (сборник «Авар кицаби ва абиял» — 10 000+ единиц). Источниками для сбора материала выступили полевые исследования: записи топонимов, сделанные непосредственно в ходе экспедиций в высокогорные районы Дагестана.

Цель статьи — проанализировать ономастическое пространство в фольклоре, т.е. комплексный лингвокультурологический и семантический анализ топонимии аварского этнического ареала для выявления специфики этноязыковой картины мира, системы ценностей, исторической памяти и традиционных представлений о пространстве аварцев. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения региональных топонимов, которые включаются в процесс самоидентификации личности, способствуют изучению истории и культуры аварцев. Анализ роли топонимов в формировании языковой картины мира аварского этноса выявляет их культурно-символические функции и этноидентификационный потенциал. При проведении исследования использовались общенаучные (наблюдение, сопоставление, описание) и специальные филологические методы: лингвокультурологический анализ, концептуальное моделирование, семантико-когнитивный метод, полевая документация, сравнительно-исторический анализ. В работе использовались методы интервьюирования и анкетирования старожилов-носителей языка. Исследование подтвердило, что аварская топонимия представляет собой сложную знаковую систему, кодирующую этнокультурные смыслы и традиционные знания.

Основная часть. Первичная гипотеза данной статьи базировалась на характеристике аварской топонимической системы как целостного и информативного источника, способного не только фиксировать географические объекты, но и выступать в роли культурного текста, в котором закодированы ключевые элементы этнического мировосприятия. Мы исходили из предположения о том, что топонимический фонд аварцев является многослойным образованием, отражающим:

1) конкретно-чувственное восприятие пространства, где физико-географические характеристики среды (форма, цвет, размер) становятся главным критерием номинации;

2) социально-экономический уклад и историческую память народа, где названия закрепляют память о родах, исторических личностях, событиях и видах хозяйственной деятельности.

Гипотеза предполагала, что доминирующими принципами номинации в аварской топонимии являются не абстрактные, а сугубо прагматические и наглядно-образные, тесно связанные с повседневным опытом и выживанием в условиях высокогорья. Таким образом, мы ожидали, что анализ топонимов позволит реконструировать не просто историю заселения территории, но и этнокультурный код, определяющий уникальность мировоззрения аварцев.

В аварских пословицах топонимы создают пространственно-временные координаты народной мудрости, служат эталонами для сравнения, формируют систему культурных символов. Особую значимость имеют этнические стереотипы — устойчивые образы «своих» и «чужих», составляющие важный компонент этнического самосознания и формирующие ценностно-поведенческие модели.

Топонимическая картина мира уникальна своей способностью эксплицировать особенности мировидения, отражая морально-этические и эстетические воззрения номинирующего народа. Топонимы закрепляют общественно-исторический опыт, сохраняя и транслируя культурную информацию [1, с. 224–228; 11, с. 284–292].

Совокупность географических названий в аварском языке составляет его топонимическое пространство [2, с. 90–105; 3, с. 22–31; 8, с. 22–32; 7; 11, с. 284–292; 6, с. 20–25]. Параллельно существует «второе топонимическое пространство» — фольклорные и литературные топонимы, выполняющие стилистические, эстетические и символические функции [14; 3; 15; 6, с. 20–25]. Впервые термин *локум* использован М.В. Шубенковым в диссертации «Структура архитектурного пространства» [16]. Исследование фольклорных топонимов и их специфики: наряду со «свободными локумами» [17] — реальными географическими объектами без собственных имен, встречаются «несвободные локумы» [17] — ситуативно-привязанные артефакты.

В аварских паремиях топонимы представлены максимально полно, преимущественно реально существующими объектами. Сборник З. и С. Алихановых «Авар кицаби ва абиял» содержит более 250 топонимических единиц из 10 тысяч пословиц, что свидетельствует об их значимости для народного сознания [13]. Топонимы территории Аваристана и сопредельных земель отражают мировосприятие и аксиологическую систему этноса.

Топонимическое пространство не только результат человеческой деятельности, но и фактор, влияющий на психологическое состояние и сознание. Важным представляется не только понятийное содержание топонимического пространства как системы концептуальных образований, но и его образно-ассоциативный сегмент [2, с. 90–105; 3, с. 22–31].

С коммуникативно-прагматических и лингвокультурологических позиций пословицы могут рассматриваться как потенциальные и реальные идиомы [4]. «Как средство наглядно-образного выражения мысли, пословицы часто употребляются в коммуникации благодаря сложной семантической структуре, способности к ассоциативным связям и окказиональным преобразованиям» [4, с. 9]. «Отношения между людьми и отношение к миру отражается в пословицах... Универсальность выражается через дефиницию, а особенность — через образную внутреннюю форму» [12, с. 69].

В когнитивном аспекте топоним — языковая единица, обозначающая название объекта. Топонимы и топонимные слова в аварских паремиях реализуют определенные концепты, отражая этноязыковое и этнокультурное мировосприятие.

Топонимы Гергебильского, Гумбетовского, Казбековского и Хунзахского районов Дагестана сохраняют как семантические значения, так и образные народные представления, отражая не только признаки объектов, но и отношение к местности, верования, обычаи и традиции.

Особенности аварской топонимии:

– своеобразие микросистем обусловлено диалектными особенностями и этническим составом;

– преобладание номинаций природных объектов (*бакIал* ‘местности’, *рохь* ‘леса’, *лъарал* ‘водные преграды’) и мест обитания человека;

– системная организация, определяемая географическими условиями, этническим составом, историческими событиями и мировоззрением.

Топонимическая система отражает мировосприятие аварцев через паремии, демонстрирующие топонимы территории проживания и отражающие аксиологически-оценочную систему этноса. Данная репрезентация может быть систематизирована по двум ключевым основаниям: 1) содержательный анализ доминантных топонимических образов и 2) когнитивная структура топонимического концепта, включающая его понятийную, образную и ценностную стороны.

1. Содержательный анализ аварской топонимии в пословицах и поговорках.

Анализ показывает, что ядро топонимической картины мира формирует обобщенный образ водного пространства. На этом основании моделируется ментальный образ «Реки», репрезентированный топонимами. Гидронимы, эволюционируя в этнические символы, становятся носителями ключевых культурных идеалов и ценностей: *ГIурул рагIалде щвечIого хьитал рахъуге* «Пока не дойдешь до берега реки, обувь не снимай»; *ГIурул гуч букIаго цIул бахъе* «Пока река полноводная, лес сплавляй»; *Гьекъани, КъаралгIорги тIагIуна, квани Кулабрасалъиги лъугIула* «Выпьешь (много), и Карал ор тоже исчезнет, если съесть (много) и Кулабская долина оскудеет»; *ГIор бахун хадуб кьо щай* «После того, как переплыл реку, мост не нужен». Как видно из примеров, среди данных номинаций присутствует лексика местной речи, создающая диалектный колорит.

2. Когнитивная структура топонимического концепта.

Структура концепта предполагает единство трех сторон: образной, понятийной и ценностной.

2.1. Понятийное содержание концепта.

Понятийное содержание концепта, выражаемого топонимом, базируется на универсальном компоненте «местность» или «место действия», общем для всех изучаемых лингвокогнитивных единиц. Наряду с этим оно включает уникальные компоненты, специфичные для каждой отдельной единицы: *Гьаниса Гьоноде гьаналъ гьурщаби, Гьонодаса нахъе хъабхъилъ гьурщаби* «Отсюда в Гонода (отправляются) — мясные чуду, из Гонода обратно (отправляются) — тыквенные чуду». *ГIакару магIарда гIодобчIараб оцгIанаб гIазу бугони, Хунзахъ рекьи хъукьлъулареб* «Если на горе Акаро лежит снег с быка, в Хунзахе посев не взойдет».

Данная совокупность топонимов в качестве языковых единиц образует семантическое поле «местность», а в качестве коррелята ментального образования, выражающего концепт, значима для когнитивного моделирования пространства «место происхождения действия».

2.2. Концепт «Человек».

Концепт «Человек» как форма ментального бытия топосистемы реализует концепты с понятийной основой, связанной с событиями Русско-кавказской войны времен имама Шамиля. Широко отражены гидронимы, важные события и имена героев того периода: *БахIарчи цIакъав — ЧIондокьа ХIажияв, цIар — ХIажимурадие* «Герой хороший — Хажияв из Чондотля, популярность — Хаджимураду». *ЦIаланщинав чи Къудукьа Мусалав вукIунарев, кьалде анщинав ХIажимурад вукIунарев* «Все, кто отучился, не становится Мусалавом из Кудутля, каждый, кто в бой пойдет, Хаджимурадом тоже не бывает».

2.3. Концепт «Гора».

Концепт «Гора» предполагает выявление культурных стереотипов региона через ассоциативно-образное содержание, вербализуемое топонимом: *МагIарда чан букIаго, чурун хьаг цIеда лъоге* «Не ставь кастрюлю на огонь, когда дичь еще по горам (бегает)».

МагIарда гIи бугев — гIаг гьечIеб шарбал «Имея овец на пастбище, в рваных шароварах ходит»; *ГIарахъ магIардаги нахъ валагьичIого кIалъаге* «Даже на горе Арах (Арактау) не говори, не оглянувшись»; *МугIрул каву гIатIидаб* «У гор широкие ворота».

В аварском языковом сознании топоним воспринимается не как изолированный знак обозначения места, а как языковой феномен, имеющий ассоциативные связи и базирующийся на концепте «положительная форма рельефа».

2.4. Образная сторона концепта.

Образная сторона концепта служит отражением этнического мировосприятия, заключая в себе эмоциональную интерпретацию культурного ландшафта: *ЛъарагI гьакитIа — лъарагI кечI, магIарул гьакитIа — магIарул кечI* «На кумыкской телеге — кумыкская песня, на аварской телеге — аварская песня». *Бакълъухъа оц босе, Аргъваниса кви босе* «В Батлухе быка купите, в Аргвани — барана».

Топонимическое пространство аварских пословиц и поговорок (включающее все обозначения места действия) объединяет названия, связанные с землей и её поверхностью (включая искусственные объекты), как в форме нарицательных, так и собственных имён.

Нарицательные имена представлены пятью лексико-семантическими группами.

1) Концепт *Ракь* «Земля», *ВатIан* «Родина» обозначает место (или его части), пространства, направления: земля, край, линия, место, межа, местность, простор, путь, расстояние, сторона и др..; *ХIанчIие бусенги — ВатIан, къоркъое хIорги — ВатIан* «Для птицы и гнездо — Родина, для лягушки и озеро — Родина». *Чияр ракьалда ханлъун вукIиналдаса, нилъерго ракьалда узденлъун вукIин лъикI* «Чем на чужбине быть ханом, лучше на родине быть узденом».

Анализ ассоциативных связей топонимов и их концептуальных оснований позволяет объективно определить особенности их восприятия в языковом сознании и охарактеризовать тот сегмент концептуальной картины мира, который отражает чувственно-предметные представления и ассоциации носителя языка.

2) Концепт «Природные географические объекты (и их части)»: *тIогь* «вершина», мегIер «гора», *рохь* «лес», *кIкIал* «овраг», *хIор* «озеро», *гохI* «холм», *мугъ* «хребет» и др. — как формы сравнения с человеческими качествами. *Берцинаб рагIуца борхатаб мегIерги тIуцлъизабулеб* «Вежливое слово даже высокую гору сделает низкой». *БицанагIан рагIи гIемерлъула, бухъанагIан ракь гIемерлъула* «Чем больше говоришь — тем больше слов, чем больше копаешь — тем больше земли».

В аварской лингвокультуре природные географические объекты и их части составляют фундаментальный концептуальный пласт, отражающий глубинные взаимосвязи между этносом и окружающей его природной средой. Этот концепт включает в себя: ландшафтные доминанты (горы (*мегIер*) — символизирующие устойчивость и духовную опору; реки (*гIор*) — воплощающие жизненную энергию и временной поток; леса (*цIул*) — олицетворяющие природную щедрость и тайну); пространственные ориентиры (вершины (*тIогь*) — маркеры сакрального пространства, долины (*расалъи*) — символы жизненного уюта и защищенности, ущелья (*кIкIал*) — границы между мирами) — и приобретают антропоморфные черты: *Берцинаб рагIуца борхатаб мегIерги тIуцлъизабулеб* — демонстрирует способность слова (как природной стихии) преобразовывать горный ландшафт. В аварской языковой картине мира природные объекты выступают не просто как элементы ландшафта, а как полноправные участники культурного диалога между человеком и окружающей его средой. Особенностью аварского восприятия является: сакрализация природных объектов, их включенность в этическую систему координат, способность выступать как

самостоятельные актанты в народных повествованиях: *Рохьалъ квенги, ретIелги, рукъги, хинлъиги кьолеб.* «Лес поит, кормит, одевает, укрывает, согревает»; *ГъветI лъеца ккола, гъотIоца лъим ккола.* «Дерево водой живёт, дерево и воду бережёт»; *ГъветI къотIараго хIанчIиги лъугIула*. «Срубили деревья — прощай птицы». Концепт природных объектов формирует: пространственную модель этнической территории, систему экологических императивов, основу для метафорического осмысления человеческих качеств.

3) Концепт «Участки земли, вовлечённые в использование»: *пастIан* «огород», *реци* «покос», *рекьи* «пашня», *хур* «поле», *ах* «сад», *нух* «тропа» и др.; *Ругьунаб оцалъ гIадин хур бекьулареб* «Опытный бык поле хорошо пашет*». Бакъуца бIухIун хадуб лъалъан хур бачIунаро* «Огороду, обожженному солнцем, полив не поможет»; *КIвахIалалъул хуриб чIахI бижула, чIухIаралъул хуриб заз бижула* «У ленивой поле зарастает сорняком, у гордой — колючкой». В аварской языковой картине мира отражает глубокую связь между этносом и его землёй, формируя особую систему ценностей и практических отношений с территорией. Этот концепт включает несколько смысловых уровней: хозяйственно-практический аспект (отражает традиционные формы землепользования (пашни, покосы, сады); фиксирует способы взаимодействия с землёй (обработка, орошение, сбор урожая); кодирует агротехнические знания и наблюдения); социокультурное измерение (сады (*ах*) как символ семейного благополучия; пашни (*рекьи*) — показатель трудолюбия и мастерства; огороды (*пастIан*) - отражение заботы и ежедневных усилий); философско-мировоззренческий пласт (земля как источник жизни и благосостояния; труд на земле как нравственный императив; урожай как мера человеческой мудрости). В аварских пословицах этот концепт раскрывается через прагматическую мудрость (*Ругьунаб оцалъ гIадин хур бекьулареб*); социальные нормы (*Бакъуца бухIун хадуб лъалъан хур бачIунаро*); этические принципы (*КIвахIалалъул хуриб чIахI бижула)*. Особенностью аварской традиции является: персонификация земельных участков, их включённость в систему моральных оценок, способность служить мерилом человеческих качеств. Этот концепт формирует трудовую этику этноса, систему экологических принципов, основу для воспитательных практик, модель рационального природопользования. Названия земельных участков в аварской культуре представляют собой не просто термины, а сложные культурные символы, соединяющие практический опыт, нравственные нормы и мировоззренческие установки народа.

4) Концепт «Населённый пункт, места проживания (и их составные части)»: селение, квартал, площадь, улица, хутор и др. *Колол гьойда хIапизе лъалареб* «Хуторская собака лаять не умеет». *Росу бихьун си борхатаб бай* «По селу стройте башню»; *ГодекIаниб лъикIаб жо — миккихIехь* «На годекане лучшее место — дубовый пень». В аварской этнолингвистической традиции представляет собой сложную систему пространственно-социальных кодов, отражающих глубинные основы организации общественной жизни. Этот концептуальный комплекс включает несколько взаимосвязанных уровней: социоструктурный уровень (село (*росу*) как базовая ячейка социальной организации; квартал (*авал*) — единица внутриобщинной идентификации; улица (*къватI*) — пространство повседневной коммуникации); сакрально-символический уровень (дом (*рукъ*) как микрокосм традиционного бытия; площадь (*майдан*) — центр общественной жизни; край села (*ргIал*) — граница между своим и чужим пространством); функционально-бытовой уровень (двор (*азбар-къоно*) — пространство приватной жизни; крыльцо (*кIалтIу*) — зона перехода между публичным и частным; забор (*чали*) — маркер территориальных границ). В аварской паремиологии данный концепт раскрывается через: социальные императивы (*Росу бихьун си борхатаб бай*); поведенческие нормы (*Щибаб росулъ цо-цо рукъ бай*); характерологические оценки

(*Колол гьойда хIапизе лъалареб*). Особенностями аварской концептуализации являются антропоморфизация поселенческих структур, чёткая иерархия социальных пространств, сакрализация границ и переходных зон, этизация пространственных отношений. Данный концепт формирует модель социальной организации, систему территориальной идентичности, принципы пространственного поведения, основы общественного контроля. Таким образом, в аварской языковой картине мира поселенческие топонимы и названия жилых мест представляют собой не просто географические обозначения, а сложные социокультурные конструкты, интегрирующие пространственные, социальные и этические параметры традиционного жизнеустройства.

5) Концепт «Строения и помещения (включая их структурные элементы)»: *рукъ* «дом, жилище», *чали* «ограда», *хъала* «крепость», *mlox* «кровля» и др. *Рукъалъул кIалтIа хIелекоги багъулаб, кавудул кIалтIа лъималги хIинкъичIого рагъулел* «На крыльце дома и петух дерется, в своем дворе и дети смело дерутся». *Щибаб росулъ цо-цо рукъ бай (гьобол гьаве)* «В каждом селе по дому построй (гостя найди)»; *Къададаги гIундул ругел, гIалхудаги берал ругел* «И у стен есть уши, и у поля есть глаза». В аварской этнокультурной традиции представляет собой сложную семиотическую систему, отражающую глубинные принципы организации жизненного пространства. Этот концептуальный комплекс раскрывает архитектурно-мировоззренческие коды (дом (*рукъ*) как микромодель мироздания; крепость (*хъала*) — символ защиты и устойчивости; крыша (*mIox*) — образ покрова и безопасности), функционально-бытовые категории (дверь (*нуцIа*) — граница между внутренним и внешним; жильё (*рукъ-къай*) — пространство приватной жизни; очаг (*цIараки, гъасито*) — сакральный центр дома) и социально-коммуникативные зоны (крыльцо (к*IалтIабакI*) — переходное пространство для общения; комната (*рукъ*) — зона интимного общения; навес, веранда (*рагъи*) — буферная зона между улицей и домом). В аварских паремиях этот концепт реализуется через: социальные нормы (*Рукъалъул кIалтIа хIелекоги багъулаб* «У дома и петух герой»); философские обобщения (*ЦIа свараб рукъ — лъимал гьечIеб рукъ* «Дом, в котором огонь погас — дом, в котором нет детей»); поведенческие модели (*Дунго магIарда — ракI рокъоб* «Я на горе — сердце дома»*; Щурае щваниги мугIрул кIочонге* «Если в Щура приехал, горы не забывай»). Особенности концептуализации: сакрализация архитектурных элементов, антропоморфные характеристики строений, этизация пространственных отношений, символизация конструктивных особенностей. Этот концепт формирует модель семейного жизнеустройства, принципы организации жилого пространства, нормы гостевого этикета, систему сакрально-бытовых запретов. Как видим, в аварской традиционной культуре названия строений и их частей представляют собой не просто термины, а сложные культурные символы, интегрирующие архитектурные, социальные и мировоззренческие аспекты этнического бытия.

Нами был осуществлён анализ топонимов на основе комплексного подхода, учитывающего историко-контактологический (длительные взаимодействия социумов оставили следы в языке), антропологический (в их семантике отражён социокультурный опыт), лингвокультурологический (топонимия изучает «материальную и духовную культуру, воплощённую в язык и проявляющуюся в языковых процессах» [5, с. 30]) и когнитивный (топонимическая картина мира как когнитивное пространство отражает человеческое мировосприятие) аспекты. Также была рассмотрена теория народных стереотипов, в рамках которой культурная информация исследована в контексте языковой картины мира на фольклорном материале [9, с. 217–220; 10]. Как было установлено, наибольший объём топонимических номинаций связан с обозначением природных объектов (местности, лесов, водных преград и т.д.), а также строений и мест

проживания. Данная особенность обусловлена спецификой аварских пословиц и поговорок, сюжет которых строится вокруг отдельного события.

В проанализированных пословицах и поговорках выявлены топонимические локации. Они классифицированы на три группы в зависимости от их семантической функции.

1) номинации местонахождения: *Оцал — магIарда, МухIама — рагIдукь* «Быки в горах пасутся, Мухама — в тенечке». *Багьана — Гьолокье, жийго — ЦIолокье* «Предлог — в Голотль, сама — в Цолотль». *Апарагасул рукъ — росу рагIалда* «Дом пришельца — на краю села»; *Росугун кьаллъарав кьуртIа уневила, кьибилгун кьаллъарав гIортIа уневила* «Враждовавший с селом — упадет со скалы, враждовавший с тухумом — унесет река».

Как видим, реальные топонимы в пословицах и поговорках сохраняют свою базовую функцию: служить топографическим ориентиром.

2) номинации лишь упоминаемых мест, включающие исключительно упоминаемые названия (преимущественно в коммуникативном контексте): *Хвалчаца тIутI чIварав ЧIалдаса ГIусман* «Усман из Чалда, убивший кинжалом муху». *ГIашилтIа Манташ гIадин* «Как Манташ в Ашильта».

Представленные примеры преимущественно содержат названия населённых пунктов, связанных с определёнными событиями. Анализ ассоциативных связей топонимов и их концептуальных оснований позволяет охарактеризовать аспект концептуального пространства, отражающий чувственно-предметные представления носителей языка.

3) наименования, как собственные, так и нарицательные, обладающие метафорическим значением в контексте пословиц и поговорок. *МагIарде гъуниги хIамица заз гурони кунареб* «И на горном пастбище осел только колючки жует». *Бархъалисес хъабида гIоркь бокьаралъуб гъола* «Балхарец на кувшине в любом месте приделывает ручку»; *БацIил берал рохьор* «Глаза волка — в лесу»; *Берцинаб нададa хур бекьуларо* «На красивом лбу поле не вспашешь».

Как видно, данная группа включает следующие номинации: село (место действия); дорога (путь совершения действия); гора (локус предполагаемого события). Каждое название актуализирует образ-концепт с собственным «микрополем» и значением, способный употребляться в пословицах и поговорках обобщённо-отстранённо, синтезируя множественные смыслы. В фольклорном контексте топонимы утрачивают чисто номинативную функцию, становясь сложными семиотическими конструктами, которые: кодируют систему этнических ценностей, транслируют модели социального поведения, обеспечивают межпоколенческую преемственность, формируют этнокультурную идентичность. Этот процесс фольклорной кристаллизации превращает топонимы в ключевой элемент живого культурного наследия, связывающего прошлое и настоящее этноса.

Заключение. Подытоживая наблюдения, можно отметить, что топонимия в аварских пословицах и поговорках структурирована как семантическое поле с сегментами, обозначающими реальные объекты-локусы. Для носителя языка топонимическое пространство представляет собой повседневную реальность. Вся топонимическая система аварского фольклора организована вокруг синтеза ключевых смысловых концептов: образа времени и места действия и образа человека в историческом контексте. Основные результаты: выявлены ключевые топонимические концепты — водные объекты (культурные символы), горы (метафоры испытаний), исторические места (носители памяти), этнические маркеры. Установлены специфические черты: доминирование природных топонимов, высокая степень метафоризации, связь с хозяйственной деятельностью, отражение миграционных процессов.

Таким образом, этноязыковое и этнокультурное мировосприятие представляет собой сложную систему когнитивных фильтров, сквозь которые этнос осмысливает реальность и конструирует идентичность. Эта система динамична и развивается, сохраняя архетипические пласты национального сознания.

Дальнейшие исследовательские перспективы связаны, во-первых, с углублённым лингвогеографическим анализом, предполагающим привязку топонимического материала к конкретным этноареалам, во-вторых — с типологическим сопоставлением топонимических систем народов Дагестана, что позволит дифференцировать общекавказские универсалии и локальные этноспецифические маркеры.

Наряду с этим актуальными направлениями остаются следующие.

Полевая документация — первичная и наиболее срочная задача: фиксация микротопонимов в высокогорных районах с участием носителей старшего поколения в условиях ухода традиционной устной культуры. *Без этого этапа все последующие направления теряют эмпирическую базу.*

Корпусная лингвистика — на основе собранного полевого материала создание электронного корпуса аварских топонимов с семантической, грамматической и культурной разметкой для последующего количественного и качественного анализа.

Лингвогеографический анализ — привязка задокументированных топонимов к конкретным ареалам, картографирование диалектных различий и зон межэтнических контактов.

Диахронический анализ — выявление архаических пластов в топонимии для восстановления этнической истории региона на основе систематизированного корпуса.

Реконструкция сакральной географии — систематизация топонимов, связанных с языческими капищами, мусульманскими зияратами и демонизированными локусами, что позволит описать эволюцию религиозного синкретизма в горах.

Когнитивное моделирование — наиболее сложный, интерпретативный уровень: экспериментальное исследование ассоциативных полей топонимов в сознании носителей аварского языка для реконструкции ментальных карт горского пространства и выявления глубинных этноязыковых структур мировосприятия.

Таблица 1.

Уровень	Задача	Зависимость
1. Полевая документация	Сбор сырых данных	База для всего
2. Корпусная лингвистика	Систематизация и разметка	Требует полевого материала
3. Лингвогеографический анализ	Пространственная привязка	Требует корпуса
4. Диахронический анализ	Временная стратификация	Требует карт и корпуса
5. Сакральная география	Смысловая интерпретация	Требует стратификации
6. Когнитивное моделирование	Реконструкция ментальных моделей	Интегрирует все предыдущие

Реализация указанных направлений позволит перейти от описательной топонимики к интерпретативной модели, в которой географическое название рассматривается не как изолированный знак, а как культурный текст, интегрирующий этноязыковое сознание, историческую память и ценностные ориентиры аварского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беленов Н.В. Принципы и методы топонимических исследований / Н.В. Беленов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2019. — Т. 12. Вып. 4. — С. 224–228.
2. Березович Е.Л. О топонимической версии этнокультурной информации / Е.Л. Березович // Известия Уральского гос. Ун-та. — 1997. — № 7. — С. 90–105.

3. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. СЛЯ. — 1997. — Т. 56. № 3. — С. 22–31.
4. Лазарева Е.И. Немецкие пословицы как объект фразеологии и лексикографии (коммуникативно-когнитивный аспект) : Автореф. дис... канд. филол. наук / Е.И. Лазарева. — М., 1994. — 26 с.
5. Опарина Е.О. Лексика, фразеология, текст: Лингвокультурологические компоненты / Е.О. Опарина // Язык и культура. — Вып. 2. — М., 1999. — № 2. — С. 27.
6. Оцомиева З.М. Топонимическая система как отражение мировосприятия аварцев (на примере пословиц и поговорок) / З.М. Оцомиева // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. — 2016. — № 9. — С. 20–25.
7. Тагирова З.М. Гергебильский говор аварского языка: языковые особенности и топонимия / З.М. Тагирова. — Махачкала: Алеф, 2015. — 414 с.
8. Тагирова З.М. Моделирование функций пространства в топонимической системе дагестанских языков / З.М. Тагирова, С.М. Темирбулатова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2024. — № 2-2. — С. 22–32. — DOI 10.20339/PhS.2.2-24.022.
9. Толстая С.М. Мотивационные модели в символическом языке культуры / С.М. Толстая // Семантические переходы в языках мира : материалы к лингвистическому форуму, Москва, 21–23 ноября 2024 года. — М. : ООО «МАКС Пресс», 2024. — С. 217–220.
10. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. — М. : Изд-во «Индрик», 1995. — 512 с.
11. Халилов М.Ш. Топонимы и микротопонимы Предгорного и Горного Дагестана: проблемы сбора и фиксации (Казбековский, Гумбетовский, Гергебильский и Хунзахский районы) / М.Ш. Халилов, З.М. Тагирова // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи : Материалы VI Международной научной конференции, памяти выдающегося кавказоведа, академика А.С. Чикобава (1898–1985), Махачкала, 28–29 июня 2018 года. — Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2018. — С. 284–292.
12. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура (Постановка вопроса) / Т.З. Черданцева // Вопросы языкознания. — М., 1996. — № 1. — С. 58–70.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Авар кицаби ва абиял / Зайирбег и Саид Алихановы. — Махачкала : Издательский дом «Эпоха», 2012. — 584 с.
14. Wikipedia [Электронный ресурс] : офиц. сайт. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/ (дата обращения: 20.12.2025).
15. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://tapemark.narod.ru/ (дата обращения: 20.12.2025).
16. Шубенков М.В. Структура архитектурного пространства : диссертация ... доктора архитектуры : 18.00.01 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://search.rsl.ru/ (дата обращения: 20.12.2025).
17. Токмашев Д.М. Топонимическое пространство шорского фольклора // Сравнительно-историческое и типологическое исследования языков и культур : сб. тез. Междунар. науч. конф. «XXVI Дульзоновские чтения» [Электронный ресурс]. — Томск : Ветер, 2011. — Режим доступа: https://siblang.tspu.ru/DR26%20RUSS/DR26_tezisy_toponymy/tokmashev_tezis.pdf (дата обращения: 20.12.2025).

REFERENCES

1. Belenov N.V. (2019). Printsipy i metody toponimicheskikh issledovanii [Principles and Methods of Toponymic Research]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], 12(4), 224–228. Tambov. (In Russian)
2. Berezovich E.L. (1997). O toponimicheskoi versii etnokul'turnoi informatsii [On the Toponymic Version of Ethnocultural Information]. Izvestiia Uralskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Ural State University], 7, 90–105. (In Russian)
3. Kubryakova E.S. (1997). Iazyk prostranstva i prostranstvo iazyka (k postanovke problemy) [Language of Space and Space of Language (On the Problem Statement)]. Izvestiia RAN. Seriia literatury i iazyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Language and Literature], 56(3), 22–31. (In Russian)
4. Lazareva E.I. (1994). Nemetskie poslovitsy kak ob"ekt frazeologii i leksikografii (kommunikativno-kognitivnyi aspekt): Avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk [German

Proverbs as an Object of Phraseology and Lexicography (Communicative-Cognitive Aspect): Abstract of the Candidate of Philological Sciences Dissertation]. Moscow. (In Russian)
5. Oparina E.O. (1999). Leksika, frazeologiia, tekst: Lingvokul'turologicheskie komponenty [Vocabulary, Phraseology, Text: Linguocultural Components]. Iazyk i kul'tura [Language and Culture], 2(2), 27. Moscow. (In Russian)
6. Otsomieva Z.M. (2016). Toponimicheskaia sistema kak otrazhenie mirovospriiatiia avartsev (na primere poslovits i pogovorok) [Toponymic System as a Reflection of the Worldview of the Avar People (Based on Proverbs and Sayings)]. Vestnik Instituta iazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy [Bulletin of the Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadas], 9, 20–25. (In Russian)
7. Tagirova Z.M. (2015). Gergebil'skii govor avarskogo iazyka: iazykovye osobennosti i toponimiia [The Gergebil Dialect of the Avar Language: Linguistic Features and Toponymy]. Makhachkala: Alef. (In Russian)
8. Temirbulatova S.M., Otsomieva Z.M. (2024). Modelirovanie funktsii prostranstva v toponimicheskoi sisteme dagestanskikh iazykov [Modeling the Functions of Space in the Toponymic System of Dagestan Languages]. Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly [Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education], 2-2, 22–32. DOI 10.20339/PhS.2.2-24.022. (In Russian)
9. Tolstaya S.M. (2024). Motivatsionnye modeli v simvolicheskom iazyke kul'tury [Motivational Models in the Symbolic Language of Culture]. In Semanticheskie perekhody v iazykakh mira: materialy k lingvisticheskomu forumu, Moskva, 21–23 noiabria 2024 goda [Semantic Transitions in the Languages of the World: Materials for the Linguistic Forum, Moscow, November 21–23, 2024] (pp. 217–220). Moscow: OOO "MAKS Press" (In Russian)
10. Tolstoy N.I. (1995). Iazyk i narodnaia kul'tura: Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike [Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow: Izd-vo "Indrik". (In Russian)
11. Khalilov M.Sh., Tagirova Z.M. (2018). Toponimy i mikrotoponimy Predgornogo i Gornogo Dagestana: problemy sbora i fiksatsii (Kazbekovskii, Gumbetovskii, Gergebil'skii i Khunzakhskii raiony) [Toponyms and Microtoponyms of Foothill and Mountainous Dagestan: Problems of Collection and Recording (Kazbekovsky, Gumbetovsky, Gergebilsky and Khunzakhsky Districts)]. In Kavkazskie iazyki: genetiko-tipologicheskie obshchnosti i areal'nye sviazi: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, pamiati vydaiushchegosia kavkazoveda, akademika A. S. Chikobava (1898–1985), Makhachkala, 28–29 iiunia 2018 goda [Caucasian Languages: Genetic-Typological Commonalities and Areal Connections: Proceedings of the VI International Scientific Conference in Memory of the Outstanding Caucasian Scholar, Academician A.S. Chikobava (1898–1985), Makhachkala, June 28–29, 2018] (pp. 284–292). Makhachkala: IP Ovchinnikov Mikhail Arturovich (Tipografiia Alef). (In Russian)
12. Cherdantseva T.Z. (1996). Idiomatika i kul'tura (Postanovka voprosa) [Idiomatics and Culture (Raising the Question)]. Voprosy iazykoznaniia [Questions of Linguistics], 1, 58–70. Moscow. (In Russian)

Поступила в редакцию 18.02.2026 г.

TOPONYMS AS REFLECTION OF ETHNO-LINGUISTIC AND ETHNO-CULTURAL WORLDVIEW OF THE AVARS

Z.M. Otsomieva-Tagirova

The article deals with a comprehensive analysis of the toponymic system of the Avar ethnic area, which is being studied as the most valuable linguistic and cultural source for a multidimensional consideration of the features of ethno-linguistic consciousness and spiritual traditional culture of the people. The research focuses on the fundamental problem of decoding and interpreting multi-layered cultural and historical information semiotically embedded in geographical names. The linguistic and culturological mechanisms of reflecting toponyms in Avar proverbs and sayings are considered and classified as indicators of national characteristics, the most ancient archaic mythological and religious ideas, the specific sensory and practical perception of space, the complex socio-economic structure, as well as the collective historical memory of the Avar society. Special attention is paid to the identification and description of deep language models, productive word-formation strategies and specific principles of nomination, which clearly demonstrate the inextricable dialectical connection of language, categorial thinking and the surrounding natural environment in the process of forming a unique and distinctive ethnic worldview.

Key words: national specifics of thinking, worldview, concept, toponym, toponymic space, figurative-associative segment of toponymic space.

Оцомиева-Тагирова Забихат Магомедовна.
Кандидат филологических наук.
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
Ведущий научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии.
ORCID 0000-0001-6517-8465.
E-mail: zabi011@yandex.ru.

Otsomieva-Tagirova Zabikhat Magomedovna.
Candidate of Philology.
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Senior Researcher at Department of Lexicology and Lexicography.
ORCID 0000-0001-6517-8465.
E-mail: zabi011@yandex.ru.

Научная статья
УДК 811:161
DOI: 10.5281/zenodo.19866282

КОММУНИКАТИВНАЯ ТАКТИКА ПОХВАЛЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРВЬЮ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ШОУ-БИЗНЕСА

© 2026 ***Л.С. Аляева***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
ORCID 0009-0004-1376-0938

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

На материале современных англоязычных интервью исследуется коммуникативная тактика похвалы, часто используемая интервьюируемыми в данном речевом жанре. Установлено, что похвала в интервью нередко может выражаться третьему лицу, не участвующему непосредственно в общении с журналистом. Как правило, похвала выражается в эксплицитной форме. Ее имплицитная форма используется редко. Определены мотивы применения коммуникативной тактики похвалы интервьюируемыми. 1) высказать слова благодарности за сотрудничество какому-либо лицу; 2) выстроить в перспективе совместную работу с медийной личностью. Коммуникативная тактика похвалы сочетается в многочисленных высказываниям интервьюируемых с тактикой самопрезентации, что, как правило, обусловлено их интенцией улучшить свой имидж среди читательской аудитории, заявить о себе как об интересном, привлекательном участнике в публичном пространстве массмедиа. Основным языковым средством, используемым при реализации коммуникативной тактики похвалы, служат позитивно-оценочные эпитеты, характеризующие профессиональные и персональные качества медийных личностей. Помимо эпитетов в интервью выявлены лексические повторы и слова-интенсификаторы, повышающие перлокутивный эффект высказываний.

Ключевые слова: похвала, коммуникативная тактика, интервью, текст, интервьюируемый, журналист, речевой жанр, оценочный эпитет.

Для цитирования: Аляева Л.С. Коммуникативная тактика похвалы в англоязычных интервью с представителями шоу-бизнеса / Л.С. Аляева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 127–137. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19866282.

Введение. В современной лингвистике языковая личность выступает как один из ключевых объектов исследования [1, с. 319–327; 2, с. 116–125; 7, с. 112–119; 8, с. 124–138; 9, с. 261–269; 12, с. 126–133], что обусловлено в первую очередь развитием антропоцентрического направления отечественной филологии в последнюю четверть века. Теоретически значимыми, судя по многочисленным публикациям, являются работы, в которых в фокусе внимания ученых оказываются вопросы изучения речевого поведения человека, в частности используемые им коммуникативные стратегии и тактики в разножанровой коммуникации [3, с. 79–88; 4, с. 55–63; 5; 11; 13, с. 160-163]. Исследование коммуникативных стратегий и реализующих их тактик позволяет раскрыть мотивационную основу речевых поступков человека, его целеполагание в общении с другими людьми, особенности индивидуального стиля.

Специфика речевого поведения человека в массмедиа особенно ярко проявляется в таком жанре, как «интервью», формат которого предполагает максимально открытое общение между двумя коммуникантами — журналистом и интервьюируемым.

В статье ставится задача исследовать реализацию коммуникативной тактики похвалы в современных англоязычных интервью представителей шоу-бизнеса, выявить мотивацию их речевых поступков, определить основные средства выражения похвалы. Описание данной тактики фокусируется на одобрительных высказываниях, сделанных не участвующему в интервью стороннему лицу. В интервью, как показывает материал, одобрение чьей-либо деятельности, похвала чьих-либо поступков, положительный отзыв о чертах характера обсуждаемого человека создают доброжелательный эмоциональный фон в общении интервьюируемого и журналиста. При этом формируется не только характеристика медийной личности, но и ее позитивный имидж, что особенно важно для представителей шоу-бизнеса, ориентированных на дальнейшее продвижение своей известности в массмедиа, в целом реализующих коммуникативную стратегию самопрезентации.

Феномены «похвала» и «комплимент» составляют значительный сегмент человеческого общения, поскольку они гармонизируют отношения между людьми как в персональном, так и в институциональном дискурсе. Использование похвалы и комплимента нацелено на выстраивание доброжелательной коммуникации, а следовательно, в целом конструктивного общения, необходимого для социального взаимодействия членов общества.

В самом общем виде похвала определяется как положительный отзыв о ком-либо или чем-либо, одобрение [15]. Близким по значению этому слову является слово *комплимент* ‘лестное для кого-либо замечание, любезный отзыв’ [14, с. 152]. В этом же ряду обнаруживаем и слово *лесть*. Словарь Д.Н. Ушакова следующим образом определяет значение этого слова: ‘притворное одобрение; похвала с корыстною целью; лукавая угодливость; ласкательство, униженное потворство; прельщенье’ [16, с. 341]. Главное отличие лести и комплимента состоит в том, что льстивое речевое поведение индивида непременно предполагает корысть. Искренней лесть вряд ли может быть в отличие от комплимента. Рассматривая эту своеобразную триаду (похвала, комплимент, лесть), Е.В. Мудрова справедливо указывает на отличие комплимента от похвалы: «… комплимент относится к контактной, межличностной, непосредственной коммуникации. <…> Комплимент осуществляется в социальных ситуациях, представляющих контактный тип взаимодействия участников коммуникации» [10, с. 42]. Похвала в отличие от комплимента не предполагает контактного, межличностного общения. Иначе говоря, похвала может быть высказана лицу, не участвующему в непосредственном общении с тем, кто высказывает одобрительные слова.

Методы исследования и материалы. Метод дефиниционного анализа применялся с целью определения ряда базовых для статьи понятий (коммуникативная тактика, коммуникативная стратегия, похвала). Метод контекстуального анализа использовался для определения коммуникативной тактики в речевом жанре «интервью». Метод дискурс-анализа применялся с целью описания закономерностей реализации феномена «похвала» в данном жанре. Метод интерпретации использован для определения отношения коммуникантов к обсуждаемой теме, для установления характера оценки субъекта действий.

Материал исследования — тексты интервью представителей шоу-бизнеса (актёров, певцов, режиссёров и продюсеров), опубликованные в англоязычном медиапространстве за период с 2016 по 2025 год. Источниками материала послужили интернет-журналы, интернет-газеты и информационные агентства. Критериями отбора являлись релевантность и актуальность материала, а также авторитетность источников. К персоналиям можно отнести таких представителей современного американского

шоу-бизнеса, относящихся к голливудскому кинопроизводству, как Оуэн Уилсон, Эдриен Броуди, Дэнни Де Вито, Адам Сэндлер, Ричард Гир и Ричард Линклейтер.

Основная часть. Прежде чем перейти к анализу интервью, в которых используется тактика похвалы представителями шоу-бизнеса, остановимся кратко на дефинициях коммуникативной стратегии и тактики. Е.В. Клюев определяет первую из них как «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [6, с. 320]. Иными словами, коммуникативная стратегия — это некий общий план действий индивида, определенное целеполагание, осуществление которого предполагает выбор конкретных речевых «шагов», вербальных действий. Е.В. Клюев предлагает понимание коммуникативной тактики как совокупности практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия. Коммуникативная тактика, по мнению ученого, в отличие от стратегии соотносится не с коммуникативной целью, а с набором отдельных коммуникативных намерений. Этой целью может быть: привлечение внимания, воздействие на собеседника, убеждение или переубеждение собеседника, влияние на его эмоциональное состояние [6, с. 320].

Рассмотрим примеры реализации тактики похвалы в англоязычном дискурсе на основе отрывков интервью из масс-медиа. Первый отрывок взят из интервью актера Адама Сэндлера, опубликованного в журнале New York Magazine:

«*– SNL set the tone for the performance to have that impact right away by having Jack Nicholson introduce you. How did that come about?*

– A.S.: That's just one of Lorne's best friends. Lorne and I were talking to Jack that week and saying how much it would mean to everybody if he wanted to come out and make the trip. Jack and his daughter Lorraine schlepped out together. I visited Jack at his hotel that day, and ***we had a great time. He just meant so much to everyone.*** *He saw so many old friends there. We were walking around the hallways, and he was hanging out, and everyone was coming by and giving love. I think, in the afternoon or maybe the day before, Lorne said, "We would love you to introduce Adam's song," and Jack was cool enough to say yes.* ***We've known each other for a long time, me and Jack. I love him so much, and I love being around the guy. He makes me laugh, and he's just an amazing human, as you can imagine.*** *That did feel like a moment when he introduced the song. It just changes the feel of the room*» [18] (Выделено полужирным шрифтом здесь и далее нами — Л.А.).

В данном отрывке интервью журналист задает вопрос комику Адаму Сэндлеру о его совместной работе с актером Джеком Николсоном. Адам Сэндлер положительно отзывается о партнерстве со своим коллегой: «*...we had a great time. He just meant so much to everyone*» *(...мы прекрасно провели время. Он дорог каждому из нас)* [17]. А. Сэндлер подчеркивает в интервью, что они прекрасно провели время и Джек Николсон имеет репутацию уважаемого человека в окружении комика. А. Сэндлер высказывает коллеге свою глубокую симпатию, расположение к нему: «*I love him so much, and I love being around the guy. He makes me laugh, and he's just an amazing human, as you can imagine*» *(Я его обожаю, и мне нравится проводить с ним время. С ним всегда весело, он просто удивительный человек, я думаю вы догадываетесь об этом).* Хвалебные слова высказаны третьему лицу, не присутствующему в беседе журналиста и интервьюируемого. Вербальными маркерами похвалы служит употребление целого ряда позитивно-оценочных лексем, характеризующих Дж. Николсона: эпитета *amazing* 'удивительный', глаголов *love* 'любить', *laugh* 'смеяться', наречия-интенсификатора *much* 'много', акцентирующего внимание читателей на степени глубины симпатии одного актера в отношении к другому. Мотивами речевого поведения А. Сэндлера здесь

являются, во-первых, его стремление заявить общественности о своем новом проекте, во-вторых, хвалебно отозвавшись о медийном актере Джеке Николсоне, выстроить перспективу дальнейшей совместной с ним работы, в-третьих, внести в само интервью с журналистом позитивный эмоциональный настрой.

Следующий отрывок текста взят из интервью актера Дэнни Де Вито, опубликованного в журнале The Talks:

«*– A few years before Matilda, you produced one of the greatest films of the modern era, Pulp Fiction. How did that happen? That's a lot of trust to put in someone you'd just met — and who had only done one film so far.*

–(Laughs) When he approached me about his next project, he said to me, "It's about these overlapping stories," and I said, "I don't care! I loved that other script!" ***The bottom line with Quentin was that he was so confident and outgoing and he was so exuberant — you know how he is, he's amazing!*** *I got the wherewithal to make a deal with this guy and I'm not gonna do it? You've gotta be a nut not to do it! A year later he delivered the script — 155 pages, it was called Pulp Fiction by Tarantino. And on it,* ***it said, "Final Draft," which is one of his great traits.*** *But when I brought it to the studio that I had the deal with, they turned it down!*» [19].

В данном отрывке мы видим в высшей степени одобрительное, хвалебное высказывание актера Дэнни Де Вито о режиссере Квентине Тарантино. Дэнни Де Вито говорит: «*The bottom line with Quentin was that he was so confident and outgoing and he was so exuberant — you know how he is, he's amazing!*» *(Суть была в том, что Квентин был очень уверенным в себе, общительным и жизнерадостным — вы же знаете, какой он, он потрясающий!).* Для выражения своей восторженности чертами характера кинорежиссера актер использует много оценочных эпитетов — *confident* 'уверенный, доверительный', *outgoing* 'общительный', *exuberant* 'эмоциональный', *amazing* 'потрясающий, прекрасный', прием эмфатизации посредством наречия *so* 'очень' и таким образом усиливает прагматический потенциал высказываний. С помощью речевого оборота *you know how he is* Дэнни Де Вито акцентирует внимание журналиста и читателей на известном и общепризнанном факте — режиссер Квентин Тарантино талантливая, самобытная, потрясающая в профессиональном отношении личность *(amazing)*. Интервьюируемый апеллирует к журналисту с целью подтверждения статуса выдающегося режиссера, его умения работать и создавать благоприятную обстановку для окружающих. При осуществлении коммуникативной тактики похвалы Дэнни Де Вито имплицитно дает понять читателям, что и он как актер имел отношение к успеху фильма. Коммуникативная тактика похвалы оказывается «вплетенной» в ткань текста, служащего повышению статуса медийности и самого актера. Иными словами, в рассматриваемом интервью имеет место реализация двух коммуникативных тактик — похвалы и самопрезентации.

Не менее интересен фрагмент из интервью Оуэна Уилсона. Интервью опубликовано в журнале The Talks.

«*– At least you had the chance to meet David Bowie on the set of Zoolander; he would be on the top of my list.*

– ***The David Bowie****…* ***I think Ben and I were surprised that he even agreed to do the movie! He was such a cool, lovely guy the day that we worked together.*** *When I got the sad news of his death earlier this year, of course I thought a lot about that day. Wes has used a lot of Bowie's music in his films, too, especially in The Life Aquatic with Steve Zissou. I was listening to some of those songs, watching some of them on YouTube, and someone also played me an* ***a cappella version of David Bowie singing. That was incredible***» [20].

Актер Оуэн Уилсон оценочно характеризует в беседе с журналистом известного певца Дэвида Боуи. Отношение Оуэна Уилсона к певцу доброжелательное. Актер искренне благодарен Дэвиду Боуи. Примечательно, что сам фильм, в котором должна звучать по замыслу Оуэна Уилсона песня, актером не оценивается как шедевр киноиндустрии. Видимо, здесь имеет место такой риторический прием, как игра на контрасте — средний уровень кинопродукта и высокий профессиональный уровень исполнителя песни: «*I think Ben and I were surprised that he even agreed to do the movie!*» *(Я думаю, мы с Беном были удивлены, что он вообще согласился сниматься в этом фильме!).* Оценочные эпитеты *cool* ‘классный’, *lovely* ‘милый, очаровательный’ характеризуют Дэвида Боуи как в личностном, так и в профессиональном отношении: «*He was such a cool, lovely guy*» *(Он оказался таким классным и милым парнем)*. Исполнительский талант певца актер называет потрясающим «*that was incredible*» *(это было потрясающе)*. В анализируемом интервью, как и в ранее приведенных, тактика похвалы сопровождается тактикой самопрезентации. В последнем интервью, однако, она выражена менее очевидно. В начале интервью Оуэн Уилсон намеренно употребляет перед именем известного певца определенный артикль *the*, что согласно нормативной грамматике некорректно. Это грамматическое нарушение, допускаемое, однако, в разговорной речи, по нашему мнению, должно показать журналисту и читателям приятельские отношения между актером и певцом. Данный факт можно интерпретировать как интенцию Оуэна Уилсона публично повысить свой имидж среди читательской аудитории. Снижение стилевого регистра — один из индикаторов близких (обычно приятельских) отношений в общении людей.

Следующий отрывок взят из интервью американского режиссера Ричарда Линклейтера, опубликованного в журнале GQ:

«*– Linklater, who had cast a teenage Powell in a small role in 2006’s Fast Food Nation, had heard rumblings about him from friends in the industry in the years since, but they hadn’t seen each other for the best part of a decade before Powell’s audition for Everybody Wants Some!! “It was one of those one-reading [auditions]. I was like, “OK, Glen has got it!” Linklater says. “I remember the casting director, Vicky [Boone], she knew him from way back, too, and we looked at each other and went,* ***when did Glen Powell get so damn Glen Powell-y? You know, so smart and charming.*** *What I really noticed was just* ***how fast he is.*** *I’m always looking for that hyperspeed neurological processing, somebody who can speak* ***quick and make sense****.* ***[He’s] just a really smart guy****”*« [17].

В этом отрывке мы видим похвалу режиссера Ричарда Линклейтера в адрес пришедшего на прослушивание актера Глена Пауэлла. Режиссер давно не виделся с Гленом Пауэллом и удивился тому, как он повзрослел и возмужал: «*... when did Glen Powell get so damn Glen Powell-y? You know, so smart and charming…*» [20]. Обращает на себя внимание диминутивная форма фамилии Пауэлла *(Glen Powell — Glen Powell-y).* Употребление уменьшительно-ласкательного суффикса *-y-* придает в целом высказыванию оттенок непринужденности, чуть ли не фамильярности. Речевой оборот *so damn* ‘так жутко, так чертовски’, маркированный разговорным стилем общения, придает высказыванию эмоциональную окраску, подчеркивает в экспрессивной форме удивление, восхищение режиссера. Глен Пауэлл в глазах Ричарда Линклейтера стал настоящим профессионалом своего дела. Далее режиссер перечисляет те качества, которые его приятно поразили в актере: «*You know, so smart and charming…*» [20]. Употребление конструкции *You know…* демонстрирует желание режиссера придать разговору более непринужденный и неформальный тон. Ричард Линклейтер использует позитивно-оценочные эпитеты, выражающие похвалу актеру, одобрение его личностных

качеств характера и интеллектуальных способностей: *charming* ‘обаятельный’, *smart* ‘умный’. Стоит отметить использование говорящим наречия *so*, выполняющего функцию интенсификатора, с помощью которого режиссер усиливает похвалу в адрес актера. В приведенном отрывке из интервью имеет место лексический повтор: *so smart* и *[He’s] just a really smart guy.* Этот риторический прием направлен на акцентирование положительных характеристик Глена Пауэлла, его высокого образовательного ценза и умственных способностей. Эти качества личности высоко ценятся в обществе, в том числе и в шоу-бизнесе.

Коммуникативная тактика похвалы, как показывает материал, реализуется деятелями шоу-бизнеса не только применительно к «своему кругу», но и в отношении политиков, лидеров государств. Следующий пример служит подтверждением сказанному. В интервью журнала The Talks данная тактика используется актером Ричардом Гиром.

«*–You met with her last year to discuss the human rights situation in Tibet, right?*

– I can say this: ***she is a very interested and good listener****,* ***very bright, clear-headed and clear-eyed person, who I admired from afar when I met her.*** *And* ***I admire her even more now that I met her.*** *She is* ***a really high quality person.*** *President Donald Trump, on the other hand, is a complete befuddlement to all of us — even to his own party. Even his own party doesn’t know what to do with him. We are all befuddled in the situation. He is a national embarrassment. I think Trump will be over in two years time*» [21].

В этом интервью затронута политическая тема. Ричард Гир решил высказать мнение о некоторых политических лидерах. В данном отрывке интервью он говорит о бывшем федеральном канцлере Германии Ангеле Меркель. Для описания личностных и профессиональных качеств экс-канцлера Ричард Гир употребляет серию эпитетов в ее адрес: «*… she is a very interested and good listener, very bright, clear-headed and clear-eyed person…*» *(…Она очень внимательный и заинтересованный слушатель, яркий, здравомыслящий и проницательный человек).* Наряду с эпитетами актер прибегает к использованию интенсификатора — наречия *very* ‘очень’. Его употребление усиливает достоверность утверждения актера. Далее актер добавляет: «*…who I admired from afar when I met her. And I admire her even more now that I met her. She is a really high quality person*» *(…человек, которым сначала я восхищался на расстоянии, а после личного знакомства моё уважение к нему лишь возросло. Это человек исключительных качеств)*. Двухкратное употребление актером оценочного глагола *admire* ‘восторгаться, восхищаться’ фокусирует внимание читателей и журналиста на факте одобрительного и благожелательного отношения Ричарда Гира к А. Меркель. Стоит отметить использование еще одного интенсификатора — экспрессивной частицы *even* ‘даже’, усиливающей эмоциональную тональность текста. Ричард Гир завершает свое высказывание об А. Меркель предложением: «*She is a really high quality person*». Он в очередной раз использует наречие-интенсификатор *really (действительно, очень)*, а также составной эпитет *high quality* ‘высококлассный’, которые указывают на выдающиеся человеческие и профессиональные качества характеризуемой персоны.

Следующий отрывок взят из интервью американского актера Эдриена Броуди The Talks.

«*– …What you* ***do*** *need is* ***a brilliant director*** *that has a vision that you're aligned with, to lift you up.*

– Like who?

– Someone like Wes Anderson*, for instance. With Wes, we can consistently be able to embark on different characters, different journeys; and whatever my participation is, I know that this* ***film is going to be an achievement and a work of art. And I'm grateful to be a piece***

of that in any shape or form*! But there are very few moments like that.* ***I do feel blessed right now because I have a lot of wonderful, creative people that I admire*** *coming to me, and inviting me to work.* ***I'm really, really thankful for that****…*» [22].

В этом интервью актер Эдриен Броуди рассуждает о своих прошлых и будущих творческих проектах. Он оценивает, какими качествами должен располагать режиссёр будущего проекта, чтобы он побудил его прервать свой перерыв в карьере и возобновить сьемки в кино. Эдриен Броуди говорит: «*What you do need is a brilliant director that has a vision that you're aligned with, to lift you up*» *(То, что тебе действительно нужно, — это блестящий режиссёр, у которого есть видение, с которым ты согласен, — тот, кто поможет тебе раскрыться).* Актер называет подобного режиссера *a brilliant director* ‘блестящий режиссер’ и настаивает на том, что он действительно необходим, чтобы Э. Броуди искренне заинтересовался сценарием будущего фильма. Делает он это с помощью усиления *What you do need…,* используя намеренно вспомогательный глагол *do* для эмфатизации и усиления своего утверждения. Употребляя данные лексические средства, актёр косвенно выражает одобрение в адрес режиссёра, упомянутого в последующем фрагменте интервью. На этом примере можно наблюдать реализацию тактики похвалы с помощью оценочных эпитетов для поддержания дружеских и рабочих связей и выражения надежды на последующее сотрудничество в рабочей среде (в киноиндустрии). Далее, после вопроса журналиста актер уточняет, кого он имеет в виду, когда говорит о *блестящем режиссере*. Он приводит в пример Уэса Андерсона *(*«*Someone like Wes Anderson*»*).* Эдриен Броуди комплементарно отзывается о фильмах данного режиссера и признает: «*and whatever my participation is, I know that that film is going to be an achievement and a work of art*» *(и в чем бы ни заключалось мое участие, я знаю, что этот фильм станет настоящим достижением кинематографа и произведением искусства).* В этом предложении актер употребляет фразу *whatever my participation is,* смещая акцент с собственной роли и значимости в этом фильме на ценность работы режиссера Уэса Андерсона. Актер выражает уверенность с помощью грамматических конструкций *I know* (с помощью этой фразы Эдриен Броуди демонстрирует свою твердую убежденность в вышесказанном, основанную на собственном опыте работы с этим режиссером). Более того, употребление конструкции *this film is going to be…* предполагает, что актер выражает предположение относительно будущего фильма Уэса Андерсона, основанное на текущих фактах и наблюдениях, результатах предыдущих работ режиссера. Главными лексическими средствами, с помощью которых реализуется тактика похвалы в этом отрывке, являются устойчивое выражение *a work of art* ‘произведение искусства’, а также существительное *an achievement,* использование, которого в данном контексте подразумевает, что это будет не рядовой фильм, а выдающийся.

Далее, актер признает, что благодарен за прошлое сотрудничество с этим режиссером: «*And I'm grateful to be a piece of that in any shape or form!*» *(И я очень благодарен, что могу хоть как-то быть причастным к этому!).* Подобным образом Эдриен Броуди выразил восхищение талантом режиссера Уэса Андерсона и сообщил с помощью реализации тактики похвалы в этом интервью, что будет рад с ним поработать вновь.

Во второй части своего ответа Эдриен Броуди размышляет уже не о будущих проектах, а о рабочих предложениях, которые он получает сейчас. Он говорит: «*I do feel blessed right now because I have a lot of wonderful, creative people that I admire coming to me, and inviting me to work. I'm really, really thankful for that…*» *(Прямо сейчас я чувствую себя по-настоящему счастливым: ко мне приходят замечательные творческие люди, которыми я восхищаюсь, и зовут поработать вместе. Я безмерно благодарен за это!)*. Актер вновь

употребляет вспомогательный глагол *do* для эмфатизации и акцентирования внимания на фразе *I do feel blessed…*, подчеркивая, что он действительно рад и счастлив. Вслед за этим, он прибегает к употреблению оценочных эпитетов *wonderful, creative* ‘замечательные, творческие’ по отношению к коллегам, которые в настоящее время предлагают ему работу. Выбор актёром оценочного глагола *admire* ‘восторгаться, восхищаться’ в этом предложении позволяет выразить его позитивное отношение к людям, с которыми он собирается сотрудничать, привлекая к этому внимание журналиста и читателей. А также актер задействует в этом высказывании лексический повтор *I'm really, really thankful (Я безмерно благодарен…)*, выражая свою благодарность и гиперболизируя свои эмоции относительно этого факта. Подводя итоги вышесказанного, можно сделать вывод о том, что Эдриен Броуди мастерски ответил на вопрос журналиста, так как, дав это интервью, он посодействовал развитию своей дальнейшей карьеры, выдвинул свою кандидатуру на роли в будущих работах талантливого режиссера и выразил благодарность людям, с которыми уже сейчас сотрудничает. Таким образом, он сохранил с ними хорошие отношения и инициировал дальнейшее сотрудничество. Актер, можно сказать, обеспечил себя работой на несколько лет вперед за счет описанных выше комплементарных высказываний. Этот пример демонстрирует реализацию тактики похвалы по отношению к третьим лицам, которая выражается эксплицитно посредством оценочных эпитетов, лексических повторов и эмфатизации.

Заключение. Речевой жанр «интервью» мы квалифицируем как текст, наиболее четко эксплицирующий особенности речевого поведения участников общения, в частности используемые ими коммуникативные тактики, нацеленные на реализацию общей стратегии вербального взаимодействия.

Анализ текстов англоязычных интервью с деятелями шоу-бизнеса позволяет выявить часто используемую тактику похвалы. Она в диалогическом общении с журналистами адресуется интервьюируемыми третьим (сторонним) лицам, т.е. медийным личностям, не участвующим непосредственно в интервью. Похвала при этом выражается преимущественно в эксплицитной форме. Она, как правило, находит речевое воплощение посредством высокочастотного употребления положительно-оценочных эпитетов, характеризующих их адресата (черты характера, высокий профессионализм и т.п.). На наш взгляд, широкое использование тактики похвалы третьим лицам в интервью с представителями шоу-бизнеса связано с несколькими мотивами со стороны интервьюируемых. Прежде всего, это стремление поблагодарить коллег, чаще всего тех, кто обладает более высоким статусом или широкой известностью в публичном пространстве; как правило, такая благодарность выражается эксплицитно. Кроме того, похвала может служить инструментом для выстраивания дальнейшего сотрудничества с медийными личностями. Наконец, она позволяет интервьюируемому самоутвердиться в медиапространстве и привлечь к себе внимание. Отметим, что тактика похвалы нередко сочетается с тактикой самопрезентации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Г. Идиостиль Э. Хемингуэя: опыт риторической деконструкции жанра / А.Г. Баранов // Жанры речи : сб. науч. ст. — Саратов: Изд. центр «Наука», 2011. Вып. 7. — С. 319–327.
2. Бурляй А.С. Специфика языковой личности современного российского военного корреспондента / А.С. Бурляй // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2025. — № 2. — С. 116–125. — https://doi.org/10.5281/zenodo.15113367.
3. Бутова А.В. Лингвистические стратегии бренднейминга (портретные и иконические имена) / А.В. Бутова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2024. — №6. — С. 79–88. https://doi.org/10.5281/zenodo.14513039.

4. Гуляева М.А. Специфика языковых и поведенческих особенностей общения российской молодежи / М.А. Гуляева // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. — 2024. — №3(07). — С. 55–63.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. — М. : ЛКИ, 2008. — 288 с.
6. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия / Е.В. Клюев. — М.: Рипол Классик; 2002. — 320 с.
7. Красавский Н.А. Немецкая языковая личность: анализ натурморфной метафоры в концептосфере эмоций / Н.А. Красавский // Языковая личность как предмет теоретической и прикладной лингвистики: материалы Всеросс. науч. конф. 18–20 марта 2004 г. — Тула, ТулГУ, 2004. — С. 112–119.
8. Лутовинова О.В. Языковая личность в интернет-коммуникации / О.В. Лутовинова // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. — С. 124–138.
9. Милёхина Т.А. Языковая личность в административном дискурсе (на материале обсуждения бюджета г. Саратова) / Т.А. Милёхина // Жанры речи : сб. науч. статей. Вып. 7. — Саратов : Изд. центр «Наука», 2011. — С. 261–269.
10. Мудрова Е.В. Комплимент как первичный речевой жанр: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 — «Русский язык» / Е.В. Мудрова. — Таганрог, 2007. — 141 с.
11. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дисс. … д-ра филол. наук: 10.02.01 — «Русский язык» / О.Н. Паршина. — Саратов, 2005. — 48 с.
12. Сусов И.П. Личность в разговорном дискурсе / И.П. Сусов // Жанры речи: сб. науч. ст. — Саратов : Изд. центр «Наука», 2011. Вып. 7. — С. 126–133.
13. Черницына Т.В. Коммуникативные стратегии похвалы в прозе В.М. Шукшина: типология, языковая реализация / Т.В. Черницына // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия. 2. Языкознание. — 2013. — №1 (17). — С. 160–163.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981–1984. — Т. 2.
15. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 15.12.2025).
16. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Д.Н. Ушаков. — М.: Советская энциклопедия, 1935–1940. — Т. 1.
17. GQ Magazine [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.gq-magazine.co.uk/article/glen-powell-interview-2024 (дата обращения 16.10.2025).
18. New York Magazine [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.vulture.com/article/adam-sandler-dan-bulla-snl50-interview.html (дата обращения 16.10.2025).
19. The Talks [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://the-talks.com/interview/danny-devito/ (дата обращения 16.10.2025).
20. The Talks [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://the-talks.com/interview/owen-wilson/ (дата обращения 16.10.2025).
21. The Talks [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://the-talks.com/interview/richard-gere/ (дата обращения 16.10.2025).
22. The Talks [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://the-talks.com/interview/adrien-brody/ (дата обращения 16.10.2025).

REFERENCES

1. Baranov A.G. (2011). Idio-stil’ E. Hemingueia: opyt ritoricheskoi dekonstruktsii zhanra [Ernest Hemingway’s individual style: An attempt at rhetorical deconstruction of the genre]. Zhanry rechi: sbornik nauchnykh statei [Speech genres: Collection of scientific articles] (Issue 7, pp. 319–327). Saratov: Nauchnyi izdatel’skii tsentr «Nauka». (In Russian)
2. Burliai A.S. (2025). Spetsifika iazykovoi lichnosti sovremennogo rossiiskogo voennogo korrespondenta [The specificity of the linguistic personality of a modern Russian war correspondent]. Vestnik Donetskogo natsional’nogo universiteta. Seriia D: Filologiia i psikhologiia [Donetsk National University Journal Series D: Philology and Psychology], 2, pp. 116–125. https://doi.org/10.5281/zenodo.15113367 (In Russian)
3. Butova A.V. (2024). Lingvisticheskie strategii brendneiminga (portretnye i ikonicheskie imena) [Linguistic strategies of brand naming (portrait and iconic names)]. Vestnik Donetskogo natsional’nogo universiteta. Seriia

D: Filologiia i psikhologiia [Donetsk National University Journal. Series D: Philology and Psychology], 6, 79–88. https://doi.org/10.5281/zenodo.14513039 (In Russian)
4. Gulyaeva M.A. (2024). Spetsifika iazykovykh i povedencheskikh osobennostei obshcheniia rossiiskoi molodezhi [The specific features of linguistic and behavioral aspects of communication among Russian youth]. Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsial'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki [Izvestia of the Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological Sciences], 3(07), pp. 55–63. (In Russian)
5. Issers O.S. (2008). Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi [Communicative strategies and tactics in Russian speech]. Moscow: LKI. (In Russian)
6. Klyuev E.V. (2002). Rechevaia kommunikatsiia. Uspekhnost' rechevogo vzaimodeistviia [Verbal communication. Success in verbal interaction]. Moscow: Ripol Klassik. (In Russian)
7. Krasavskii N.A. (2004). Nemetskaia iazykovaia lichnost': analiz naturmorfnoi metafory v kontseptosfere emotsii [German linguistic personality: Analysis of nature-morphic metaphor in the conceptual sphere of emotions]. Iazykovaia lichnost' kak predmet teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 18–20 marta 2004 g. [Linguistic personality as a subject of theoretical and applied linguistics: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, March 18–20, 2004] (pp. 112–119). Tula: TulGU. (In Russian)
8. Lutovinova O.V. (2014). Iazykovaia lichnost' v internet-kommunikatsii [Linguistic personality in online communication]. In T.N. Kolokoltseva & O.V. Lutovinova (Eds.), Internet-kommunikatsiia kak novaia rechevaia formatsiia: kollektivnaia monografiia [Internet communication as a new speech formation: Collective monograph] (2nd ed., pp. 124–138). Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russian)
9. Milekhina T.A. (2011). Iazykovaia lichnost' v administrativnom diskurse (na materiale obsuzhdeniia biudzheta g. Saratova) [Linguistic personality in administrative discourse (based on the discussion of Saratov city budget)]. Zhanry rechi: sbornik nauchnykh statei [Speech genres: Collection of scientific articles] (Issue 7, pp. 261–269). Saratov: Nauchnyi izdatel'skii tsentr «Nauka». (In Russian)
10. Mudrova E.V. (2007). Kompliment kak pervichnyi rechevoi zhanr [Compliment as a primary speech genre] (Doctoral dissertation). Taganrog. (In Russian)
11. Parshina O.N. (2005). Strategii i taktiki rechevogo povedeniia sovremennoi politicheskoi elity Rossii [Strategies and tactics of speech behavior of the modern Russian political elite] (Habilitation thesis abstract). Saratov. (In Russian)
12. Susov I.P. (2011). Lichnost' v razgovornom diskurse [Personality in conversational discourse]. Zhanry rechi: sbornik nauchnykh statei [Speech genres: Collection of scientific articles] (Issue 7, pp. 126–133). Saratov: Nauchnyi izdatel'skii tsentr «Nauka». (In Russian)
13. Chernitsyna T.V. (2013). Kommunikativnye strategii pokhvaly v proze V.M. Shukshina: tipologiia, iazykovaia realizatsiia [Communicative strategies of praise in V.M. Shukshin's prose: Typology and linguistic realization]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2. Iazykoznanie [Volgograd State University Journal. Series 2. Linguistics], 1(17), pp. 160–163. (In Russian)

Поступила в редакцию 20.02.2026 г.

COMMUNICATIVE TACTICS OF PRAISE IN ENGLISH INTERVIEWS WITH SHOW BUSINESS REPRESENTATIVES

L.S. Alyaeva

The article addresses the communicative tactics of praise frequently employed by interviewees in this speech genre, based on material from modern English-language interviews. It has been established that praise in interviews can often be referred to a third party who is not directly involved in communication with the journalist. As a rule, praise is expressed explicitly, while its implicit form is rarely used. The motives behind interviewees' use of communicative tactics of praise have been identified. These are as follows: to thank somebody for cooperation and to build future collaborative work with a media personality. In numerous interviewees' statements, the tactics of praise are combined with self-presentation tactics. This combination is typically driven by the interviewees' intention to improve their image among the readership and to present themselves as interesting and attractive participants in the public space of mass media. The main linguistic means used to implement the communicative tactics of praise are positive evaluative epithets that characterize the professional and personal qualities of media personalities. In addition to epithets, interviews reveal lexical repetitions and intensifying words, which enhance the utterances perlocutionary effect.

Key words: praise, communicative tactics, interview, text, interviewee, journalist, speech genre, evaluative epithet.

Аляева Лилия Сергеевна.
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация, г. Волгоград.
Аспирант.
ORCID 0009-0004-1376-0938.
E-mail: liliya.alyaeva@gmail.com.

Alyaeva Liliya Sergeevna.
Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russian Federation, Volgograd.
Postgraduate student.
ORCID 0009-0004-1376-0938.
E-mail: liliya.alyaeva@gmail.com.

Научная статья
УДК 81:008 (075)
DOI: 10.5281/zenodo.19866392

КАРТОЧНАЯ ИГРА В XIX ВЕКЕ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

© 2026 А.В. Карпенко
Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение «Специализированная школа с углублённым изучением предметов естественно-математического цикла предметов №135 г.о. Донецк»
ORCID 0009-0005-0913-2709

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Игра является знаковым явлением для множества мировых культур, и концепт «игра» обладает высокой общекультурной значимостью. В статье рассматривается лингвокультурный феномен карточной игры, как формы досуга дворянского общества XIX века, в художественном дискурсе писателей I половины XIX века. Цель работы — определение лингвоокультуремы «игра» и её значения в карточной игре русского дворянства XIX века. В исследовании были применены следующие методы: индуктивный, контекстуальный анализ лексем и метод фреймового моделирования, являющийся базовым в когнитивной лингвистике. Метод фреймов позволил описать слоты и терминальные узлы концепта карточная игра. Материалом для исследования послужили названия карточных игр, популярных в дворянской среде XIX века, нашедших отражение в произведениях русской литературы I половины XIX века. Были рассмотрены значения лексических единиц и культурные объекты единой системы инструментальных категорий.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурема, карточная игра, коммерческая игра, азартная игра, лексические репрезентанты, Случай.

Для цитирования: Карпенко А.В. Карточная игра в XIX веке как лингвокультурный феномен / А.В. Карпенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 138–149. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19866392

Введение. Понятийный аппарат игры представляет хорошо изученную сферу человеческого сознания. Игру можно определить как отдельный вид занятия. Благодаря игре человек может проявлять себя в обществе, поддерживать отношения, быть одновременно участником и инструментом игрового пространства. Тем не менее лингвокультурный компонент игры является малоизученным.

Целью исследования является изучение историко-культурного аспекта распространения и значения карточных игр в русском дворянском обществе I половины XIX века, отражённых в художественных текстах.

Обзор литературы по проблеме. Во всех культурах концепт «игра» одинаково значимый. Над проблемой определения лингвокультуремы «игра» работали как зарубежные, так и отечественные исследователи. Представление о лингвокультуреме «игра» в нашем исследовании формируется с опорой на идеи Й. Хёйзинги [13]. Учёный определяет игровой характер культуры, составляющими которой являются мифология, поэзия, музыка, религиозные обряды, война, представленные игрой человеческого существования. Он также полагает, что игра не способ жизни, а «основа человеческих действий, поскольку цель игры заключается в ней самой» [13, с. 46]. Для человека игра служит биологической функцией, а для общества, ввиду содержащегося в ней смысла и формируемых ею духовных и социальных отношений, необходима как культурная

функция. Игра обладает пространственно-временной определённостью, и каждый её повтор (разыгрывание) фиксируется в памяти как ценность, традиция, направленная не только на благо целой группы, а в целом на удовлетворение базовых потребностей. Классификация игр, основанная на преобладающем в игре компоненте (случайности или поединке), фиксируется в статье Р. Кайуа [9].

Среди отечественных учёных тему карточной игры в жизни дворянского сословия в конце XVIII — нач. XIX вв. исследовал Ю.М. Лотман [10], отмечая в ней «черты универсальной модели мира» [10, с. 788]. В работе Ю.М. Лотмана представлена классификация карточных игр, предполагающая разделение их на азартные и коммерческие.

Изучению слота «происхождение и распространение карточной игры в России» посвящена работа В.В. Шевцова «Карточная игра в России (конец XVI — начало XX вв.) история игры и история общества» [14], в которой также рассматривается слот «отношение к карточной игре самодержцев и вельмож» как к форме досуга, которая подобна «эпидемии разорения» и негативно сказывается на материальном состоянии дворян. В работах П.А. Вяземского, О.В. Ключевского, И.Н. Панаева и Г.Ф. Парчевского выявлены причины запрета карточных игр и причины их распространения и популярности в разные исторические периоды. Если П.А. Вяземский полагал, что карты в русском обществе являются неизбежной стихией, а страстные игроки имели место всегда, причём желание проиграть было не менее сильным, чем выиграть, а суммы, полученные от продажи карт, отправлялись на воспитательные заведения, то для И.Н. Панаева карты служили способом быстрого восхождения по карьерной лестнице при дворе, проводником к чинам. Г.Ф. Парчевский в своей работе дал объяснение азартным играм, что они являются не просто скрытой формой бунта, а в целом представляют модель русской жизни, где игра определяет границу между понятиями чести и честности, причём при разных царедворцах и отношение к игре было неоднозначным: если при Петре I (в начале XVIII века) карточная игра не культивировалась, а была под запретом, то при правлении Анны Иоановны, а вслед за ней и Екатерины II игра упрочила своё положение среди вельмож и аристократов, достигнув к началу XIX века своего рассвета.

Для лингвокультуремы «игра» в русской языковой картине мира характерно отражение общественной и коммуникативной деятельности в жизни человека. Как отмечает Ю.С. Степанова, «культура — это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных “рядах”» [20]. Предметы считаются культурными только тогда, когда представления о них, сформированные посредством этнолингвистического мышления, принимают форму определенных понятий.

Творчество А.С. Пушкина послужило основой для выявления контекстов реализации концепта «карточная игра».

Лингвокультурема «вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление («форму мысли»), так и тесно и неразрывно связанную с ним «внеязыковую культурную среду» (ситуацию, реалию), — устойчивую сеть ассоциаций, границы которой зыбки и подвижны» [4, с. 48].Это особый взгляд на мир через призму национального языка, когда язык служит выражением определенного национального менталитета.

Материалы и методы. Изучение лингвокультурного феномена карточной игры основано на системном междисциплинарном подходе. Для достижения цели, изложенной в статье, используется целый ряд методов *Индуктивный метод*: рассмотрены сюжеты карточной модели в контексте произведений русской литературы, в основе которых лежит Случай. *Исторический метод*: изучена эволюция карточной игры и отношение к ней в России в XVII — I половине XIX вв. *Контекстуальный анализ лексем* карточной игры:

рассмотрены названия карточных игр, содержащие важную лингвокультурную информацию, отражённую в языке, и условия их реализации. Метод *интертекстуального анализа*: с помощью единиц-маркеров (цитат) обозначен мотив Рока, определяющий исход азартной игры в текстах русской литературы I половине XIX вв.

Результаты исследования. Лингвокультурологический аспект игровой модели мира и место карточной игры в дворянском обществе I половины XIX века. Определена классификация карточных игр.

В XIX веке азартная игра представляла интерес для социологов. Й. Зиммель полагал, что все азартные игры, как и виды ставок символизируют конфликт и риск [7]. Азартная игра в XIX веке как объект изучения вызывала интерес у социологов.

По мнению А. Шопенгауэра, «во всем свете карточная игра сделалась главным занятием любого общества; она — мерило его ценности, явное обнаружение умственного банкротства» [16, с. 27]. У Й. Хёйзинги, азартные игры вызывают интерес как культурный объект, но в качестве культурной ценности не представляют практического значения [13, с. 45].

В русской истории тема карточной игры хорошо известна. На протяжении различных исторических периодов она занимала одно из ключевых мест в определении досуга русского дворянства. Как отмечает Ю.М. Лотман, «карты — определённая культурная реалия» русского дворянского общества в XIX веке [10, с. 788].

Объект исследования: карточная игра в I половине XIX веке. **Предмет исследования:** лингвокультурные особенности карточной игры, отраженные в художественных текстах.

Основная часть. Игровая деятельность, развернувшаяся в клубах, трактирных сообществах, салонах, отражалась во всех играх, существовавших в русском обществе в конце XVIII — начале XIX века.

По мнению В.В. Виноградова, карточная игра в России «уже с XVIII в. изображалась как характеристическая и символическая форма жизни дворянского общества» [3, с. 91]. Карточная игра как форма развлечения зависела от популярности в тот или иной исторический период и определялась тенденциями, пришедшими из-за рубежа: одна карточная игра вытеснялась другой. Например, игра в банк приобрела наибольшую популярность в начале XIX века, хотя узнали о ней гораздо раньше, во времена правления Анны Иоанновны. Карточная игра была в эпицентре всех форм досуга, удовлетворяя интересы участников [16, с. 146].

Риск, азарт, непредсказуемость нашли отражение в культурологических концепциях игры. По свидетельству А.С. Афанасьева-Чужбинского, «азартная игра велась и ведется везде, от высших сфер при самой аристократической обстановке до кабацких трущоб, куда не следует ходить без револьвера» [1, с. 59]. Как отмечал кн. П.А. Вяземский, «нигде карты не вошли в такое употребление, как у нас» [5, с. 96]. Без карт не обходились балы, вечера, общественные собрания. За карточным столом решались дела государственной важности. За игрой в карты можно было всё потерять и разбогатеть в одночасье — эти границы нивелировались одной партией. Именно карточная игра, как ни одна другая, давала столько возможностей утвердиться в дворянском обществе, разбогатеть, завоевав авторитет удачливого игрока. Как отмечал И.Н. Панаев, «посредством карт в Петербурге завязываются наитеснейшие связи, приобретается теснейшая дружба и, что важнее всего, получаются выгоднейшие места» [11, с. 12].

Классификация карточных игр. Карточные игры могут быть расклассифицированы в зависимости от социальной функции, которую выполняют, и от того, чем определяется выигрыш: расчётом или случаем. Коммерческими играми считались игра, где расчёт

всецело был основан на знании правил, которые служили для разгадывания тактики противника [10, с. 792]. Владение правилами коммерческой игры определяло «солидных людей». Каждый игрок владеет множеством вариантов для определения стратегии. Однако не следует категорически отрицать наличие случайного элемента в коммерческой игре. Всё зависит от карт, полученных партнёром, и от того, насколько можно предугадать ход игры. Выясняя стратегию игры противника, партнёр выстраивает свой план, скрывая его от противника, вследствие чего коммерческая игра именуется интеллектуальной дуэлью, так как вокруг неё формируются два типа конфликтов:

- конфликты «между людьми» (игроками) [10, с. 792];
- конфликты, с помощью которых можно рационально спрогнозировать выигрыш.

В коммерческой игре один из партнеров может показать интеллектуальное превосходство и более глубокие знания, заведомо понимая, что выигрыш неизбежен. Именно к такому выводу приходит А.В. Крушевский, «выигрыш — мера эффекта для игрока» [9, с. 8]. Ф. Майков выделяет три составляющие успеха в такой игре: знание и строгое соблюдение правил, умеренность и расчет. Правила игры регламентируют сумму, которая будет выиграна по истечении игры (причём это касается как коммерческих, так и азартных игр). Результат игрового процесса «измеряется в денежных единицах» [9. с. 9].

В сравнение с коммерческой игрой, азартная игра устроена таким образом, что решение игроков о дальнейших действиях не связано с информацией, позволяющей предсказать выигрыш. Если во время коммерческой игры партнёры состязаются в знании правил и предугадывании хода игры согласно правилам, то во время азартной игры нельзя сказать, что понтирующий имеет равнозначного партнёра в лице второго игрока, так как в роли партнёра выступает Случай, определяющий исход игры. По мнению Дж. Рейхман, «случай является синонимом неизвестных факторов» [12, с. 168–169], за которыми игрок понимает удачу. Стало быть, азартная игра — это «модель борьбы человека с Неизвестными Факторами» [10, с. 788]. Различие в коммерческих и азартных играх заключается в определении достижения цели: первые основаны на знании правил ведения игры, а вторые зависимы от случая, следовательно, от колебаний, что делает игру непредсказуемой. Свобода и вероятность быстрой смены своего материального положения на грани возможного — основные свойства азартной игры, привлекающие игрока.

По мнению Р. Кайуа, игры следует разделить на азартные и состязательные в зависимости от преобладания того или иного компонента в игре — состязательности или случайности. Agon является формой выражения личной заслуги, в то время как alea — служит «отречением от собственной воли в угоду судьбы». В качестве примера такой игры приведём бридж[2], где выигрыш зависит от знаний и рассуждений, которые игрок использует исходя из полученных карт: «В большинстве клубов винт во всех его разновидностях предан остракизму. Играют больше в «Бридж» и экарте. На все мода» [«Петербургская Газета» 24(11) мая 1909 года]. Игра-поединок *(agon)* представляет противоборство умений и мастерства, воли и случая, что порождает конфликтную ситуацию в азартной игре. Роль *alea* заключается в том, чтобы компенсировать неравенство между людьми и «все были абсолютно равны перед слепым вердиктом удачи» [8]. В такой игре как *покер*[3] выигрыш зависит от выдержки и психологической проницательности.

[2] Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

[3] ***Винт*** *с присыпкой и игру в тетку повсюду сменил модный теперь везде бридж и покер, игры заимствованные из-за границы* [«Петербургская Газета» 24(11) мая 1909 года].

Желание подчинить Случай, овладеть судьбой и есть мотив игрока в русской литературе. Однако, говоря о поединке как характеристике азартной игры, следует отметить, что пушкинский Германн, например, узнав тайну трёх карт от графини, играл не со Случаем, на удачу, как принято в азартной игре, а по известным заведомо правилам, что более походит на коммерческую игру. И здесь Германн ввиду своей немецкой расчётливости, боясь «жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее» [А.С. Пушкин, «Пиковая дама» (1833)], пытается подчинить волю Случая своей воле, а выигрыш — правилу, тем самым изменив *жизненному принципу: «…расчёт, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усемерит мой капитал и доставит мне покой и независимость»* [А.С. Пушкин, «Пиковая дама» (1833)].

В.В. Шевцов считает азартную игру рандомизированной (где главным принято считать «случайный отбор»), в которой личные качества игрока не имеют значения, а выигрыш зависит только от Случая. Своё название банковые азартные игры приобрели ввиду того, что один игрок является банкомётом, содержащим банк, и понтёр, «мечущий» против владельца банком. К таким играм относятся фараон[4], штосс[5], макао[6], экарт[7]. Незамысловатые правила названных видов азартной игры представляют игровой процесс динамичным и быстрым. Тем не менее, удача, случай сопутствуют как опытным игрокам, так и новичкам, как элите, так и низам общества. В. Шевцов полагает, что «рандомизация определяет свободу азартной игры как отсутствие каких-либо стеснений и ограничений для ее участников» [14, с. 98]. Однако есть среди карточных игр такие, которые сочетают свойства и коммерческой, и азартной игры. В качестве примера рассмотрим выигрыш в покере[8], который происходит рандомно вследствие распределения карт во время партии, но если преследовать коммерческий интерес, то необходимо владеть знаниями в области психологии. Речь идёт о профессиональных игроках, для которых «азартная игра — их основной источник дохода» [6, с. 45], а не о шулерах, нарушающих правила ради выигрыша. Интерес профессионального игрока определяет материальная составляющая от выигрыша, «полученн(ого) во время предыдущих игр, и удовлетворение от мысли, что деньги “можно легко заработать”» [2, с. 229].

Карточная игра является уникальной, так как представлена широким многообразием видов. Наряду с коммерческими и азартными были игры, выполняющие функцию развлечения и забавы, во время которых игроки испытывали удовольствие как от процесса игры, так и от общения в целом. Занимательными играми принято считать

[4] *И постепенно в усыпленье / И чувств и дум впадает он / А перед ним Воображенье / Свой пестрый мечет* ***фараон*** [А.С. Пушкин, «Евгений Онегин» (1826)].

[5] *Не угодно ли, я вам промечу* ***штосс*** [М.Ю. Лермонтов, «Штосс» (1841)].

[6] *Вечер закончили длинным и вовсе неинтересным* ***макао*** [18].

[7] *<…>А мусье, мужей образчик, / Аншанте, Андете / Так и хлещет в* ***экарте****!* [И.П. Мятлев. Санкт-петербургский французский кадриль : «Иль ну воль, иль ну воль …» (1831–1844)].

[8] Покер — интеллектуальная игра, с установленным порядком правил и умением просчитывать варианты игры и шансы противника на выигрыш. Но несмотря на существующие правила игры, условия выигрыша остаются за игорным заведением, что позволяет отнести эту игру к числу азартных [2].

«мушку» и её разновидности («шутиха» [9], «копилка» [10], мистигри[11], винт[12], «горка»[13], бостон[14] и др.). Эти игры были распространены как **домашние** столичного и провинциального дворянства.

Феномен карточной игры определён следующими характеристиками:

- образ мировосприятия и модель поведения;
- условные речевые формы;
- патологическое пристрастие;
- досуговая форма;
- временной промежуток;
- выигрыш или проигрыш.

В петровскую эпоху карточная игра не была популярной формой дворянского досуга. Коммерческая игра велась ради самого процесса.

Однако уже при царствовании Анны Иоанновны карточные игры из числа азартных (фараон) получили распространение и прежде всего при дворе: «Она [Анна Иоанновна] держала тогда банк, но понтировать тем только дозволялось, кого сама назначала, и кто выигрывал, тотчас платила…» [8, с. 30]. Во время правления Елизаветы Петровны в карточной моде среди коммерческих игр приобрели популярность ломбер[15], пикет[16], кадриль, памфил[17]: «...обиталище для тех определенно, Кто может в ломбере с воздержностью играть;» [В.И. Майков, «Игрок ломбера» (1771)].

Также Елизавета Петровна разделила игры на «дозволенные» коммерческие и «недозволенные» азартные. Однако недозволенные азартные, такие как фаро, квинтич[18] были разрешены с оговоркой «в апартаментах» двора.

Массовое распространение получила карточная игра при Екатерине II. Игра в карты стала характерной чертой русского дворянства. Играли всюду: при дворе и столицах, в провинциях и уездах. К тому времени насчитывалось 16 наименований игр.

Карточная игра в XVIII веке для русского дворянства стала *modus vivendi* (образом жизни), способом демонстративного расточительства вельмож и придворных, приобщившихся к европейской культуре. В провинциях карточная игра — образ жизни: «Съезды были отменно велики и забавны, и мы так к играм сим, особливо карточным, привыкли, что истинно снились они нам даже во сне, и нам уже скучно без них

---

[9] *И мечет, за народным* ***плеском****, / Шутихи под нос дурака* [П.А. Вяземский. К Илличевскому : «И за письмо и за подарок...» (1827)].

10*Обыкновенно мы играли в* ***«мушку»****; главным интересом игры была горячность Шаховского и Загоскина*; [С.Т. Аксаков «Литературные и театральные воспоминания» (1858)].

[11] *Преимущественною картою в* ***мистигри*** *считается король треф* [21].

[12] *Во-первых, он научил жителей городка играть в* ***винт****; два года тому назад эта игра была здесь неизвестна, теперь же в винт играют от утра до поздней ночи все, даже женщины и подростки…* [А.П. Чехов «Дуэль» (1891)].

[13] *Что, Михеич! Нужно бы нам с тобою доиграть когда-нибудь в* ***горку*** [Н.В. Гоголь «Мёртвые души» (1841)].

[14] *Смеркалось, подали свечи, Кирила Петрович сел играть в бостон с приезжими соседями* [А.С. Пушкин «Дубровский» (1833)].

[15] *За ломбером я дни просиживал и ночи* [В.И. Майков, «Игрок ломбера» (1763)].

[16] *Кто этот в парике осанистый брюнет / Играет с Трефиной так счастливо в* ***пикет****?* [А.И. Полежаев, «День в Москве» (1829–1831)].

[17] *Не для выигрыша, но единственно для препровождения времени, как-то: в* ***ломбер****, в* ***кадрилию****, в* ***пикет****, в* ***контру*** *и* ***памфил*** [М.И. Пыляев, «Старое житьё» (1897)].

[18] *При дворе в это время сильно царствует разорительная игра в фаро и квинтич* [М.И. Пыляев, «Старое житьё» (1897)].

было» [18, с. 79]. Так происходило формирование национальной модели социальной жизни в России под влиянием европейской культуры.

В начале XIX века карточная игра становится формально признанной, с установленными правилами, формами. Происходит институализация карточной игры как формы выражения дворянского сословия. Ю.М. Лотман определяет карточную игру как «центр <…> мифообразования эпохи» [10, с. 788]. Особое значение учёный отводит значению азартной игры как универсума и модели общественной жизни. В этот период, по мнению кн. П.А. Вяземского, карточная игра становится своего рода «мерил[ом] нравственного достоинства человека» [5]. Охарактеризовать дворянина сделалось возможным по его отношению к картам.

Также следует отметить, что азартные игры бытовали в народной среде, причём играли исключительно в праздничные дни, используя в качестве выигрыша орехи, оладьи, мелкие деньги. К таким играм относятся бабка[19], зернь[20], гусек [21] и др.

Карточная игра в литературе как отражение культурной реалии русского дворянского общества. Игра в карты ввиду своей популярности, овладела бытом дворянского общества в начале XIX века. Она становится не только формой досуга дворян, но прежде всего «универсальной моделью» [10, с. 788], отражением их быта, что впоследствии стало литературной темой, «областью для развития художественных идей». Карты и карточная игра выполняют сюжетообразующую функцию в произведении, а главным героем порой является его величество Случай.

В ходе исследования концепта «карточная игра» в **слоте «азартные игры»** были определены терминальные узлы: *время игры*, *проигрыш*, *выигрыш*, *изменчивость*, *условия игры*, *несчастие игры*, *фатом*, *модель поведения*; **в слоте «коммерческие игры»** — терминальные узлы: *ставка*, *забава*, *образ жизни*, *условия игры*, *проигрыш*, *вышедшие из моды*.

В числе первых произведений, созданных в екатерининскую эпоху, посвящённых карточной игре, является «Игрок ломбера» (1763), поэма В.И. Майкова.

В произведении Н.И. Новикова «Живописец» (1775) автор изобразил дворянское шулерство: «*Игроки собирались ко всеночному бдению за карточными столами и там, теряя честь, совесть и любовь к ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатых простачков всякими непозволенными способами»* [Н.И. Новиков, «Живописец» (1775)]. Однако были среди тех игроков и такие, которые были готовы спустить накопленное в течение года, чтобы сделать ставку. Паттерн поведения игрока определяется словосочетанием *всеношное бдение*, который в данном контексте представлен как терминальный слот «время игры» (игра происходит в определённое время суток — ночью и сравнима с аскезой).

У А.П. Сумарокова в «Сатире о благородстве» показано, как страсть к игре овладевает представителями дворянства, что размер ставки равен целому полку: «*Мужик и пьет и ест, родился и умрет, // Господский также сын, хотя и слаще жрет, // И благородие свое нередко славит, // Что целый полк людей на карту он поставит*» [А.П. Сумароков, «О благородстве» (1771)]. Обязательным условием карточных игр

[19] *Нет более оживленных сходок за воротами домов, умолкло щелканье подсолнухов, нет игры в* ***бабки****!* [М.Е. Салтыков-Щедрин. «История одного города» (1869–1870)].

[20] *Существует ещё игра* ***юрдовка****, иначе* ***зернь****, основанная на игре в оставшиеся от выброски карты: двойки, тройки, четвёрки и пятерки* [С.В. Максимов, «Сибирь и каторга» (1871)].

[21] *Нам смертным столько игр дано любовь и мурра /Любовь игра в* ***гусек*** *я к ней всегда готов* [Б.К. Лившиц, «Проклятие скорбям и мученичеству...» (1934)].

(коммерческих и азартных) является ставка и представляет узловой слот, но в контексте, представленном лексемой «целый полк», определяется как терминальный.

Как было сказано ранее, основным мотивом игрока в азартные игры был выигрыш посредством риска. Также заметим, что в кругу игроков встречаются с так называемым «аристократическим» отношением к игре и с «профессиональным». Если для профессионала-игрока характерен прагматизм, то игрок-аристократ воспринимает игру в качестве развлечения и как приём действовать на нервы. Сурин так отзывается об игре: «*Проиграл, по обыкновению <…> Играю мирандолем, никогда не горячусь, ничем меня с толку не собьёшь, а всё проигрываюсь*» [А.С. Пушкин, «Пиковая дама» (1833)]. Терминал «условие» представлен маркером *играю мирандолем*, и тем не менее игрок остаётся в проигрыше. Узловой слот «проигрыш», который представлен маркером *проиграл, по обыкновению*, подтверждает всегда неудачный исход игры в данном контексте.

Игре неведомы социальные и возрастные границы, потому что азарт может увлечь каждого*:* «*Генералы и тайные советники оставили свой вист, чтоб видеть игру столь необыкновенную. Молодые офицеры соскочили с диванов*» [А.С. Пушкин, «Пиковая дама» (1833)]; лексема *оставили свой вист* — узловой слот*,* так как эта коммерческая игра с прогнозируемым исходом для тех, кто знает правила, одним из которых является внимательность. По всей вероятности, если игроки смогли оставить игру и переключить внимание на что-то другое, то вист не держал интригу, а скорее представлял монотонное действие. В то время как лексема *игр[а] … необыкновенная* представлена в терминальном слоте «поразительное», что вызывает интерес у наблюдающих за игрой.

Игра становится необходимостью, цель которой сводится не к выигрышу, а к зависимости от болезненного состояния, страсти, которые полностью овладевают рассудком: «*В эту минуту показалось ему, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась <…> Германн сошёл с ума*» [А.С. Пушкин, «Пиковая дама» (1833)]. В терминальном слоте «несчастие игры», отражённом в лексеме *пиковая дама прищурилась и усмехнулась*, подтверждается значение пиковой дамы как карточной фигуры, означающей тайную недоброжелательность, повлёкшей сумасшествие героя, вместо ожидаемого выигрыша.

В конце XVIII века некоторые из коммерческих игр осели в провинции. Бостон и ломбер считались играми старшего поколения. Как показывает пример из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина после обеда на именинах Татьяны: «*Столы зеленые раскрыты: Зовут задорных игроков* ***Бостон и ломбер*** *стариков, И вист, доныне знаменитый, Однообразная семья, Все жадной скуки сыновья..»* [А.С. Пушкин, «Евгений Онегин» (1826)]. Лексемой *столы зелёные раскрыты* объясняется терминальный слот «условие», которое необходимо для игры в карты, а лексема *…бостон и ломбер стариков* определяют терминальный узел «вышедшие из моды игры», в которые играют из скуки люди преклонного возраста.

Особая роль отводилась игре в карты и в армейской жизни. В повести «Выстрел» А.С. Пушкина она является завязкой конфликта между Сильвио и молодым офицером: «*Жизнь армейского офицера известна. <…> вечером пунш и карты*» [А.С. Пушкин, «Выстрел» (1830)]. Если Германн является марионеткой в руках Случая, играя в фараон, то Сильвио сам вершит свою судьбу, выступая роковой личностью. Для банкомёта было важным не придерживаться тактики во время раскладки карт направо и налево, а ожидать, какая карта выпадет. Сильвио одновременно игре в карты сам определяет своё поведение согласно своему выбору и воле: «*Сильвио молча продолжал метать <…> Сильвио взял мел и записал снова. Он одержим идеей мести и в то же время становится рабом Случая, всю жизнь преследуя обидчика: Я доволен: я видел твоё смятение, твою*

робость…» [А.С. Пушкин «Выстрел» (1830)]. В терминальном слоте «азартная игра», выраженном маркёрами *молча продолжал метать*, *записал снова*, *доволен*, *видел смятение*, представлен терминальный узел «модель поведения героя».

В слоте «коммерческие игры» следует также выделить терминальный узел «игроки», который в свою очередь, в зависимости от преследуемой в игре цели, включает «профессиональных картёжников» и «домашних игроков». Мелкопоместные дворяне увлекались коммерческими играми, но ставки были символическими. Они играли с семьёй или друзьями ради развлечения: «*…соседи поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою*» [А.С. Пушкин, «Метель» (1830)]. Терминальный слот «коммерческая игра» в лексеме *поиграть по пяти копеек* представлен терминальным узлом «забава».

В таких произведениях как «Штосс» и «Фаталист» карточная игра сопоставима с убийством, смертью, а игрок — с демоническими силами, где случай предстаёт разрушительным, хаотичным.

В «Фаталисте» показано сближение темы карт с сюжетным конфликтом: Печорин оспаривает идею фатализма, но, заключив пари с Вуличем, вовсе её опровергает. «*Пари между героями осознаётся, что в банке последнем лежит жизнь и смерть на языке карточных игр: Вулич, выиграв пари после того, как приставленный им ко лбу пистолет не выстрелил, прибавил* ***самодовольно улыбаясь****: — это лучше банка или штосса*» [М.Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени» (1837–1839)]. Маркеры *лучше банка или штоса* объясняют терминальный слот «азартная игра» терминальным узлом «жизнь и смерть». Бытовой сюжет переводится в бытийный. Тайна оказалась в данном случае неразрешимой, и лермонтовский герой, понимая это, остаётся жить с этой загадкой.

Посредством игры в фараон (штосс) в повести «Штосс» М.Ю. Лермонтов показывает болезненное сознание героя в необычной ситуации — художник играет с мертвецом.

Загробный любитель карт был шулером, этим объясняется его беспроигрышная игра с художником Лугиным: «*В выражении лица, особенно губ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глаз оторвать. <…> В лице портрета дышало именно то неизъяснимое, возможное только гению или случаю*» [М.Ю. Лермонтов, «Штосс» (1841)]. Все действия старика говорят о том, что он реальный человек: тасует карты жестом обычного игрока, протягивает руку и берёт золотой, выигранный у художника. Реальный вид старика есть воплощение фантома. Внешность незнакомца отделяется от его сущности. В ответ на предложение Лугина сыграть ещё талию — *«оно покачало головою»* [М.Ю. Лермонтов, «Штосс» (1841)], — не реальный приседающий *старичок,* а некое *оно*. Под лексемой *ещё талию* понимается терминальный слот «время», определяющий терминальный узел «азартная игра», так как талия представляет одну партию от начала и до конца. Но, обращаясь к лексеме *оно покачало головою*, понимаем терминальный узел «фантом» как слот азартной игры.

Также тема карт нашла отклик в тексте В.Ф. Одоевского «Мартингал», описывающем жизнь молодого игрока. По словам героя, романтического юноши, «нет ничего хуже картёжной игры! Гибель, да и только». Для героя карты стали разрушительным увлечением, губительным пристрастием, испытанным им самим же. Ещё с детства отцом был заложен интерес к игре: «*Отец мой игрок — он игрою сделал себе состояние*» [В.Ф. Одоевский, «Мартингал» (1846)]. Поэтому, отправляя сына в Петербург, давал наставления: «*Никогда не понтируй <…> всегда будешь в выигрыше*» [В.Ф. Одоевский, «Мартингал» (1846)]. Маркер *не понтируй* выступает как терминальный узел «условия игры» в слоте «азартная игра».

В противоположность отцу сын полагался не на расчёт, а на нездоровую одержимость, которая чуть не привела его к самоубийству. Однако, полагаясь на судьбу, сумел отыграться, воспользовавшись формулой трёх карт, как и Германн,но в отличие от Германна, тройка, семёрка и дама послужили спасением, а для Германна несчастием.

Пример «Мартингала» В.Ф. Одоевского оказался совершенно иным объяснением случая в повествовании карточной темы. Было бы опрометчиво рассматривать игру в негативном ключе, приписывая прорыв «хаотических сил в культурной макрокосм и эгоистическое стремление к мгновенному обогащению в человеческом микрокосме» [10, с.807].

Заключение. Модель игры обозначила следующие цели: во внешнем мире человека она стала выражением парадоксальных закономерностей, а во внутреннем — не только тождеством желания разбогатеть, но и необходимостью ощутить опасность, сталкиваясь с обыденностью. Лексические репрезентанты, определяющие карточную игру, помогают раскрыть основное значение понятия игра. Терминальные узлы и слоты отражают фреймовую структуру лингвокультуремы «игра».

В сознании русского человека карточная игра представлена как выход из состояния предсказуемости в воображаемый мир. Функции карт претерпели изменения в своем «эволюционном» развитии, перейдя от их использования в образовательных целях (в стиле европейской формы развлечения), развития острой наблюдательности, логического мышления, быстрой реакции, к реализации коммерческого интереса (как способа самообогащения за счет честной игры). Игра или мошенничество, становясь образцом социальной жизни, формировала поведение определенного рода.

Таким образом, в русской культуре конца XVIII — начала XIX вв. карточная игра имела особое значение. Именно в игре русский человек мог отвлечься от реальности, погрузившись во временный мир с собственным безусловным порядком. Значимость карточной игры обусловлена социально-историческим контекстом. В работе была осуществлена попытка выявить, какое место занимала карточная игра в культуре русского дворянства и как эта тема отразилась произведениях русской литературы I половины XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев-Чужбинский А.С. Петербургские футболисты / А.С. Афанасьев-Чужбинский. — СПб., 1872. — 660 с.
2. Варыханова К.Р. Психологические особенности личности игрока в покер / К.Р. Варыханова, Т.П. Линчук // Вестник ИрГТУ. — 2011. — №4. — С. 229–232.
3. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В.В. Пушкин: Временный член Пушкинской комиссии. — Академия наук СССР. Институт литературы / В.В. Виноградов. — М.; Л. : Издательство АН СССР, 1936. — [Вып.] 2. — С. 74–147.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев — М.: Издательство РУДН, 2006. — 331 с.
5. Вяземский П.А. Старая тетрадь / П.А. Вяземский // Полное собрание сочинений : В 11 т. — СПб, 1883. — Т. 8. — С. 95–96.
6. Ениколопов С.Н. Психологические проблемы влечения к азартным играм / С.Н. Ениколопов, Д.А. Умняшкина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2008. — №2. — С. 43–62.
7. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования / Г. Зиммель. — Киев; Харьков: Иогансон, 1898. — 223 с.
8. Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры по социологии культуры / Р. Кайуа; Комп., пер. от фр. и запись ст. С.Н. Зенкина. — М. : ОГИ, 2007 — 304 с.
9. Крушевский А.В. Теория игры / А.В. Крушевский. — Киев : Издательство «Вища школа», 1987. — 216 с.
10. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. — СПб. : Искусство-СПБ, 1995. — С. 786–814.
11. Панаев И. Опыт о хлыщах / И. Панаев. — М., 1857. — 60 с.

12. Рейхман У.Дж. Применение статистики / У.Дж. Рейхман. — М., 1969. — 296 с.
13. Хейзинга Дж. Хомо Люденс; Статьи по истории культуры / Дж. Хейзинга. — М., 1997. — 416 с.
14. Шевцов В.В. Карточная игра в России (конец XVI — начало XX вв.) история игры и история общества / В.В. Шевцов. — Томск : Томский государственный университет, 2005. — 244 с.
15. Шмелев А.Д. Игра в русской языковой картине мира / А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. — М. : Индрик, 2006 — 512 с.
16. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр ; пер. с нем. Н.М. Губский. — СПб, 1914. — 231 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

17. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / А.Т. Болотов. — Т. 1. — М., 1993. — С. 166–167.
18. Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской. 1812–1818 гг. / Пер. с фр. М. Свистуновой; предисл., коммент. и указ. имен Е.Н. Савиновой. М.: Изд-во ГПИБ, 2013. — 459 с.
19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения:28.02.2026).
20. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.
21. Шевляков М.В. Коммерческие игры: винт, безик, вист, преферанс, пикет, мушка, стуколка, макао, баккара, рамс, польский банчек, семерик, шестьдесят шесть, кончинка, горка, тринадцать и др. : Практ. советы, законы и правила / М.В. Шевляков. — СПб., 1894. — 240 с.

REFERENCES

1. Afanas'ev-Chuzhbinskiy A.S. (1872). Peterburgskie futbolisty [Petersburg Footballers]. St. Petersburg. 660 p. (In Russian)
2. Varykhanova K.R., & Linchuk T.P. (2011). Psikhologicheskie osobennosti lichnosti igroka v poker [Psychological characteristics of a poker player's personality]. Vestnik IrGTU, 4, 229–232. (In Russian)
3. Vinogradov V.V. (1936). Stil' «Pikovoy damy» [The style of The Queen of Spades]. In V.V. Vinogradov (Ed.), Pushkin: Vremennyy chlen Pushkinskoy komissii [Pushkin: Temporary Member of the Pushkin Commission] (Vol. 2, pp. 74–147). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russian)
4. Vorob'ev V.V. (2006). Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. Moscow: Izdatel'stvo RUDN. 331 p. (In Russian)
5. Vyazemskiy P.A. (1883). Staraya tetrad' [Old notebook]. In Polnoe sobranie sochineniy: V 11 t. [Complete works: In 11 vols.] (Vol. 8, pp. 95–96). St. Petersburg. (In Russian)
6. Enikolopov S.N., & Umnyashkina D.A. (2008). Psikhologicheskie problemy vlecheniya k azartnym igram [Psychological problems of gambling addiction]. Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow], 2, 43–62. (In Russian)
7. Simmel G. (1898). Sotsial'naya differentsiatsiya. Sotsiologicheskie i psikhologicheskie issledovaniya [Social differentiation. Sociological and psychological studies]. Kiev; Kharkov: Ioganson. 22 p. (In Russian)
8. Caillois R. (2007). Igry i lyudi; Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury [Games and Men; Articles and essays on the sociology of culture]. S. N. Zenkin (Comp., Trans.), Moscow: OGI. 304 p. (In Russian)
9. Krushevskiy A.V. (1987). Teoriya igry [Game theory]. Kiev: Izdatel'stvo «Vishcha shkola». 216 p. (In Russian)
10. Lotman Yu.M. (1995). «Pikovaia dama» i tema kart i kartochnoy igry v russkoy literature nachala XIX veka [«The Queen of Spades» and the theme of cards and card games in Russian literature of the early 19th century]. In Pushkin: Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990; «Evgeniy Onegin»: Kommentariy [Pushkin: Biography of the writer; Articles and notes, 1960–1990; Eugene Onegin: Commentary] (pp. 786–814). St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russian)
11. Panaev I. (1857). Opyt o khlyshchakh [Essay on fops]. Moscow. 60 p. (In Russian)
12. Reichmann U.J. (1969). Primenenie statistiki [The application of statistics]. Moscow. 296 p. (In Russian)
13. Huizinga J. (1997). Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury [Homo Ludens; Articles on the history of culture]. Moscow. 416 p. (In Russian)
14. Shevtsov V.V. (2005). Kartochnaya igra v Rossii (konets XVI — nachalo XX vv.): istoriya igry i istoriya obshchestva [Card games in Russia (late 16th — early 20th centuries): The history of the game and the history of society]. Tomsk: Tomskiy gosudarstvennyy universitet. 244 p. (In Russian)
15. Shmelev A.D. (2006). Igra v russkoy yazykovoy kartine mira [The concept of "game" in the Russian linguistic worldview]. In Logicheskiy analiz yazyka. Kontseptual'nye polya igry [Logical analysis of language. Conceptual fields of the game] (pp. 512). Moscow: Indrik. (In Russian)

16. Schopenhauer A. (1914). Aforizmy zhiteyskoy mudrosti [Aphorisms on the wisdom of life]. N.M. Gubskiy (Trans.). St. Petersburg. 231 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 28.01.2026 г.

CARD GAME IN 19TH CENTURY AS LINGUOCULTURAL PHENOMENON

A. V. Karpenko

A game is an iconic phenomenon for many world cultures. The concept of “game” has a high general cultural significance. The article addresses the card game as a linguocultural phenomenon of the 19th-century noble society, reflected in the works by A.S. Pushkin, which is of active interest to researchers at the present time. The paper aims at determining the role of card games in the history of Russian 19th-century nobility. The following methods were used: inductive, contextual analysis of lexemes and the frame modeling method, which is basic in cognitive linguistics. The frame method enabled to describe the slots and terminal nodes of the “card game” concept. The research material was based on the names of card games popular among the 19th-century nobility, reflected in works of Russian literature of the first half of the 19th century. The meanings of lexical units and cultural objects within a unified system of instrumental categories were examined. Research results show that there are lexical means defining the terminology of commercial and gambling card games. Moreover, the gaming universe of the 19th-century card game is defined by the term “linguocultureme”. In conclusion, a card game in the life of Russian 19th-century nobility is not only a form of leisure or a means of becoming established in society, but also a way of cognition of the transcendent.

***Key words**:* concept, linguoculture, card game, commercial game, gambling, lexical representatives, Chance.

Карпенко Анна Валентиновна.
Специализированная школа с углублённым изучением предметов естественно-математического цикла предметов №135 г.о. Донецк, г. Донецк.
Учитель русского языка и литературы.
ORCID 0009-0005-0913-2709.
E-mail: anna.karpenko2505@yandex.ru.

Karpenko Anna Valentinovna.
Specialized School with Advanced Study of Natural Sciences and Mathematics No. 135, Donetsk Urban District, Donetsk.
Teacher of Russian Language and Literature.
ORCID 0009-0005-0913-2709.
Email: anna.karpenko2505@yandex.ru.

Научная статья
УДК 81`33
DOI: 10.5281/zenodo.19873979

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЛОКУСОВ В ПОВЕСТИ «ХОББИТ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО» ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНА (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

© 2026 *О.И. Писарик*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет им. Плеханова»
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет»
ORCID 0000-0001-7081-9263

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье рассматриваются функциональные особенности пространственных локусов в повести Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно». Актуальность исследования обусловлена интересом к корпусным методам анализа художественного текста и необходимостью расширения методов исследования категории хронотопа. Цель работы — выявление и интерпретация функций пространственных локусов (на примере лексем *cave* и *hole*) и обоснование их относительной автономности от темпоральных характеристик. Используются методы корпусного и контекстного анализа, а также семантической интерпретации. Установлено, что лексема *cave* реализует функции убежища, угрозы, заключения, власти и перехода, в то время как функциональной доминантой лексемы *hole* является описание дома, безопасности, укрытия. Делается вывод о функциональной вариативности пространственных объектов и их роли как самостоятельных единиц смыслообразования.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; категория пространства; хронотоп; функции пространственных объектов; повесть «Хоббит, или Туда и обратно»; Дж. Р. Р. Толкин; локус.

Для цитирования: Писарик О.И. Функциональная типология пространственных локусов в повести «Хоббит, или Туда и обратно» Дж.Р.Р. Толкина (корпусное исследование) / О.И. Писарик // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 150–160. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19873979.

ВВЕДЕНИЕ. В последнее десятилетие корпусная лингвистика получила значительное развитие, а ее методы анализа открыли новые возможности для разметки и исследования художественных текстов [4; 5; 16].

Особый интерес для лингвистики, в частности, корпусной, составляют сегодня произведения Дж.Р.Р. Толкина — основоположника современного жанра фэнтези и создателя многомерной литературной вселенной Средиземья [8; 9; 14; 15]. Сложные многогранные тексты писателя вновь и вновь предоставляют широкие возможности для анализа их смысловой структуры, интерпретации зашифрованных смыслов и «вшитых» в повествование мотивов, которые восходят к древним мифам и легендам. В частности, многие ученые в своих работах, посвященные произведениям Толкина, исследуют хронотопа как особую категорию текста [20; 21].

В современной лингвистике прочно укоренилось представление, что категории пространства и времени в художественном тексте неразрывно связаны друг с другом [2]. Это устоявшееся единство, отраженное и закреплённое в понятии хронотопа, зачастую

рассматривается исследователями как монолитное и не подлежащее расщеплению и изолированному анализу, так как оно является инструментом интерпретации пространственных и временных характеристик создаваемого мира, а также способом формирования автором ценностно значимых противопоставлений [19].

Однако в центре внимания лингвистов не всегда может находиться динамика развертывания событий во времени, их темпоральная протяженность и обусловленность. Анализируя художественный текст, ученые могут выдвигать на первый план языковую репрезентацию пространственных объектов, где семантическая интерпретация значений и функции конкретных локусов не зависит от их темпоральной характеристики.

Целью настоящего исследования является выявление и интерпретация функций пространственных локусов в повести Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» на примере лексем *cave (рус. «пещера»)* и *hole (рус. «нора», «логово», «отверстие»)*, а также обоснование их относительной автономности как самостоятельного механизма смыслообразования в художественном тексте.

Таким образом, в рамках данного исследования предполагается решить следующие задачи:

a. проанализировать существующие понятия категории хронотопа в художественном тексте;

b. отделить пространственные характеристики текста, эксплицитно представленные аппелятивной лексикой, от темпоральных;

c. выявить и интерпретировать функции пространственных локусов в тексте повести «Хоббит, или Туда и обратно» на примере лексем *cave (рус. «пещера»)* и *hole (рус. «нора», «логово», «отверстие»).*

Новизна данного исследования заключается в описании пространственных объектов — локусов — художественного текста как относительно автономной категории смыслообразования, а также в применении корпусного анализа для выявления функций описанных объектов, репрезентуемых аппелятивной лексикой.

Практическая ценность исследования заключается в возможности применения полученных результатов в курсах по лингвистике текста, корпусной лингвистике и анализу художественного дискурса.

Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к корпусным методам исследования художественного текста, а также необходимостью уточнения статуса пространственных категорий вне традиционного понимания хронотопа.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Методами исследования являются корпусный анализ, контекстный анализ, а также методы семантической интерпретации.

Материалом работы послужил аутентичный текст повести Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно», объемом 5 648 предложений или 113 650 токенов и преобразованный в лингвистический корпус специальным программным обеспечением «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер». Данное программное обеспечение было разработано на базе лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного университета [6].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. Понятие хронотопа было впервые введено в лингвистику М. М. Бахтиным в XX веке для обозначения единства пространственных и временных характеристик текста, формирующих художественную ткань произведения [1]. В рамках данной концепции хронотоп выступает как принцип организации текста, конструкт, выстраивающий сюжет и философию повествования. Концепция хронотопа

рассматривается как многоаспектная категория, выполняющая жанрообразующую, сюжетообразующую и изобразительную функции, а также определяющая специфику репрезентации образа человека в художественном произведении. Согласно определению М.М. Бахтина, крупные хронотопы могут состоять из более мелких, образуя сложные многогранные взаимоотношения внутри произведения. Так, исследователь выделяет такие типы хронотопов как хронотоп пути-дороги, города, лестницы, улицы и пр. [2]

Д. С. Лихачёв в работе «Внутренний мир художественного произведения» расширяет понятие хронотопа, интерпретируя его как отражение национально-культурной модели восприятия действительности, в которой художественное пространство выступает носителем исторической памяти [11].

В свою очередь, Н. К. Гей отмечает, что хронотоп является неотъемлемым элементом построения индивидуально-авторской картины мира писателя. По его мнению, он определяет особенности авторского метода и стиля, а также отражает своеобразие национального мышления писателя. В этом контексте время и пространство выступают как исходные величины, которыми оперирует писатель, константы, формирующие содержание и структуру литературного произведения [3, с. 270].

Несмотря на утверждения, что пространственно-временные характеристики образуют неразрывное единство, М.М. Бахтин указывает на особую роль времени в структуре хронотопа. По его мнению, время «вливается» в пространство, пронизывает его и реализуется через метафорические модели, в частности мотивы пути и дороги (жизненный путь, исторический путь, новая дорога). Тем самым время понимается как доминирующее начало в организации хронотопа [1].

Однако, подход Ю. М. Лотмана к интерпретации пространственно-временной категории текста принципиально отличается от вышеописанной концепции. Ученый отдает приоритетное значение пространству, рассматривая его как первичную моделирующую характеристику, тогда как временные параметры нередко интерпретируются как вторичные по отношению к пространственным. По мнению Ю. М. Лотмана, язык пространственных характеристик относится к числу базовых, а структура художественного пространства выступает моделью организации мира в целом [12]. Внутренняя синтагматика текстовых элементов при этом функционирует как средство пространственного моделирования, что позволяет рассматривать пространство текста в качестве одного из ключевых инструментов осмысления действительности. В этой связи Ю. М. Лотман подчёркивает моделирующую роль пространства в художественном тексте, а также отмечает, что исторические и национально-культурные представления о пространстве лежат в основе формирования авторской картины мира.

За первоочередность пространства в хронотопе художественного текста также как и Ю. М. Лотман выступал представитель Московского-тартуской школы Н. Б. Топоров. По его словам, текст представлен и существует в реальном пространстве, и, наоборот, пространство есть текст, так как может интерпретироваться человеком как сообщение, послание [18].

В связи с этим представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что пространственные характеристики художественного текста в ряде случаев способны функционировать относительно автономно по отношению к темпоральной организации повествования. Иными словами, семантика пространственных объектов может интерпретироваться вне непосредственной зависимости от временной динамики, что позволяет рассматривать пространство не только как компонент хронотопа, но и как самостоятельную категорию смыслообразования.

Таким образом, в рамках настоящего исследования отказ от рассмотрения хронотопа в его классическом понимании как единство пространственно-временных характеристик носит не столько теоретический, сколько методологический характер. Такой подход позволяет сосредоточить внимание на пространственной организации текста как на самостоятельном объекте анализа и выявить закономерности функционирования и репрезентации пространственных объектов в художественном произведении.

Пространственные отношения являются для человека фундаментальными в организации реальности вокруг себя [17]. Тем более важную роль они играют в создании виртуального пространства художественного текста, где окружающая действительность соучаствует в разворачивании сюжета, определяет положение героев в повествовании и кодирует информацию о фрагменте виртуальной среды [13]. Посредствам эксплицитных и имплицитных языковых средств конструируется трехмерное пространство произведения, то есть три однородных измерения, описывается характер пространства — замкнутый или открытый, а также фиксируется динамика движения героев из начальной точки в конечную, объединяя промежуточные остановки [10].

В рамках настоящего корпусного исследования будет осуществлён анализ пространственных объектов *cave (рус. «пещера»)* и *hole (рус. «нора», «логово», «отверстие»)*, эксплицитно выраженного аппелятивной лексикой, а также описания функций данного локуса в канве текста повести «Хоббит, или Туда и обратно». Выбор аппелятивной лексики в качестве объекта анализа обусловлен её способностью фиксировать и репрезентировать конкретные пространственные объекты без привязки к именам собственным или собственным топонимам, что позволяет исследовать универсальные принципы организации художественного пространства. Таким образом, анализ подобных языковых средств открывает возможность изучения автономной роли пространства в художественном тексте и проверки гипотезы о его относительной независимости от временной организации повествования.

Аппелятивные лексемы, изначально нейтральные в своей стилистической и семантической окраске, обеспечивают репрезентацию локусов как функциональных единиц текста, фиксируя их семантические и структурные характеристики, а также выявляя закономерности взаимодействия пространства с повествовательной динамикой и смыслообразующими компонентами художественного произведения. Функциональный подход к анализу пространственных объектов позволяет выявить их роль в организации художественного мира, в структурировании повествования, а также в формировании семантических и ценностных оппозиций. Таким образом, исследование пространственных локусов предполагает не только их выявление и описание, но и интерпретацию их функций в рамках художественного целого.

Метод контекстного анализа, используемый в данном исследовании, позволяет сгруппировать и более широко и разносторонне описать функции выбранных лексем.

С помощью корпусного менеджера, который входит в состав программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса, и корпусный менеджер» был осуществлен поиск вхождений леммы *cave (рус. «пещера») и* леммы *hole (рус. «нора», «логово», «отверстие»)*. Заметим, что поиск по лемме позволяет автоматически получать список контекстов (предложений), содержащих заданную лемму во всех возможных грамматических формах (*cave/caves; hole/holes — ед.ч/мн.ч*) [7], а также исключая омонимичные формы (например, глаголы *to cave, to hole*).

В корпусе текста зафиксировано 38 употреблений лексемы *cave*.

Семантический анализ контекстов, содержащих лексему *cave*, позволил выделить несколько доминантных функций данного локуса, которые подкрепляются значимыми примерами из текста повести.

1. Функция *cave (рус. «пещера»)* как укрытие, убежище отражают следующие контексты:

a) «We have found a dry cave… and ponies and all could get inside». («Мы нашли сухую пещеру … туда могли бы поместиться и пони, и все остальные»)[22].

b) «We sheltered from a storm in what seemed a convenient cave and unused …» («Мы укрылись от бури в пещере, которая показалась нам удобной и заброшенной …»)

c) «There was a terrible storm; the stone-giants were out hurling rocks, and at the head of the pass we took refuge in a cave..» («Была страшная буря; каменные великаны вышли наружу и швыряли скалы, и на вершине перевала мы укрылись в пещере…»)

d) «He was hungry too outside, for he was no hunter; but inside the caves he could pick up a living of some sort by stealing food from store or table when no one was at hand» («Снаружи он тоже испытывал голод, ведь он не был охотником; но в пещерах он мог добывать себе пропитание, крадя еду со складов или со стола, когда рядом никого не было»)

e) «Don’t you realize that the trolls must have a cave or a hole dug somewhere near to hide from the sun in?» («Разве ты не понимаешь, что у троллей должна быть пещера или нора где-то поблизости, чтобы прятаться от солнца?»)

f) «Old Smaug has lived there long enough now to find out anything there is to know about those caves» («Старый Смауг прожил в этих пещерах достаточно долго, чтобы узнать о них всё, что только можно было»)

g) «There was a little cave (a wholesome one with a pebbly floor) at the foot of the steps and near the end of the stony ford» (У подножия ступеней, недалеко от конца каменистого брода, была небольшая пещера (уютная, с галечным полом)».

2. Мотив угрозы, опасности, возможного конфликта и испытания раскрываются в следующих контекстах:

a) «That, of course, is the dangerous part about caves: you don’t know how far they go back…» («Опасность пещер как раз в том, что никогда не знаешь, насколько они уходят вглубь…»)

b) «“Have you thoroughly explored it?” said the wizard, who knew that caves up in the mountains were seldom unoccupied» («Ты тщательно её обследовал?» — спросил волшебник, который знал, что пещеры в горах редко бывают необитаемыми»)

c) «Several of our people were struck by lightning in the cave, when we invited these creatures to come below; and they are as dead as stones» («Несколько наших людей были поражены молнией в пещере, когда мы пригласили этих существ спуститься; и они мертвы, как камни»)

d) «Even in the tunnels and caves the goblins have made for themselves there are other things living unbeknown to them that have sneaked in from outside to lie up in the dark» («Даже в туннелях и пещерах, которые гоблины вырыли для себя, обитают существа, о которых они не знают, пробравшиеся снаружи, чтобы притаиться в темноте»)

e) «There was a breath of strange air in his cave». («В пещере был странный воздух»)

f) «Some of these caves, too, go back in their beginnings to ages before the goblins, who only widened them and joined them up with passages, and the original owners are still there in odd corners, slinking and nosing about». («Некоторые из этих пещер существовали в эпохи, предшествовавшие гоблинам; те лишь расширили их и соединили переходами,

[22] Здесь и далее перевод с английского языка на русский сделан автором статьи.

а первоначальные обитатели до сих пор остаются там, прячась по укромным уголкам, крадясь и вынюхивая»)

3. Функция пространственного локуса *cave (рус. «пещера»)* как тюрьмы и место заключения прослеживаются в ниже приведенных примерах из текста:

a) "…shut him in one of the inmost caves with strong wooden doors" («Они заточили его в одной из внутренних пещер с крепкими деревянными дверями»).

b) «…all would have been killed except the few the goblins kept from the wolves and carried back as prisoners to their caves». («Они все были бы убиты, кроме тех немногих, кого гоблины отбили у волков и утащили в свои пещеры в качестве пленников»)

c) « Then the elves put thongs on him, and shut him in one of the inmost caves with strong wooden doors, and left him» («Тогда эльфы связали его ремнями и заперли в одной из самых удалённых пещер за прочными деревянными дверями, и ушли»)

4. Пещера также выступает в роли резиденции и крепости правителя:

a) «The king's cave was his palace, and the strong place of his treasure». («Пещера короля была его дворцом и хранилищем сокровищ»).

b) « In a great cave some miles within the edge of Mirkwood on its eastern side there lived at this time their greatest king». (В большой пещере, находящейся в нескольких милях от восточного края Мглистого Леса, в это время жил их величайший король.)

5. Функция перехода, естественного препятствия, смены измерения, движения вглубь наглядно проиллюстрирована в следующих примерах:

a) «They followed the tracks up the hill, until hidden by bushes they came on a big door of stone leading to a cave». (Они пошли по следам вверх по холму и, скрытые кустами, вышли к большой каменной двери, ведущей в пещеру.)

b) «This great cave, from which countless smaller ones opened out on every side, wound far underground and had many passages and wide halls…» («Эта большая пещера, от которой во все стороны отходило бесчисленное множество меньших, уходила далеко под землю и имела множество проходов и просторных залов…»)

c) «The water flowed dark and swift and strong beneath; and at the far end were gates before the mouth of a huge cave that ran into the side of a steep slope covered with trees» («Вода текла вниз быстрым мощным тёмным потоком; а в дальнем конце находились ворота перед входом в огромную пещеру, уходящую в склон крутого, покрытого деревьями холма»)

Итак, контекстно-семантический анализ корпусных данных позволяет заключить, что пространственный объект *cave (рус. «пещера»)* в повести выполняет несколько функций:

1. пространство-убежище
2. пространство-угроза, опасность, конфликт
3. пространство-тюрьма
4. пространство-крепость, символ власти
5. пространство-переход, смена измерение

Для дальнейшего анализа пространственных объектов в корпусе текста было выявлено 55 употреблений лексемы *hole (рус. «нора», «логово», «отверстие»)*.

Контекстно-семантический анализ позволил выделить несколько доминантных функций данного локуса, репрезентированных в тексте.

1. Функция *hole (рус. «нора», «логово», «отверстие»)* как жилища, пространства уюта и дома является центральной и концептуально значимой, поскольку *hole (рус. «нора», «логово», «отверстие»)* в тексте напрямую связано с образом жилища хоббитов. *Нора* здесь функционирует как пространство дома, уюта, безопасности.

a) «In a hole in the ground there lived a hobbit» («В норе в земле жил хоббит»)

b) «…it was a hobbit-hole, and that means comfort» («…это была хоббичья нора, а это означает уют»)

c) «…built the most luxurious hobbit-hole…» («…построил самую роскошную хоббичью нору…»)

d) «…living in the beautiful hobbit-hole built by his father…» («…живя в прекрасной норе, построенной его отцом…»)

e) «I wish I was at home in my nice hole by the fire…» («Как бы я хотел быть дома, в своей уютной норе у камина…»)

f) «…his comfortable chair… in his hobbit-hole…» («…его удобное кресло… в его норе…»)

g) «…his own country of safe and comfortable things, and his little hobbit-hole» («…его родина безопасных и уютных вещей и его маленькая нора…»)

h) «…he lived… in a hole in a bank by a river…» («…он жил… в норе на берегу реки…»)

2. Лексема *hole (рус. «нора», «логово», «отверстие»)* употребляется для обозначения укрытия — естественного или вырытого.

a) «…a rabbit that has lost its hole…» («…как кролик, потерявший свою нору…»)

b) «…a hole dug somewhere near to hide from the sun…» («…нору, вырытую где-то поблизости, чтобы прятаться от солнца…»)

c) «…Gollum… hid it in a hole in the rock…» («…Голлум… прятал его в отверстии в скале…»)

3. В ряде контекстов *hole* приобретает негативную коннотацию и ассоциируется с угрозой, тьмой и неизвестностью.

a) «…dark holes full of snakes…» («…тёмные норы, полные змей…»)

b) «…what… would have brought on him out of dark holes in that horrible place» («…что могло бы вылезти на него из тёмных нор в этом ужасном месте…»)

c) «…darkness flowed out… from the hole in the mountain-side…» («…тьма как будто вытекала из отверстия в горе…»)

d) «…that nasty clockless, timeless hole…» («…эта мерзкая нора без времени и часов…»)

4. Лексема *hole (рус. «нора», «логово», «отверстие»)* часто обозначает конкретное физическое пространство, элемент архитектуры или непосредственно отверстие как элемента конструкции или объекта.

a) «…a hole appeared suddenly…» («…внезапно появилось отверстие…»)

b) «He put it to the hole» («Он приложил это к отверстию»)

c) «…holes in the wall through which they could see…» («…отверстия в стене, через которые они могли видеть…»)

d) «…the smoke-hole in the roof» («…отверстие в крыше для дыма…»)

5. В ряде случаев *hole (рус. «нора», «логово», «отверстие»)* выступает как переходная точка между разными пространственными зонами.

a) «…a rabbit-hole…» («…кроличья нора…»)

b) «…the light… like a little bright hole far behind…» («…свет… как маленькое светлое отверстие позади…»)

6. Отдельные контексты отражают значение *hole* как результат повреждения, дефект, нарушение целостности.

a) «The sparks were burning holes in the goblins…» («Искры прожигали дыры в гоблинах…»)

b) «…to close holes in the sides of the barrels…» («…чтобы закрыть дыры в боках бочек…»)

Контекстно-семантический анализ корпусных данных показывает, что пространственный объект *hole (рус. «нора», «логово», «отверстие»)* в тексте выполняет следующие функции:

1. пространство-дом, уют, идентичность
2. пространство-убежище
3. пространство-угроза, опасность
4. пространство-отверстие (структурный элемент)
5. пространство-переход, вход
6. пространство-повреждение

В отличие от лексемы *cave (рус. «пещера»)*, для которой доминируют значения опасности и изоляции, *hole (рус. «нора», «логово», «отверстие»)* в тексте обладает более широким семантическим разнообразием и непосредственно связано с ключевым концептом «дом» (hobbit-hole), формируя центральный элемент художественной картины мира. При этом следует обратить особое внимание на то, что выделенные функции либо совсем не обуславливаются темпоральной протяженностью событий, либо время является дополнительной, второстепенной характеристикой места.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В рамках настоящего исследования была поставлена цель выявить и интерпретировать функции пространственных локусов в повести Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» на примере лексем *cave* и *hole*, а также обосновать их относительную автономность как самостоятельного механизма смыслообразования в художественном тексте.

В ходе работы были последовательно решены следующие задачи:

Во-первых, анализ существующих подходов к понятию хронотопа показал, что, несмотря на традиционное понимание единства пространственно-временных характеристик (М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев), в современной науке представлены концепции, допускающие приоритет пространственного компонента (Ю. М. Лотман, Н. Б. Топоров). Это позволило теоретически обосновать возможность рассмотрения пространства как относительно самостоятельной категории художественного текста.

Во-вторых, было осуществлено методологическое разграничение пространственных и темпоральных характеристик текста. Проведённый анализ показал, что пространственные локусы, репрезентированные аппелятивной лексикой, обладают собственной семантической наполненностью и функциональной значимостью, что подтверждает возможность их автономной интерпретации вне временного континуума повествования.

В-третьих, на основе корпусного и контекстного анализа были выявлены и интерпретированы функции лексем *cave* и *hole*. Установлено, что лексема *cave* реализует преимущественно значения, связанные с опасностью, изоляцией, испытанием и властью, выступая как пространство-убежище, пространство-угроза, пространство-тюрьма, пространство-крепость и пространство-переход. В свою очередь, лексема *hole* демонстрирует более широкую функциональную вариативность, включая такие значения, как пространство-дом, пространство-убежище, пространство-угроза, пространство-отверстие, пространство-переход и пространство-повреждение. При этом ключевой для неё является функция дома («хоббичья нора»), тесно связанная с концептом уюта и безопасности.

Таким образом, полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что пространственные локусы могут функционировать как относительно автономный

механизм смыслообразования в художественном тексте. Их семантика и функции проявляются независимо от темпоральной организации повествования и в ряде случаев оказываются более значимыми для интерпретации текста, чем временные характеристики.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса анализируемых лексем, а также с изучением других типов пространственных локусов и их роли в формировании художественного пространства в произведениях жанра фэнтези.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. Формы времени и хронотопа в романе. — М., 1986.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975.
3. Гей Н. К. Искусство слова. — М.: Наука, 1967.
4. Горожанов А. И. Алгоритмы поиска фразеологизмов в лингвистическом корпусе с морфологической разметкой (индоевропейские языки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Том 17. — № 1. — С. 132–138. — DOI 10.30853/phil20240020. EDN JTWSIQ.
5. Горожанов А. И. Онлайн-ресурс лингвистических характеристик произведения художественной литературы: ключевые параметры и технология разработки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Том 18. — №1. — С. 128–134. — DOI 10.30853/phil20250019. EDN WWCZEL.
6. Горожанов А. И. Теоретико-методологические основы разработки лингвистического корпуса (актуальное состояние и перспектива) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Том 18. — № 12. — С. 5556–5565. — DOI 10.30853/phil20250748. EDN GERAOH.
7. Горожанов А. И., Степанова Д. В. Составление сбалансированного корпуса художественного произведения (на материале романов Ф. Кафки) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — № 7(862). — С. 31–37. — DOI 10.52070/2542-2197_2022_7_862_31. EDN QGIEAQ.
8. Ильина А. С. Христианство в Средиземье: Августин и Дж. Р. Р. Толкин // Вопросы философии. — 2021. — № 9. — С. 184–193. — DOI 10.21146/0042-8744-2021-9-184-193. EDN TDTTBN.
9. Казакова С. В., Бубнова И. А. Влияние автора искусственной литературной вселенной на взаимосвязь типа квазиреалии с ее функцией (на материале литературных вселенных Дж. Р. Р. Толкина и Ф. Герберта) // Вопросы психолингвистики. — 2024. — № 1 (59). — С. 60–71. — DOI 10.30982/2077-5911-2024-59-1-60-71. EDN FYYBSU.
10. Китаева Е. М. Художественное время и художественное пространство в текстах английской детской литературной сказки: автореф. дис. … канд. филол. наук. — Санкт-Петербург, 1992. — 16 с. — EDN ZKXVWD.
11. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. — 1968. — № 8. — С. 74–87.
12. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Художественное пространство в прозе Гоголя. — М., 1988. — 352 с.
13. Луговая Е. А. Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория (на материале эпопеи Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец»): дис. … канд. филол. наук. — Ставрополь, 2006. — 217 с. — EDN NNUKVR.
14. Маратова Ж. Ж. Авторский миф Дж. Р. Р. Толкина как игровой текст // Новый филологический вестник. — 2021. — № 4 (59). — С. 55–63. — DOI 10.54770/20729316_2021_4_55. EDN RGLJQY.
15. Писарик О. И. К проблеме понимания идиостиля Дж. Р. Р. Толкина в повести «The Hobbit, or There and Back Again»: пространство, время и язык автора // Человек — язык — компьютер: сборник научных статей по результатам III научно-практической (заочной) конференции с международным участием, Москва, 07 ноября 2025 года. — Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2026. — С. 175–180. — EDN WWBMRC.
16. Степанова Д. В., Яновская А. С. Языковые средства описания внешности литературного героя: сопоставительный анализ на базе корпуса параллельных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2024. — № 13(894). — С. 112–120. — EDN PRKQII.
17. Теркулов В. И. Лингвоурбанология: основные направления комплексного лингвистического исследования города // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей IX Международного симпозиума, Ялта, 08–12 июня 2025 года. — Симферополь: Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2025. — С. 105–111. — EDN PELFCT.

18. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. — М., 1983. — С. 227–284.
19. Широкова Е. Н. Хронотоп текста, хронотоп дискурса (к вопросу разграничения текстовых и дискурсивных категорий) // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина): сборник статей по материалам международной научной конференции, Нижний Новгород, 28–30 сентября 2016 года. — Нижний Новгород: Издательство «Деком», 2016. — С. 179–184. — EDN WYAKXZ.
20. Шурмиль Э. А. Способ организации хронотопа fantasy (по произведениям Дж. Р. Р. Толкиена) // VII Пуришевские чтения: всемирная литература в контексте культуры. — Москва, 1996. — С. 80.
21. Ostaltsev O. Tolkien and Bakhtin: chronotope, existence, and reality: M. A. thesis. — Boca Raton, 2020. — VI, 86 p.

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. (1986). *Literaturno-kriticheskie stat'i. Formy vremeni i khronotopa v romane* [Literary-critical articles]. Moscow. (In Russian)
2. Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of time and chronotope in the novel: Essays on historical poetics]. In *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
3. Gei, N. K. (1967). *Iskusstvo slova* [The art of the word]. Moscow: Nauka. (In Russian)
4. Gorozhanov, A. I. (2024). Algoritmy poiska frazeologizmov v lingvisticheskom korpuse s morfologicheskoi razmetkoi (indoevropeiskie iazyki) [Algorithms for searching phraseological units in a linguistic corpus with morphological markup (Indo-European languages)]. Philology. Theory & Practice, 17(1), 132–138. https://doi.org/10.30853/phil20240020 (In Russian).
5. Gorozhanov, A. I. (2025). Onlain-resurs lingvisticheskikh kharakteristik proizvedeniia khudozhestvennoi literatury: kliuchevye parametry i tekhnologiia razrabotki [Online resource of linguistic characteristics of a literary work: Key parameters and development technology]. Philology. Theory & Practice, 18(1), 128–134. https://doi.org/10.30853/phil20250019 (In Russian)
6. Gorozhanov, A. I. (2025). Teoretiko-metodologicheskie osnovy razrabotki lingvisticheskogo korpusa (aktual'noe sostoianie i perspektiva) [Theoretical and methodological foundations for the development of a linguistic corpus (current status and prospects)]. Philology. Theory & Practice, 18(12), 5556–5565. https://doi.org/10.30853/phil20250748 (In Russian)
7. Gorozhanov, A. I., & Stepanova, D. V. (2022). Sostavlenie sbalansirovannogo korpusa khudozhestvennogo proizvedeniia (na materiale romanov F. Kafka) [Developing of a balanced corpus for a fiction work (on the material of F. Kafka's novels)]. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, (7), 31–37. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_7_862_31 (In Russian)
8. Il'ina, A. S. (2021). Khristianstvo v Sredizem'e: Avgustin i J. R. R. Tolkien [Christianity in Middle-earth: Augustine and J. R. R. Tolkien]. *Voprosy Filosofii*, (9), 184–193. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-9-184-193 (In Russian)
9. Kazakova, S. V., & Bubnova, I. A. (2024). Vliianie avtora iskusstvennoi literaturnoi vselennoi na vzaimosviaz' tipa kvazirealii s ee funktsiei (na materiale literaturnykh vselennykh J. R. R. Tolkiena i F. Herberta) [Influence of the author of an artificial literary universe on the relationship between quasi-realia type and its function (based on Tolkien and Herbert)]. *Voprosy psikholingvistiki*, 1(59), 60–71. https://doi.org/10.30982/2077-5911-2024-59-1-60-71 (In Russian)
10. Kitaeva, E. M. (1992). *Khudozhestvennoe vremia i prostranstvo…* [Artistic time and space…] (PhD abstract). Saint Petersburg. (In Russian)
11. Likhachev, D. S. (1968). Vnutrennii mir khudozhestvennogo proizvedeniia [The internal world of a literary work]. *Voprosy literatury*, (8), 74–87. (In Russian)
12. Lotman, Iu. M. (1988). *V shkole poeticheskogo slova. Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolia* [In the school of poetic word…]. Moscow. (In Russian)
13. Lugovaia, E. A. (2006). *Toponim virtual'nogo prostranstva…* [Toponym of virtual space…] (PhD dissertation). Stavropol. (In Russian)
14. Maratova, Zh. Zh. (2021). Avtorskii mif J. R. R. Tolkiena kak igrovoi tekst [J. R. R. Tolkien's authorial myth as a game text]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 4(59), 55–63. https://doi.org/10.54770/20729316_2021_4_55 (In Russian)
15. Pisarik, O. I. (2026). K probleme ponimaniia idiostilia J. R. R. Tolkiena v povesti "The Hobbit, or There and Back Again": prostranstvo, vremia i iazyk avtora [On the problem of understanding Tolkien's idiostyle in *The Hobbit*: Space, time and author's language]. In *Chelovek — iazyk — komp'iuter: Proceedings of the III International Conference* (pp. 175–180). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian)

16. Stepanova, D. V., & Ianovskaia, A. S. (2024). Iazykovye sredstva opisaniia vneshnosti literaturnogo geroia: sopostavitel'nyi analiz na baze korpusa parallel'nykh tekstov [Linguistic means of describing a literary character's appearance: A comparative analysis based on a parallel text corpus]. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, (13), 112–120. (In Russian)
17. TerkuIov, V. I. (2025). Lingvourbanologiia: osnovnye napravleniia kompleksnogo lingvisticheskogo issledovaniia goroda [Linguourbanology: Main directions of comprehensive linguistic research of the city]. In Russkii iazyk v polikul'turnom mire: Proceedings of the IX International Symposium (pp. 105–111). Simferopol: V. I. Vernadsky Crimean Federal University. (In Russian)
18. Toporov, V. N. (1983). Prostranstvo i tekst [Space and text]. In *Tekst: semantika i struktura* (pp. 227–284). Moscow. (In Russian)
19. Shirokova, E. N. (2016). Khronotop teksta, khronotop diskursa (k voprosu razgranicheniia tekstovykh i diskursivnykh kategorii) [Text chronotope and discourse chronotope]. In *Nauchnoe nasledie B. N. Golovina…* (pp. 179–184). Nizhny Novgorod: Dekom. (In Russian)
20. Shurmil', E. A. (1996). Sposob organizatsii khronotopa fantasy (po proizvedeniiam J. R. R. Tolkiena) [The organization of chronotope in fantasy (based on Tolkien)]. In *VII Purishevskie chteniia: World literature in the context of culture* (p. 80). Moscow. (In Russian)
21. Ostaltsev, O. (2020). *Tolkien and Bakhtin: Chronotope, existence, and reality* (Master's thesis). Boca Raton.

Поступила в редакцию 05.03.2026 года

FUNCTIONAL TYPOLOGY OF LOCATIVE OBJECTS IN THE NOVEL *"THE HOBBIT, OR THERE AND BACK AGAIN"* BY J. R. R. TOLKIEN (A CORPUS STUDY)

O.I. Pisarik

The article examines the functional characteristics of locative objects in J. R. R. Tolkien's novel *The Hobbit, or There and Back Again*. The relevance of the study is determined by the growing interest in corpus-based methods of literary text analysis and the need to expand approaches in studying the category of the chronotope. The aim of the work is to identify and interpret the functions of locative objects (on the example of the lexemes *cave* and *hole*) and to substantiate their relative autonomy from temporal characteristics. The study employs corpus and contextual analysis, as well as semantic interpretation. It has been identified that the lexeme *cave* realizes the functions of shelter, threat, confinement, power, and transition, while the functional dominant of the lexeme *hole* is associated with the description of home, safety, and refuge. The paper concludes that locative objects demonstrate functional variability and act as independent units of meaning formation.

Keywords: corpus linguistics, category of space, chronotope, functions of locative objects, the novel *The Hobbit, or There and Back Again*, J. R. R. Tolkien, locus.

Писарик Оксана Ивановна.
Российский экономический университет им. Плеханова, Российская Федерация, г. Москва.
Старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1.
Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, г. Москва.
Младший научный сотрудник лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования.
ORCID 0000-0001-7081-9263.
E-mail: ksyfrolova93@gmail.com.

Pisarik Oxana Ivanovna.
Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation, Moscow.
Senior lecturer at Department of Foreign Languages No 1.
Moscow State Linguistic University, Russian Federation, Moscow.
Junior Researcher at the Laboratory for Fundamental and Applied Issues of Virtual Education.

ORCID 0000-0001-7081-9263.
E-mail: ksyfrolova93@gmail.com.

Научная статья
УДК 070:316.77:81’42
DOI: 10.5281/zenodo.19874629

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОЙ МЕДИАПОВЕСТКИ

© 2026 *П.Д. Синенко*
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
ORCID 0009-0002-6024-9054.

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В работе рассматривается проблема системного выявления и типологизации дискурсивных стратегий формирования семейной медиаповестки в российских СМИ в условиях институционального усиления темы семьи (2024 год — Год семьи). Теоретическую основу исследования составили дискурсивный, дискурсивно-исторический и медиалингвистический подходы к анализу стратегии как механизма смысловой организации текста. Эмпирическую базу образовали публикации федеральных и региональных СМИ за 2024 год, отобранные с использованием аналитической платформы «ПрессИндекс». Методология включает количественный и качественный контент-анализ, а также медиалингвистическую интерпретацию медиатекста как дискурсивного события. В результате выявлены устойчивые стратегические модели репрезентации семьи, обеспечивающие её легитимацию, нормативное закрепление и персонализацию. Сделан вывод о гибридном характере семейной медиаповестки и её функционировании как структурированного сегмента современного медиадискурса.

Ключевые слова: дискурсивные стратегии, семейная медиаповестка, медиадискурс, контент-анализ СМИ, дискурсивно-исторический подход, институциональная легитимация, аксиологическая нормализация, Год семьи.

Для цитирования: Синенко П.Д. Дискурсивные стратегии формирования семейной медиаповестки / П.Д. Синенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 161–172. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19874629/

Введение. Современные исследования медиакоммуникации демонстрируют устойчивый переход от анализа текста как автономного продукта к рассмотрению медиатекста в рамках более широкого дискурсивного процесса. В коммуникативно-когнитивной парадигме дискурс понимается как социально обусловленный процесс речевого взаимодействия, продуктом которого является текст. Такое понимание позволяет рассматривать медиаповестку не как совокупность разрозненных публикаций, а как системно организованное пространство воспроизводства смыслов. В этом контексте особую значимость приобретает проблема выявления механизмов смысловой организации медиапространства, через которые формируются устойчивые представления о социально значимых институтах, в частности о семье.

Доктор филологических наук Г.Н. Трофимова отмечает, что «современная ситуация формирования дискурса сопровождается множеством осложнений в общественно-политической жизни общества: глобализация и проблемы межкультурного диалога, радикализация общественных отношений, информационные противостояния, порождающие информационные войны, переход в сетевое пространство и опосредованная обусловленность спецификой компьютерно-сетевых технологий и т.д»

[18]. Поскольку медиадискурс играет важную роль в формировании общественных представлений о социальных институтах, исследователи подчёркивают его концептообразующую функцию. В частности, отмечается, что «…дискурс СМИ репрезентирует концепты, определяющие языковую картину мира носителя языка, и актуализирует представления о мире в современном обществе» [11]. В рамках дискурсологического подхода ключевое значение имеет категория дискурсивной стратегии. Л.В. Цурикова определяет стратегию как «потенциально возможный способ осуществления коммуникативно значимого действия в рамках дискурсивного события» [21], подчёркивая её направленность на достижение определённого коммуникативного эффекта и зависимость от социокультурных норм и ожиданий. Минимальной единицей анализа при этом выступает не изолированный речевой акт, а дискурсивное событие — совокупность прагматически когерентных высказываний, объединённых общей коммуникативной целью. Такое понимание позволяет рассматривать стратегию как механизм смысловой организации текста, выходящий за пределы жанровой или стилистической характеристики.

На дискурсивном уровне гибридность проявляется как взаимодействие различных типов дискурса: «педагогический дискурс, политический дискурс, социальный дискурс, идеологический дискурс, публичный дискурс, научный дискурс, критический дискурс, резонансный дискурс, юридический дискурс, военный дискурс, родительский дискурс, этический дискурс, прагматические дискурсы, к которым принадлежат все названные, на том основании, что в каждом из них актуализируются определенные коммуникативные стратегии» — по Б.Н. Головко [8]. Или, по В.И. Карасику персональный (личностно-ориентированный) и институциональный [9]. Доктор филологических наук, профессор Н.И. Клушина, фиксируя поворот современной лингвистики от стилистики к дискурсологии, подчеркивает, что дискурс изначально мыслится как социально обусловленная форма речевой деятельности, в которой взаимодействуют язык, идеология, коммуникативная ситуация и ценностные установки участников коммуникации [10].

Развитие теории дискурсивных стратегий связано с дискурсивно-историческим подходом М. Райзигла и Р. Водак (DHA) [23], в рамках которого стратегии трактуются как системные способы конструирования социальных объектов через устойчивые номинативные, предикативные практики и аргументацию. Социальные категории — «нация», «общество», «семья» — рассматриваются как результат повторяющихся дискурсивных процедур, встроенных в исторический и институциональный контекст. Данный подход принципиален для анализа семейной медиаповестки, поскольку позволяет рассматривать семью не как нейтральную социальную данность, а как объект целенаправленного дискурсивного конструирования.

Прагматическое измерение стратегии раскрывается в работах Т.Е. Янко, где коммуникативные стратегии интерпретируются как целенаправленные способы организации высказывания, соотнесённые с интенцией субъекта речи и предполагаемым воздействием на адресата [22]. В медиадискурсе это означает, что выбор аргументации, тональности и способов репрезентации фактов определяется не только тематикой сообщения, но и задачей легитимации, мобилизации или рационализации определённых социальных установок.

Медиалингвистический аспект стратегий представлен в исследовании С.Н. Антоновой, А.С. Остапенко и Т.Ю. Плетяго, посвящённом выстраиванию новостного дискурса в интернет-медиа. Авторы рассматривают стратегию как «принцип организации новостного материала, задающий интерпретационную рамку события и

определяющий порядок подачи информации» [1]. Подчёркивается, что новостной текст конструируется через определённую стратегическую модель, а не является нейтральной фиксацией фактов.

Современные исследования демонстрируют активное применение категории стратегии к анализу тематически организованных сегментов медиадискурса. Так, в работе Ц. Люй стратегия рассматривается как инструмент коммуникативно-прагматического воздействия в новостном освещении антироссийских санкций, что подтверждает продуктивность стратегического анализа в медиапространстве [12].

Дополнительный аналитический потенциал раскрывается в концепции макротематических, стилистических и риторических стратегий (А.П. Глухов, опираясь на Т. ван Дейка), позволяющей рассматривать медиаповестку одновременно на уровне тематики и на уровне способов риторического воздействия [7]. В этой логике медиадискурс выступает как пространство конкурирующих интерпретаций социальной идентичности, что коррелирует с метафорой М. Прайса о «рынке версий национальной идентичности» [14]. Применительно к семейной медиаповестке это позволяет говорить о конкуренции различных моделей репрезентации семьи.

Исследования медиарепрезентации семьи демонстрируют значительное внимание к её ценностному измерению. В частности, доктор филологических наук В.В. Богуславская рассматривает медиадискурс о семье как пространство трансляции аксиологических ориентиров, формирующих общественные представления о семейных отношениях [3]. Несмотря на разработанность теоретических оснований анализа дискурсивных стратегий, нерешённой остаётся задача системного выявления и классификации стратегий, посредством которых формируется семейная медиаповестка в российских СМИ. В существующих исследованиях семья рассматривается либо в ценностном, либо в институциональном аспекте, однако целостный анализ стратегических моделей её дискурсивного конструирования в медиапространстве представлен фрагментарно.

Современные исследования подтверждают продуктивность стратегического анализа в медиадискурсе, однако преимущественно сосредоточены на конфликтных и идеологически маркированных сегментах публичной коммуникации. Социально-ценностные тематические поля, включая семейную медиаповестку, остаются менее системно описанными с точки зрения стратегической организации.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, усилением институционального внимания к семейной тематике в 2024 году и её активной медиатизацией *(Год семьи).* Во-вторых, необходимостью уточнения инструментального аппарата анализа медиаповестки как дискурсивного феномена. В-третьих, потребностью выявления устойчивых стратегических моделей, посредством которых формируется образ семьи в публичном пространстве.

Научная проблема исследования заключается в отсутствии комплексной модели описания дискурсивных стратегий, посредством которых формируется семейная медиаповестка в условиях институционального усиления темы семьи и её нормативной актуализации в медиапространстве. Несмотря на разработанность теоретических оснований анализа дискурсивных стратегий, остаётся нерешённой задача выявления и классификации устойчивых стратегических моделей конструирования образа семьи в новостном медиадискурсе.

*Цель настоящего исследования з*аключается в выявлении и систематизации дискурсивных стратегий формирования семейной медиаповестки в российских СМИ на

материале публикаций 2024 года — Года семьи. Данная цель рассматривается как этап разработки практико-ориентированного подхода к анализу контентообразования в социально значимых сегментах медиадискурса. В качестве исследовательского предположения выдвигается тезис о том, что динамика выявленных стратегий отражает трансформационные процессы в содержательной структуре СМИ, обусловленные воздействием глобальных кризисных явлений последних лет и усилением институционального внимания к семейной тематике. Полученные результаты позволяют обозначить направления этих изменений и представить их в качестве предмета дальнейшего научного обсуждения. Исследование направлено на раскрытие механизмов дискурсивного конструирования образа семьи в медиапространстве и на уточнение роли стратегий как инструмента формирования и воспроизводства устойчивых моделей социальной нормы.

Материалы и методы исследования. Эмпирическую базу исследования составили публикации российских федеральных и региональных средств массовой информации за 2024 год, объявленный Годом семьи. Выбор данного временного периода обусловлен высокой концентрацией медиаматериалов, посвящённых семейной тематике, что позволяет рассматривать его как репрезентативный для анализа процессов институционализации и ценностной актуализации семьи в медиапространстве.

Количественный сбор данных осуществлялся с использованием поисково-аналитической платформы «ПрессИндекс», обеспечивающей выгрузку публикаций по заданным лексическим и тематическим параметрам. Первичный поисковый запрос по лексеме «семья» за 2024 год выявил 5 750 560 публикаций, включающих новостные сообщения, аналитические материалы, интервью, авторские колонки и публикации информационных агентств. После исключения дублирующих и агрегаторных перепечаток объём массива составил 2 820 019 уникальных текстов.

На следующем этапе анализ был переведён на событийный уровень: единицей учёта выступал самостоятельный инфоповод, получивший медиараспространение. В результате было выявлено 124 389 значимых событий. Дополнительное тематическое уточнение корпуса позволило выделить 107 093 текста, в которых семья выполняет центральную семантическую функцию, а не упоминается эпизодически. При фильтрации по аксиологическому маркеру «семейные ценности» было зафиксировано 96 539 публикаций, отражающих ценностное и нормативное измерение семейной проблематики.

На финальном этапе, после исключения повторов и агрегаторных публикаций, было выявлено 2 170 оригинальных инфоповодов 2024 года, в которых семья выступает главным объектом обсуждения. В целях обеспечения баланса между масштабностью корпуса и глубиной качественного анализа в качестве исследовательской выборки были отобраны 300 публикаций, обладающих наибольшими показателями релевантности и охвата. Данный объём позволяет обеспечить типологическую репрезентативность стратегических моделей при сохранении аналитической детальности.

Методологическую основу исследования составил комплекс количественного и качественного контент-анализа. Количественный этап предполагал фиксацию частотности обращения к семейной тематике, распределение публикаций по тематическим доминантам и выявление динамики их присутствия в течение года. Качественный этап был направлен на идентификацию доминирующих дискурсивных стратегий и их функционально-смысловых характеристик. В качестве аналитической единицы рассматривался медиатекст как дискурсивное событие. Выделение стратегий осуществлялось на основе анализа лексико-семантических маркеров, коммуникативных установок и способов позиционирования объекта «семья».

Полученные эмпирические данные систематизированы в виде таблиц и аналитических моделей, что позволило выявить устойчивые структурные характеристики семейной медиаповестки 2024 года и зафиксировать основные тенденции её стратегической организации.

Основная часть. Задача основного этапа исследования заключалась в выявлении и типологизации дискурсивных стратегий, посредством которых формируется семейная медиаповестка 2024 года. Для её решения был проведён медиалингвистический анализ отобранного корпуса публикаций (N = 300), рассматриваемых как дискурсивные события, структурированные доминирующей коммуникативной установкой.

В ходе анализа установлено, что медиатексты обладают гибридной природой: в пределах одного материала нередко актуализируются несколько смысловых направлений. В целях обеспечения сопоставимости данных был применён принцип доминирующей стратегии. К доминирующей относилась та модель организации текста, чьи лексико-семантические маркеры, аргументативная логика и коммуникативная цель системно структурировали интерпретационную рамку публикации. При кодировании учитывались частотность ключевой лексики, характер заголовочной формулы, распределение смысловых акцентов (лид, ключевые абзацы) и прагматическая направленность материала.

В результате поэтапной процедуры анализа были выделены семь устойчивых стратегий формирования семейной медиаповестки: материального стимулирования (17,7%), институциональной легитимации (17,3%), проблематики и экспертной диагностики (16,0%), публичной мобилизации и событийности (14,3%), аксиологической нормализации (13,7%), практической навигации и совета (13,0%), персонализации и эмоциональной идентификации (8,0%).

Таблица 1[23]

Название	**Стратегия материального стимулирования (n = 53)**	**Стратегия институциональной легитимации (n = 52)**	**Стратегия проблематики и экспертной диагностики (n=48)**	**Стратегия публичной мобилизации и событийности (n=43)**	**Стратегия аксиологической нормализации (n=41)**	**Стратегия практической навигации и совета (n=39)**	**Стратегия персонализации и эмоциональной идентификации (n=24)**
Определение	Стратегия, в которой семья репрезентируется через ресурсную оптику: поддержка, выплаты, ипотека, льготы, бюджетные решения, финансовые условия семейной	Стратегия, в рамках которой семья конструируется как объект публичной политики и общественного устройства через апелляцию к государству, нормам,	Стратегия, в которой семейная медиаповестка конструируется как социальная проблема, требующая измерений,	Стратегия, в которой семья актуализируется через публичные события, кампании, календарные поводы, конкурс	Стратегия, в которой семья закрепляется как ценностная норма через воспроизводство аксиологических формул, морально-нормативных ориентиро	Стратегия, переводящая тему семьи в режим инструкции/пояснения/помощи, когда медиа выступают как навигатор: «как поступить», «что это значит», «какие правила», «что делать».	Стратегия формирования смысла через «человеческое лицо» темы: истории, герои, семейные сюжеты, эмоции, узнаваемые жизненные истории.

[23] *Составлено автором по результатам исследования.*

	устойчивости.	решениям власти и институциональным процедурам.	прогнозов и экспертности мнений.	ы, форумы, через массовое участие.	в и символов.		
Механизмы и принципы отбора	Ключевой критерий — доминирование материально-экономического «ключа» (деньги / выплаты / ипотека / пособия / расходы / финансирование) как главного аргумента и смыслового центра.	Текст относится к стратегии, если доминирующий смысловой центр — легитимация/обоснование семейной тематики через: государственные решения, поручения, нацпроекты, нормативные рамки, деятельность министерств/парламента, публичные выступления первых лиц.	Текст относится к стратегии, если смысловой центр — диагностика состояния (рождаемость, разводы, кризисы, риски) и объяснение причин/следствий с опорой на исследование, эксперта, статистику, прогноз.	Текст относится к стратегии, если доминирующий смысл — вовлечение через событие (праздник, конкурс, форум, акция, Год семьи), где семья предъявляется как социально одобряемая практика.	Текст относится к стратегии, если ядро текста — ценностная рамка (традиции, духовность, «семейные ценности», идеалы) и трансляция образа семьи как культурного эталона.	Главный критерий — преобладание инструктивной иллокуции (советы, чек-листы, объяснения, юридические/психологические разъяснения), даже если тема может пересекаться с ценностями или проблемами.	Доминирует персональный / нарративный формат: «история семьи», «рассказ», «опыт», портрет, биографический сюжет, личностно-эмоциональная рамка.
Маркеры	*выплаты, пособия, льготы, маткапитал, ипотека, ставка, рублей, бюджет, финансирование, кредит, жилье, расходы.*	*указ, закон, законопроект, нацпроект, стратегия, концепция, министерство, Госдума, комиссия, поручение, регулирование, имена/должности государственных акторов.*	*демография, рождаемость, стратегия, кризис, исследование, опрос, статистика, эксперт, прогноз, риски, тенденция.*	*форум, фестиваль, конкурс, акция, проект, мероприятие, Год семьи, праздник, день матери/отца/семьи, голосование.*	*традиционные ценности, духовно-нравственные, семейные ценности, традиции, опора, скрепы, воспитание, ответственность, патриотизм.*	*как, что делать, чек-лист, правила, инструкция, памятка, объяснил, советы психолога/юриста, список вещей, оформить.*	*история, рассказали, семейные истории, мы, мама/папа/дети, любовь, счастье, вдохновляет, история рода.*
Примеры из	– «Съемный труд: нужна	– «Путин объединил Россию в	– «Власти подготовили	– «День матери в	– «Семейные	– «Как относятся россияне к	– «Семья в объективе: фокус на

корпуса.	ли молодым семьям ипотека» [43]. – «Семеро по ставкам. В России привяжут условия ипотеки к числу детей в семье» [40]. – Семейная ценность (Рынок ипотечного кредитования в Удмуртии сократился вдвое в июле)» [38].	крепкую семью» [36]. – «Глава Минтруда Котяков — о нацпроекте "Семья", повышении рождаемости и Чебурашке» [29]. – «На нацпроект "Семья" в 2025-2027 годах выделят более 8 трлн рублей» [34].	демографическую стратегию “семейно центризма”» [28]. – «Альма-матери: студенткам будут платить за рождение ребенка» [24]. – «Рожать хотя бы раз в четыре года» [37].	России — 2025: когда его отмечают и чем порадовать маму» [31]. – «В кругу традиций: как и когда отмечают День семьи, любви и верности в России» [26]. – «Год живи, год женись» [30].	ценности и традиции в современном мире» [39]. – «В Минцифры рассказали о продвижении семейных ценностей» [27]. – «Эксперт: Прививать семейные ценности детям должна семья» [44].	предложению запретить идеологию чайлдфри» [33]. – «Скуф или жлоб: какие мужчины не годятся для семейной жизни» [42]. – «Поделиться семейным счастьем. Марина и Евгений Петровы растят 10 детей» [35].	самом главном» [41]. – «В Год семьи "Просвещение" выпустило сборник семейных историй россиян» [25]. – «Истории свадеб 1960–2020 годов привлекли внимание 8 млн человек» [32].

Количественное распределение демонстрирует, что медиаповестка 2024 года формируется преимущественно через ресурсно-политический и управленческий дискурс (совокупно 35,0%), где семья представлена как объект государственной поддержки и нормативного регулирования. Значимую долю занимает стратегия рационализации общественной проблематики (16,0%), переводящая тему семьи в аналитическую плоскость демографических и социальных показателей. Вместе с тем «мягкие» механизмы закрепления повестки — аксиологическая нормализация и практико-инструктивные форматы (26,7% в совокупности) — свидетельствуют о параллельном воспроизводстве ценностной и поведенческой модели семьи. Наименее представленной оказалась стратегия персонализации (8,0%), однако именно она обеспечивает эмоциональное включение аудитории.

Полученные результаты подтверждают, что семейная медиаповестка 2024 года формируется посредством устойчивого набора стратегических моделей, каждая из которых выполняет определённую функционально-смысловую роль: легитимацию, рационализацию, нормативное закрепление, мобилизацию или персонализацию темы. Совокупность выявленных стратегий свидетельствует о гибридном характере медиаповестки и позволяет рассматривать её как структурно организованный сегмент современного медиадискурса.

Заключение. Результаты, представленные в настоящем исследовании, являются предварительными, обзорными, открывающими возможность для последующего, более подробного анализа. В рамках этого этапа решены задачи, поставленные во Введении: уточнены теоретико-методологические основы понятия дискурсивной стратегии применительно к медиадискурсу, определены критерии её операционализации в

медиатексте как дискурсивном событии и осуществлена типологизация дискурсивных стратегий, формирующих семейную медиаповестку российских СМИ на материале 2024 года (Год семьи). Применение комплекса количественного и качественного контент-анализа в сочетании с медиалингвистической интерпретацией позволило перейти от фиксации тематического присутствия семьи в медиаполе к выявлению устойчивых механизмов смысловой организации публикаций.

Полученные результаты свидетельствуют, что семейная медиаповестка конструируется не только как сумма тематически близких сообщений, а как структурированное дискурсивное поле, воспроизводимое через повторяющиеся стратегические маркеры. Выделенные стратегии выполняют функционально различимые задачи: обеспечивают институциональное обоснование и легитимацию семейной проблематики, переводят её в режим ресурсного и управленческого регулирования, задают аналитико-диагностическую рамку обсуждения, закрепляют ценностно-нормативные ориентиры, формируют практико-инструктивную поведенческую навигацию и создают каналы эмоциональной идентификации. Совокупность этих механизмов подтверждает гибридный характер семейной медиаповестки и указывает на то, что образ семьи в медиапространстве формируется через взаимосвязь институциональных, аксиологических и прагматических аспектов.

Таким образом, дискурсивные стратегии могут быть рассмотрены как методологически продуктивный инструмент исследования тематически организованных сегментов медиадискурса: они позволяют описывать не только «о чём» говорится в медиаповестке, но и «как» в медиатексте воспроизводятся социально значимые смыслы, нормы и модели интерпретации.

Перспективы дальнейших исследований связаны, во-первых, с расширением временной рамки и сопоставительным анализом стратегической структуры семейной медиаповестки в разные периоды, что позволит выявить динамику и факторы трансформации стратегий. Во-вторых, представляется значимым сравнительный анализ различных типов медиаплощадок (федеральные/региональные издания, информационные агентства, авторские колонки, цифровые медиа) с точки зрения вариативности стратегических моделей и их маркерной базы. В-третьих, методологически перспективным направлением является углублённая разработка параметров гибридности: фиксация сочетаний стратегий внутри одного медиатекста, моделирование типовых конфигураций их взаимодействия и уточнение критериев доминирования стратегии. Реализация указанных направлений позволит повысить потенциал предложенной типологии и расширить её применимость к анализу иных тематических сегментов медиадискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова С.Н. Стратегия выстраивания новостного дискурса в интернет-медиа / С.Н. Антонова, А.С. Остапенко, Т.Ю. Плетяго // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2019. — № 1. — С. 25–33.
2. Богуславская В.В. Лексико-семантические характеристики медиатекстов о материнстве / В.В. Богуславская // Медиалингвистика : Материалы V международной научной конференции, Санкт–Петербург, 30 июня — 02 июля 2021 года. — СПб.: Медиапапир, 2021. — С. 19–32.
3. Богуславская В.В. Ценностные ориентиры в медиадискурсе о семье российских и западноевропейских СМИ / В.В. Богуславская // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. — М. : Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. — С. 183–186.
4. Богуславская В.В. Сопоставительный анализ номинации семьи в русских, датских и финских новостных интернет-изданиях / В.В. Богуславская, А.Г. Чафонова // Горизонты современной русистики. Сборник статей Международной научной конференции, посвященной 90-летнему юбилею академика В. Г. Костомарова. — М., 2002. — С. 663–669.

5. Богуславская В.В. Концепт «семья»: актуализация в медиадискурсе российских, датских и финских СМИ / В.В. Богуславская, А.Г. Чафонова // Дискурс. — 2019. — № 5(6). — С. 155–165. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-6-155-165
6. Богуславская В.В. Актуальный образ семьи в дискурсе российских СМИ / В.В. Богуславская, А.Г. Ратникова // Горизонты лингвистики профессора О.А. Крыловой: функциональная стилистика, риторика, коммуникативный синтаксис : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 17–18 ноября 2022 года. — М. : Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 2023. — С. 18–22.
7. Глухов А.П. Коммуникативные стратегии российского националистического дискурса: отражение в медийном пространстве // Вестник ТГПУ. — 2010. — №5. — С. 52–58.
8. Головко Б.Н. Интертекст в массмедийном дискурсе / Б.Н. Головко. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 264 с.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 385 с.
10. Клушина Н.И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Н.И. Клушина // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 9. — Воронеж, 2011. — С. 26–33.
11. Кувычко А.А. Медиадискурс материнства: опыт лингвокультурологического исследования / А.А. Кувычко, В.В. Богуславская, А.Г. Ратникова. — М. : ООО «Издательский Центр "РИОР"», 2022. — 130 с. — DOI 10.29039/02096-8.
12. Люй Ц. Исследование дискурсивных стратегий в российских СМИ (на материале антироссийских санкций Запада) / Ц. Люй // Евразийский юридический журнал. — 2023. — № 2(177). — С. 436–437.
13. Параккини Л. Функционально-семантические доминанты языка цифровых трансмедиа в контексте актуальных проблем межкультурной коммуникации / Л. Параккини, Г.Н. Трофимова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2023. — Т. 14, № 3. — С. 757–768. — DOI 10.22363/2313-2299-2023-14-3-757-768.
14. Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность / М. Прайс. — М. : Изд-во МГУ, 2000. — 336 с.
15. Синенко П.Д. Роль аффордансов в российском массмедийном дискурсе о семье / П.Д. Синенко, В.В. Богуславская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2024. — № 2. — С. 145–149.
16. Трофимова Г.Н. Сетевая журналистика: некоторые тенденции развития / Г.Н. Трофимова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2003. — № 7–8. — С. 145–154.
17. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты) : Монография / Г.Н. Трофимова. — 2-е издание, исправленное и дополненное. — М. : Изд-во РУДН, 2008. — 300 с.
18. Трофимова Г.Н. К проблеме формирования смыслов современными медиа / Г.Н. Трофимова // Медиаскоп. — 2021. — № 1. — С. 4. — DOI 10.30547/mediascope.1.2021.6.
19. Трофимова Г.Н. Новая этика медиакоммуникации через призму профессиональной культуры журналиста / Г.Н. Трофимова // Горизонты лингвистики профессора О.А. Крыловой: функциональная стилистика, риторика, коммуникативный синтаксис : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 17–18 ноября 2022 года. — М. : Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 2023. — С. 159–160.
20. Трофимова Г. Н. Язык и стиль СМИ : учебно-методический комплекс / Г.Н. Трофимова. — М. : Российский университет дружбы народов, 2014. — 192 с.
21. Цурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности / Л.В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — №4. — С. 98–108.
22. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т.Е. Янко. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 384 с.
23. Reisigl M. The Discourse-Historical Approach (DHA) / M. Reisigl, R. Wodak // The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies / ed. by J. Flowerdew, J.E. Richardson. — 2018. — P. 87–121.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

24. Альма-матери: студенткам будут платить за рождение ребенка // Известия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://iz.ru/1787931/sergei-guranov/alma-materi-studentkam-budut-platit-za-rozdenie-rebenka (дата обращения: 27.02.2026).

25. В Год семьи «Просвещение» выпустило сборник семейных историй россиян // ТАСС [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://tass.ru/kultura/22774399 (дата обращения: 27.02.2026).
26. В кругу традиций: как и когда отмечают День семьи, любви и верности в России // Известия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://iz.ru/1539845/shaipova-mariia/v-krugu-traditcii-kak-otmechaiut-den-semi-liubvi-i-vernosti-v-rossii (дата обращения: 27.02.2026).
27. В Минцифры рассказали о продвижении семейных ценностей // РИА Новости [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ria.ru/20240705/semya-1957739480.html (дата обращения: 27.02.2026).
28. Власти подготовили демографическую стратегию «семейноцентризма». Она предлагает комплекс решений для повышения рождаемости // РБК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/14/11/2024/673477059a79475403f0341e (дата обращения: 27.02.2026).
29. Глава Минтруда Котяков — о нацпроекте «Семья», повышении рождаемости и Чебурашке // Российская газета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rg.ru/2024/09/15/semejnye-mestorozhdeniia.html (дата обращения: 27.02.2026).
30. Год живи, год женись // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6442980 (дата обращения: 27.02.2026).
31. День матери в России — 2025: когда его отмечают и чем порадовать маму // Газета.Ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/family/den-materi-v-rossii.shtml (дата обращения: 27.02.2026).
32. Истории свадеб 1960–2020 годов привлекли внимание 8 млн человек в спецпроекте от «585*ЗОЛОТОЙ» // Ведомости [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://spb.vedomosti.ru/press_releases/2024/03/13/istorii-svadeb-1960-2020-godov-privlekli-vnimanie-8-mln-chelovek-v-spetsproekte-ot-585zolotoi (дата обращения: 27.02.2026).
33. Как относятся россияне к предложению запретить идеологию чайлдфри // Российская газета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rg.ru/2024/09/19/semia-bez-mamy-i-papy.html (дата обращения: 27.02.2026).
34. На нацпроект «Семья» в 2025–2027 годах выделят более 8 трлн рублей // ТАСС [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://tass.ru/nacionalnye-proekty/21997961 (дата обращения: 27.02.2026).
35. Поделиться семейным счастьем. Марина и Евгений Петровы растят 10 детей // Аргументы и факты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rzn.aif.ru/society/podelitsya-semeynym-schastem-marina-i-evgeniy-petrovy-rastyat-10-detey (дата обращения: 27.02.2026).
36. Путин объединил Россию в крепкую семью // Взгляд [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vz.ru/politics/2024/12/19/1304482.html (дата обращения: 27.02.2026).
37. Рожать хотя бы раз в четыре года // Ведомости [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/strana/central/articles/2024/12/09/1080305-rozhat-hotya-bi-raz-v-chetire-goda (дата обращения: 27.02.2026).
38. Семейная ценность // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7180711 (дата обращения: 27.02.2026).
39. Семейные ценности и традиции в современном мире // Сноб [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://snob.ru/profile/414477/blog/3094284/ (дата обращения: 27.02.2026).
40. Семеро по ставкам. В России привяжут условия ипотеки к числу детей в семье // Аргументы и факты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://aif.ru/money/economy/semero-po-stavkam-v-rossii-privyazhut-usloviya-ipoteki-k-chislu-detey-v-seme (дата обращения: 27.02.2026).
41. Семья в объективе: фокус на самом главном // Российская газета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rg.ru/2024/07/05/avtory-semejnyh-foto-s-konkursa-svet-i-cvet-rasskazali-ob-istorii-svoego-roda.html (дата обращения: 27.02.2026).
42. Скуф или жлоб: какие мужчины не годятся для семейной жизни // Известия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://iz.ru/1738914/evgeniia-borodina/skuf-ili-zhlob-kakie-muzhchiny-ne-godiatsia-dlia-semeinoi-zhizni (дата обращения: 27.02.2026).
43. Съемный труд: нужна ли молодым семьям ипотека // Известия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://iz.ru/1660493/sergei-gurianov/semnyi-trud-nuzhna-li-molodym-semiam-ipoteka (дата обращения: 27.02.2026).
44. Эксперт: Прививать семейные ценности детям должна семья // Взгляд [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vz.ru/news/2024/10/2/1290378.html (дата обращения: 27.02.2026).

REFERENCES

1. Antonova S.N., Ostapenko A.S., & Pletiago T.Yu. (2019). Strategiya vystraivaniya novostnogo diskursa v internet-media [Strategies for constructing news discourse in Internet media]. Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, (1), 25–33 (in Russian).
2. Boguslavskaya V.V. (2021). Leksiko-semanticheskie kharakteristiki mediatekstov o materinstve [Lexical and semantic characteristics of media texts about motherhood]. In Medialingvistika: Materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (pp. 19–32). Mediabapir (in Russian).
3. Boguslavskaya V.V. (2023). Tsennostnye orientiry v mediadiskurse o sem'e rossiyskikh i zapadnoevropeyskikh SMI [Value orientations in media discourse about family in Russian and Western European media]. In Sovremennaya rossiyskaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti (pp. 183–186). Pushkin State Russian Language Institute (in Russian).
4. Boguslavskaya V.V., & Chafonova A.G. (2020). Sopostavitel'nyy analiz nominatsii sem'i v russkikh, datskikh i finskikh novostnykh internet-izdaniyakh [Comparative analysis of the nomination of family in Russian, Danish and Finnish online media]. In Gorizonty sovremennoy rusistiki (pp. 663–669) (in Russian).
5. Boguslavskaya V.V., & Chafonova A.G. (2019). Kontsept "sem'ya": aktualizatsiya v mediadiskurse rossiyskikh, datskikh i finskikh SMI [The concept "family": actualization in the media discourse of Russian, Danish and Finnish media]. Diskurs, 5(6), 155–165. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-6-155-165 (in Russian).
6. Boguslavskaya V.V., & Ratnikova A.G. (2023). Aktual'nyy obraz sem'i v diskurse rossiyskikh SMI [The contemporary image of family in Russian media discourse]. Gorizonty lingvistiki professora O.A. Krylovoy (pp. 18–22). RUDN University (in Russian).
7. Glukhov A.P. (2010). Kommunikativnye strategii rossiyskogo natsionalisticheskogo diskursa: otrazhenie v mediynom prostranstve [Communicative strategies of Russian nationalist discourse in media space]. Vestnik TGPU, (5). (in Russian).
8. Golovko B.N. (2012). Intertekst v massmediynom diskurse [Intertext in mass media discourse]. LIBROKOM (in Russian).
9. Karasik V.I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Peremena (in Russian).
10. Klushina N.I. (2011). Ot stilya k diskursu: novyy povorot v lingvistike [From style to discourse: A new turn in linguistics]. Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda, 9, 26–33 (in Russian).
11. Kuvychko A.A., Boguslavskaya V.V., & Ratnikova A.G. (2022). Mediadiskurs materinstva: opyt lingvokul'turologicheskogo issledovaniya [Media discourse of motherhood: A linguocultural study]. RIOR. https://doi.org/10.29039/02096-8 (in Russian).
12. Lyuy Ts. (2023). Issledovanie diskursivnykh strategiy v rossiyskikh SMI (na materiale antirossiyskikh sanktsiy Zapada) [Discursive strategies in Russian media]. Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal, 2(177), 436–437 (in Russian).
13. Parakkini L., & Trofimova G.N. (2023). Funktsional'no-semanticheskie dominanty yazyka tsifrovykh transmedia [Functional-semantic dominants of digital transmedia language]. Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika, 14(3), 757–768. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-757-768 (in Russian).
14. Price M. (2000). Televidenie, telekommunikatsii i perekhodnyy period: pravo, obshchestvo i natsional'naya identichnost' [Television, telecommunications and transition: Law, society and national identity]. Moscow State University (in Russian).
15. Sinenko P.D., & Boguslavskaya V.V. (2024). Rol' affordansov v rossiyskom massmediynom diskurse o sem'e [The role of affordances in Russian media discourse about family]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, (2), 145–149 (in Russian).
16. Trofimova G.N. (2003). Setevaya zhurnalistika: nekotorye tendentsii razvitiya [Online journalism: Some development trends]. Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika, (7–8), 145–154 (in Russian).
17. Trofimova G.N. (2008). Yazykovoy vkus internet-epokhi v Rossii [Language taste of the Internet era in Russia]. RUDN University (in Russian).
18. Trofimova G.N. (2021). K probleme formirovaniya smyslov sovremennymi media [On meaning-making by contemporary media]. Mediaskop. https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2021.6 (in Russian).
19. Trofimova G.N. (2023). Novaya etika mediakommunikatsii cherez prizmu professional'noy kul'tury zhurnalista [New ethics of media communication]. Gorizonty lingvistiki professora O.A. Krylovoy (pp. 159–160). RUDN University (in Russian).
20. Trofimova G.N. (2014). Yazyk i stil' SMI [Language and style of mass media]. RUDN University (in Russian).

21. Tsurikova L.V. (2007). Diskursivnye strategii kak ob”ekt kognitivno-pragmaticheskogo analiza [Discursive strategies as an object of cognitive-pragmatic analysis]. Voprosy kognitivnoy lingvistiki, (4). (in Russian).
22. Yanko T.E. (2001). Kommunikativnye strategii russkoy rechi [Communicative strategies of Russian speech]. Yazyki slavyanskoy kul’tury (in Russian).
23. Reisigl M., Wodak R. (2018). The Discourse-Historical Approach (DHA). Flowerdew J., Richardson J.E. (ed.). The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies (in English).

Поступила в редакцию 05.03.2026 г.

DISCOURSE STRATEGIES IN SHAPING FAMILY MEDIA AGENDA

P.D. Sinenko

The article addresses the problem of the systematic identification and typologization of discourse strategies that shape the family media agenda in Russian mass media under conditions of increased institutional attention to family issues (2024 is the Year of the Family). The theoretical framework integrates discourse theory, the Discourse-Historical Approach, and media-linguistic perspectives on strategy as a mechanism of textual meaning construction. The empirical corpus consists of publications from federal and regional Russian media in 2024, selected from the analytical platform PressIndex. The methodology combines quantitative and qualitative content analysis with a media-linguistic interpretation of the media text as a discourse event. The findings reveal stable strategic models of representing the family that ensure its legitimation, normative consolidation, and personalization. The conclusion is made that the family media agenda is hybrid in nature and functions as a structurally organized segment of contemporary media discourse.

Key words: discursive strategies, family media agenda, media discourse, media content analysis, Discourse-Historical Approach, institutional legitimation, axiological normalization, Year of the Family.

Синенко Полина Дмитриевна.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Российская Федерация, г. Москва.
Аспирант 3 курса кафедры массовых коммуникаций филологического факультета.
ORCID 0009-0002-6024-9054.
E-mail: sinenko.polina22@mail.ru.

Sinenko Polina Dmitrievna.
Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Russian Federation, Moscow.
Postgraduate student at Department of Mass Communications, Faculty of Philology.
ORCID 0009-0002-6024-9054.
E-mail: sinenko.polina22@mail.ru.

Научная статья
УДК 81'37
DOI: 10.5281/zenodo.19907372

К ВОПРОСУ О СИНОНИМИИ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ ШАХТНОГО ПОДЪЕМА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

© 2026 *А.Е. Смирнов*
Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский международный университет»
ORCID 0009-0009-9644-4653

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Настоящая работа посвящена изучению явления синонимии в терминосистеме шахтного подъема современного немецкого языка. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью семантических отношений в специальных технических языках. Материалом послужила сплошная выборка из 2 106 терминов, выделенных из документации немецкого производителя шахтного подъемного оборудования. Целью исследования является описание специфики терминологической синонимии в немецкой горной лексике. Проведенный на основе общепризнанной классификации терминов-синонимов С.В. Гринева-Гриневича семантический анализ позволил выявить, структурировать и систематизировать типы синонимии в этой терминосистеме, включая абсолютные и условные синонимы, а также разноязычные эквиваленты. Результаты показывают, что основными причинами проявления терминологической синонимии являются стремление к экономии языковых средств и потребность в эффективной профессиональной коммуникации. На основе проведенного исследования сделан вывод, что, вопреки требованию однозначности, синонимия в горной терминологии является не недостатком, а естественным отражением актуальной динамики и уровня развития отрасли, а также ее понятийного аппарата. Полученные результаты вносят вклад в теорию терминоведения и имеют практическую ценность для лексикографии и переводоведения.

***Ключевые слова*:** горная терминология, лексика шахтного подъема, терминологическая синонимия, абсолютный синоним, относительный синоним, условный синоним, акроним, эквивалент, композит, аббревиатура.

Для цитирования: Смирнов А.Е. К вопросу о синонимии в терминосистеме шахтного подъема немецкого языка / А.Е. Смирнов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 173–182. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19907372.

Введение. Горное дело как направление, обозначающее добычу и переработку полезных ископаемых, является одной из древнейших сфер хозяйственной деятельности человека. Неотъемлемой частью горнодобывающей промышленности является сегмент шахтного подъема, представляющий совокупность машин и механизмов для выдачи из-под земли на поверхность полезных ископаемых и горной породы, а также для спуска и подъема людей, оборудования и материалов посредством наклонных или вертикальных стволов. Вместе с развитием отрасли формировалась и горная терминология, представляющая совокупность слов и словосочетаний, обозначающих понятия в области освоения недр Земли [15]. Первые сведения о горной терминологии в Германии датированы еще XIII веком [14]. Появление новых технологий, видов оборудования и способов добычи приводит к формированию новых терминов и переосмыслению существующих. В рамках этого процесса между терминами неизбежно возникают синонимические отношения: одни и те же понятия получают разные

наименования в силу исторических, региональных и профессиональных факторов. Такая вариативность, с одной стороны, отражает гибкость и динамичность профессиональной лексики, но, с другой стороны, создает риски терминологической избыточности и неустойчивости. В этой связи системное изучение синонимов в горной терминологии становится необходимым условием ее упорядочения. Этот процесс объединяет как лингвистическую проблематику за счет выявления семантических отношений внутри терминосистемы, так и решение прикладных задач путем обеспечения унификации и стандартизации этого профессионального языка.

Материалы и методы исследования. Целью настоящего исследования является описание синонимии в секторе шахтного подъема немецкого языка и определение особенностей данного сегмента горной терминологии, что позволит определить актуальное состояние этого специального языка и спрогнозировать возможные тенденции его развития.

Для достижения поставленной цели был использован метод семантического анализа, который основан на классификации терминов-синонимов С.В. Гринева-Гриневича [3], подробно описанной в основной части статьи.

Актуальность настоящей работы обусловлена как недостаточной изученностью функционирования специальных технических языков в целом, так и необходимостью исследования отдельных проблем семасиологического терминоведения, которые связаны с парадигматическими явлениями: полисемией, омонимией, синонимией, антонимией [3, с. 13].

Научная новизна работы заключается в том, что термины-синонимы в сегменте шахтного подъема немецкого языка ранее не были предметом лингвистического исследования. При этом некоторые аспекты данной терминосистемы в английском и русском языках были изучены в работах таких авторов, как Е.В. Бессонова, М.Д. Бонелис, Н.А. Буре, Е.И. Голованова, Л.К. Лазарева, Е.К. Саматова и др.

Источником материала исследования послужили 2 106 немецких терминов, выделенные методом сплошной выборки в ходе практической переводческой деятельности на основе технической и коммерческой документации немецкой компании-производителя оборудования для шахтного подъема Siemag Tecberg.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении теоретической базы терминоведения данными о явлении синонимии в технических терминосистемах и специальных языках. Предложенные разработки в области синонимии могут быть значимы для решения фундаментальных задач, связанных с моделированием языковой картины мира, выявлением механизмов семантической вариативности и уточнением принципов лексической системности.

Практическая ценность связана с возможностью использования языкового материала и полученных результатов при составлении терминологических и синонимических словарей и учебных пособий, а также в рамках практики перевода и профессиональной межкультурной коммуникации.

Основная часть. Под терминологической синонимией понимается «тип семантических отношений терминов, заключающийся в способности терминологических единиц обозначать одно и то же специальное понятие для указания на его разные существенные или несущественные признаки, а также для выражения стилистического отношения автора к излагаемому материалу» [16, с. 172]. Синонимические отношения основываются на полном или частичном тождестве основных семантических компонентов слова [10, с. 81]. Если в художественной литературе синонимия является средством выразительности, то в терминологии она

относится к существенным недостаткам [5, с. 7; 3, с. 21; 1, с. 33], поскольку к значению термина предъявляются такие требования как непротиворечивость семантики, однозначность, полнозначность, отсутствие синонимов [3, с. 31–32]. Д.С. Лотте отмечает, что точность терминологической системы «требует устранения наравне с синонимическими терминами и синонимических терминоэлементов» [5, с. 16].

Однако, среди ученых-лингвистов нет единого мнения в этом вопросе. А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева считают, что требование однозначности, то есть наличие у одного слова единственного смысла, предполагает отсутствие у термина полисемантических, омонимических и синонимических отношений. Но на практике дело обстоит иначе: «термин не может избавиться от материальной языковой формы, где все эти отношения неизбежно присутствуют» [12, с. 55]. В.П. Даниленко видит явление синонимии неизбежным в научной литературе, «так как там проявляется реальное существование разных научных точек зрения, разных школ, разных этапов формирования терминологии» [4, с. 31–32]. Сходную точку зрения выражает В.А. Татаринов, говоря о том, что синоним в терминологии — «не дублет, а активное средство фиксации нового взгляда на предмет мысли» [16, с. 175]. При этом синонимия отражает уровень развития науки: чем он выше, тем более синонимичным является мышление специалиста [16].

В целом, ранее проведенные исследования других отраслевых терминологий (лингвистическая [6], медицинская [6; 7; 8], автомобильная [9]) свидетельствуют о наличии в них синонимии терминов в различном объеме. Постепенно сформировалось суждение о том, что синонимия в лексической системе специальных языков «должна быть представлена незначительным количеством примеров и непротяжёнными синонимическими рядами» [6, с. 24].

В ходе семантического анализа акцент сделан на классификации терминов-синонимов С.В. Гринева-Гриневича, поскольку она наиболее полным образом описывает явление синонимии в терминологии. Отправной точкой данной классификации являются основные типы равнозначности и современные тенденции употребления терминов. Таким образом выделяются равнозначные термины одного языка — термины-синонимы, а также разноязычные равнозначные термины — эквиваленты. Далее равнозначные термины ранжируются на абсолютные синонимы, имеющие тождественное значение, и условные синонимы, имеющие подобное значение, но «используемые в определенных условиях в качестве абсолютных синонимов» [3, с. 105]. В свою очередь, абсолютные синонимы «подразделяются на варианты — абсолютные синонимы, полученные вариацией формы термина, и дублеты — абсолютные синонимы с различной формой» [3, с. 105]. Среди вариантов терминов на основе признака языкового уровня выделяются графические, фонетические, фонетико-графические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и морфолого-синтаксические виды. Последние, в свою очередь, делятся на эллиптические, композитные, аббревиатурные и акронимные как разновидность аббревиатурных. Дублеты могут быть разновременными, ареальными и разноязычными. Условные синонимы могут быть разделены на квазисинонимы — термины с частично совпадающим значением, текстуальные синонимы — условные синонимы с различной широтой значения, а также разнопонятийные синонимы, «называющие один и тот же денотат, которому соответствуют разные понятия» [3, с. 108]. Эквиваленты как разноязычные понятия подразделяются на полные эквиваленты, имеющие тождественное значение, и квазиэквиваленты с частично совпадающим значением.

В соответствии с классификацией равнозначных терминов С.В. Гринева-Гриневича в проведенном исследовании были выделены термины-синонимы, представленные абсолютными и условными синонимами, и эквиваленты.

Из 2 106 проанализированных лексических единиц в общей сложности было выявлено 230 лексических единиц, составивших 106 синонимических рядов. Соответственно, доля синонимических отношений в объеме исследованной выборки составляет 11 %. Подавляющее большинство составили синонимические ряды, состоящие из двух слов и/или словосочетаний — 85 % (*Spannungseinbruch — Spannungsabfall* ‘падение напряжения’), из трех слов — 13 % (*Bergkorb — Fördergestell — Förderkorb* ‘подъемная клеть’), из четырех или пяти слов — по 1 % (*Bedienstand — Steuerstand — Steuerpult — Bedienpult* ‘пульт управления’; *Bandanlage — Bandtransport — Förderband — Bandförderer — Gurtförderanlage* ‘ленточный конвейер’). Следует отметить, что абсолютные синонимы (варианты и дублеты) в силу своего определения представлены исключительно парами терминов (*Steuersystem –Steuerungssystem* ‘система управления’; *Probelauf — Testlauf* ‘индивидуальные испытания’), в то время как условные синонимы (квазисинонимы и разнопонятийные синонимы) состоят из синонимических рядов, включающих от двух до пяти слов.

Абсолютные синонимы составляют 44 % от общего числа терминов и представлены вариантами (41 пара) и дублетами (6 пар). Группа условных синонимов составляет 53 % и включает квазисинонимы (53 ряда) и разнопонятийные синонимы (3 ряда). Было обнаружено незначительное число разноязычных эквивалентов с долей 3 % (3 ряда). Удельный вес абсолютных, относительных синонимов и эквивалентов в общем объеме равнозначных терминов представлен на рис. 1.

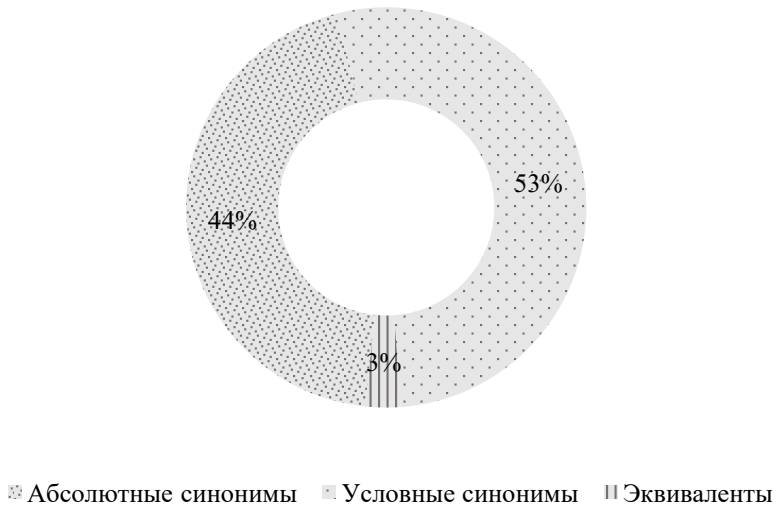

Рисунок 1. Удельный вес абсолютных, относительных синонимов и эквивалентов

Абсолютные синонимы. Абсолютные синонимы включают варианты и дублеты. В проведенном исследовании варианты представлены 82 лексическими единицами, образующими 41 морфолого-синтаксическую пару синонимов, в числе которых:

- эллиптические — 13 пар;
- композитные — 10 пар;
- собственно аббревиатурные — 8 пар;
- акронимные — 10 пар.

Распределение разновидностей морфолого-синтаксических вариантов синонимов (в процентах) наглядно представлено на рис. 2.

Рисунок 2. Распределение разновидностей морфолого-синтаксических вариантов синонимов

Формальная структура исследованных морфолого-синтаксических вариантов синонимов представлена сложными словами (композитами) в количестве 58 единиц, простыми словами — 6 единиц, словосочетаниями — 6 единиц, акронимами — 10 единиц, аббревиатурами — 2 единицы. Распределение синонимических единиц по формально-структурному принципу представлено на рис. 3.

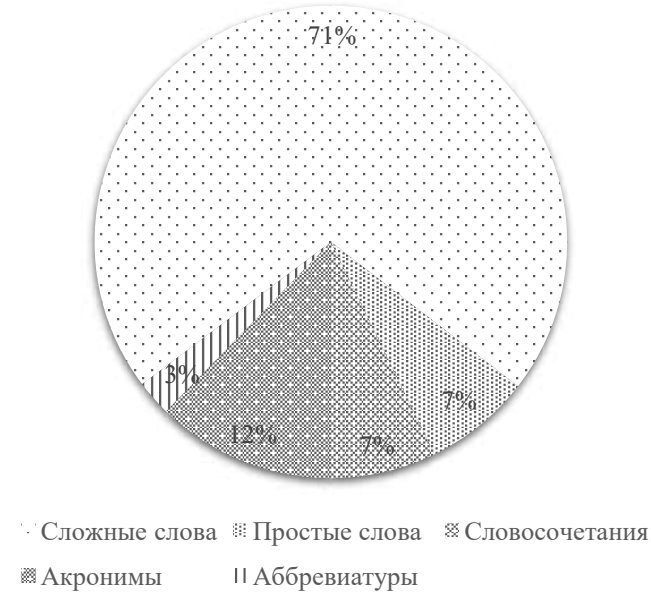

Рисунок 3. Распределение морфолого-синтаксических вариантов синонимов по формально-структурному принципу

Для эллиптических вариантов наиболее характерной является структура, в которой опускается зависимое слово — 85 % от общего числа эллиптических вариантов: *Prallbalkentisch — Pralltisch* ‘приемный стол’, *Förderkorb — Korb* ‘подъемная клеть’. В 15 % случаев отмечается пропуск главного слова: *harmonische Oberwellen — Harmonische* ‘гармоники’, *Erläuterungsschreiben — Erläuterung* ‘пояснительная записка’.

Для 40 % композитных вариантов характерно усечение суффикса одного из компонентов: *Ablenkungswinkel — Ablenkwinkel* ‘угол девиации’, *Beschickungseinrichtung — Beschickeinrichtung* ‘загрузочное устройство’. В 30 % случаев в этой группе наблюдается трансформация словосочетания, образованного по модели Adj. + Sub. в двусоставное сложное слово (композит): *elektrische Ausrüstung — Elektroausrüstung* ‘электрооборудование’, *Träger des Fördergerüstes — Gerüstträger* ‘подшкивная балка’. В других 30 % этой группы образование синонимов происходит за счет усечения основы одного из компонентов: *Transformatorstation — Trafostation* ‘трансформаторная подстанция’.

Аббревиатурные варианты включают в общей сложности 18 пар синонимов, 10 из которых представлены акронимными вариантами.

Среди собственно аббревиатурных вариантов 75 % составляют синонимы, представляющие собой инициальные (буквенные) аббревиатуры, в которых усечению подвергается одно из двух слов в композите: *Explosionsschutz — Ex-Schutz* ‘взрывозащита’, *Unterseil — U-Seil* ‘уравновешивающий канат’. В 25 % случаев аббревиации подвергаются оба слова в композите, что приводит к образованию слоговых аббревиатур: *Fördermaschine — FöMa* ‘подъемная машина’, *Hilfsfahranlage — HiFa* ‘аварийно-ремонтная подъемная установка’.

Акронимные варианты представляют собой сложения начальных букв сложных слов. Наиболее частотными в данной группе являются трехбуквенные акронимы с долей 80 %. Двухбуквенные акронимы составляют 20 %.

Доля дублетов составляет 13 % среди абсолютных синонимов в проведенном исследовании. Преобладают разноязычные дублеты, представленные исконными и заимствованными из английского и латинского языков словами в структуре композита: *Überschüttungssensor — Überschüttungswächter* ‘датчик контроля забивки’, *Schwerkraftförderung — Gravitationsförderung* ‘гравитационный спуск’.

Выявлен случай разновременно-ареального дублета: *Bergwerk — Zeche*. Если *Bergwerk* используется в официальных документах для обозначения рудника с любым способом добычи (подземный/открытый) и любым видом полезного ископаемого (руда, уголь, соли), то *Zeche* является термином для наименования угольных шахт Рурского региона, имеющим одновременно локальную и культурно-историческую привязку. *Im Ruhrgebiet (Steinkohlebergwerke) ist die **Zeche** auch heute noch ein gängiges Synonym für ein **Bergwerk*** [17]. */ В Рурской области (каменноугольные рудники) термин «**Zeche**» и сегодня является употребительным синонимом слова «**рудник**»* (перевод авторский).

Условные синонимы. В общем корпусе условных синонимов квазисинонимы, т. е. термины с частично совпадающим значением, составляют 95 % и употребляются в технической документации как равнозначные лексические единицы: *einziehender Schacht — Frischwetterschacht* ‘воздухоподающий ствол’, *Hauptschacht — Betriebsschacht — Produktionsschacht* ‘главный ствол’.

Особенностью рассмотренных квазисинонимов является наличие дополнительных гиперо-гипонимических отношений в рамках одного синонимического ряда, где одно слово является родовым по отношению к другому (другим): *Messband — Wiegeband* ‘весовой конвейер’, *Betriebshandbuch — Betriebsanweisung — Bedienungsanleitung* ‘инструкция по эксплуатации’. Следует отметить, что аналогичные синонимы встречаются и в других отраслевых терминосистемах, относящихся к определенным языкам для специальных целей, где «типология синонимов дополняется такими разновидностями, которые вступают в гиперо-гипонимические отношения (родовидовые) [6, с. 26–27].

Другим характерным признаком квазисинонимов является наличие метонимического переноса по модели «часть целого — целое»: *Plattenförderer — Plattenband* ‘пластинчатый питатель’, *Schutzabdeckung — Schutzblech* ‘защитное ограждение’.

Разнопонятийные синонимы, на долю которых приходится 5 %, не получили широкого распространения среди условных синонимов: *Restwindung — Reibwindung* ‘виток трения’.

Эквиваленты. В рамках проведенного исследования разноязычные равнозначные термины составили 3 % в общем корпусе терминов и представлены полными эквивалентами, имеющими тождественное значение и наравне использующимися в немецкоязычной лексике шахтного подъема: *Machbarkeitsstudie — Feasibility Study* ‘технико-экономическое обоснование’, *Fangvorrichtung — Parachute* ‘шахтный парашют’.

Заключение. Немецкая горная терминология в силу своей антропоцентричности имеет длительную историю формирования и в настоящее время представляет собой сложную систему взаимосвязанных отраслей научно-практического знания, к числу которых относится сегмент шахтного подъема.

Относительно невысокая доля синонимов, составляющая 11 % в общем массиве исследованных лексических единиц, свидетельствует о принципиально стабильном характере терминосистемы, ее точности и однозначности.

Среди всех видов синонимов, рассмотренных в исследовании, доминируют относительные синонимы (53 %), далее следуют абсолютные синонимы (44 %), тогда как на долю эквивалентов приходится 3 %. С одной стороны, преобладание относительных синонимов свидетельствует о развитой профессиональной коммуникации, где есть потребность в выделении смысловых нюансов или иерархических отношений, с другой стороны, высокая доля абсолютных синонимов указывает на то, что система находится в процессе трансформаций, обусловленных технологическими драйверами четвертой промышленной революции, эффективно использующими «всепроникающую силу цифровых и информационных технологий» [13, с. 17].

Среди абсолютных синонимов наиболее многочисленными оказались морфолого-синтаксические варианты (87 %). Наибольшую продуктивность внутри этой группы обнаружили эллиптические варианты синонимов (32 %), за ними с некоторым отставанием следуют композитные и акронимные варианты (по 24 % каждый). Подавляющее доминирование морфолого-синтаксических вариантов в группе абсолютных синонимов свидетельствует о системном процессе внутренней трансформации терминов. Способы образования морфолого-синтаксических вариантов синонимов в немецкой горной терминологии предполагают сокращение длины слов и/или словосочетаний, что характерно для динамично развивающихся технических терминосистем, стремящихся к экономии языковых средств при сохранении исходного семантического значения. Эллипсис как ведущий механизм адаптации является прямой реакцией на потребность в краткости и скорости устной и письменной профессиональной коммуникации. В качестве другого способа преодоления комплексной структуры терминов «следует отметить отчетливую тенденцию к образованию сокращений и аббревиатур, что связано с краткостью, но равноценной функциональностью сокращения по сравнению с терминируемым понятием» [11, с. 84]. При этом терминосистема в равной степени использует как свои внутренние ресурсы (композитные варианты), так и стремится к максимальной компрессии и кодифицированности (акронимные варианты).

Среди условных синонимов квазисинонимы составляют 95 % и характеризуются наличием гипонимических иерархических отношений. Это свидетельствует о том, что термины в исследуемой терминосистеме выстраиваются не просто в синонимические ряды, а в логические родовидовые структуры. В свою очередь, это является признаком зрелой научной классификации, в которой понятия систематизированы, а область знаний структурирована. Наличие метонимии как одного из признаков квазисинонимии указывает на взаимосвязь терминов через сдвиг значения с одного элемента на другой (или его часть) и дифференцированность понятийного аппарата, используемого в профессиональной коммуникации.

Низкая доля разнопонятийных синонимов, составляющих 5 % в общем объеме условных синонимов, свидетельствует о семантической точности и унификации исследуемой терминосистемы.

Доля эквивалентов является минимальной и составляет 3 %, что обусловлено особенностями выборки и фокусом настоящего исследования, направленным на изучение внутриязыковой синонимии в рамках одной терминосистемы, а не на сопоставление разных языков.

Горная лексика преимущественно используется в профессиональной коммуникации. Значение абсолютных и относительных синонимов, а также эквивалентов в тематической структуре «терминосистемы шахтного подъема представляет собой естественную для специалистов данной сферы ситуативно-тематическую организацию понятий и явлений, представленных терминами, и отражает предметно-смысловую основу терминологической составляющей картины мира специалиста в области подземной горной добычи» [2, с. 203–204].

Наиболее важным фактором, способствующим проявлению синонимии в рассматриваемой терминосистеме, является присущее многим отраслевым терминологиям стремление к экономии языковых средств и времени в рамках профессиональной коммуникации, направленной на эффективное и быстрое достижение необходимого результата. Принимая во внимание происходящий технологический, цифровой и экологический прорыв, а также интенсивный процесс интернационализации [11] в горнодобывающей промышленности, появление новых терминов-синонимов из смежных областей знаний здесь является практически неизбежным. В этой связи одним из важных последующих вопросов, стоящих перед исследователями, могло бы стать создание профильных лексикографических изданий, представляющих несомненную ценность для специалистов в области горного дела, перевода и межкультурной профессиональной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будагов Р.А. Введение в науку о языке : Учебное пособие / Р.А. Будагов. — М. : Добросвет-2000, 2003. — 544 с.
2. Бузинова Л.М. О тематическом корпусе терминосистемы шахтного подъема / Л.М. Бузинова, А.Е. Смирнов // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». — 2025. — № 1 (44). — С. 194–206.
3. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С.В. Гринев-Гриневич. — М. : Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с.
4. Даниленко В.П. Лингвистические требования к стандартизируемой терминологии / В.П. Даниленко // Терминология и норма (О языке терминологических стандартов) : сб. ст. — М. : Наука, 1972. — 120 с.
5. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии Вопросы теории и методики / Д.С. Лотте. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — 158 с.
6. Носович Я.-Ф. Синонимия в отраслевых терминологиях: особенности проявления в языках медицины и лингвистики / Я.-Ф. Носович, Э.А. Сорокина // Вестник Московского государственного областного

университета. Серия: Лингвистика. — 2020. — № 2. — С. 22–33. — DOI: 10.18384/2310-712X-2020-2-22-33.
7. Плоцкая Ю.В. Структурно-семантические особенности немецкой стоматологической терминологии : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Ю.В. Плоцкая. — 2020. — 174 с.
8. Пряжникова К.А. Проблема синонимии при переводе медицинских терминов / К.А. Пряжникова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2025. — № 2 (85). — С. 252–257.
9. Ревина Ю.Н. Автомобильная терминология немецкого и русского языков: сопоставительный аспект исследования : монография / Ю.Н. Ревина. — Омск : Изд-во ОмГТУ, 2013. — 76 с.
10. Рублева О.Л. Лексикология современного русского языка : учебное пособие / О.Л. Рублева. — Владивосток : ТИДОТ ДВГУ, 2004. — 250 с.
11. Смирнов А.Е. Особенности терминообразования в профессионально-ориентированном немецком языке (на примере лексики шахтного подъема) / А.Е. Смирнов // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. — 2024. — № 3 (55). — С. 78–86.
12. Суперанская А.В. Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. — М. : Издательство ЛКИ, 2007. — 256 с.
13. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. — Эксмо, 2016. — 138 с.
14. Stedje A. Deutsche Sprache gestern und heute: Einführung in Sprachgeschichte und Sprachkunde / A. Stedje, H-P. Prell. — München: Fink Verlag, 2007. — 277 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

15. Горная энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mining-enc.ru/t/terminologiya-gornaya/ (дата обращения: 20.12.2025).
16. Татаринов В.А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь / Российское терминологическое общество РоссТерм. — М.: Московский Лицей, 2006. — 528 с.
17. Neues Wort [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://neueswort.de/zeche/#wbounce-modal (дата обращения 09.12.2025).

REFERENCES

1. Budagov R.A. (2003). Vvedenie v nauku o iazyke [Introduction to the science of language]. Moscow: Dobrosvet-2000. (In Russian)
2. Buzinova L.M., & Smirnov A.E. (2025). O tematicheskom korpuse terminosistemy shakhtnogo podema [About thematic corpus of mine hoisting terminology system]. Mezhdunarodnyi informatsionno-analiticheskii zhurnal “Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, iazyk”, 1(44), 194–206. (In Russian)
3. Grinev-Grinevich S.V. (2008). Terminovedenie [Terminology studies]. Moscow: Izdatel’skii tsentr “Akademiia”. (In Russian)
4. Danilenko V.P. (1972). Lingvisticheskie trebovaniia k standartiziruemoi terminologii [Linguistic requirements for standardized terminology]. Terminologiia i norma (O iazyke terminologicheskikh standartov) [Terminology and norm (On the language of terminological standards)] [Collection of articles]. Moscow: Nauka. (In Russian)
5. Lotte D.S. (1961). Osnovy postroeniia nauchno-tekhnicheskoi terminologii. Voprosy teorii i metodiki [Foundations of scientific and technical terminology construction. Questions of theory and methodology]. Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian)
6. Nosovich Ya.-F., & Sorokina E.A. (2020). Sinonimiia v otraslevykh terminologiiakh: osobennosti proiavleniia v iazykakh meditsiny i lingvistiki [Synonymy in professional terminologies: occurences in languages for specific purposes of medicine and linguistics]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriia: Lingvistika, 2, 22–33. (In Russian)
7. Plotskaia Yu.V. (2020). Strukturno-semanticheskie osobennosti nemetskoi stomatologicheskoi terminologii [Structural and semantic features of German dental terminology]. Doctoral dissertation, Candidate of Philological Sciences: 10.02.04. (In Russian)
8. Priazhnikova K.A. (2025). Problema sinonimii pri perevode meditsinskikh terminov [The problem of synonymy in the translation of medical terms]. Vestnik TvGU. Seriia «Filologiia», 2(85), 252–257. (In Russian)
9. Revina Yu.N. (2013). Avtomobil’naia terminologiia nemetskogo i russkogo iazykov: sopostavitel’nyi aspekt issledovaniia [Automotive terminology of the German and Russian languages: a comparative aspect of research]. Omsk: Izd-vo OmGTU. (In Russian)
10. Rubleva O.L. (2004). Leksikologiia sovremennogo russkogo iazyka [Lexicology of the modern Russian language]. Vladivostok: TIDOT DVGU. (In Russian)

11. Smirnov A.E. (2024). Osobennosti terminoobrazovaniia v professional'no-orientirovannom nemetskom iazyke (na primere leksiki shakhtnogo pod''ema) [Peculiarities of term formation in the professionally oriented German language (on example of mine hoisting lexicon)]. Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta, 3(55), 78–86. (In Russian)
12. Superanskaia A.V., Podol'skaia N.V., & Vasil'eva N.V. (2007). Obshchaia terminologiia: voprosy teorii [General terminology: questions of theory]. Moscow: Izdatel'stvo LKI. (In Russian)
13. Schwab K. (2016). Chetvertaia promyshlennaia revoliutsiia [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo. (In Russian)
14. Stedje A., & Prell H.-P. (2007). Deutsche Sprache gestern und heute: Einführung in Sprachgeschichte und Sprachkunde. München: Fink Verlag. (In German)

Поступила в редакцию 22.01.2026 г.

SYNONYMY IN GERMAN MINE HOISTING TERMINOLOGY SYSTEM

A.E. Smirnov

The work addresses the phenomenon of synonymy within the mine hoisting terminology system in modern German language. The relevance of the research is due to the insufficient study of semantic relations in technical languages for specific purposes. The material comprises a continuous sampling of 2,106 terms extracted from the documentation of a German manufacturer of mine hoisting equipment. The purpose of the study is to describe the specifics of terminological synonymy in German mining vocabulary. Semantic analysis, based on the generally recognized classification of synonymous terms by S.V. Grinev-Grinevich, has enabled the identification, structuring, and systematization of synonymy types within this terminological system, including absolute and conditional synonyms, as well as cross-lingual equivalents. The results demonstrate that the primary drivers of terminological synonymy are the drive for economy of linguistic means and the need for effective professional communication. Based on the conducted research, it is concluded that, contrary to the requirement of unambiguity, synonymy in mining terminology is not a deficiency but a natural reflection of the current dynamics and developmental level of the industry, as well as of its conceptual framework. The results obtained contribute to terminology theory and are of practical value for lexicography and translation studies.

Key words: mining terminology, mine hoisting vocabulary, terminological synonymy, absolute synonym, relative synonym, conditional synonym, acronym, equivalent, compound, abbreviation.

Смирнов Алексей Евгеньевич.
Московский международный университет, Российская Федерация, г. Москва.
Аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.
ORCID 0009-0009-9644-4653.
E-mail: falcenhorst@rambler.ru.

Smirnov Alexey Evgenyevich.
Moscow International University, The Russian Federation, Moscow.
Postgraduate student at Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication.
ORCID 0009-0009-9644-4653.
E-mail: falcenhorst@rambler.ru.

Научная статья
УДК 82.0:82.3
DOI: 10.5281/zenodo.19907530

«МАЛАЯ» ПРОЗА КАК ЛАБОРАТОРИЯ ДВОЕМИРИЯ: ПОЭТИКА РАССКАЗОВ В. НАБОКОВА 1920–1930-Х ГОДОВ

© 2025 ***А.А. Стомина***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганский государственный педагогический университет»
ORCID 0009-0005-6341-2381

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена исследованию малой прозы В. Набокова 1920–1930-х годов как творческой лаборатории, в которой отрабатываются нарративные и интермедиальные механизмы конструирования двоемирия. На материале рассказов «Картофельный Эльф», «Бахман», «Terra Incognita» и «Музыка» с применением методов нарратологического и интермедиального анализа выявляются ключевые инструменты создания онтологической нестабильности. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении ранних рассказов не как периферийного материала, а как ключевой «лаборатории», где с максимальной интенсивностью апробируются стратегии создания «потусторонности». Установлено, что патология сознания, сновидческое наложение реальностей и музыкальный контрапункт последовательно апробируются В. Набоковым в малой форме как точные операторы для деконструкции единой реальности и порождения иной реальности. Результаты работы демонстрируют технологический генезис центральной концепции поэтики В. Набокова и открывают перспективы для изучения его малой прозы в контексте модернистского эксперимента с формой.

Ключевые слова: Владимир Набоков, двоемирие, потусторонний мир, малая проза, рассказ, нарратология, интермедиальность, русский модернизм, поэтика.

Для цитирования: Стомина А.А. «Малая» проза как лаборатория двоемирия: поэтика рассказов В. Набокова 1920–1930-е годов / А.А. Стомина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 183–193. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19907530

Введение. Концепция двоемирия, или «потусторонности», давно признана одной из системообразующих основ художественного универсума Владимира Набокова. Её философско-эстетические импликации получили фундаментальное освещение как в классических трудах, трактующих эту категорию в контексте метафизических взглядов и автобиографического мифа писателя [2; 3; 5], так и в работах, исследующих её воплощение в романной структуре. Однако подобный макромасштаб рассмотрения зачастую оставляет в тени вопрос о техническом генезисе этой концепции, о конкретных нарративных и образных механизмах, которые были выработаны В. Набоковым для её реализации. Особенно остро этот пробел ощущается в отношении его ранней малой прозы 1920–1930-х годов, которая, несмотря на отдельные наблюдения [9], не рассматривалась как целостное и приоритетное поле для отработки поэтики двоемирия.

Между тем, именно рассказы этого периода, в силу имманентных свойств малой формы — концентрированности, повышенной условности, фрагментарности — создают идеальные условия для творческого эксперимента. Они функционируют как литературная лаборатория, где с минимальными затратами, но с максимальной точностью тестируются различные модели взаимодействия онтологических планов.

Данный ракурс представляется особенно значимым в свете современного научного поворота к процессуальности и «лабораторности» модернистского письма, к исследованию «черновиков» поэтики в завершённых текстах [11, с. 7]. Анализ рассказов как серии последовательных экспериментов позволяет сместить фокус с констатации наличия двоемирия на реконструкцию технологии его создания.

Несмотря на наличие ряда частных интерпретаций отдельных рассказов, в современном набоковедении отсутствует системное исследование, которое бы, во-первых, рассматривало корпус ранней малой прозы как единый экспериментальный цикл, и во-вторых, ставило бы своей задачей выявление и классификацию именно нарративных инструментов (фокализация, ненадёжность, речевые режимы, металепсис), конструирующих двоемирие. Работы последних лет, развивающие идеи «кризисной нарратологии» применительно к В. Набокову [16], а также исследующие интермедиальные аспекты его творчества [6; 14], открывают методологические перспективы для такого синтетического анализа, но ещё не перенесены в полной мере на материал его ранних рассказов.

Таким образом, нерешённой частью общей проблемы является определение специфики малой прозы как лаборатории, где происходит не просто тематизация двоемирия, а последовательная апробация и усложнение технических приёмов его воплощения. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

Цель статьи — выявить и систематизировать ключевые нарративные и интермедиальные механизмы конструирования двоемирия в ранних рассказах В. Набокова («Картофельный Эльф», «Бахман», «Terra Incognita», «Музыка»), рассматриваемых как целостный экспериментальный цикл. Для достижения этой цели формулируются следующие задачи:

1) проанализировать, как патологические состояния сознания и телесности («Картофельный Эльф», «Бахман») трансформируются в онтологические порталы, используя инструментарий современной «кризисной нарратологии»;

2) исследовать эволюцию эксперимента в сторону онтологической неразрешимости через технику сновидческого наложения в «Terra Incognita», связав её с теориями агнонологии и неклассической нарратологии;

3) раскрыть роль интермедиального синтеза (музыка) как активного оператора двоемирия в рассказе «Музыка», опираясь на современные теории интермедиальности;

4) систематизировать общий нарратологический инструментарий (фокализация, ненадёжность, несобственно-прямая речь, металепсис), обеспечивающий онтологическую нестабильность во всём корпусе исследуемых текстов.

Методологическую основу исследования составляют принципы структурного и нарратологического анализа (с акцентом на теории фокализации, нарративной ненадёжности и металепсиса), интермедиальный подход, а также сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий выявить эволюцию приёмов в рамках лабораторного цикла. Новизна работы заключается в рассмотрении ранней малой прозы В. Набокова не как периферийного этапа, а как ключевого пространства технологической разработки центральной концепции его поэтики, что обеспечивает связность между анализом конкретных механизмов в основной части и обобщающими выводами о лабораторной функции малой формы в заключении.

Материалы и методы исследования. Материалы исследования составили репрезентативный корпус ранней малой прозы Владимира Набокова, сформированный для решения поставленных аналитических задач. В его основу легли четыре рассказа, созданные в период с 1929 по 1932 г.: «Картофельный Эльф», «Бахман», «Terra

Incognita» и «Музыка». Выбор именно этих текстов обусловлен совокупностью взаимодополняющих критериев, обеспечивающих характерность выборки. Прежде всего, они относятся к единому и наиболее продуктивному этапу творческих поисков В. Набокова в жанре рассказа, что позволяет рассматривать их как единое экспериментальное поле. Каждое из произведений представляет собой законченную и оригинальную модель реализации взаимодействия различных онтологических планов, что даёт возможность для продуктивного сравнительного анализа вариаций ключевой для поэтики писателя концепции двоемирия. Сознательное ограничение материала произведениями малой формы продиктовано целью исследования — выявить концентрированные, «лабораторные» решения, свободные от усложняющих факторов крупной эпической формы. Общий объём анализируемого текстового массива является достаточным для глубокого качественного анализа при сохранении фокуса на репрезентативной широте охвата нарративных стратегий. Для обеспечения текстологической достоверности работа велась с каноническими публикациями в авторитетных академических собраниях сочинений писателя.

Методологическая основа исследования носит междисциплинарный характер, подчиняясь цели систематизации инструментов конструирования двоемирия. Центральное место занимает нарратологический анализ, применённый в качестве тонкого инструмента для деконструкции повествовательных механизмов. В рамках этого подхода использовалась модель анализа фокализации, позволившая выявить, каким образом ограничение перспективы деформированным сознанием персонажа конституирует онтологически нестабильную реальность текста. Теория нарративной ненадёжности была рассмотрена не просто как риторический приём, а в её онтологическом ключе, что дало возможность интерпретировать сомнительные повествовательные инстанции как источники порождения альтернативных миров. Важным аспектом также стал анализ речевых режимов, в частности, функционирование несобственно-прямой речи в роли синхронизатора внешнего событийного ряда и внутреннего потока сознания персонажа. Для специализированного изучения рассказа «Музыка» был привлечён аппарат интермедиального анализа. Этот метод позволил рассмотреть музыкальную структуру (сонату Бетховена) не в качестве тематического элемента, а в качестве активного нарративного агента, организующего темпоральность, перцепцию и сам принцип раздвоения реальности в тексте. Сравнительно-сопоставительный подход был применён на двух уровнях. Внутри сформированного корпуса он позволил выявить эволюцию и вариативность конкретных приёмов. На более широком, контекстуальном уровне, этот метод обеспечил определение специфики и значимости лабораторных экспериментов в малой прозе по отношению к зрелым романным решениям В. Набокова. Общей рамкой, интегрирующей указанные методы, выступил принцип имманентного анализа, направленный на выявление внутренних, структурно обусловленных закономерностей художественного текста.

Основная часть. Ранние рассказы В. Набокова функционируют как целостная лаборатория, где на ограниченном пространстве текста отрабатываются фундаментальные принципы организации его художественного универсума, центральным из которых является двоемирие. Этот процесс не сводится к тематическому противопоставлению, а реализуется через сложную систему взаимосвязанных нарративных и образных механизмов, которые и составляют предмет настоящего анализа. Рассмотрение этих механизмов в динамике, от одного рассказа к другому, позволяет увидеть не просто набор изолированных приёмов, а последовательный исследовательский процесс, где каждый следующий эксперимент усложняет и

обогащает стратегию создания «потусторонности». Малая форма, таким образом, становится полигоном для проверки гипотез о природе реальности, сознания и художественной репрезентации.

Патология сознания как онтологический портал: «Картофельный Эльф» и «Бахман». Первой и наиболее наглядной моделью, апробируемой в этой лаборатории, становится использование патологических состояний сознания и телесности в качестве портала в иную реальность. В рассказах «Картофельный Эльф» и «Бахман» болезнь, уродство и психофизическая уязвимость выступают не столько объектами социально-психологического описания, сколько специфическими нарративными устройствами и онтологическими условиями, позволяющими конструировать и вводить в текст альтернативные онтологические планы. В современном набоковедении этот подход находит развитие в русле так называемой «кризисной нарратологии», изучающей, как деформации сознания персонажа принципиальным образом деформируют саму структуру повествования, создавая «точки бифуркации» для зарождения иных миров [4, с. 55; 16, с. 22].

В «Картофельном Эльфе» физическое уродство Фреда Добсона — его карликовость, описываемая через цепь образов «крошечного урода», «куклы», «человечка из сна» — является не просто социальной метой, но внешним знаком иной телесной и экзистенциальной организации. Его тело маркирует его принадлежность к гротескно-театральному, принципиально маргинальному миру, который существует в отношении болезненного контраста и непримиримого напряжения с миром «нормальных» людей. Однако В. Набоков идёт значительно дальше простой социальной драмы: сознание Фреда становится тем самым лабораторным интерфейсом, где эти миры не просто соседствуют, но активно сталкиваются и проникают друг в друга. Его фантазия о дружбе с мальчиком — это не просто эскапистская иллюзия, а активная и трагическая попытка имплантации элементов его внутреннего, эмоционально насыщенного и эстетизированного мира в холодную, отчуждённую реальность другого. Ключевой сценой-экспериментом является кульминация на лестнице. Её нарративная подача — нарочитая обрывочность фраз, смесь внешнего действия и внутренней паники, резкий, не до конца прояснённый финал — целенаправленно лишает читателя однозначного критерия для различения реального падения и символического краха всех его надежд. Как справедливо отмечает М.Ю. Бойко, нарратор здесь использует технику «ограниченной и ненадёжной фокализации», навязывая читателю травмированное восприятие героя как единственный источник «правды», тем самым стирая грань между событием и его психической проекцией и создавая нарративную аномалию [4, с. 60–62].

В «Бахмане» патология (подразумеваемая смертельная болезнь композитора) выполняет иную, но методологически родственную функцию, выступая не столько как разрушительная сила, сколько как фильтр и усилитель. Пространство квартиры Бахмана, наполненное звуками неоконченной сонаты и призраками воспоминаний о России, трансформируется в герметичную камеру-инкубатор для вызревания иной, более подлинной реальности. Физическая слабость и обречённость героя здесь являются своеобразной платой за обострённую «метафизическую чуткость», открывающую канал к ускользающим сущностям мира звуков, теней и прошлого [17, с. 98; 12, с. 157]. Болезнь предстаёт формой аскетического ухода, сознательного отстранения от банальности «первого» мира ради сосредоточенной лепки мира «второго». Финал рассказа, с появлением двух «старух», чей статус (реальные посетительницы, галлюцинации) намеренно оставлен неопределённым, — это финальный акт онтологического замещения. Внешний мир в лице безразличных или роковых гостей

вторгается в лабораторию сознания лишь для того, чтобы ознаменовать или осуществить полный переход героя в иную реальность. Как отмечает Й. Левинг, подобные финалы в ранней прозе В. Набокова часто представляют собой не сюжетную развязку, а «онтологический щелчок» — момент необратимого переключения регистров существования [12, с. 163]. Таким образом, оба рассказа демонстрируют, как патология становится триггером и проводником двоемирия, утверждая ключевой закон набоковской поэтики: граница между реальностями проходит не вовне, а внутри сознания персонажа, и любая деформация этого сознания приобретает характер события онтологического масштаба.

От патологии к чистой онтологии: сновидческая метаморфоза и принцип неразрешимости в «Terra Incognita». Эволюция лабораторного эксперимента приводит к созданию более радикальной и изощрённой модели в рассказе «Terra Incognita». Здесь патология (тропическая лихорадка) перестаёт быть психологической причиной искажения восприятия и становится непосредственным условием для синтеза принципиально неразделимых реальностей. На смену модели портала, предполагающего возможность перехода из одного мира в другой, приходит техника «двойной экспозиции» или онтологического наложения. Два сюжетных плана — экзотическая экспедиция Годфри и Ванда по вымышленной стране Палука и его же болезнь в европейской спальне — представлены читателю не как последовательные или альтернативные, а как синхронные и равноправные, создавая единую гибридную реальность, где тропическая лихорадка и жар бреда суть одно и то же [16, с. 35]. Это уже не субъективное искажение мира персонажем, а конститутивный принцип бытия самого художественного мира. Такой подход отражает качественное развитие нарративной стратегии: если в «Картофельном Эльфе» ненадёжность служила инструментом передачи субъективной точки зрения, то в «Terra Incognita» она становится сутью и основой онтологии текста.

Читательский опыт в этом случае трансформируется в навигацию по принципиально некартографируемой территории, где любые попытки построить непротиворечивую версию событий обречены на провал. Этот эффект напрямую соотносится с актуальными теоретическими разработками в области агнонологии (исследования незнания) и упомянутой «кризисной нарратологии», которые фокусируются на тех нарративных ситуациях, когда текст системно блокирует выработку стабильной интерпретации, делая саму эту невозможность предметом рефлексии [8, с. 82]. Установление отношения онтологического паритета, а не иерархии (как в классической модели «сна во сне», где один план признаётся порождением или иллюзией другого), дезавуирует саму идею «первичной», объективной реальности. События в джунглях (встреча с туземцами, смерть Ванда) и события в комнате (визит доктора, разговор с Клэр) связаны не причинно-следственными, а поэтическими, ритмическими и образными соответствиями, подобно контрапунктирующим темам в сложной музыкальной фуге [17, p. 204]. Кульминационный финал, где герой, умирая в джунглях, слышит «звонок входной двери» европейского дома, — это не аллегорический намёк, а финальный акт онтологического склеивания. Звонок становится точкой сборки, в которой два нарративных потока схлопываются, не разрешая противоречия, а окончательно утверждая их неразрешимость в качестве высшего закона этого художественного универсума. Этот эксперимент знаменует собой важный переход от психологически или физиологически мотивированного двоемирия к метафизическому и чистому, становясь прямой основой для будущих романных построений, таких как «Приглашение на казнь».

Интермедиальный синтез как инструмент двоемирия: акустическое измерение в рассказе «Музыка». Следующим этапом в лаборатории малой прозы В. Набокова становится исследование возможностей интермедиального синтеза для конструирования двоемирия, где в качестве активного оператора выступает произведение другого вида искусства. В рассказе «Музыка» им становится соната Бетховена Op. 31 No. 2. Она функционирует не как тематический элемент или культурный фон, а как динамическая структура, непосредственно производящая и организующая раздвоение реальности внутри текста [14; 15]. Этот подход соответствует современным представлениям об интермедиальности как не о простом «влиянии» искусств, а о процессе формирования гибридной системы, где кодовые стратегии одного медиума (музыки) трансформируют поэтику другого (прозы).

Ключевым механизмом здесь является преобразование временной и эмоциональной архитектоники музыки в нарративную технику. Поток сонаты, её контрастные темы (мрачно-напряжённая первая и лирически-просветлённая вторая) становятся каркасом, на котором строится двойственное, расщеплённое восприятие героя, Петра Николаевича. Музыкальный контрапункт трансформируется в психологический и онтологический контрапункт: публичное пространство гостиной с её фальшивым светским общением («первый» мир) и внутреннее пространство памяти, ревности и эстетического прозрения («второй» мир) звучат для героя и, следовательно, для читателя одновременно. Как отмечает А.В. Липинская, В. Набоков использует здесь технику «звукового монтажа», синхронизируя кульминационные музыкальные фразы с пиковыми моментами внутреннего осознания героем измены жены, что создаёт эффект «озарения, навязанного извне звуковой волной» [6, с. 128]. Таким образом, музыка выполняет функцию не фонового сопровождения, а дирижёра сознания, направляющего его переходы между реальностями.

Этот процесс можно определить как интермедиальную метаморфозу. Если в «Terra Incognita» переход между мирами осуществлялся через распад и синтез сознания в бреду, то здесь он происходит через его эстетическую сверхчувствительность, обострённую внешним медиатором. Соната становится специфическим каналом, по которому вытесненное, подавленное знание (подозрения в неверности) из глубин подсознательного «второго» мира металептически прорывается в осознаваемое «первое». Этот прорыв, как отмечает И.О. Раджевски, имеет характер нарративного металепсиса — вторжения одного уровня реальности в другой [15, с. 41]. Звук в рассказе материален почти физически: он «разрывает» ткань банального вечера, обнажая иную, более болезненную и подлинную реальность отношений. В этом контексте рассказ «Музыка» предстаёт как тонкий кейс «акустического двоемирия», где пространство делится не визуально, а аудиально: на зону слышимости и действия законов сонаты (где доминирует «второй» мир откровения и памяти) и вне её (где царит условность и фальшь «первого» мира). Финальный аккорд сонаты, обрывающий и внутреннее напряжение героя, и внешнюю светскую беседу, выполняет ту же функцию «онтологического щелчка», что и появление старух в «Бахмане» или звонок в «Terra Incognita», окончательно утверждая необратимый разлом между двумя планами существования. Этот эксперимент наглядно демонстрирует, как двоемирие может быть инспирировано и управляемо эстетическим объектом иной медиальной природы, предвосхищая сложную роль шахмат, живописи и интертекста в зрелой романистике В. Набокова.

Нарратологический каркас лаборатории: инструментарий конструирования нестабильности. Все описанные содержательные эксперименты были бы невозможны без параллельной разработки и оттачивания специального нарратологического

инструментария, который и составляет технический каркас лаборатории малой прозы. Экспериментальный характер этих текстов детерминирован не только тематикой двоемирия, но и специфическим набором повествовательных техник, выступающих в роли точных инструментов конструирования онтологической нестабильности и управления читательским восприятием. Эти техники образуют методологический фундамент, на котором строятся все частные модели взаимодействия миров.

Центральным устройством в этом арсенале является последовательно проводимая жёстко ограниченная и часто децентрированная фокализация через сознание персонажа. Повествование в анализируемых рассказах почти исключительно привязано к перцептивному и когнитивному полю главного героя, чьё сознание повреждено, возбуждено, сужено или гиперболизировано. Эта фокализация выполняет роль онтологического фильтра: читателю доступно лишь то, что преломлено через призму патологии, творческого экстаза или бреда, что делает альтернативную реальность, им порождаемую, единственно доступной. Однако В. Набоков не просто использует субъективную точку зрения; он доводит её до предела, создавая эффект тотальной нарративной клаустрофобии. В условиях такой клаустрофобии альтернативный, «объективный» или внешний взгляд на события оказывается принципиально невозможным, а значит, и сама реальность текста оказывается запертой в пределах нестабильного, деформированного «я» персонажа [16, с. 30]. Эта стратегия предвосхищает позднейшие постмодернистские эксперименты с тотальной субъективизацией нарратива.

Логическим и неизбежным продолжением этой стратегии становится феномен радикальной нарративной ненадёжности, которая в данном контексте перестаёт быть просто риторическим приёмом создания интриги или обмана читателя и приобретает полновесный онтологический статус. Ненадёжность у раннего В. Набокова — это следствие работы базового лабораторного инструмента под названием «деформированное сознание». Так, в «Terra Incognita» невозможность установить, какой из планов (джунгли или комната) является первичным, вызвана не тем, что нарратор лукавит, а тем, что сама нарративная инстанция, передающая эту историю, является прямым продуктом и воплощением синтеза двух реальностей. Как отмечается в современных исследованиях, подобная нарративная структура индуцирует у читателя специфическое состояние гносеологической тревоги, заставляя его сомневаться не в правдивости рассказчика, а в самой возможности установления какого-либо устойчивого факта в условиях предлагаемой онтологической модели [10, с. 112].

Важнейшим инструментом для создания эффекта одновременного звучания, взаимопроникновения двух реальностей становится виртуозное использование несобственно-прямой речи. Этот приём позволяет осуществлять моментальные и неразмежёванные переходы между голосом внешнего, условно объективного нарратора и внутренней речью, мыслью или ощущением персонажа. В «Музыке» именно с помощью этого инструмента достигается точнейшая синхронизация музыкальных фраз с внутренними озарениями героя, а в «Бахмане» — почти полное слияние настоящего комнаты с прошлым памяти. Несобственно-прямая речь действует как мощный синхронизатор сознания и мира, стирая грамматические, а следовательно, и онтологические границы между внешним событийным рядом и внутренним миром персонажа, что позволяет представить «второй» мир не как описанный, а как непосредственно проявляющийся, проступающий в самой ткани повествования [13, с. 78].

Наконец, в рассказе «Terra Incognita» апробируется инструмент, который можно обозначить как намеренный металепсис с принципиально неразрешимым статусом. Нарушение границ между различными нарративными уровнями (звонок из «реальной» двери в «бредовых» джунглях) осуществляется здесь не для игрового или пародийного эффекта, а как демонстрация окончательного коллапса иерархической модели реальностей. Этот приём, получивший сегодня теоретическое осмысление в рамках концепций нелинейной и травматической нарратологии, служит финальным, итоговым подтверждением того, что сутью эксперимента в данном случае было не построение двух отдельных миров, а создание единого условия для их неразделимого сосуществования в одной точке нарративного пространства [7, с. 104]. Таким образом, нарратология в исследуемых ранних рассказах В. Набокова предстаёт не как нейтральный механизм передачи сюжета, а как интегральная, активная и созидающая часть общего эксперимента по деконструкции идеи единой, монолитной реальности.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает центральную гипотезу о том, что малая проза В. Набокова 1920–1930-х годов является ключевой творческой лабораторией, где происходит не тематизация, а техническая разработка концепции двоемирия. В ходе анализа последовательно решены задачи, поставленные во введении.

Во-первых, на материале рассказов «Картофельный Эльф» и «Бахман» показано, как патология сознания и телесности трансформируется в онтологический портал. Через нарративные стратегии ограниченной фокализации и радикальной ненадёжности, трактуемые в русле «кризисной нарратологии», болезненный опыт героев становится не предметом описания, а условием для возникновения иной реальности, будь то трагический мир эстетизированного одиночества или спасительное пространство памяти и творчества.

Во-вторых, исследование рассказа «Terra Incognita» выявило качественную эволюцию эксперимента: переход от модели портала к технике онтологического наложения. Установленное здесь отношение паритета между реальностями, их синкретическое слияние в режиме бреда ведёт к состоянию принципиальной эпистемологической неразрешимости. Этот вывод, соотнесённый с теориями агнонологии, демонстрирует, как В. Набоков в малой форме апробирует отказ от иерархии миров в пользу их чистой множественности.

В-третьих, анализ рассказа «Музыка» раскрыл механизм интермедиального синтеза как активного оператора двоемирия. Установлено, что музыкальная структура (соната Бетховена) функционирует как динамический нарративный агент, организующий темпоральность, перцепцию и само расщепление реальности в тексте. Этот эксперимент доказывает, что источником и медиатором двоемирия может выступать эстетический объект иной медиальной природы.

Наконец, систематизирован общий нарратологический инструментарий лаборатории: жёсткая фокализация через деформированное сознание, онтологическая ненадёжность, несобственно-прямая речь как синхронизатор миров и намеренный металепсис. Эти техники образуют единый каркас, обеспечивающий конструирование онтологической нестабильности во всех исследуемых текстах.

Таким образом, нами выявлены и систематизированы ключевые механизмы конструирования двоемирия в ранних рассказах писателя. Доказано, что малая проза выступает для В. Набокова пространством технологической рефлексии, где последовательно, от рассказа к рассказу, отрабатываются и усложняются инструменты деконструкции единой реальности. Выработанные в произведениях «лабораторные» решения — патологический и эстетический порталы, сновидческая синкретичность,

интермедиальный медиатор — составили технический фундамент его романистики, от «Защиты Лужина» до «Бледного огня».

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях.

1. Сравнительный анализ моделей двоемирия в русских и англоязычных рассказах В. Набокова для выявления эволюции и трансформации его поэтики в новых языковых и культурных условиях.

2. Расширение корпуса за счёт других рассказов и повестей («Весна в Фиальте», «Соглядатай», «Круг») для построения более полной картины эволюции лаборатории малой формы на протяжении всего творчества писателя.

3. Рассмотрение набоковских экспериментов в контексте общеевропейского литературного модернизма первой половины XX века для определения степени его новаторства и диалога с традицией (например, с творчеством М. Пруста, Ф. Кафки, Х.Л. Борхеса).

4. Междисциплинарное изучение онтологических моделей в прозе В. Набокова в сопряжении с современными философскими (феноменология, спекулятивный реализм) и когнитивными теориями сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б.В. Аверин. — 2-е изд. — СПб.: Амфора, 2005. — 400 с.
2. Александров В.Е. Набоков и потусторонность. — СПб.: Академический проект, 1999. — 300 с.
3. Бент М.И. Нарратология и онтология: когнитивные подходы в анализе модернистского текста / М.И. Бент // Вопросы литературы. — 2022. — № 4. — С. 12–34. — http://doi.org/10.31425/0042-8795-2022-4-12-34.
4. Бойко М.Ю. Нарративная ненадёжность в малой прозе В. Набокова 1920-х годов / М.Ю. Бойко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 52–68. — http://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-52-68.
5. Долинин А.А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове / А.А. Долинин. — СПб.: Академический проект, 2004. — 400 с.
6. Липинская А.В. Музыкальная поэтика прозы В. Набокова: интермедиальный аспект / А.В. Липинская // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 73. — С. 118–135. — http://doi.org/10.17223/19986645/73/8.
7. Семёнова А.А. Травма и нарратив: нелинейные модели репрезентации в литературе XX века / А.А. Семёнова. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 256 с.
8. Скоропанова И.С. Онтологическая неопределённость как нарративная стратегия в рассказе В. Набокова «Terra Incognita» / И.С. Скоропанова // Критика и семиотика. — 2021. — № 2. — С. 76–89. — http://doi.org/10.25205/2307-1737-2021-2-76-89.
9. Шумкова Т.Л. Рассказы В. Набокова: проблемы поэтики / Т.Л. Шумкова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. — 200 с.
10. Alber J. Unnatural Narratology: Extensions, Revisions, and Challenges / J. Alber, R. Heinze. — Columbus: The Ohio State University Press, 2023. — 280 p. — http://doi.org/10.26818/9780814215472.
11. Karshan T. Nabokov and the Art of Play / T. Karshan. — Oxford: Oxford University Press, 2022. — 288 p. — http://doi.org/10.1093/oso/9780192893565.001.0001.
12. Leving Y., White F.B. The Goalkeeper: The Nabokov Almanac / Y. Leving, F.B. White. — Boston: Academic Studies Press, 2020. — 325 p. http://doi.org/10.2307/j.ctv1zjg7kw
13. McHale B. Speech Representation and the Space of Narration in the Modernist Novel / B. McHale // The Cambridge History of the Novel. — Cambridge: Cambridge University Press, 2021. — P. 65–84. — http://doi.org/10.1017/9781316859723.005.
14. Müller J.E. Intermediality Revisited: Reflections on a Term, its Contexts and its Limits / J.E. Müller. // Acta Universitatis Sapientiae, Film and Media Studies. — 2020. — Vol. 18. — P. 7–22. — http://doi.org/10.2478/ausfm-2020-0007.
15. Rajewsky I.O. Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality / I.O. Rajewsky // Intermédialités: Histoire et théorie des arts, des lettres et des techniques / Intermediality:

History and Theory of the Arts, Literature and Technologies. — 2021. — No 18. — P. 39–54. — http://doi.org/10.7202/1075746ar.
16. Trousdale R. Nabokov's Crises: Narratological Readings of His Short Fiction / R. Trousdale // Russian Literature. — 2023. — Vol. 138-139. — P. 19–42. — http://doi.org/10.1016/j.ruslit.2023.06.002.
17. Wyllie B. Nabokov's Otherworld: A Guide to the Metaphysics of Nabokov's Fictional Universe / B. Wyllie. — New York: Bloomsbury Academic, 2021. — 340 p. — http://doi.org/10.5040/9781501363802.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Набоков В.В. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Рассказы. Приглашение на казнь / В.В. Набоков. — М.: Художественная литература, 1990. — 671 с.
19. Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 2: 1926–1930 / В.В. Набоков. — СПб.: Симпозиум, 2000. — 791 с.
20. Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: в 5 т. Т. 3: 1930–1934 / В.В. Набоков. — СПб.: Симпозиум, 2000. — 823 с.
21. Nabokov V.V. Collected Stories / V.V. Nabokov. — London: Penguin Books, 2001. — 704 p.

REFERENCES

1. Aleksandrov V.E. (1999). Nabokov i potustoronnost' [Nabokov and Otherworldness]. Akademicheskii proekt (In Russian).
2. Averin B.V. (2005). Dar Mnemoziny: Romany Nabokova v kontekste russkoi avtobiograficheskoi traditsii [The Gift of Mnemosyne: Nabokov's Novels in the Context of the Russian Autobiographical Tradition] (2nd ed.). Amfora (In Russian).
3. Bent M.I. (2022). Narratologiia i ontologiia: kognitivnye podkhody v analize modernistskogo teksta [Narratology and ontology: Cognitive approaches in the analysis of modernist text]. Voprosy literatury, (4), 12–34. https://doi.org/10.31425/0042-8795-2022-4-12-34 (In Russian).
4. Boiko M.Yu. (2022). Narrativnaia nenadezhnost' v maloi proze V. Nabokova 1920-kh godov [Narrative unreliability in V. Nabokov's minor prose of the 1920s]. Nauchnyi dialog, 11 (5), 52–68. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-5-52-68 (In Russian).
5. Dolinin A.A. (2004). Istinnaia zhizn' pisatelia Sirina: Raboty o Nabokove [The True Life of the Writer Sirin: Works on Nabokov]. Akademicheskii proekt (In Russian).
6. Karshan T. (2022). Nabokov and the art of play. Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780192893565.001.0001 (In Russian).
7. Lipinskaia A.V. (2021). Muzykal'naia poetika prozy V. Nabokova: intermedial'nyi aspekt [The musical poetics of V. Nabokov's prose: An intermedial aspect]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia [Tomsk State University Bulletin. Philology], (73), 118–135. https://doi.org/10.17223/19986645/73/8 (In Russian).
8. Semenova A.A. (2022). Trauma i narrativ: nelineinye modeli reprezentatsii v literature XX veka [Trauma and narrative: Nonlinear models of representation in 20th-century literature]. Novoe literaturnoe obozrenie (In Russian).
9. Skoropanova I.S. (2021). Ontologicheskaia neopredelennost' kak narrativnaia strategiia v rasskaze V. Nabokova «Terra Incognita» [Ontological uncertainty as a narrative strategy in V. Nabokov's short story "Terra Incognita"]. Kritika i semiotika [Criticism and Semiotics], (2), 76–89. https://doi.org/10.25205/2307-1737-2021-2-76-89 (In Russian).
10. Shumkova T.L. (2012). Rasskazy V. Nabokova: problemy poetiki [V. Nabokov's Short Stories: Problems of Poetics]. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta (In Russian).
11. Alber J., & Heinze R. (Eds.). (2023). Unnatural narratology: Extensions, revisions, and challenges. The Ohio State University Press. https://doi.org/10.26818/9780814215472 (In English).
12. Leving Y., & White F.B. (Eds.). (2020). The goalkeeper: The Nabokov almanac. Academic Studies Press. https://doi.org/10.2307/j.ctv1zjg7kw (In English).
13. McHale B. (2021). Speech representation and the space of narration in the modernist novel. The Cambridge history of the novel (pp. 65–84). Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781316859723.005 (In English).
14. Müller J.E. (2020). Intermediality revisited: Reflections on a term, its contexts and its limits. Acta Universitatis Sapientiae, Film and Media Studies, 18, 7–22. https://doi.org/10.2478/ausfm-2020-0007 (In English).
15. Rajewsky I.O. (2021). Intermediality, intertextuality, and remediation: A literary perspective on intermediality. Intermédialités: Histoire et théorie des arts, des lettres et des techniques. Intermediality: History and Theory of the Arts, Literature and Technologies, (18), 39–54. https://doi.org/10.7202/1075746ar (In English).

16. Trousdale R. (2023). Nabokov's crises: Narratological readings of his short fiction. Russian Literature, 138-139, 19–42. https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2023.06.002 (In English).
17. Wyllie B. (2021). Nabokov's otherworld: A guide to the metaphysics of Nabokov's fictional universe. Bloomsbury Academic. https://doi.org/10.5040/9781501363802 (In English).

Поступила в редакцию 09.01.2026 г.

«SMALL» PROSE AS TWO-WORLDNESS LABORATORY: V. NABOKOV'S 1920s–1930s SHORT STORIES POETICS

A.A. Stomina

The article addresses the small prose of V. Nabokov from the 1920s–1930s as a creative laboratory for developing narrative and intermedial mechanisms of dual world construction. Using narratological and intermedial analysis, the study identifies key instruments for ontological instability creation in short stories "The Potato Elf", "Bachmann", "Terra Incognita", and "Music". The study is novel in that it considers these early stories not as peripheral material but as a key "laboratory" where strategies for creating the "other world" are tested with maximum intensity. It is established that the pathology of consciousness, the dreamlike realities overlapping, and musical counterpoint are successively employed by V. Nabokov as precise operators for deconstructing a single reality and generating an alternative one. The findings show the central concept's technological genesis in Nabokov's poetics. Further prospects for studying his small prose within the context of the modernist experiment with form are highlighted.

Key words: Vladimir Nabokov, two-worldness, other world, small prose, short story, narratology, intermediality, Russian modernism, poetics.

Стомина Анастасия Александровна.
Луганский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Луганск.
Ассистент кафедры русской и мировой литературы.
ORCID 0009-0005-6341-2381.
E-mail: stominaaa.@mail.ru.

Stomina Anastasiia Aleksandrovna.
Lugansk State Pedagogical University,
Russian Federation, Lugansk.
Assistant at Russian and World Literature Department.
ORCID 0009-0005-6341-2381.
E-mail: stominaaa.@mail.ru.

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

Научная статья
УДК 81’42
DOI: 10.5281/zenodo.19907740

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ РЕПУТАЦИИ РЕСТОРАНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ОТЗЫВОВ)

© 2026 ***А.Е. Казакова***
Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»
ORCID 0009-0009-1732-0581

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Статья посвящена выявлению и анализу языковых средств формирования цифровой репутации ресторанов на материале интернет-отзывов на сайте *TheFork.fr*, который считается одной из ведущих платформ в Европе для бронирования и оценивания ресторанных заведений. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и растущей значимостью интернет-пространства в формировании общественного мнения. Проблема цифровой репутации становится особенно значимой в рамках маркетинговой и медиалингвистики. В исследовании применяются следующие методы: лингвоаксиологический анализ; статистический анализ рейтингов; сравнительный метод и контент-анализ интернет-отзывов. Ключевыми теоретическими направлениями работы являются описание в лингвистической перспективе терминов *цифровая репутация*, *интернет-отзыв*, а также выделение жанровых особенностей интернет-отзыва, которые играют ключевую роль в формировании цифровой репутации ресторана. В статье приведён анализ языковых средств и стилистических фигур (метафора, эпитет и сравнение) как инструментов формирования цифровой репутации. Исследование позволяет сделать выводы о том, что рассмотренные лингвистические средства влияют на цифровую репутацию ресторанов, помогают передать положительные или отрицательные оценки автора после посещения, оказывая влияние на потенциальных клиентов.

Ключевые слова: репутация, отзыв, цифровая репутация, интернет-отзыв, маркетинговая лингвистика, медиалингвистика, эвалюативная лексика, лингвоаксиология.

Для цитирования: Казакова А.Е. Лингвистические средства формирования цифровой репутации ресторанов (на материале интернет-отзывов) / А.Е. Казакова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 194–205. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19907740

Введение. *Целью* данного исследования является анализ языковых средств, служащих инструментами формирования цифровой репутации ресторанов, используемых в интернет-отзывах, а также рассмотрение жанровых особенностей интернет-отзывов и их влияния на восприятие ресторанов потребителями. Исходя из этого, в круг исследовательских задач на теоретическом уровне входит дефиниция термина *цифровая репутация* и ключевого жанра, служащего инструментом её формирования — *интернет-отзыв*, а также выявление жанровых и дискурсивных особенностей интернет-отзыва. На практическом уровне задачи исследования включают анализ использования языковых и семиотических единиц в интернет-отзывах как средств выражения восприятия ресторанов, а также выявление закономерностей в

использовании языковых средств, способствующих формированию положительной или отрицательной репутации ресторанов в интернет-пространстве.

В современных гуманитарных исследованиях маркетинговой лингвистике и различным видам продвигающего текста уделяется значительное внимание, что объясняется наступлением эпохи «цифровой экономики» [10, с. 13]. Основные направления исследований на стыке языкознания, маркетинга и экономики связаны с лингвистическими и семиотическими проблемами продвижения товаров во взаимодействии с маркетинговыми коммуникациями, а также с воздействием рекламных, продвигающих и продающих текстов на общественное сознание [3, с. 161–162]. Несмотря на растущий интерес к изучению феномена цифровой репутации, многие аспекты остаются недостаточно исследованными. В том числе вопросы о том, какие именно языковые средства наиболее эффективно влияют на восприятие ресторанов, а также как жанровые особенности интернет-отзыва могут способствовать формированию цифровой репутации.

Материалы и методы исследования. *Материалом исследования* послужили текстовые интернет-отзывы (30 текстов) пользователей о ресторанах Парижа. Единицей анализа является текст-отзыв. Для анализа отобраны отзывы объёмом более 2 предложений, в которых эксплицирована оценочная информация и представлены средства художественной выразительности (литературные тропы). В рамках исследования маркетингового дискурса данные языковые средства получают дополнительные функции — выражения оценочности и аттрактивности. На данном этапе проводимого исследования рассматриваются такие литературные тропы, как метафоры, эпитеты и сравнения, так как они наиболее ярко и эксплицитно транслируют эмоциональную оценку пользователей, а также показывают рекуррентность в рамках жанра интернет-отзыва.

Рестораны отобраны методом сплошной выборки с учетом вариативности оценки по десятибалльной шкале (от 7/10 до 9/10) на сайте TheFork.fr (https://www.thefork.fr). Это ведущая в Европе платформа для поиска и бронирования ресторанов, позволяющая интернет-пользователям оставлять и читать отзывы, что помогает потенциальным клиентам принимать решения о выборе ресторана. В то же время владельцы ресторанов используют TheFork.fr для управления бронированиями, получения отзывов и анализа данных о клиентах и аналитики потребительского восприятия, что помогает им улучшать качество обслуживания.

В данной работе используются следующие *методы исследования*: лингвоаксиологический анализ для изучения эвалюативных лексических единиц; статистический анализ рейтингов ресторанов и контент-анализ текстов интернет-отзывов для определения процентного соотношения категорий оценки в положительных и отрицательных интернет-отзывах.

Основная часть. *Репутация* представляет собой общественную оценку институции, которая формируется и поддерживается долгое время. В свою очередь *цифровая репутация* — это репутация, создаваемая с помощью интернет-ресурсов, например сайтов [4, с. 3]. Следовательно, *цифровая репутация организации* — это образ, который формируется из упоминаний о компании в интернете. Она складывается из реального опыта и логических выводов клиентов после взаимодействия с организацией. На деле положительная или отрицательная репутация фирмы отражается в интернет-отзывах [13, с. 236–238].

Таким образом, можно утверждать, что в современном информационном обществе *цифровая репутация* играет ключевую роль, как для индивидуумов, так и для

организаций. Она представляет собой совокупность мнений и оценок, которые формируются на основе разнообразной информации, доступной каждому пользователю в сети. Это могут быть отзывы, рейтинги, упоминания в новостных источниках и социальных сетях. Репутация существенно влияет на то, как общество воспринимает личность или бренд. В условиях глобализации и быстрого распространения информации управление цифровой репутацией становится необходимым для успешной работы в конкурентной среде [9, с. 311–312].

Рассмотрим жанр отзыва, его особенности и отличие от других жанров, а также роль интернет-отзыва, как механизма формирования цифровой репутации. Н.Д. Арутюнова определяет *отзыв* как текст, в котором содержится оценка, анализ и интерпретация какого-либо произведения, события или явления. Она считает, что отзыв — это не просто описание, а критическое осмысление объекта, которое помогает читателю или зрителю понять его сильные и слабые стороны. В отзыве важно учитывать личное восприятие автора, а также контекст, в котором оценивается рассматриваемый объект [1, с. 74]. Таким образом, отзыв можно охарактеризовать как динамичный и многогранный жанр, что делает его особенно актуальным в современных условиях развития цифровых ресурсов. Отметим также, что чаще всего отзыв не имеет четко установленных рамок и характеризуется неопределенностью и размытостью границ. Такие тексты возникают спонтанно, под влиянием эмоций, обладают временным, ситуативно-обусловленным характером [6, с. 17–18].

В свою очередь, В.И. Карасик определяет жанр *комментария* как текст, который предназначен для разъяснения, понимания или критического анализа другого текста. Комментарий может содержать объяснения терминов и контекста, а также личные размышления и оценки автора. Основная цель комментария — подтвердить или конкретизировать информацию, выразить критическую позицию по отношению к исходному тезису и раскрыть его дополнительные смыслы. Карасик подчеркивает, что комментарий является активным процессом анализа и осмысления [7, с. 34, 46].

Вместе с тем, Е.Н. Басовская определяет *рецензию* как жанр критической оценки, который требует анализа и оценки произведение искусства, литературы или науки. По её мнению, рецензия не только излагает содержание и ключевые идеи работы, но и включает в себя личное мнение рецензента, в том числе его интерпретацию и оценку. В то время как рецензия, опубликованная в интернете, также служит текстом-стимулом, который побуждает читателей оставлять свои комментарии [2, с. 123].

В свою очередь *интернет-отзыв* — гибридный жанр, который основан на рецензии, но при переходе в интернет-пространство, она упрощается как по содержанию, так и по форме. После чего эта сетевая рецензия, популяризируясь, трансформируется в жанр интернет-отзыва, который ориентирован на широкую аудиторию. Основная коммуникативная задача отзыва заключается в оценке обсуждаемого объекта [12, с. 14].

При изучении особенностей жанра *интернет-отзыва* лингвисты отмечают, что интернет-отзыв необычен тем, что предназначен для широкого круга читателей. При этом важно отметить, что основная цель интернет-отзыва состоит в том, чтобы укрепить или подорвать репутацию организации, а также привлечь клиентов и дать возможность предупредить о низком качестве услуги. Интернет-отзывы не только информируют читателя, но и оказывают влияние на восприятие объекта, формируя желание или нежелание его использовать. Следовательно, отзыв становится инструментом воздействия на потребительское поведение [12, с. 14]. *Интернет-отзыв* становится непосредственной целью веб-запросов и веб-поиска, когда человек ищет информацию о мнении предыдущих

пользователей по поводу качества продукта, услуги или товара. Это помогает ему принять обоснованное решение о целесообразности их приобретения [5, с. 6].

Для автора интернет-отзыв представляет собой способ выразить своё отношение к чему-либо, в то время как для читателя он служит ценным источником информации, способствующим принятию правильного решения [8, с. 11]. *Интернет-отзывы* играют значительную роль в формировании общественного мнения о товарах, услугах и событиях, а также всё больше способствуют созданию положительного информационного фона вокруг продвигаемого продукта или услуги [8, с. 13]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что цифровая репутация включает в себя общее восприятие и мнение о компании, бренде или индивидууме в онлайн-пространстве, формируемое с помощью интернет-отзывов, и играет важную роль в продвижении заведения. Стоит отметить, что у потенциального клиента появляется стремление купить товар или воспользоваться услугой благодаря применению в отзывах «средств психологического влияния». К ним относятся «слова с нужными коннотациями, выразительные изображения, стилистические фигуры: метафоры и каламбуры» [11, с. 27].

Таким образом, интернет-отзыв как дискурсивный жанр обладает значительным потенциалом для изучения феномена пользовательской оценки и играет важную роль в современном интернет-дискурсе, особенно в условиях развитого рынка услуг и высокой конкуренции в сервисном сегменте. Основная цель интернет-отзыва — передать впечатления, выразить личное мнение и эмоции автора относительно рассматриваемого объекта. Интернет-отзыв может содержать элементы визуального оформления, например фото или видео, что даёт возможность передать реальный вид оцениваемого объекта и соотнести его с описанием в тексте.

Представим популярные во Франции сайты и приложения для поиска ресторанов и чтения отзывов о них с учётом количества пользователей в период с августа по октябрь 2025 года.

1. TripAdvisor.fr (60.73 M) — один из самых известных сайтов для поиска ресторанов, отелей и достопримечательностей с возможностью пользовательских отзывов и оценок.

2. Guide.michelin.com (24.30 M) — исторический путеводитель для поиска высококачественных ресторанов и чтения профессиональных рецензий.

3. TheFork.fr (5.587 M) — специализированная платформа, позволяющая искать рестораны, бронировать столики, оставлять и читать оценки и отзывы.

Данные интернет-ресурсы помогают пользователям находить подходящие заведения, основываясь на мнениях других людей и их собственных предпочтениях. Для проведения анализа языковых средств формирования цифровой репутации ресторанов были отобраны интернет-отзывы о ресторанах различных категорий, в том числе с присужденными звездами Мишлен, а также с низкой ценовой политикой. Материальной базой исследования выбран сайт TheFork.fr — французский онлайн-сервис популярный в Европе, специально предназначенный для бронирования столиков в ресторанах, а также для оценивания ресторанов. Он позволяет пользователям искать рестораны, просматривать меню, читать отзывы других посетителей и оставлять собственные отзывы и оценки.

Результаты анализа языковых средств формирования цифровой репутации ресторана. На сайте TheFork.fr представлено 55 000 ресторанов со всего мира и доступно для прочтения более 20 000 000 отзывов. В период с августа по октябрь 2025 года сайт посетили 5 587 000 пользователей. Анализ целевой аудитории сайта показал, что данным ресурсом чаще всего пользуются клиенты из Франции (90%), Германии

(1,6%), Швейцарии (1,2%), Италии (0,84%) и США (0,82%). Из них 46,76% — мужчины и 53,24% — женщины. 90% пользователей сайта TheFork.fr при выборе ресторанов для посещения заходят только на этот сайт и не сравнивают рейтинги ресторанов с другими сайтами и приложениями. Число пользователей, посещающих сайт в течение месяца, составляет 1 862 000 и 1 216 000 человек, посетивших только этот сайт при выборе ресторана. Таким образом, среднее число ежедневных посетителей сайта составляет 102 600 человек. Сайт используют люди разных возрастов (от 18 до 65 лет и старше), однако почти 40% пользователей относятся к двум возрастным категориям: от 25 до 34 лет и от 55 до 64 лет (см. Рис. 1).

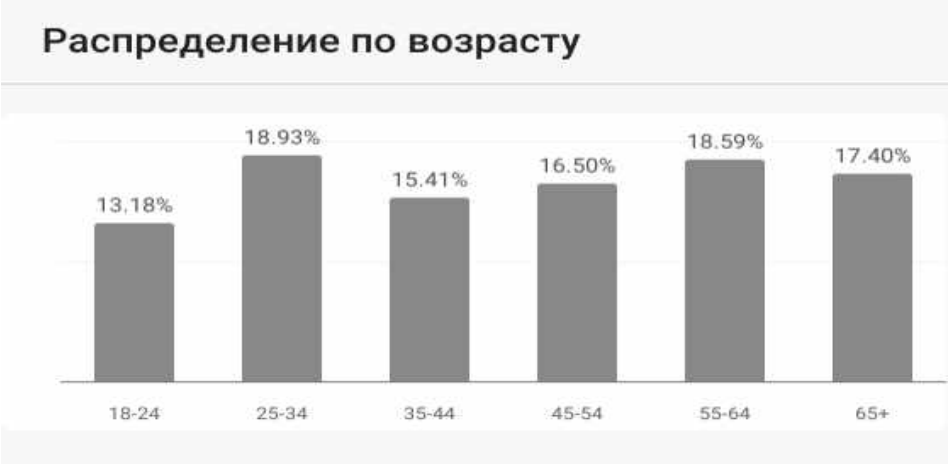

Рисунок 1. Возрастная статистика посетителей сайта TheFork.fr

На сайте представлены тематические критерии оценивания ресторанов (см. Рис. 2): *ambiance* (атмосфера), *plats* (блюда) и *service* (сервис). Эти критерии совпадают с тем, на что обычно обращают внимание гости в своих отзывах.

Рисунок 2 Критерии оценки на сайте TheFork.fr

На сайте представлены графики оценки каждого из этих критериев по десятибалльной шкале, а также средний балл ресторана на основе всех отзывов. Благодаря такой визуализации репутации ресторана потенциальные посетители могут понять общий рейтинг заведения (см. Табл. 1). Рядом со средним баллом вербализуются общие средние оценки ресторана с использованием оценочных прилагательных, при этом вербальные оценки появляются только в описаниях ресторанов с рейтингом от 8/10 и выше:

- *excellent* (превосходный, замечательный) используется для описания того, что превосходит стандартные ожидания;
- *exceptionnel* (исключительный) употребляется для характеристики выдающихся вещей, чьи качества редки;
- *très bon* (очень хороший) применяется для описания объекта, обладающего качествами выше среднего. Наречие *très* (очень), указывает на интенсификацию положительной оценки.

Таблица 2. Рейтинг ресторанов

Название ресторана	Графики оценок
Mâche	
L'Entente, Le British Brasserie	
La Table des Gourmets	
Neige d'été	
La Cantine Arkose	

Результаты анализа положительных отзывов. В своих отзывах гости обращают внимание на минусы и плюсы ресторанов. При рассмотрении *положительных отзывов* было замечено, что в 85% отзывов посетители обращают внимание на подачу и качество блюд, в 60% — на атмосферу и окружающую обстановку в зале ресторана и в 88% отзывов гости высказывали своё мнение по поводу качества обслуживания, используя при описании следующие средства выразительности.

1) Эпитеты.

1. Продвижение кухни происходит за счёт оригинальности и креативности, например, *la cuisine est originale, créative, raffinée* (кухня оригинальная, креативная и изысканная): *originale* — оригинальная, отличающаяся от обычного, единственная в своем роде, *créative* — креативная, выполненная творчески и нестандартно, *raffinée* — изысканная, показывающая утончённость. Все эти эпитеты вместе создают яркий и привлекательный образ кухни, подчеркивая её уникальность, творческий подход и высокое качество. Они формируют положительное впечатление о заведении и кулинарном направлении, что способствует привлечению потенциальных гостей.

2. Подчёркивается качество блюд и их уровень: *les plats sont excellents et incroyables* (превосходные и невероятные блюда): *excellents* — замечательный, отличные, *incroyables* — необыкновенные, потрясающие, вызывающие удивление своими чрезмерными характеристиками.

3. Формируется положительное впечатление об окружающей обстановке в зале ресторана, например, *la décoration est aussi splendide* (интерьер также великолепен): *splendide* — великолепный, который вызывает восхищение своей яркой красотой.

4. Описание дружелюбного и профессионального сервиса производит приятное впечатление на читателей и создаёт образ компетентного персонала, что способствует формированию комфортного видения пребывания в ресторане. Например, *un service à la fois sympathique et gentil et professionnel sans esbrouffe* (дружелюбный и вежливый сервис,

профессионализм без суеты): *sympathique* — дружелюбный, вызывающий чувство симпатии, *gentil* — деликатный, полный добрых чувств по отношению к другим, *professionnel* — профессиональный, очень компетентный.

2) Сравнения.

1. *La nourriture est aussi belle que bonne* (еда настолько же прекрасная, насколько и вкусная). В данном примере еда оценивается по внешнему виду и вкусу: *belle* — прекрасная, вызывающая эстетическое наслаждение визуального или слухового порядка, *bonne* — хорошая, доставляющая удовольствие по вкусу. Сравнение двух качеств (красота и вкус) указывает на то, что еда обладает не только эстетической привлекательностью, но и отличным вкусом. Данное сравнение играет ключевую роль в создании образа изысканной и высококачественной еды, что может привлечь внимание читателей и вызвать желание попробовать описанные блюда.

2. *La décoration est aussi charmante qu'un tableau de Monet* (декор столь же очарователен, как картина Моне). Рассмотрим пример сравнения интерьера с произведением искусства: упоминание известного французского художника Моне может привлечь внимание ценителей искусства и тех, кто обращает внимание на эстетические качества интерьера в ресторане. Потенциальные гости могут почувствовать, что посещение ресторана будет не просто обедом, а культурным опытом, что может увеличить желание его посетить.

3. *Le service est aussi rapide qu'un éclair* (обслуживание такое же быстрое, как молния). В данном примере сравнение скорости обслуживания с молнией создаёт образ быстрого и эффективного обслуживания. Это является важным фактором для многих гостей, особенно в условиях ограниченного времени, следовательно, клиенты, которые ценят быстрое обслуживание, могут быть более склонны к выбору этого ресторана после прочтения данного интернет-отзыва.

3) Метафоры.

1. Номинативная метафор: *un jeu de texture très réussi et des plats végétariens bien travaillés* (очень удачная игра с текстурами и мастерски приготовленные вегетарианские блюда) в данном случае словосочетание *un jeu de texture* (игра текстур) подразумевает, что текстуры блюд были разнообразны и гармонично сочетались друг с другом. Слово *jeu* (игра) используется не в буквальном смысле, а для передачи идеи о том, что текстуры могут взаимодействовать и «играть» между собой, как в игре. Использование номинативной метафоры помогает создать яркий образ, давая представить, как блюда могут сочетать различные текстуры, что делает их более привлекательными. Данная метафора добавляет эмоциональную составляющую к описанию, вызывая у пользователей ассоциации с удовольствием и наслаждением от еды, что может повлиять на них при выборе ресторана.

2. Образная метафора: *de vraie œuvre d'art* (настоящее произведение искусства) данная метафора показывает высокое качество блюд и подчеркивает необычность кухни, указывая на высокий уровень кулинарного мастерства и исключительность вкуса. Она вызывает у читателей восхищение кухней и создаёт изысканный образ ресторана, побуждая потенциальных гостей к его посещению.

3. Когнитивная метафора: *les musiques correspondaient tout à fait à l'ADN du restaurant* (музыка идеально вписывалась в ДНК ресторана) использование словосочетания *l'ADN du restaurant* (ДНК ресторана) в данном контексте подразумевает, что музыка — неотъемлемая часть идентичности ресторана, определяющая его характер и атмосферу. Данная метафора подчеркивает уникальность и индивидуальность

ресторана, делая его более запоминающимся и привлекательным для потенциальных гостей.

Результаты анализа отрицательных отзывов. В *негативных отзывах* 75% посетителей обращают внимание на еду и сервис, выражая своё мнение с помощью аналогичных языковых средств.

1) Эпитеты.

1. Негативное влияние на репутацию ресторана оказывают описания несоответствия блюд в меню и в реальности. Например, *la carte annonce des noms de plats attirants et faits maison mais au final c'est exécrable et pas conforme* (в меню заявлены названия привлекательных домашних блюд, но в итоге это отвратительно и не соответствует требованиям): *exécrable* — ужасный, вызывающий отвращение и очень плохой. За счёт отрицания *pas* (не) прилагательное *conforme* становится негативным и приобретает следующие значения: неподходящий, который не соответствует тому, для чего он предназначен. Эти эпитеты акцентируют отрицательно внимание на еде и отталкивают потенциальных гостей.

2. Посетители выражают недовольство объёмом порций: *tasses très petites pour un brunch* (очень маленькие чашки для бранча). В данном случае объём чашек не подходит для комфортного приёма пищи. Прилагательного *petites* означает маленькие, меньше по размеру чем то, что считается нормальным, а наречие *très* (очень) подчёркивает неподходящий размер чашек. При прочтении такого интернет-отзыва новые гости понимают, что ресторан не создаёт комфортные условия для трапез.

3. Отрицательное впечатление о ресторане формируются при критике персонала. Например, *accueil par la serveuse pas chaleureux* (неприветливый приём со стороны официантки): *pas chaleureux* — нетёплый, не свидетельствующий о симпатии. Такая информация о сервисе оттолкнёт будущих посетителей и создаст негативный образ ресторана, показав незаинтересованность официантов в работе и равнодушие к гостям.

Таким образом, *эпитеты*, как яркие образные определения, выражающие отношение автора и показывающие характерные черты описываемого объекта, играют важную роль в создании образа ресторана, добавляя живость и выразительность тексту интернет-отзыва. Они подчёркивают положительные и отрицательные характеристики кухни, атмосферы и сервиса, помогая передать впечатления гостей и создавая эмоциональный отклик у читателей. Лексические единицы с позитивной коннотацией делают акцент на уникальности кухни, качестве блюд и сервиса, влияя на формирование привлекательного образа ресторана. Негативные эпитеты обращают внимание на недостатки заведения, показывая несоответствие между ожиданиями и реальностью. Анализ показывает важность использования эпитетов в интернет-отзывах, так как они существенно могут изменить представление гостей о ресторане, как в положительном, так и в отрицательном плане.

2) Сравнения.

1. Описание минусов в деталях интерьера представлено в примере отзыва: *mais on est moins bien assis que dans un fast-food* (но сиденья не такие удобные, как в ресторане быстрого питания). Это важный элемент, показывающий, что удовольствие от еды было испорчено и гость не захочет возвращаться. Также уточнение того, что в ресторане быстрого питания было комфортнее, очень негативно повлияет на репутацию высококлассного ресторана и оттолкнёт потенциальных гостей.

2. Критика некачественного сервиса представлена в отзыве *le service était aussi lent qu'un escargot* (обслуживание было таким же медленным, как улитка). Сравнение с улиткой даёт понять, что персонал не старается оказать быстрое и первоклассное

обслуживание. Это не будет привлекать новых гостей, создавая образ медлительности и неэффективности, что может негативно сказаться на репутации ресторана, так как клиенты ожидают быстрого обслуживания.

Следует заключить, что *сравнения* помогают сделать описываемое более ясным и конкретным, сравнивая одни объекты или явления с другими, часто знакомыми образами и подчёркивая их общие признаки, что придаёт тексту интернет-отзыва выразительности. Положительные сравнения заинтересовывают гостей, показывая уровень профессионализма персонала в зале и на кухне и красоту интерьера. В то же время негативные сравнения могут оказать вред репутации ресторана, акцентируя внимание на недостатках. Следовательно, выбор средств выразительности в интернет-отзывах важен для восприятия ресторанов потребителями.

3) Метафоры.

1. Номинативная метафора позволяет описать недовольство качеством блюд: *les ingrédients semblaient être des restes d'un banquet oublié* (ингредиенты казались остатками забытого банкета). Данная метафора обращает внимание на низкий уровень ингредиентов и не вызывает желания попробовать блюда в ресторане, что может сильно повредить образу ресторана в интернет-пространстве.

2. Образная метафора представлена в примере отзыва: *ce restaurant est une illusion, tout brille à l'extérieur, mais à l'intérieur, il n'y a que deception* (этот ресторан — иллюзия, все сверкает снаружи, но внутри только разочарование) в этом интернет-отзыве описывается несоответствие атмосферы и обстановки ресторана с тем, что гости видят на входе. Это может сильно снизить уровень доверия клиентов и оказать негативное влияние на цифровую репутацию.

Метафоры помогают передавать впечатления гостей от посещения ресторана, создавая яркие образы и ассоциации с помощью скрытых сравнений. Использование метафор в отзывах усиливает положительные эмоции посетителей и показывает уникальность заведения, привлекая новых гостей и помогая формировать позитивные ассоциации с рестораном и позитивно влиять на его цифровую репутацию. Однако метафоры с отрицательным значением также оказывают сильное воздействие на мнение пользователей и могут оттолкнуть потенциальных гостей, создавая негативный образ в сети. Метафоры в интернет-отзывах оказывают влияние на читателей и помогают принимать решение при выборе ресторана.

Заключение. По итогам проведённого исследования можно заключить, что во всех типах интернет-отзывов, как положительных, так и отрицательных, гости заведений активно используют такие средства выразительности как э*питеты, метафоры и сравнения. Эпитеты* позволяют передать эмоциональную окраску и детальнее описать конкретные аспекты обслуживания или качества еды. *Метафоры* дают более полное представление об атмосфере заведения, уровне сервиса и качестве блюд. *Сравнения* упрощают сложные идеи и делают их доступнее. Использование *языковых средств выразительности* в интернет-отзывах становится механизмом формирования цифрой репутации ресторанов и помогает убедить потенциальных клиентов в том, что ресторан стоит посетить или лучше в него не заходить.

Положительные интернет-отзывы способствуют укреплению репутации, привлекая новых клиентов благодаря рекомендациям и высокому рейтингу. Отрицательные интернет-отзывы могут существенно вредить цифровой репутации, особенно если они касаются сервиса и качества еды. Критические замечания способны быстро распространиться через социальные сети и платформы для отзывов. Негативные рекомендации могут значительно повлиять на выбор ресторана. Клиенты и гости

склонны избегать места с плохими интернет-отзывами, особенно если они содержат сильные эмоциональные оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт : монография / Н.Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1988. — 338 с.
2. Басовская Е.Н. Жанр интернет-рецензии: взаимодействие стилевых стихии / Е.Н. Басовская // Актуальные проблемы стилистики. — 2018. — № 4. — С. 122–126.
3. Бирюкова Е.В. Маркетинговая лингвистика: проблемы и перспективы развития / Е.В. Бирюкова, Е.Г. Борисова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2021. — № 3(43). — С. 160–164.
4. Викулова Л.Г. Цифровая репутация научного сообщества: сайт Французской академии / Л.Г. Викулова, О.И. Короленко, И.В. Макарова // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. — 2023. — № 1. — С. 234–250. — DOI 10.51955/2312-1327_2023_1_234.
5. Дахалаева Е.Ч. Интернет-комментарий и интернет-отзыв: параметры жанрового разграничения / Е.Ч. Дахалаева // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 6. — С. 1299.
6. Денисова Э.С. Аксиологическая картина мира рекламной интернет -коммуникации (на примере отзывов интернет-магазина) / Э.С. Денисова // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. — 2014. — Т. 5, № 5. — С. 16–20.
7. Карасик В.И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса / В.И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. — 2009. — № 7. — С. 32–47.
8. Киселева К.А. Жанр отзыва в современном интернет-дискурсе / К.А. Киселева // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сборник статей IV Международной научно-практической конференции: в 2 томах, Москва, 29 апреля 2020 года / Российский университет дружбы народов. Том 2. — Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. — С. 8–14.
9. Кравцова А.А. Управление цифровой репутацией: теоретический и практический аспекты / А.А. Кравцова, К.В. Гуленкова // Прикладные цифровые технологии и системы XXI века: экономика, менеджмент, управление персоналом, информационная безопасность, право: Материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции, Владимир, 12 декабря 2024 года. — Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2025. — С. 311–316.
10. Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста. — М. : Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2019. — 164 с.
11. Основы маркетинговой лингвистики : Учебник / Л.Г. Антонова, Е.В. Бирюкова, Е.Г. Борисова [и др.] ; Печатается по решению ученого совета Института иностранных языков ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (МГПУ). — М. : Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2023. — 217 с.
12. Фаломкина И.П. Средства выражения отрицательной оценки в интернет-отзывах посетителей ресторанов / И.П. Фаломкина // СибСкрипт. — 2025. — Т. 27, № 1(107). — С. 12–20. — DOI 10.21603/sibscript-2025-27-1-12-20.
13. Чуриков А.А. Цифровая репутация человека и организации на современном этапе развития глобальных сетей / А.А. Чуриков, В.И. Букалова // Прикладные цифровые технологии и системы XXI века: экономика, менеджмент, управление персоналом, информационная безопасность, право: Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции, Владимир, 16 декабря 2022 года. — Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2023. — С. 233–238.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Thefork : сайт. — Режим доступа: https://www.thefork.fr (дата обращения: 25.11.2025).

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. (1988). Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka, sobytie, fakt [Types of Language Meanings: Evaluation, Event, Fact]: monografiya [monograph]. Moskva: Nauka (In Russian).
2. Basovskaya E.N. (2018). Zhanr internet-retsenzii: vzaimodeystvie stilevykh stikhi [The Genre of Internet Review: Interaction of Stylistic Elements]. Aktual'nye problemy stilistiki [Actual Problems of Stylistics]. No. 4. (pp. 122–126). (In Russian).
3. Biryukova E.V., Borisova E.G. (2021). Marketingovaya lingvistika: problemy i perspektivy razvitiya [Marketing Linguistics: Problems and Prospects of Development]. Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya

yazyka. Yazykovoe obrazovanie [Bulletin of Moscow City University. Series: Philology. Language Theory. Language Education]. No. 3(43). (pp. 160–164). DOI 10.25688/2076-913X.2021.43.3.18. (In Russian).
4. Vikulova L.G., Korolenko O.I., Makakrova I.V. (2023). Tsifrovaya reputatsiya nauchnogo soobshchestva: sayt Frantsuzskoy akademii [Digital Reputation of the Scientific Community: Website of the French Academy] Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk [Crede Experto: Transport, Society, Education, Language]. No. 1. (pp. 234–250). DOI 10.51955/2312-1327_2023_1_234. (In Russian).
5. Dakhalaeva E.Ch. (2014). Internet-kommentariy i internet-otzyv: parametry zhanrovogo razgranicheniya [Internet Comment and Internet Review: Parameters of Genre Distinction] Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern Problems of Science and Education]. No. 6. (In Russian).
6. Denisova E.S. (2014). Aksiologicheskaya kartina mira reklamnoi internet-kommunikatsii (na primere otzyvov internet-magazina) [Axiological Picture of the World of Advertising Internet Communication (on the Example of Online Store Reviews)]. Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statey [Man and Language in the Communicative Space: Collection of Scientific Articles]. Vol. 5, No. 5. (pp. 16–20). (In Russian).
7. Karasik V.I. (2009). Kommentariy kak zhanr germenevticheskogo diskursa [Commentary as a Genre of Hermeneutic Discourse]. Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda [Language, Communication and Social Environment]. No. 7. (pp. 32–47). (In Russian).
8. Kiseleva K.A. (2020). Zhanr otzyva v sovremennom internet-diskurse [The Genre of Review in Modern Internet Discourse]. Yazyk i rech' v Internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kultura [Language and Speech on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture]: Sbornik statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference: in 2 volumes, Moscow, April 29, 2020]. Vol. 2. Moskva: Rossiyskiy universitet druzhby narodov, RUDN. (pp. 8– 14). (In Russian).
9. Kravtsova A.A., Gulenkova K.V. (2025). Upravlenie tsifrovoy reputatsiyey: teoreticheskiy i prakticheskiy aspekty [Managing Digital Reputation: Theoretical and Practical Aspects]. Prikladnye tsifrovye tekhnologii i sistemy XXI veka: ekonomika, menedzhment, upravlenie personalom, informatsionnaya bezopasnost', pravo [Applied Digital Technologies and Systems of the 21st Century: Economics, Management, Personnel Management, Information Security, Law]: Materialy IV Mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Vladimir, 12 dekabrya 2024 goda [Proceedings of the IV Interregional Scientific and Practical Conference, Vladimir, December 12, 2024]. Vladimir [Vladimir Branch of RANEPA]. (pp. 311–316). (In Russian).
10. Biryukova E.V. (2019). Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushchego teksta [Marketing Linguistics. Patterns of Promotional Text]: monografiya [monograph]. Moskva: Flinta. 164 p. (In Russian).
11. Antonova L.G., Biryukova E.V., Borisova E.G. at all (2023).Osnovy marketingovoy lingvistiki [Fundamentals of Marketing Linguistics]. Published by decision of the Academic Council of the Institute of Foreign Languages, Moscow City University (MGPU). Moskva: Yazyki Narodov Mira. (In Russian).
12. Falomkina I.P. (2025). Sredstva vyrazheniya otritsatel'noy otsenki v internet-otzyvakh posetiteley restoranov [Means of Expressing Negative Evaluation in Internet Reviews of Restaurant Visitors] Vol. 27, No. 1(107). (pp. 12–20). DOI 10.21603/sibscript-2025-27-1-12-20 (In Russian).
13. Churikov A.A. (2023). Tsifrovaya reputatsiya cheloveka i organizatsii na sovremennom etape razvitiya global'nykh setey [Digital Reputation of Individuals and Organizations at the Current Stage of Global Network Development]. Prikladnye tsifrovye tekhnologii i sistemy XXI veka: ekonomika, menedzhment, upravlenie personalom, informatsionnaya bezopasnost', pravo [Applied Digital Technologies and Systems of the 21st Century: Economics, Management, Personnel Management, Information Security, Law]: Materialy IV Mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Vladimir, 12 dekabrya 2024 goda [Proceedings of the IV Interregional Scientific and Practical Conference, Vladimir, December 12, 2024]. Vladimir [Vladimir Branch of RANEPA]. (pp. 233–238) (In Russian).

Поступила в редакцию 24.01.2026 г.

LINGUISTIC MEANS OF SHAPING RESTAURANTS' DIGITAL REPUTATION (IN ONLINE REVIEWS)

A.E. Kazakova

The article deals with identifying and analyzing linguistic means involved in the shaping of restaurants' digital reputation in online reviews of TheFork.fr, one of the leading platforms in Europe for restaurant booking and evaluation. The topicality of the study is determined by the digital technologies' rapid development and the online space growing importance in shaping public opinion. The issue of digital reputation is particularly

significant within the framework of marketing linguistics and media linguistics. The methods of linguo-axiological, statistical, comparative analysis, as well as online reviews content analysis have been employed. The linguistic interpretation of such terms as ‘digital reputation’ and ‘online review’ is one of the fundamental aspects of the study. Another theoretical issue the paper addresses is the identification of online reviews’ genre-specific features that play a crucial role in shaping a restaurant’s digital reputation. The linguistic means and stylistic devices (metaphor, epithet, and simile) as tools for shaping digital reputation are analyzed. The findings show that the linguistic tools under study influence restaurants’ digital reputation by conveying positive or negative customer experience evaluation, thereby affecting potential consumers.

Keywords: reputation, review, digital reputation, online review, marketing linguistics, media linguistics, evaluative vocabulary, linguo-axiology.

Казакова Анастасия Евгеньевна.
Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, г. Москва.
Студентка бакалавриата IV курса.
ORCID 0009-0009-1732-0581.
E-mail: anastasia2602@list.ru.

Kazakova Anastasia Evgenievna.
Moscow City Pedagogical University, Russian Federation, Moscow.
Fourth-year undergraduate student.
ORCID 0009-0009-1732-0581.
Email: anastasia2602@list.ru.

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.19907861

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ СТАТУСЕ СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ С КОМПОНЕНТОМ «ДИПЛОМАТИЯ»

© 2026 ***А.Н. Хасаншин***
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
ORCID 0009-0003-3979-1102

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В русле активизации исследований политического дискурса, анализ номинаций с компонентом «дипломатия», структурирующих и концептуализирующих эту сферу деятельности, в настоящее время приобретает большую актуальность. Целью исследования, представленного в статье, является определение лингвистического статуса этих единиц и их описание как системы с ядром устоявшихся терминов и периферией единичных сочетаний. В основу исследования положен интегративный подход, сочетающий теоретическую концепцию Т.П. Чепковой и практическую методику Т.В. Вяничевой и позволяющий установить степень терминологизированности подобных номинаций в географическом, функциональном, качественном и историческом аспектах. Полученные результаты послужат основой для дальнейшего изучения языковых характеристик современного дипломатического дискурса и сопоставления политической и дипломатической терминологии в разных языках и культурах.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, политический дискурс, составные термины, составные наименования, свободные сочетания, лингвистический статус, метафоры.

Для цитирования: Хасаншин А.Н. К вопросу о языковом статусе составных наименований с компонентом «дипломатия» / А.Н. Хасаншин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2026. – № 2. – С. 206-216. – https://doi.org/10.5281/zenodo.19907861.

Введение. Современный общественно-политический дискурс характеризуется активным использованием различных номинаций для описания дипломатических процессов и явлений. Особое место в этом ряду занимают номинации с компонентом *дипломатия*, образующие разветвлённую систему языковых единиц. Несмотря на распространённость подобных слов и сочетаний в медийной и профессиональной коммуникации, их лингвистический статус до настоящего времени остаётся неопределённым, что определяет **актуальность** нашего исследования. **Объектом** нашего исследования выступают составные термины, свободные сочетания и сложные слова с компонентом *дипломатия*, **цель** – определить лингвистический статус указанных номинаций.

Материал исследования представляет собой более 1300 номинаций с компонентом *дипломатия*. Общий объём анализируемого материала составил более 10000 контекстов, извлечённых из текстов, размещённых в Национальном корпусе русского языка. В данной работе предлагается многоаспектный анализ указанных сочетаний на основе интегративного подхода, сочетающего концепцию составных наименований Т.П. Чепковой и методику верификации синлексов Т.В. Вяничевой.

Основная часть. Несмотря на многовековую историю, **составные наименования** остаются недостаточно изученными как самостоятельный лингвистический объект в

силу многоаспектности номинации, разнообразия языковых единиц и отсутствия единой теоретической позиции по их статусу в лингвистике [9, с. 83]. Т.П. Чепкова формулирует развернутое определение понятия: «Составное наименование – это воспроизводимая в речи, грамматически раздельнооформленная, устойчивая по составу и порядку следования компонентов, обладающая семантической цельностью номинативная единица, способная к структурным преобразованиям» [10, с. 167–168]. Для чёткого отграничения СН от слов, фразеологизмов и свободных сочетаний предлагается система из трех групп параметров [10, с. 163].

1. **Структурно-грамматические признаки**: раздельнооформленность СН противопоставляется цельнооформленности слова.
2. **Семантические признаки**: семантическая цельность и мотивированность значения компонентов (в отличие от идиоматичности фразеологизмов).
3. **Функциональные признаки**: воспроизводимость, устойчивость состава и номинативная функция.

Прежде всего рассмотрим **структурно-грамматические свойства** анализируемых единиц. Большинство изучаемых нами единиц образовано по модели ***прилагательное + существительное ДИПЛОМАТИЯ*** – то есть представляет собой раздельнооформленную субстантивную синтагму с опорным компонентом *дипломатия* и согласованным определением (*международная дипломатия, евразийская дипломатия, экономическая дипломатия, мягкая дипломатия, горчаковская дипломатия* и проч.). Следует отметить, что прилагательные в этой модели бывают самой разной природы: относительные (*международная, региональная, парламентская*), качественные (*мягкая, жёсткая, тонкая, лобовая*), отонимические (*горчаковская, горбачёвская*), оттопонимические (*балканская, каспийская*), метафорические (*ковбойская, мегафонная, опереточная, фриковая*) и проч. Кроме того, активна модель ***существительное ДИПЛОМАТИЯ + существительное в родительном падеже*** (*дипломатия динозавров*). Второе существительное может иметь при себе определение (*дипломатия боевых волков*).

Внутри исследуемого набора наблюдается и формальная конкуренция с многословными сочетаниями (*дипломатия балансирования на грани*) и со сложными словами (*гастродипломатия, твиттер-дипломатия, е-дипломатия*). Действительно, по формальному критерию Т.П. Чепковой (грамматическая цельнооформленность / раздельнооформленность) последние – уже композиты, а не СН; однако они представляют ту же ономасиологическую модель и часто сосуществуют с эквивалентами (*гастрономическая дипломатия, дипломатия в Twitter'е, цифровая/электронная дипломатия*).

Что касается **грамматической оформленности,** порядок компонентов фиксирован, согласование прилагательного с существительным по роду, числу и падежу регулярно, внутренняя позиция синтагмы непроницаема для вставок без потери номинативной целостности (*мягкая, но принципиальная дипломатия* – уже не одно СН, а свободная комбинация с вставным определением). Тем самым налицо грамматическая раздельнооформленность при структурной и семантической цельности – конститутивный признак составного наименования у Т.П. Чепковой. Таким образом, корпус сочетаний демонстрирует: (а) устойчивость порядка компонентов; (б) морфологическую согласованность; (в) ограниченную вариативность без перестановки ядра.

Рассматривая **семантические свойства** исследуемых единиц**,** важно указать, что им присуща семантическая цельность. Они обозначают единое, целостное понятие – конкретный вид, стиль или метод дипломатической деятельности. Важно подчеркнуть, что значение не сводится к простой сумме значений компонентов: например, *ковбойская*

дипломатия – это не дипломатия ковбоев, а специфический агрессивный и непредсказуемый стиль дипломатии (как, например, у президента Д. Трампа).

В анализируемом материале отчётливо проявляются регулярные ономасиологические подтипы:

1) характеристика дипломатии по сфере (*экономическая, энергетическая, газовая, кредитная; культурная; спортивная; экологическая/зелёная*);
2) по каналу/инструменту (*цифровая дипломатия, е-дипломатия, твиттер-дипломатия; джазовая, пандовая, гастрономическая дипломатия*);
3) по субъекту/институции (*парламентская, межпарламентская, общественная, гражданская; российская, американская, китайская*);
4) по пространственной локализации (*глобальная/мировая/международная;* региональные*: евразийская, азиатская, африканская, балканская, каспийская;* национальные*;* специфические*: островная, муниципальная, постсоветская*);
5) по тактике/качеству/стилю (*мягкая – жёсткая; тонкая/филигранная – лобовая/напористая; позиционная; мегафонная; ковбойская; фриковая*);
6) по ситуативному режиму (*кризисная, пожарная, спасательная*);
7) по хронотопу/традиции/антропониму (*классическая, традиционная; советская, блоковая; горчаковская, горбачёвская; казимировская, миссионерская; челночная*).

Наконец, для номинаций с компонентом *дипломатия* характерна **мотивированность**. Внутренняя форма, как правило, прозрачна и понятна носителю языка (*дипломатия землетрясений* – дипломатия, которая осуществляется во время и/или после землетрясений), что отличает эти единицы от идиоматичных фразеологизмов.

Рассматривая **функциональные свойства,** следует отметить, что указанные единицы воспроизводимы как готовые языковые факты, а не свободные сочетания. Часто они функционируют параллельно с краткими вариантами (*твиттер-дипломатия* как вариант сочетания *дипломатия в Twitter*). Преобладает номинативная функция (классификация практик), коннотация может варьироваться (минимальна у *международная дипломатия*, заметна у *фриковая дипломатия*), но остаётся вторичной.

Особую ценность для анализа сочетаний с компонентом *дипломатия* представляет предложенная Т.П. Чепковой типология СН, в основе которой лежит **соотношение номинации (Н) и коннотации (К)** [11, с. 69–71]. Выделяются две основные группы: **сочетания с прямыми (первичными) значениями** и **сочетания с производными (вторичными) значениями**. К первой группе относятся термины, в которых компонент *дипломатия* сохраняет своё базовое номинативное значение. В частности, сюда включаются **сочетания с нейтральным номинативным значением (1Н)**, где зависимый компонент указывает на конкретный субъект (например, *российская*, *китайская*, *американская дипломатия*), сферу деятельности (*экономическая*, *энергетическая*, *культурная*), метод или инструмент (*парламентская*, *цифровая*, *публичная*) либо географический аспект (*островная*, *ближневосточная*): «Как будто и не было у России политических консультаций с самым широким спектром оппозиционных сил, связанных с различными отрядами вооруженной оппозиции. Надо отдать должное российской **ближневосточной дипломатии**. Она своевременно реагировала на сигналы непонимания и информационной войны, исходящие извне, стараясь вносить те или иные корректировки в политическое обеспечение военных усилий» [15]. Такие термины являются наиболее распространёнными.

Следующий подтип в данной группе – это **сочетания с прямым номинативно-коннотативным значением (1НК)**, которые дополняют номинацию оценочной или

стилистической окраской. В этом случае термин приобретает явную или скрытую эмоциональную или критическую нагрузку, что проявляется, например, в таких единицах, как *мегафонная дипломатия* (характеризуется безосновательным подходом), *фейковая дипломатия* (основана на ложных заявлениях), *лобовая дипломатия* (агрессивная, прямолинейная) или *опереточная дипломатия* (театральная): «Если задача заключается в том, чтобы обосновать некие заранее подготовленные «ответные меры», о которых ранее уже заявлялось, то становится понятным, почему в ход идут **мегафонная дипломатия**, подмена нормального сотрудничества информационной кампанией, публичные обращения в ЕС и НАТО, упоминание Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО)» [16]. Сочетания с подобными коннотативными оттенками встречаются значительно реже, хотя и играют важную роль в дискурсе, позволяя выражать критику и оценку дипломатической практики.

Также выделяются **сочетания с прямым коннотативно-номинативным значением (1КН)**, где образность превалирует, однако термин всё же сохраняет свою номинативную функцию. Примеры таких сочетаний: *икорная дипломатия* (с коннотацией подкупа) и *дипломатия боевых волков* (с коннотацией жёсткого и даже агрессивного стиля ведения переговоров): «Практика **дипломатии «боевых волков»** часто выглядит как overreacting (события и китайский ответ на него несопоставимы по значимости), к тому же она часто идет в ущерб экономическим интересам» [13]. Такие номинации встречаются крайне редко, однако они важны для отражения сложных аспектов дипломатической практики.

Вторая крупная группа – сочетания с производными значениями, в которых номинативное значение становится вторичным, а на первый план выходят коннотативные и метафорические аспекты. К ним относятся **сочетания с производным коннотативным значением (2К(Н))**, представленные яркими метафорами, сохраняющими высокую образность. В эту подгруппу входят термины, связанные с визуальными аналогиями (*челночная дипломатия* – частые поездки как движение челнока и *пещерная дипломатия*, символизирующая примитивизм): «Визит в Россию спецпосланника президента США Стивена Уиткоффа является **челночной дипломатией**: он передает президенту РФ Владимиру Путину послания от американского лидера Дональда Трампа, а улетает обратно с посланиями для Трампа от Путина» [14]. Несмотря на их яркость и образность, данные сочетания занимают крайне скромное место в общем корпусе, что свидетельствует о сохранении влияния традиционной номинации в дипломатическом лексиконе.

Стоит отметить, что в исследуемом материале **не выявлено сочетаний с производным номинативным значением и факультативной коннотацией (2Н(К))**, что можно объяснить тем, что все метафорические номинации либо сохраняют актуальную образность, либо однозначно относятся к прямым значениям. Таким образом, «стёртые» метафоры, утратившие образность и функционирующие исключительно как номинации (например, *ветви власти*), в дипломатической терминологии практически отсутствуют.

Интересные результаты позволяет получить анализ сочетаний, характеризующих дипломатию в четырёх аспектах – географическом, функциональном, качественном и историческом, с использованием морфологических, синтаксических, лексических и социолингвистических приёмов верификации **синлексичности**, предложенных Т.В. Вяничевой [2, с. 8].

Т.В. Вяничева, продолжая исследовательскую традицию Г.И. Климовской, рассматривает синлексы как самостоятельные номинативные единицы,

характеризующиеся грамматической раздельнооформленностью, отсутствием фонетического единства, экспрессивной нейтральностью, межстилевым характером, устойчивостью состава и порядка компонентов, воспроизводимостью в готовом виде и невозможностью произвольной трансформации [2, с. 1]. Ключевым вкладом Т.В. Вяничевой является разработка комплексной методики проверки синлексов, включающей четыре уровня анализа: морфологический, синтаксический, лексический и социолингвистический [2, с. 8]. Эта методика позволяет подтвердить статус номинации как синлекса, отграничив её от свободного словосочетания и фразеологизма.

На морфологическом уровне эти сочетания не обладают особой устойчивостью к преобразованиям. Все выделенные группы сочетаний свободно употребляются в любом падеже, что характерно для обычных атрибутивных словосочетаний в русском языке. Что касается числа, то здесь ограничение носит не синтаксический (связанный со связанностью компонентов), а лексико-грамматический характер: слово *дипломатия* является существительным singularia tantum, и как у рядового абстрактного имени существительного у него отсутствует возможность образования форм множественного числа. Это свойство самого слова, а не конкретных сочетаний с ним.

Хотя в русском языке для сочетаний с компонентом *дипломатия* **аббревиатуры** (по типу *ПД*, *ЦД*) не являются узуальными, сама потенциальная способность к такому сокращению выше у функциональных номинаций (*ПД – публичная дипломатия*), чем у качественных (*МД – мягкая дипломатия*), что косвенно указывает на разную степень их институционализации.

Наконец, для всех этих типов сочетаний **диминутивы** неузуальны и воспринимаются как просторечие или неологизм, что, в свою очередь, подтверждает высокий уровень абстрактности и терминологичности сочетаний.

Следует отметить несколько существенных характеристик исследуемых номинаций **на синтаксическом уровне**. Синлексы легко становятся именными сказуемыми: «Визит в Россию спецпосланника президента США Стивена Уиткоффа является **челночной дипломатией**: он передает президенту РФ Владимиру Путину послания от американского лидера Дональда Трампа, а улетает обратно с посланиями для Трампа от Путина» [14].

Переходя к **проверке на возможность вставки негации между компонентами**, можно констатировать, что конструкции типа *мягкая не дипломатия* оказываются совершенно невозможными для всех аспектов. Как показывают наблюдения, *российская не дипломатия* и *цифровая не дипломатия* воспринимаются как грамматически аномальные, при этом контраст может оформляться только периферийно: *не мягкая, а жёсткая дипломатия*. Это свойство надежно подтверждает целостность синлексов.

Особого внимания заслуживает **анализ контекстной валентности**. Так, географические номинации закономерно тяготеют к сочетаемости с политическими субъектами (*стратегия российской дипломатии*, *успехи китайской дипломатии*). В свою очередь, функциональные синлексы раскрываются через инструментальные характеристики (*механизмы публичной дипломатии*, *ресурсы цифровой дипломатии*). Что касается качественных сочетаний, то здесь наблюдается связь с оценочными маркерами (*слишком мягкая дипломатия*), тогда как исторические синлексы связаны с хронологией (*традиции советской дипломатии*). Устойчивость контекстов подчёркивает статус синлексов.

Рассматривая **особенности постановки внутреннего вопроса**, отметим, что в географическом ряду естественным является вопрос *дипломатия чья? – российская, американская*. Для функционального и качественного аспектов характерен вопрос

дипломатия какая? – публичная, мягкая, кризисная. В историческом же ряду вопрос приобретает временной или персональный характер: *дипломатия какой эпохи?* или *чья?*

При **анализе оценочно-градуирующих модификаторов** следует отметить существенные различия между аспектами: качественные сочетания могут сочетаться со степенями (*очень мягкая дипломатия*, *слишком напористая дипломатия*), тогда как функциональные и географические синлексы менее градуируемы – конструкция *более российская дипломатия* звучит аномально, хотя *более активная публичная дипломатия* оказывается возможной.

Важнейшим критерием синлексичности является **невозможность перестановки компонентов**. Действительно, для всех аспектов перестановка оказывается недопустимой: *дипломатия российская* или *дипломатия мягкая* невозможны как самостоятельные именования.

Рассматривая **распространение в сложных предложениях**, можно утверждать, что сочетания устойчивы к внутренним разрывам: конструкция *мягкая дипломатия, особенно культурная* является допустимой, тогда как *мягкая особенно дипломатия* категорически невозможна.

Наконец, при **разборе по членам предложения** убедительно доказывается синлексический статус сочетаний: во всех аспектах они могут функционировать как подлежащие (*мягкая дипломатия важна*), дополнения (*страна развивает публичную дипломатию*), именные сказуемые (*её подход – цифровая дипломатия*), полностью сохраняя при этом свою цельность.

Переходя к **лексическому аспекту** верификации**,** следует детально рассмотреть три ключевые проверки, предложенные в методике Вяничевой. Анализ возможности **замены нейтральным монолексемным эквивалентом** показывает, что *публичная дипломатия* не сводится к слову *коммуникация*, точно так же как *мягкая дипломатия* не эквивалентна *умиротворению*, а *советская дипломатия – дипкорпусу*. Для большинства сочетаний односоставная замена оказывается невозможной, что служит надежным свидетельством высокой степени их лексикализации.

Проверка редукции элемента демонстрирует, что удаление атрибута закономерно возвращает нас к гипериониму *дипломатия*, полностью устраняя специфический смысл: так, в случае *икорная дипломатия – дипломатия* теряет свой оценочный оттенок. Что касается удаления грамматически главного компонента, то здесь происходит полное разрушение номинации: конструкция *российская без дипломатии* перестаёт восприниматься как терминологическое единство.

Анализ синонимической замены выявляет существенные различия между тематическими рядами. В качественном ряду наблюдаются антонимические пары: *мягкая – жёсткая дипломатия*, *тонкая – лобовая дипломатия*. В функциональном аспекте отмечается частичная синонимия: *публичная дипломатия ~ общественная дипломатия*, *цифровая ~ электронная дипломатия*. Однако в историческом ряду замены практически невозможны: например, *горчаковская дипломатия*не не имеет полноценных лексических эквивалентов.

В рамках **социолингвистической проверки** особого внимания заслуживает анализ переводимости рассматриваемых сочетаний, который показывает устойчивые соответствия: *российская дипломатия – Russian diplomacy*, *китайская дипломатия – Chinese diplomacy*. Функциональные сочетания демонстрируют аналогичную прозрачность: *публичная дипломатия – public diplomacy*, *цифровая дипломатия – digital diplomacy*. Качественные номинации также имеют устоявшиеся эквиваленты: *мягкая дипломатия – soft diplomacy*, *мегафонная дипломатия – megaphone diplomacy*.

Исторический ряд завершает эту картину переводимости: *челночная дипломатия – shuttle diplomacy*, *советская дипломатия – Soviet diplomacy*. Устойчивость перевода на другие языки подтверждает, что эти сочетания прошли процесс международной институционализации.

В завершение анализа сочетаний с компонентом *дипломатия* проведём разграничение номинаций **по степени терминологизированности**, используя подход Т.П. Чепковой, сопоставляющей составные наименования с составными терминами. Сопоставление составных наименований и **составных терминов** показывает, что, обладая общей структурной основой – восхождением к свободному словосочетанию – и выполняя номинативную функцию, они существенно различаются сферой функционирования. Составные термины закреплены преимущественно за научным и официально-деловым стилем, составные наименования же, как правило, стилистически нейтральны и характеризуются межстилевой распространённостью, что обеспечивает их стабильное функционирование в повседневной речи представителей разных социальных групп [10, с. 166–167].

К полностью терминологизированным сочетаниям относятся единицы, обладающие чётко очерченной предметной областью. *Экономическая дипломатия* описывает комплекс мер по продвижению внешнеэкономических интересов государства и регулярно фиксируется в монографиях, стратегиях и документах внешнеполитических ведомств; сфера применения – внешнеэкономическая деятельность и защита национального бизнеса за рубежом. Экономическая дипломатия нередко рассматривается исследователями как комплексное направление, объединяющее множество специализированных форм в зависимости от сферы приложения, решаемых задач и используемых инструментов. Так, один из исследователей включает в её структуру авиационную, арктическую, атомную (в том числе гелиевую), военную, гуманитарную, космическую, морскую, продовольственную, сельскохозяйственную, торговую или коммерческую, транспортную, туристическую, финансовую (в том числе инвестиционную, кредитную, инвестиционно-кредитную, долговую), экологическую, энергетическую (в том числе нефтяную, газовую, нефтегазовую, энергоресурсную) дипломатию [6, с. 9].

Культурная дипломатия столь же надёжно закреплена в академическом и практическом поле: к ней привязаны официальные программы, практики культурных центров при посольствах и институтах и различные исследования. Данный вид дипломатии включает широкий спектр инструментов: от поддержки соотечественников за рубежом и продвижения русского языка через сеть славянских университетов до организации спутникового вещания российских СМИ и развития спортивных связей, которые в совокупности работают на формирование благоприятного и объективного образа государства [5]. Культурная дипломатия также охватывает взаимодействие в рамках ЮНЕСКО и реализацию двусторонних соглашений, направленных на организацию обменов художественными коллективами и защиту авторских прав, что подтверждает её статус комплексного внешнеполитического инструмента [5].

Военная дипломатия обладает прочной институциональной основой, включающей институт военных атташе и формализованные каналы межведомственного взаимодействия, что позволяет рассматривать данное понятие как устоявшийся термин. Военная дипломатия охватывает широкий спектр инструментов: военно-техническое сотрудничество, совместные учения, оказание гуманитарной помощи, участие в рабочих группах многосторонних форматов (например, СМОА+), а также взаимодействие по «полуторному» треку, включая конференции по безопасности [4, с. 120, 123].

Цифровая дипломатия является сравнительно новой, однако уже успела получить дефиниции в академическом дискурсе: она описывает использование цифровых технологий и социальных сетей в официальной внешнеполитической деятельности. Цифровая дипломатия, хотя и является сравнительно новой, уже прошла в своём развитии несколько этапов, что позволяет говорить о её концептуальной оформленности: если на первом этапе (2009–2012) преобладала «мягкая сила» и продвижение позитивного имиджа государства через диалог, а второй этап (2013–2017) ознаменовался переходом к «острой силе», использованию больших данных и пропагандистских кампаний, то с 2018–2020 гг. она вступила в третий этап, где искусственный интеллект и обработка больших данных превратили её в инструмент информационного противоборства [8, с. 38–39].

Наконец, *челночная дипломатия* восходит к процедурам посредничества в переговорах, когда медиатор последовательно контактирует со сторонами конфликта; практическая закреплённость и точность содержания делают это сочетание полноценным составным термином. Термин был введён представителями СМИ для обозначения метода Г. Киссинджера, который в ходе серии коротких перелётов в 1974–1975 гг. между столицами ближневосточных государств последовательно взаимодействовал с противоборствующими сторонами, что позволило добиться египетско-израильских соглашений и сирийско-израильского соглашения [12]. Сегодня челночная дипломатия сегодня понимается шире: это форма посредничества, при которой медиатор попеременно взаимодействует с участниками конфликта, лично передавая предложения и согласовывая позиции без одновременного присутствия сторон за одним столом переговоров.

На границе между терминами и нетерминологическими сочетаниями располагаются номинации, которые активно употребляются в СМИ, при этом процесс их терминологизации в научном поле остаётся незавершённым.

Зелёная дипломатия формируется на стыке экологической политики и повестки устойчивого развития; в научных работах она получает достаточно чёткие очертания как внешнеполитический трек климатических и природоохранных обязательств. Как отмечается в исследовательской литературе, зелёную дипломатию можно охарактеризовать как деятельность государств по осуществлению своих внешних связей, связанных с проблематикой экологии, устойчивого развития и природоохранной деятельностью. Она заключается в подписании двусторонних и многосторонних экологических соглашений, организации и проведении экологических мероприятий международного уровня, участии в международных экологических проектах и программах. Однако зелёная дипломатия выступает не только инструментом взаимодействия с зарубежными странами и международными организациями, но и средством формирования привлекательного внешнего имиджа государства, а в ряде случаев – его конкурентным преимуществом [1, с. 190]. В журналистике данный термин нередко выступает как модный ярлык и не гарантирует терминологической строгости. В этой связи важно подчеркнуть, что само понятие *экологическая* (или *зелёная*) *дипломатия* ещё не имеет глубокого научно-теоретического обоснования и находится в стадии дискуссий и научных обсуждений [1, с. 190].

Твиттер-дипломатия и *е-дипломатия* достаточно закреплены в англоязычном пространстве, тогда как в русскоязычном поле эти номинации чаще функционируют в публицистике; терминологизация идёт, но остаётся незавершённой. Так, под твитпломатией (twiplomacy) понимается использование Twitter (X) главами государств, руководителями международных межправительственных организаций и дипломатами для сближения позиций по международным вопросам [7, с. 156]. Т.В. Зонова предлагает

альтернативную номинацию *твипломаси* [3]. «Президенты, премьеры, министры, главы внешнеполитических ведомств, послы выходят в социальные сети и становятся, – как отмечает исследовательница, – „твипломатами“» [3].

Заключение. Таким образом, большинство сочетаний с компонентом *дипломатия* обладают комплексом признаков, позволяющих квалифицировать их как составные наименования. Анализ позволил выявить градацию от строго (*экономическая дипломатия*) и частично терминологических (*твиттер-дипломатия*) единиц к экспрессивным номинациям (*ковбойская дипломатия*). Применение подхода Т.П. Чепковой помогло обнаружить доминирование прямых номинативных значений над небольшим пластом производных коннотативных. Важнейшим результатом работы стало отграничение исследуемых единиц от смежных языковых явлений: сохраняя мотивированность значения, они не переходят в разряд фразеологизмов, а в отличие от свободных сочетаний, подобные номинации обладают структурной устойчивостью и воспроизводимостью, образуя самостоятельный пласт номинативных единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боголюбова Н.М. Феномен «зеленой дипломатии»: международный опыт / Н.М. Боголюбова, Ю.В. Николаева // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. – 2014. – № 36. – С. 189–198.
2. Вяничева Т.В. Субстантив-субстантивная синлексика современного русского языка: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2000. – 344 с.
3. Зонова Т.В. Публичная дипломатия и её акторы // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-i-ee-aktory (дата обращения: 01.03.2026).
4. Колдунова Е.В. Военная дипломатия Японии, Китая и России в Юго-Восточной Азии: стратегии и тактика реализации / Е.В. Колдунова // Японские исследования. – 2024. – № 1. – С. 111–125. – DOI 10.55105/2500-2872-2024-1-111-125.
5. Лебедева О.В. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России на современном этапе / О.В. Лебедева // Международная жизнь [Электронный ресурс]. – 2016. – № 9. – Режим доступа: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1734 (дата обращения: 01.03.2026).
6. Савойский А.Г. Экономическая дипломатия как средство внешней политики (на примере экономической дипломатии России в отношении Соединённых Штатов Америки: 1992–2008 гг.): специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Савойский Александр Геннадьевич. – Москва, 2009. – 19 с.
7. Торреальба А.А. Твитпломатия: влияние социальной сети Твиттер на дипломатию / А.А. Торреальба // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 152–166.
8. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения / Н.А. Цветкова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 2. – С. 37–47. – DOI 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47.
9. Чепкова Т.П. К вопросу о типологии составных наименований современного русского языка / Т.П. Чепкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2007. – № 1. – С. 83–90.
10. Чепкова Т.П. Лингвистический статус составных наименований русского языка / Т.П. Чепкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 162–168.
11. Чепкова Т.П. О соотношении номинации и коннотации в составных наименованиях современного русского языка / Т.П. Чепкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 2(26). – С. 67–72.
12. Shuttle Diplomacy and the Arab-Israeli Dispute, 1974–1975 // Office of the Historian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://history.state.gov/milestones/1969-1976/shuttle-diplomacy (date of access: 01.03.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Китайская экономическая дипломатия в условиях многополярного расстройства // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – 2021. – 12 мая. – Режим доступа:

https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-ekonomicheskaya-diplomatiya-v-usloviyakh-mnogopolyarnogo-rasstroystva (дата обращения: 01.08.2025).
14. Песков назвал визит Уиткоффа челночной дипломатией // ТАСС [Электронный ресурс]. – 2025. – 25 апр. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/23787227 (дата обращения: 01.08.2025).
15. Сирия: С кем договариваться // Ведомости [Электронный ресурс]. – 2015. – 16 нояб. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/11/17/617102-siriya-dogovarivatsya (дата обращения: 01.03.2026).
16. Яд кромешный // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – 2020. – 2 сент. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4476138 (дата обращения: 01.03.2026).

REFERENCES

1. Bogoliubova N.M., & Nikolaeva Yu.V. (2014). Fenomen “zelenoi diplomatii”: mezhdunarodnyi opyt [The phenomenon of “green diplomacy”: international experience]. Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta, 36, 189–198. (In Russian)
2. Vyanicheva T.V. (2000). Substantiv-substantivnaia sinleksika sovremennogo russkogo iazyka [Substantive-substantive sinlexis of the modern Russian language] (Candidate’s dissertation). Tomsk. (In Russian)
3. Zonova T.V. (2012). Publichnaia diplomatiia i ee aktory [Public diplomacy and its actors]. The Russian International Affairs Council. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-i-ee-aktory (In Russian)
4. Koldunova E.V. (2024). Voennaia diplomatiia Iaponii, Kitaia i Rossii v Iugo-Vostochnoi Azii: strategii i taktika realizatsii [Military diplomacy of Japan, China and Russia in Southeast Asia: Strategies and tactics of implementation]. Iaponskie issledovaniia, 1, 111–125. https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-1-111-125 (In Russian)
5. Lebedeva O.V. (2016). Kulturnaia diplomatiia kak instrument vneshnei politiki Rossii na sovremennom etape [Cultural diplomacy as a tool of Russia’s foreign policy at the present stage]. Mezhdunarodnaia zhizn, 9. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1734 (In Russian)
6. Savoiskii A.G. (2009). Ekonomicheskaia diplomatiia kak sredstvo vneshnei politiki (na primere ekonomicheskoi diplomatii Rossii v otnoshenii Soedinennykh Shtatov Ameriki: 1992–2008 gg.) [Economic diplomacy as a means of foreign policy (on the example of Russia’s economic diplomacy towards the United States of America: 1992–2008)] (Author’s abstract of candidate’s dissertation). Moscow. (In Russian)
7. Torrealba A.A. (2015). Tvitplomatiia: vliianie sotsialnoi seti Tvitter na diplomatiiu [Twiplomacy: The influence of the social network Twitter on diplomacy]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Mezhdunarodnye otnosheniia, 15(3), 152–166. (In Russian)
8. Tsvetkova N.A. (2020). Fenomen tsifrovoi diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniiakh i metodologiia ego izucheniia [The phenomenon of digital diplomacy in international relations and the methodology of its study]. Vestnik RGGU. Seriia: Politologiia. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia, 2, 37–47. https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47 (In Russian)
9. Chepkova T.P. (2007a). K voprosu o tipologii sostavnykh naimenovanii sovremennogo russkogo iazyka [To the question of the typology of compound names in the modern Russian language]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Lingvistika, 1, 83–90. (In Russian)
10. Chepkova T.P. (2007b). Lingvisticheskii status sostavnykh naimenovanii russkogo iazyka [Linguistic status of compound names in the Russian language]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 20, 162–168. (In Russian)
11. Chepkova T.P. (2008). O sootnoshenii nominatsii i konnotatsii v sostavnykh naimenovaniiakh sovremennogo russkogo iazyka [On the correlation of nomination and connotation in compound names of the modern Russian language]. Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2(26), 67–72. (In Russian)
12. Shuttle Diplomacy and the Arab-Israeli Dispute, 1974–1975. (n.d.). Office of the Historian. URL: https://history.state.gov/milestones/1969-1976/shuttle-diplomacy

Поступила в редакцию 16.03.2026 г.

LINGUISTIC STATUS OF COMPOUND NOMINATIONS WITH THE COMPONENT «DIPLOMACY»

A.N. Khasanshin

In line with the growing body of research on political discourse, the analysis of compound nominations with the component «diplomacy» is currently becoming highly relevant, as they structure and conceptualize this sphere of activity. This study aims to determine the linguistic status of these units and describe them as a system with a core of established terms and a periphery of occasional compounds. The methodological framework for this study integrates T.P. Chepkova's theoretical approach and T.V. Vyanicheva's practical techniques, enabling to determine the level of terminologization of such nominations in terms of geographical, functional, qualitative, and historical aspects. The results obtained will provide a foundation for further study of the linguistic features of contemporary diplomatic discourse and for cross-linguistic and cross-cultural comparison of political and diplomatic terminology.

Keywords: diplomatic discourse, political discourse, compound terms, compound nominations, free word combinations, linguistic status, metaphors.

Хасаншин Азат Нафисович.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, г. Москва.
Магистрант кафедры русского языка филологического факультета.
ORCID 0009-0003-3979-1102.
E-mail: ihasazat@gmail.com.

Khasanshin Azat Nafisovich.
Lomonosov Moscow State University, Russian Federation, Moscow.
Master student at Department of Russian Language, Faculty of Philology.
ORCID 0009-0003-3979-1102.
E-mail: ihasazat@gmail.com.

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 159.99
DOI: 10.5281/zenodo.19908007

ВКЛАД В ГРУППОВУЮ АКТИВНОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ В ОРГАНИЗАЦИИ

© 2026 ***Е.С. Андриалович***[1], ***А.В. Сидоренков***[2]
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»
ORCID[1] 0000-0002-4371-5650
ORCID[2] 0000-0003-0554-3103

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В работе анализируется вклад в групповую активность как разновидность гражданского поведения сотрудников организации. Данное поведение относится к типу гражданского поведения, ориентированного на деятельность и развитие производственной группы как коллективного субъекта. В статье дано определение вкладу в групповую активность и выделены его ключевые атрибуты: компетентностная оценка важных для группы деловых и социально-психологических ситуаций, своевременные и обоснованные предложения, инициатива и конкретные действия. Проведен сравнительный анализ вклада в групповую активность с терминологически созвучными конструктами, а также с некоторыми разновидностями гражданского поведения, которые направлены на группу, вторичное подразделение или организацию в целом. Этот анализ позволил обозначить отличительные особенности вклада в групповую активность, которые позволяют судить о нем как о самостоятельном конструкте. В завершении работы представлены теоретические и практические приложения, а также некоторые перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: производственная группа, организационное гражданское поведение, вклад в групповую активность, компетентностная оценка, обоснованные предложения, инициатива, конкретные действия, разновидности ОГП.

Для цитирования: Андриалович Е.С. Вклад в групповую активность как разновидность гражданского поведения сотрудников в организации / Е.С. Андриалович, А.В. Сидоренков // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 217–230. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19908007

Введение. На протяжении последних десятилетий исследователи в области организационной психологии часто обращают внимание на такую форму просоциального поведения сотрудников, как организационное гражданское поведение (ОГП). Одними из первых, кто обратил внимание на такое поведение, были Т. Бейтман и Д. Орган [11]. Несколько позже Д. Орган более полно определил конструкт ОГП как добровольные действия сотрудника, проявляемые исключительно по личной инициативе и направленные на эффективную деятельность организации независимо от прямого вознаграждения в рамках официальной системы поощрений [26; 27]. С того времени многочисленные исследования, проводившиеся разными специалистами, неизменно показывают важность ОГП работников для успешного функционирования организаций

[19; 22; 32]. Так, А. Пурванто с коллегами в своей работе подчеркивают, что концепт ОГП особенно значим в сфере услуг, где успешная операционная деятельность компаний напрямую зависит от человеческого ресурса — начиная от продаж и заканчивая обслуживанием клиентов. Именно поэтому организациям важно наличие сотрудников, проявляющих инициативу и готовых выйти за рамки своих непосредственных трудовых обязанностей, особенно в условиях интенсивной рабочей нагрузки и множества выполняемых задач [32].

Более конкретно, интерес исследователей и практиков к изучению ОГП обусловлен некоторыми эффектами, которые оно создает как для отдельных сотрудников, так и для производственных групп и организации в целом. ОГП сотрудников положительно сказывается на оценке их трудовой деятельности руководством, принятии кадровых решений (в отношении индивидуальной производительности, оценки работы, распределения вознаграждений, повышения заработной платы, продвижения по службе и т. д.) [10; 13; 30; 31], их способности адаптироваться к нововведениям [14], повышении их удовлетворенности работой и снижении текучести кадров [30] и др. Кроме того, ОГП оказывает позитивные эффекты относительно эффективность групп и организаций, способствуя повышению производительности труда, улучшению качества продукции и услуг, выполнению работ [14; 29; 30].

Если обобщить существующую литературу, посвященную ОГП, то можно выделить с некоторой долей условности несколько ключевых направлений изучения такого поведения: 1) систематизация и выделение новых разновидностей ОГП; 2) антецеденты и условия проявления ОГП сотрудников; 3) эффекты ОГП сотрудников на индивидуальном и групповом (организационном) уровнях; 4) ОГП как медиатор и/или модератор в связях между некоторыми переменными; 5) проблемы и инструменты оценки ОГП в целом или отдельных его разновидностей [6]. В этой статье нас интересуют прежде всего некоторые вопросы, относящиеся к первому направлению исследования.

Гражданское поведение сотрудников имеет множество различных измерений (разновидностей). Так, в литературе к началу 2000 гг. их насчитывалось порядка 30 [31], а в настоящее время их количество превысило 40 [6]. С целью систематизации разновидностей гражданского поведения разработано несколько типологий. В одной типологии, основанной на объекте, на который направлено ОГП, представлено поведение, ориентированное на других людей (например, персональная поддержка), и поведение, ориентированное на организацию (например, гражданская активность) [39]. Во второй типологии предложено различать также два типа гражданского поведения, но с точки зрения основной цели/задачи: поведение, ориентированное на аффилиацию (например, помогающее поведение), и поведение, ориентированное на вызов (например, высказывание мнений) [36]. Многие исследователи, которые выходят за рамки понимания ОГП как обобщенного (генерализованного) конструкта, используют эти дихотомические типологии, отдавая больше предпочтения первой [24; 31; 37]. Однако у этих типологий есть определенные ограничения. В частности, в каждой из них слишком в общем виде и ограниченном количестве представлены объекты, на которые может быть направлено гражданское поведение. Такая слабая дифференциация объектов ОГП ведет к тому, что: а) некоторые разновидности гражданского поведения невозможно однозначно отнести к какому-то типу; б) существует ограниченное и систематизированное представление о возможных эффектах ОГП.

В связи с этим была предложена более дифференцированная систематизация разновидностей ОГП, включающая пять типов в зависимости от направленности

поведения и его основного эффекта [6; 33]. Первый тип — поведение, ориентированное на собственную активность (персональное усердие, сверхурочная работа, спортивный дух и др.), которое содействует росту производительности и качеству индивидуального труда. Второй тип — поведение, направленное на других людей (альтруизм, помогающее поведение, персональная поддержка и др.), которое стимулирует активность и повышает продуктивность деятельности других работников, например коллег. Третий тип — поведение, направленное на взаимоотношения (предупредительность, межличностная гармония, поддержание мира и др.), и способствующее поддержанию позитивных отношений и конструктивного взаимодействия. Четвертый тип — поведение, ориентированное на соблюдение норм и традиций в группе и/или организации в целом (преданность делу, добросовестность, содержание в чистоте рабочего места и др.), которое поддерживает стабильность функционирования группы или организации. Пятый тип — поведение, ориентированное на деятельность группы, вторичного подразделения и/или организации в целом (гражданское участие, высказывание мнений, участие в групповой активности и др.), которое способствует развитию и достижению организационных целей этих коллективных субъектов.

Несмотря на относительно устоявшиеся представления исследователей о существующим спектре разновидностей ОГП, актуальными остаются некоторые задачи, например: а) выделение новых конструктов, отображающих наиболее актуальные с организационной точки зрения разновидности ОГП; б) проведение сравнительного анализа разновидностей гражданского поведения внутри определенно типа ОГП для выявления похожих по содержанию конструктов и сокращения их количества в пользу наиболее репрезентативных.

Среди существующих разновидностей ОГП мы хотим обсудить в этой статье такое поведение, как вклад в групповую активность [5; 34]. Это вызвано несколькими обстоятельствами. Во-первых, конструкт «вклад в групповую активность» (ВГА) недостаточно разработан, а потому необходимо более основательно раскрыть его содержание и сопоставить его с терминологически созвучными конструктами (например, «вклад в коллективные действия» [38], «вклад в общее дело» [1; 12]) и похожими по содержанию конструктами, отображающими определенные разновидности ОГП (например, высказывание мнений [16; 37], участие в групповой активности [16]).

Во-вторых, руководители сталкиваются с необходимостью поиска ресурсов повышения эффективности, поддержания оптимального психологического климата и обеспечения развития возглавляемых ими производственных групп (отделов, бригад, смен и др.). Одним из важных ресурсов, на наш взгляд, является усиление руководителем собственного вклада и вклада его (ее) подчиненных в групповую активность. Например, была обнаружена косвенная позитивная связь ВГА членов со сплоченностью и социально-психологической эффективностью (по показателю «психологический комфорт») производственных групп, медиируемая включенностью / не включенностью членов в неформальные подгруппы [7].

Научное осмысление конструкта ВГА имеет теоретическое и практическое значение. В теоретическом плане его анализ позволит получить более четкое и углубленное понимание ВГА и его место в номологической сети разновидностей гражданского поведения. С практической точки зрения появится возможность более обоснованно разрабатывать рекомендации для руководителей и HR-менеджеров по оценке и усилению ВГА, а также проектировать программы обучения как сотрудников, так и руководителей такому гражданскому поведению.

Таким образом, целью исследования является всесторонний анализ конструкта ВГА как разновидности ОГП, предполагающий: а) выделение его атрибутов; б) выявление его общих и отличительных особенностей по сравнению с похожими понятиями и некоторыми конструктами ОГП.

В соответствии с этой целью сначала мы покажем сущность ВГА и выделим его основные атрибуты. Затем мы рассмотрим представленные в литературе понятия, обозначенные термином «вклад», и сравним их с конструктом ВГА. Далее будет проведен сравнительный анализ конструкта ВГА и похожих на него конструктов, отображающих некоторые разновидности ОГП. В заключении обсуждаются вклад исследования в теорию и его практическое приложение, а также формулируется перспектива дальнейшего исследования.

Мы обсуждаем ВГА прежде всего на уровне сотрудников (членов группы), но такое поведение также можно и часто нужно рассматривать на уровне руководителей как производственных групп, так и более крупных структурных подразделений и организации в целом.

Понятие ВГА и его атрибуты. ВГА определяется как объем и качество индивидуальных усилий сотрудника (физических, профессиональных, социально-психологических), прилагаемых для оценки ситуаций и решения проблем в деловой и/или социально-психологической сферах групповой активности, что способствует более эффективной жизнедеятельности группы (подразделения, организации) [5; 34]. ВГА является разновидностью гражданского поведения, так как его суть соответствует основным признакам ОГП, выделенным Д. Органом [27], а именно: поведение сотрудника осуществляется по его желанию, оно явно не отображено в официальной системе материального вознаграждения, и, кроме того, оно способствует эффективному функционированию группы. Однако такое определение ВГА является довольно общим, а потому мы предлагаем расширить это общее понимание ВГА и выделить в нем три ключевых аспекта (атрибута), которые проявляются в: 1) публичных компетентных оценках рабочих и социальных ситуаций, важных для группы; 2) своевременных и обоснованных предложениях устранить проблему или что-то улучшить, и 3) инициативах и конкретных действиях (например, урегулирование деструктивных конфликтов в коллективе, оказание помощи подчиненным/коллегам), которые могут быть полезны всей группе. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Компетентная оценка профессиональных и социальных ситуаций, важных для группы, предполагает глубокий анализ текущего состояния дел, происходящих изменений и тенденций, которые касаются группы. Это возможно в том случае, если сотрудник обладает необходимыми знаниями, навыками и способностями (ЗНС), которые могут быть универсальными, т.е. релевантными в разных микросредах, и специфическими, т.е. соответствующими уникальным контекстуальным особенностям конкретной группы. Какие это могут быть ЗНС? Например, М.Дж. Стивенс и М.А. Кэмпион выделили две категории универсальных ЗНС: межличностные и группового самоуправления [35]. Первая категория отображает навыки и способность членов поддерживать позитивные отношения с другими членами и справляться с межличностными проблемами в группе. Она включает три блока ЗНС — навыки разрешения конфликтов, навыки совместного решения проблем и коммуникативные навыки — каждый из которых содержит набор конкретных знаний и навыков. Вторая категория важна прежде всего для успешной групповой деятельности и содержит два блока ЗНС с некоторым набором конкретных знаний и навыков в каждом: а) постановка

целей и управление выполнением деятельности; б) планирование и координация действий по выполнению задач.

Другой атрибут ВГА — своевременные и обоснованные предложения — важен тогда, когда высказываемые мнения и предлагаемые идеи действительно необходимы и полезны в текущих условиях жизнедеятельности группы. Предложения должны быть подкреплены аргументами, фактами, расчетами или примерами. Недостаточно просто сказать, что что-то нужно изменить. Необходимо обосновать, почему именно эта мера улучшит ситуацию, какой эффект ожидается и какие ресурсы потребуются для реализации предложенных решений. Обоснованное предложение вызывает доверие руководства и коллег и, тем самым, повышает шансы на его принятие и реализацию. Также важно, чтобы сотрудник умел доходчиво и четко доносить свои идеи до коллектива. Соответственно, если все эти условия соблюдены, высказанные предложения сотрудником услышаны и приняты руководителем и коллегами, то можно предполагать, что данный аспект ВГА этого сотрудника является высоким.

Наконец, третий атрибут — инициативы и конкретные действия — понимаются как проявление сотрудником активности с целью принести пользу своему коллективу, выполняя действия, выходящие за пределы его служебных обязанностей [3, 8]. Ключевыми характеристиками инициативы являются добровольность, самостоятельность, проактивность. Например, проактивность представляет собой готовность сотрудника действовать на опережение, выдвигать и внедрять новшества, способствующие совершенствованию деятельности самого сотрудника, рабочей группы и/или организации [2; 8; 9]. Инициатива не должна быть бездумной — важно направлять ее на достижение конкретных целей, чтобы получить значимые результаты. Кроме того, инициатива будет создавать позитивный эффект для группы, если она будет включать в себя действия, которые помогут сотруднику оперативно ориентироваться в обстановке и эффективно решать задачи в условиях кризиса [2]. Конкретные действия предполагают активные усилия, предпринимаемые сотрудником. Это может включать разработку плана действий, привлечение необходимых ресурсов, урегулирование деструктивных конфликтов в группе и др.

Сравнительный анализ ВГА с терминологически созвучными конструктами. В литературе встречаются некоторые понятия, такие как «вклад в выполнение работы» [15], «вклад в группу» [20], «вклад в коллективные действия» [38], «вклад в общее дело» [1, 12], которые, на первый взгляд, могут восприниматься как тождественные конструкту ВГА. Однако между ними есть заметные отличия.

Так, конструкт «вклад в выполнение работы» [15] относится к поведению в рамках должностных обязанностей, поскольку напрямую связан с основной трудовой деятельностью и ролевыми ожиданиями, тогда как конструкт ВГА отображает прежде всего гражданское (экстра-ролевое) поведение.

Понятие «вклад в группу» подразумевает объем материальных и нематериальных ресурсов, которые потратил человек для достижение общих целей [20]. Считается, что вклад члена в группу связан с его статусом в этой группе. Т.е. члены группы оценивают друг друга с точки зрения их текущего или ожидаемого будущего вклада в группу, и более высокий статус коллективно присваивается тем, от кого ожидается более весомый вклад. Когда сотрудник чувствует недооценку своего статуса со стороны других или видит несправедливость в присваивании статуса другим, то его вклад в группу становится меньше [20]. Таким образом, конструкт «вклад в группу» имеет слишком общее определение и прямым образом связывается с обретением сотрудником желаемого статуса, повышением его позиции в групповой иерархии. В свою очередь,

ВГА сотрудников определяется более конкретно и может зависеть от разной их мотивации, но чаще от просоциальной мотивации, связанной со стремлением улучшать определенные аспекты жизнедеятельности группы.

Термин «вклад в коллективные действия» по своему содержанию созвучен с понятием «вклад в группу», так как в общих чертах отображает объем потраченных человеком ресурсов (время, труд, деньги и др.) [38]. Такое определение является избыточно общим, так же как понимание предыдущего конструкта. В исследовании акцент делается на эффекте индивидуальных вкладов в коллективные действия и поощрении группой своих членов добровольно жертвовать своими ресурсами ради общего дела. Утверждается, чем больше человек совершает вклад в коллективные действия, тем больше к нему доверие со стороны коллектива, что с высокой вероятностью может привести к повышению его статуса в группе. ВГА, в отличие от вклада в коллективные действия, не основывается сугубо на ожидании поощрения со стороны группы. Такое поведение продиктовано прежде всего внутренней мотивацией принести пользу группе.

В литературе также встречается понятие «вклад в общее дело» [1; 12], но есть некоторые отличия в интерпретации его разными авторами. К.Дж. Бехфар с коллегами установили, что вклад в общее дело — это воспринимаемая коллегами степень участия индивида в достижении командных целей. Этот конструкт оценивается, как с качественной стороны (помощь коллегам), так и с количественной (объём затраченных усилий). Кроме того, вклад в общее дело необходимо рассматривать через призму субъективных оценок членами команды своего и чужого участия в совместной работе [12]. В свою очередь, ВГА — это реальное поведение индивида, а не воспринимаемая активность коллегами, определяющийся как объем и качество индивидуальных усилий сотрудника, которые направлены на достижение групповых целей. ВГА — это реальное поведение индивида, которое выражается в объеме и качестве (с точки зрения пользы) индивидуальных усилий сотрудника, направленных на улучшение определенных аспектов жизнедеятельности группы. Важная особенность ВГА сотрудников заключается не просто в их участии в групповой активности, а в позитивном эффекте этого участия. В другой работе понятие «вклад в общее дело» определяется как активное и осознанное участие каждого сотрудника в достижении стратегических целей организации [1]. Более конкретно, под вкладом подразумевается интегральный показатель трудовой активности, включающий профессиональные знания, опыт, инициативу и стремление к достижению высоких показателей качества и эффективности выполняемых работ. Однако такая активность работников возможна при условии регулярного стимулирования со стороны организации. Следовательно, данный конструкт отображает прежде всего ролевое поведение, которое связано с выполнением основной трудовой деятельности в рамках определенных обязанностей и материальным стимулированием. ВГА, напротив, относится к экстра-ролевому (гражданскому) поведению. Кроме того, вклад в общее дело принято изучать в контексте организации в целом, тогда как ВГА — в контексте малой группы [5].

Таким образом, краткий обзор представленных в литературе понятий вклада позволяет сделать некоторые обобщения. Во-первых, определения большинства этих понятий, по сравнению с ВГА, является общим, недостаточно информативным. Кроме того, в них отображается прежде всего количественный аспект вклада и не учитывается его качественная составляющая.

Во-вторых, во многих определениях мотивационная основа вклада сводится, как правило, к узко личным интересам, тогда как мотивация ВГА многих сотрудников часто может быть основана на просоциальных мотивах.

Сравнительный анализ ВГА с разновидностями ОГП. ВГА относится к такому типу ОГП, как поведение, ориентированное на деятельность группы, вторичного подразделения и/или организации в целом [6; 33]. В этот тип ОГП включено около 20 разновидностей поведения, некоторые из которых по своему названию и содержанию могут, на первый взгляд, быть похожими на ВГА, например гражданская добродетель [27; 28], гражданское участие [25], организационное участие [18], участие в групповой активности [16], индивидуальная инициатива [24], высказывание мнений [16; 37], выдвижение конструктивных предложений [17]. Наименование и определение этих гражданских поведений представлены в Табл. 1.

Таблица 1. Разновидности ОГП, ориентированные на деятельность производственной группы, вторичного структурного подразделения и/или всей организации

Автор(ы)	Наименование конструкта	Содержание конструкта
Organ (1988, 1990)	Гражданская добродетель	ответственное участие в политическом процессе организации, включая не только выражение мнения, но и чтение почты, посещение собраний и отслеживание более важных вопросов, касающихся организации
Neves et al. (2014)	Гражданское участие	поведение, связанное с выполнением задач для продвижения организационных интересов в целом
Graham (1991)	Организационное участие	интерес к организационным делам и ответственное участие в организационном управлении, что включает посещение необязательных собраний, обмен мнениями и новыми идеями с другими, а также готовность сообщать плохие новости и поддерживать непопулярную точку зрения для борьбы с «огруппленным» мышлением
Farh et al. (2004)	Участие в групповой активности	участие в деятельности, организованной компанией или специальными группами сотрудников
Moorman, Blakely, (1995)	Индивидуальная инициатива	коммуникация с другими сотрудниками на рабочем месте с целью улучшения выполнения индивидуальной и групповой деятельности
Van Dyne, LePine, (1998) Farh et al. (2004)	Высказывание мнений	поведение, направленное на улучшение положение дел и не сводимое к беспочвенной критике высказывания, направленные на препятствование неблагоприятному поведению в организации, т.е. такому поведению других сотрудников, которое может причинить вред организации
George, Jones (1997)	Внесение конструктивных предложений	включает в себя предложения по способам улучшения функционирование отдельных сотрудников, группы или организации, которые могут варьироваться от относительно обыденных (например, более эффективный способ обработки документов) до более масштабных (например, реорганизация подразделения)

Однако ВГА имеет не только сходство с некоторыми из них, но также отличие по сравнению с многими разновидностями этого типа ОГП. Проведем сравнительный

анализ ВГА с перечисленными выше разновидностями ОГП. Во-первых, ВГА представляет собой поведение, ориентированное прежде всего на малую (производственную) группу, тогда как многие другие разновидности ОГП рассматриваются в контексте всей организации и отображают направленность поведения на организацию в целом, например гражданская добродетель [27; 28], гражданское участие [25], организационное участие [18]. В этом есть определенное преимущество ВГА, так как логично предположить, что сотрудники демонстрируют разные гражданские поведения прежде всего в производственных группах, в которые они непосредственно включены, чем во вторичном структурном подразделении (например, управлении, цеху, факультете) или, тем более, на уровне всей организации.

Во-вторых, ВГА является разноплановым поведением, что отображено в трех его конкретных аспектах поведения, тогда как некоторые другие разновидности ОГП представляют собой либо специфические формы поведения, например высказывание мнений [21; 37], выдвижение конструктивных предложений [17], либо предельно общие формы поведения, например индивидуальная инициатива [24], участие в групповой активности [16].

В-третьих, в определении большинства разновидностей ОГП акцент делается прежде всего на поведении сотрудников в контексте трудовой деятельности и/или интересов организации в целом, тогда как ВГА может проявляться как в деловой, так и социально-психологической сферах групповой активности.

В-четвертых, ВГА, по сравнению с другими разновидностями ОГП, предполагает высокое качество поведения и подразумевает его реальные (но не предполагаемые или вероятные) полезные действия на благо коллектива. В свою очередь, некоторые разновидности ОГП, такие как участие в групповой активности [16], организационное участие [18], гражданское участие [25], гражданская добродетель [27; 28], индивидуальная инициатива [24], в конкретных случаях могут предполагать разное качество (низкое, среднее или высокое) участия сотрудников (т.е. степень их вовлеченности и продуктивности поведения). Сотрудник может часто участвовать в некоторых организационных мероприятиях, обсуждениях рабочих проблем и др., но его(ее) участие не приносит реальной пользы для рабочей группы. Следовательно, не всегда может наблюдаться полезный эффект перечисленных гражданских поведений. ВГА, в отличии от этих и подобных разновидностей ОГП, всегда предполагает значительные и качественные усилия сотрудника или руководителя, которые однозначно могут быть полезны группе. Другое вопрос заключается в том, как группа воспользуется такими усилиями отдельных своих членов.

Кроме того, один из трех атрибутов ВГА — своевременные и обоснованные предложения — может ассоциироваться с такими конструктами, как высказывание мнения [16; 37] и внесение конструктивных предложений [17], которые по своему содержанию принципиально не отличаются. Исследователи предполагают, что высказывание мнений создает позитивные эффекты относительно функционирования организации, поскольку оно способствует совершенствованию организационных процедур и определению оптимальных способов работы, обращает внимание руководства на критические проблемы и др. Однако надо заметить, что не многие высказываемые мнения и предложения являются уместными, обоснованными и квалифицированными, т.е. характеризуются высоким качеством. Сотрудник или даже руководитель может часто высказываться по поводу чего-то или что-то критиковать, не предлагая толковых идей, нового видения и разумного решения проблемы и т.д., а потому его ВГА или вклад в организацию в целом будет низким. Справедливости ради

отметим, что некоторые авторы различают разные типы высказывания мнений, например: а) поддерживающее (выражение поддержки целей, проектов, процедур и т.д. или высказывание в их защиту, когда они несправедливо критикуются); б) конструктивное (выражение идей, информации или мнений, направленных на организационные изменения в производственном контексте); в) защитное (выражение оппозиции изменению политики, проектов и процедур организации, даже если предлагаемые изменения имеют смысл или необходимы); г) деструктивное (критические или оскорбительные высказывания относительно производственной политики руководства, процедур и т.д.) [23]. Среди этих типов, на наш взгляд, только конструктивное высказывание мнений перекликается с таким атрибутом ВГА, как своевременные и обоснованные предложения.

Заключение. ВГА является одним из малоизученных, но в то же время важных разновидностей ОГП сотрудников и руководителей, так как он может способствовать повышению групповой предметно-профессиональной и социально-психологической эффективности и улучшению психологического климата в группе.

Вклад этого исследования в теорию в области организационной психологии заключается в развитии конструкта ВГА как разновидности такого типа ОГП, как поведение, ориентированное на жизнедеятельность группы, вторичного подразделения и/или организации в целом. А именно: дано более развернутое обоснование и выделены ключевые аспекты проявления ВГА. Кроме того, сделан сравнительный анализ, позволивший осмыслить место и отличительные особенности ВГА в номологической сети конструктов, относящихся к таким более широким понятиям, как «вклад» и «гражданское поведение».

В практическом плане результаты данного исследования могут быть полезны руководителям, HR-менеджерам и организационным психологам, поскольку ВГА сотрудников может влиять на групповую динамику и эффективность, а также создавать другие эффекты, полезные для производственной группы и, вероятно, для всей организации. Они могут внедрять определенные мероприятия для формирования и усиления ВГА сотрудников, например посредством: а) специального обучения сотрудников знаниям и навыкам, необходимым проявления ВГА в полной мере в их повседневной деятельности; б) разных способов признания и поощрения сотрудников стремится регулярно демонстрировать высокий уровень ОГП. Например, руководители и менеджеры по персоналу могут активно привлекать сотрудников к участию в обсуждении рабочих вопросов и принятию решений, поощрять сотрудничество и позитивные отношения между работниками, стимулировать мотивацию, связанную с гражданским поведением, регулярно давать конструктивную обратную связь в ответ на идеи и предложения сотрудников и др. Однако важно, чтобы руководители также демонстрировали высокий ВГА, тем самым позитивно способствуя групповому функционированию и подавая наглядный пример соответствующего поведения своим подчиненным. Кроме того, руководители и HR-менеджеры могут принимать во внимание ВГА сотрудников для формирования резерва управленческих кадров.

Перспектива дальнейшего исследования заключается в разработке многофакторного методического инструментария, позволяющего оценивать степень проявление трех ключевых аспекта ВГА членов и руководителей трудовых коллективов в разных сферах общества. Это позволит более дифференцированно исследовать роль ВГА в целом и отдельных его аспектов в групповой производственной и социально-психологической эффективности, а также в некоторых групповых социально-психологических явлениях и процессах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардовский В.П. Управление трудовым вкладом работника в общее дело организации как фактор повышения эффективности использования человеческих ресурсов / В.П. Бардовский, Н.В. Пьянова, А.П. Верижников // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 2, Ч. 13. — С. 2876–2879.
2. Ильина О.Н. Проактивное рабочее поведение: концепции и направления исследований / О.Н. Ильина, Н.Н. Лепёхин, С.А. Маничев // Организационная психология. — 2022. — Т. 12, № 1. — С. 92–127. — DOI 10.17323/2312-5942-2022-12-1-92-127.
3. Кабалина В.И. Вовлеченность работников: систематизация подходов к определению и измерению / В.И. Кабалина, А.В. Макарова // Организационная психология. — 2022. — Т. 12, № 3. — С. 110–137. — DOI 10.17323/2312-5942-2022-12-3-110-137.
4. Орлова Л.В. Управление знаниями как ресурс повышения креативности организации / Л.В. Орлова, И.Н. Иванов, Г.М. Сундукова // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. — 2022. — Т. 11, № 1 (58). — С. 47–50. — DOI 10.12737/2305-7807-2022-11-1-47-50.
5. Сидоренков А.В. Идентичность и вклад работников в деятельность малой производственной группы / А.В. Сидоренков, Е.С. Сальникова, В.А. Штроо // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — Т. 16, № 3. — С. 551–561. — DOI 10.17323/1813-8918-2019-3-551-561.
6. Сидоренков А.В. Идентичность, идентификация и гражданское поведение работников в организации : монография / А.В. Сидоренков. — Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2021. — 200 с.
7. Сидоренков А.В. Связь вклада сотрудников в групповую активность со сплоченностью и эффективностью малых групп в организации / А.В. Сидоренков // Вопросы психологии. — 2022. — Т. 68. № 5. — С. 75–84.
8. Эсаулова И.А. Мотивационный механизм инициативного поведения работника / И.А. Эсаулова // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. — 2023. — Т. 12, № 4. — С. 48–53. — DOI 10.12737/2305-7807-2023-12-4-48-53.
9. Эсаулова И.А. Управление инициативой персонала как область деятельности современной организации / И.А. Эсаулова, И.В. Семенова // Вестник университета. — 2017. — № 9. — С. 26–34.
10. Alkahtani A. Organizational citizenship behavior (OCB) and rewards / A. Alkahtani // International Business Research. — 2015. — Vol. 8, No .4. — P. 210–222. — DOI 10.5539/ibr.v8n4p210.
11. Bateman T.S. Job satisfaction and the good soldier: The relationship between affect and employee «citizenship» / T.S. Bateman, D.W. Organ // Academy of Management Journal. — 1983. — Vol. 26, № 4. — P. 587–595. — DOI 10.2307/255908.
12. Behfar K.J. Impact of Team (Dis)satisfaction and Psychological Safety on Performance Evaluation Biases / K.J. Behfar, R. Friedman, S.H. Oh // *Small Group Research*. — 2016. — Vol. 47(1). — P. 77–107. — DOI 10.1177/1046496415616865.
13. Bergeron D.M. Organizational citizenship behavior and career outcomes: The cost of being a good citizen / D.M. Bergeron, A.J. Shipp, B. Rosen, S.A. Furst // Journal of Management. — 2013. — Vol. 39, No. 4. — P. 958–984. — DOI 10.1177/0149206311407508.
14. Bruque S. OCB and external-internal social networks: Effects on individual performance and adaptation to change / S. Bruque, J. Moyano, R. Piccolo // International Journal of Human Resource Management. — 2015. — Vol. 27, № 1. — P. 1–22. — DOI 10.1080/09585192.2015.1020441.
15. Cogliser C.C. Big five personality factors and leader emergence in virtual teams: Relationships with team trustworthiness, member performance contributions, and team performance / C.C. Cogliser, W.L. Gardner, M.B. Gavin, J.C. Broberg // Group & Organization Management. — 2012. — Vol. 37, No. 6. — P. 752–784. — DOI 10.1177/1059601112464266.
16. Farh J.-L. Organizational citizenship behavior in the People's Republic of China / J.-L. Farh, C.-B. Zhong, D.W. Organ // Organization Science. — 2004. — Vol. 15, No. 2. — P. 133–257.
17. George J.M. Organizational spontaneity in context / J.M. George, G.R. Jones // Human Performance. — 1997. — Vol. 10. — P. 153–170. — DOI 10.1207/s15327043hup1002_6.
18. Graham J.W. An essay on organizational citizenship behavior / J.W. Graham // Employee Responsibilities and Rights Journal. — 1991. — Vol. 4, No. 4. — P. 249–270.
19. Hapzi A. Pengukuran organizational citizenship behavior: Beban kerja, budaya kerja dan motivasi (Studi literature review) / A. Hapzi, S. Istianingsih, S. Farhan // Jurnal Ilmu Multidisplin. — 2022. — Vol. 1, No. 1. — P. 83–93. — DOI 10.38035/jim.v1i1.16.
20. Kilduff G.J. Hierarchy and its discontents: Status disagreement leads to withdrawal of contribution and lower group performance / G.J. Kilduff, R. Willer, C. Anderson // Organization Science. — 2016. — Vol. 27, No. 2. — P. 373–390. — DOI 10.1287/orsc.2016.1058.

21. LePine J.A. Predicting voice behavior in work groups / J.A. LePine, L. Van Dyne // Journal of Applied Psychology. — 1998. — Vol. 83, № 6. — P. 853–868. — DOI 10.1037/0021-9010.83.6.853.
22. Mandira D. Organizational citizenship behavior: A step towards effective employee engagement in the banking sector / D. Mandira // Organizational Psychology. — 2023. — Vol. 13, No. 2. — P. 53–63. — DOI 10.17323/2312-5942-2023-13-2-53-63.
23. Maynes T.D. Speaking more broadly: An examination of the nature, antecedents, and consequences of an expanded set of employee voice behaviors / T.D. Maynes, P.M. Podsakoff // Journal of Applied Psychology. — 2014. — Vol. 99, No. 1. — P. 87–112. — DOI 10.1037/a0034284.
24. Moorman R.H. Individualism-collectivism as an individual difference predictor of organizational citizenship behavior / R.H. Moorman, G.L. Blakely // Journal of Organizational Behavior. — 1995. — Vol. 16, № 2. — P. 127–142. — DOI 10.1002/job.4030160204.
25. Neves P.C. Organizational citizenship behavior in schools: Validation of a questionnaire / P.C. Neves, R. Paixão, M. Alarcão, A.D. Gomes // The Spanish Journal of Psychology. — 2014. — Vol. 17. — P. 1–24. — DOI 10.1017/sjp.2014.20.
26. Organ D.W. Organizational citizenship behavior: Its nature, antecedents and consequences / D.W. Organ, Ph.M. Podsakoff, S.B. MacKenzie. — Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2006. — 360 p.
27. Organ D.W. Organizational citizenship behavior: The good soldier syndrome / D.W. Organ. — Lexington, MA: Lexington Books, 1988. — 132 p.
28. Organ D.W. The motivational basis of organizational citizenship behavior / D.W. Organ // Research in organizational behavior / Eds. B.M. Staw, L.L. Cummings. — Greenwich, CT: JAI Press, 1990. — Vol. 12. — P. 43–72.
29. Ozer M.A. Moderated mediation model of the relationship between organizational citizenship behaviors and job performance / M.A. Ozer // Journal of Applied Psychology. — 2011. — Vol. 96, № 6. — P. 1328–1336. — DOI 10.1037/a0023644.
30. Podsakoff N.P. Individual- and organizational-level consequences of organizational citizenship behaviors: A meta-analysis / N.P. Podsakoff, S.W. Whiting, Ph.M. Podsakoff, B.D. Blume // Journal of Applied Psychology. — 2009. — Vol. 94, № 1. — P. 122–141. — DOI 10.1037/a0013079.
31. Podsakoff Ph.M. Organizational citizenship behavior: A critical review of theoretical and empirical literature and suggestions for future research / Ph.M. Podsakoff, S.B. MacKenzie, J.B. Paine, D.G. Bachrach // Journal of Management. — 2000. — Vol. 26, № 3. — P. 513–563. – DOI 10.1016/S0149-2063(00)00047-7.
32. Purwanto A. Effect of transformational leadership, job satisfaction, and organizational commitments on organizational citizenship behavior / A. Purwanto, J.T. Purba, I. Bernarto, R. Sijabat // INOBIS Jurnal Inovasi Bisnis. — 2021. — Vol. 9. — P. 61–69. — DOI 10.35314/inovbiz.v9i1.1801.
33. Sidorenkov A.V. Associations of employees' identification and citizenship behavior in organization: A systematic review and a meta-analysis / A.V. Sidorenkov, E.F. Borokhovski, D.V. Vorontsov // Management Review Quarterly — 2023. — Vol. 73(2). — P. 695–729. — DOI 10.1007/s11301-022-00258-9.
34. Sidorenkov A.V. Dimensions of identification in the workgroup and employees' contributions to collaborative activities / A.V. Sidorenkov, E.S. Salnikova, D.S. Vorontsov, A.A. Klimov // SAGE Open. — 2020. — Vol. 10, No. 4. — P. 1–14. — DOI 10.1177/2158244020976385.
35. Stevens M.J. The knowledge, skill and ability requirements for teamwork: Implications for human resource management / M.J. Stevens, M.A. Campion // Journal of Management. — 1994. — Vol. 20. — P. 503–530.
36. Van Dyne L. Extra-role behaviors: In pursuit of construct and definitional clarity (A bridge over muddied waters) / L. Van Dyne, L.L. Cummings, J.M. Parks // Research in organizational behavior / Eds. L.L. Cummings, B.M. Staw. — Greenwich, CT: JAI Press, 1995. — Vol. 17. — P. 215–285.
37. Van Dyne L. Helping and voice extra-role behaviors: Evidence of construct and predictive validity / L. Van Dyne, J.A. LePine // Academy of Management Journal. — 1998. — Vol. 41, № 1. — P. 108–119. — DOI 10.2307/256902.
38. Willer R. Groups reward individual sacrifice: The status solution to the collective action problem / R. Willer // American Sociological Review. — 2009. — Vol. 74. — P. 23–43.
39. Williams L.J. Job satisfaction and organizational commitment as predictors of organizational citizenship and in-role behaviors / L.J. Williams, S.E. Anderson // Journal of Management. — 1991. — Vol. 17, № 3. — P. 601–617. — DOI 10.1177/0972262912483529.

REFERENCES

1. Bardovskij V.P., P′yanova N.V., & Verizhnikov A.P. (2015). Upravlenie trudovym vkladom rabotnika v obshchee delo organizatsii kak faktor povysheniya effektivnosti ispol′zovaniya chelovecheskikh resursov [Managing an employee's contribution to the organization's common cause as a factor in enhancing human resource efficiency]. Fundamental′nye issledovaniya, 2(13), 2876–2879 (In Russian).

2. Ilyina O.N., Lepekhin N.N., Manichev S.A. (2022). Proaktivnoe rabochee povedenie: kontseptsii i napravleniya issledovanij [Proactive work behaviour: a review of the concepts and research directions]. Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational Psychology], 12(1), 92–127. DOI 10.17323/2312-5942-2022-12-1-92-127 (In Russian).
3. Kabalina V.I., Makarova A.V. (2022). Vovlechennost′ rabotnikov: sistematizatsiya podkhodov k opredeleniyui izmereniyu [Employee engagement: systematization of approaches to the definition and measurement]. Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational Psychology], 12(3), 110–137. DOI 10.17323/2312-5942-2022-12-3-110-137 (In Russian).
4. Orlova L.V., Ivanov I.N., Sundukova G.M. (2022). Upravlenie znaniyami kak resurs povysheniya kreativnosti organizatsii [Knowledge management as a resource for increasing the creativity of an organization]. Upravlenie personalom i intellektual′nymi resursami v Rossii [Human resources and Intellectual Resources Management in Russia], 11 (1/58), 47–50. DOI 10.12737/2305-7807-2022-11-1-47-50 (In Russian).
5. Sidorenkov A.V., Salnikova E.S., Stroh V.A. (2019). Identichnost′ i vklad rabotnikov v deyatel′nost′ maloj proizvodstvennoj gruppy [The Identity and Contribution of Employees as Relating to the Activities of a Small Work Group]. Psikhologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 16(3), 551–561. DOI 10.17323/1813-8918-2019-3-551-561 (In Russian).
6. Sidorenkov A.V. (2021). Identichnost′, identifikatsiya i grazhdanskoe povedenie rabotnikov v organizatsii: monografiya [Identity, identification, and civic behavior of employees in an organization] Rostov-on-Don: Mini Taip (In Russian).
7. Sidorenkov A.V. (2022). Svyaz' vklada sotrudnikov v gruppovuyu aktivnost' so splochennost'yu i effektivnost'yu malykh grupp v organizatsii [Communication of employees' contribution to the group activity with cohesion and the effectiveness of small groups in the organization]. Voprosy psikhologii, 68(5), 75–84 (In Russian).
8. Esaulova I.A. (2023). Motivatsionnyj mekhanizm initsiativnogo povedeniya rabotnika [Motivational mechanism of employee's initiative behavior]. Upravlenie personalom i intellektual′nymi resursami v Rossii, 12(4), 48–53. DOI 10.12737/2305-7807-2023-12-4-48-53 (In Russian).
9. Esaulova I.A., Semenova I.V. (2017). Upravlenie initsiativoj personala kak oblast′ deyatel′nosti sovremennoj organizatsii [Management of personnel initiative as the as the activities of the modern organization]. Vestnik universiteta, 9, 26–34 (In Russian).
10. Alkahtani A. (2015). Organizational citizenship behavior (OCB) and rewards. International Business Research, 8(4), 210–222. DOI 10.5539/ibr.v8n4p210 (In English).
11. Bateman T.S., & Organ D.W. (1983). Job satisfaction and the good soldier: The relationship between affect and employee «citizenship». Academy of Management Journal, 26(4), 587–595. DOI 10.2307/255908 (In English).
12. Behfar K.J., Friedman R., & Oh S.H. (2016). Impact of team (dis)satisfaction and psychological safety on performance evaluation biases. Small Group Research, 47(1), 77–107. DOI 10.1177/1046496415616865 (In English).
13. Bergeron D.M., Shipp A.J., Rosen B., & Furst S.A. (2013). Organizational citizenship behavior and career outcomes: The cost of being a good citizen. Journal of Management, 39(4), 958–984. DOI 10.1177/0149206311407508 (In English).
14. Bruque S., Moyano J., & Piccolo R. (2015). OCB and external-internal social networks: Effects on individual performance and adaptation to change. International Journal of Human Resource Management, 27(1), 1–22. DOI 10.1080/09585192.2015.1020441 (In English).
15. Cogliser C.C., Gardner W.L., Gavin M.B., & Broberg J.C. (2012). Big five personality factors and leader emergence in virtual teams: Relationships with team trustworthiness, member performance contributions, and team performance. Group & Organization Management, 37(6), 752–784. DOI 10.1177/1059601112464266 (In English).
16. Farh J.-L., Zhong C.-B., & Organ D.W. (2004). Organizational citizenship behavior in the People's Republic of China. Organization Science, 15(2), 133–257 (In English).
17. George J.M., & Jones G.R. (1997). Organizational spontaneity in context. Human Performance, 10, 153–170. DOI 10.1207/s15327043hup1002_6 (In English).
18. Graham J.W. (1991). An essay on organizational citizenship behavior. Employee Responsibilities and Rights Journal, 4(4), 249–270 (In English).
19. Hapzi A., Istianingsih S., & Farhan S. (2022). Pengukuran organizational citizenship behavior: Beban kerja, budaya kerja dan motivasi (Studi literature review). Jurnal Ilmu Multidisplin, 1(1), 83–93. DOI 10.38035/jim.v1i1.16 (In English).

20. Kilduff G.J., Willer R., & Anderson C. (2016). Hierarchy and its discontents: Status disagreement leads to withdrawal of contribution and lower group performance. Organization Science, 27(2), 373–390. DOI 10.1287/orsc.2016.1058 (In English).
21. LePine J.A., & Van Dyne L. (1998). Predicting voice behavior in work groups. Journal of Applied Psychology, 83(6), 853–868. DOI 10.1037/0021-9010.83.6.853 (In English).
22. Mandira D. (2023). Organizational citizenship behavior: A step towards effective employee engagement in the banking sector. Organizational Psychology, 13(2), 53–63. DOI 10.17323/2312-5942-2023-13-2-53-63 (In English).
23. Maynes T.D., & Podsakoff P.M. (2014). Speaking more broadly: An examination of nature, antecedents, and consequences of an expanded set of employee voice behaviors. Journal of Applied Psychology, 99(1), 87–112. DOI 10.1037/a0034284 (In English).
24. Moorman R.H., & Blakely G.L. (1995). Individualism-collectivism as an individual difference predictor of organizational citizenship behavior. Journal of Organizational Behavior, 16(2), 127–142. DOI 10.1002/job.4030160204 (In English).
25. Neves P.C., Paixão R., Alarcão M., & Gomes A.D. (2014). Organizational citizenship behavior in schools: Validation of a questionnaire. The Spanish Journal of Psychology, 17, 1–24. DOI 10.1017/sjp.2014.20 (In English).
26. Organ D.W., Podsakoff Ph.M., & MacKenzie S.B. (2006). Organizational citizenship behavior: Its nature, antecedents and consequences. Thousand Oaks, CA: Sage Publications (In English).
27. Organ D.W. (1988). Organizational citizenship behavior: The good soldier syndrome. Lexington, MA: Lexington Books (In English).
28. Organ D.W. (1990). The motivational basis of organizational citizenship behavior. Research in organizational behavior / Eds. B.M. Staw, L.L. Cummings. Greenwich, CT: JAI Press, 12, 43–72 (In English).
29. Ozer M.A. (2011). Moderated mediation model of the relationship between organizational citizenship behaviors and job performance. Journal of Applied Psychology, 96(6), 1328–1336. DOI 10.1037/a0023644 (In English).
30. Podsakoff N.P., Whiting S.W., Podsakoff Ph.M., & Blume B.D. (2009). Individual- and organizational-level consequences of organizational citizenship behaviors: A meta-analysis. Journal of Applied Psychology, 94(1), 122–141. DOI 10.1037/a0013079 (In English).
31. Podsakoff Ph.M., MacKenzie S.B., Paine J.B., & Bachrach D.G. (2000). Organizational citizenship behavior: A critical review of the theoretical and empirical literature and suggestions for future research. Journal of Management, 26(3), 513–563. DOI 10.1016/S0149-2063(00)00047-7 (In English).
32. Purwanto A., Purba J.T., Bernarto I., & Sijabat R. (2021). Effect of transformational leadership, job satisfaction, and organizational commitments on organizational citizenship behavior. INOBIS Jurnal Inovasi Bisnis, 9, 61–69. DOI 10.35314/inovbiz.v9i1.1801 (In English).
33. Sidorenkov A.V., Borokhovski E.F., & Vorontsov D.V. (2023). Associations of employees' identification and citizenship behavior in organization: A systematic review and a meta-analysis. Management Review Quarterly, 73(2), 695–729. DOI 10.1007/s11301-022-00258-9 (In English).
34. Sidorenkov A.V., Salnikova E.S., Vorontsov D.V., & Klimov A.A. (2020). Dimensions of identification in the workgroup and employees' contributions to collaborative activities. SAGE Open, 10(4), 1–14. DOI 10.1177/2158244020976385 (In English).
35. Stevens M. J., & Campion M.A. (1994). The knowledge, skill and ability requirements for teamwork: Implications for human resource management. Journal of Management, 20, 503–530 (In English).
36. Van Dyne L., Cummings L.L., & Parks J.M. (1995). Extra-role behaviors: In pursuit of construct and definitional clarity (A bridge over muddied waters). Research in organizational behavior / Eds. L.L. Cummings, B.M. Staw. Greenwich, CT: JAI Press, 17, 215–285 (In English).
37. Van Dyne L., & LePine J.A. (1998). Helping and voice extra-role behaviors: Evidence of construct and predictive validity. Academy of Management Journal, 41(1), 108–119. DOI 10.2307/256902 (In English).
38. Willer R. (2009). Groups reward individual sacrifice: The status solution to the collective action problem. American Sociological Review, 74, 23–43 (In English).
39. Williams L.J., & Anderson S.E. (1991). Job satisfaction and organizational commitment as predictors of organizational citizenship and in-role behaviors. Journal of Management, 17(3), 601–617. DOI 10.1177/0972262912483529 (In English).

Поступила в редакцию 07.02.2026 г.

CONTRIBUTION TO GROUP ACTIVITIES AS TYPE OF EMPLOYEES' CIVIC BEHAVIOUR IN ORGANIZATION

E.S. Andrialovich, A.V. Sidorenkov

The paper deals with the contribution to group activities as a type of employees' civic behaviour in an organization. This type of organizational civic behaviour focuses on the activities and development of the work group as a collective entity. The article defines group's activity contribution and highlights its key attributes. A competent assessment of business and socio-psychological situations that are important for the group, timely and well-founded proposals, initiative and specific actions are group's activity key characteristics. A comparative analysis was conducted, aiming at the contribution to group activity with terminologically similar constructs, as well as with some dimensions of organizational citizenship behavior that are directed at the group, division or the organization. This analysis has established distinctive features of group's activity contribution that show it as an independent construct. In conclusion, some theoretical and practical implications are made, as well as some important issues for further research are addressed.

Keywords: work group, organizational civic behaviour, contribution to group activity, competent assessment, reasonable proposals, initiative, specific actions, dimension of OCB.

Андриалович Екатерина Сергеевна.
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
Преподаватель кафедры психологии управления и юридической психологии.
ORCID 0000-0002-4371-5650.
E-mail: esalnikova@sfedu.ru.

Сидоренков Андрей Владимирович.
Доктор психологических наук, профессор.
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
Профессор кафедры психологии управления и юридической психологии.
ORCID 0000-0003-0554-3103.
E-mail: avsidorenkov@sfedu.ru.

Andrialovich Ekaterina Sergeevna.
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.
Lecturer at Management Psychology and Legal Psychology Department.
ORCID 0000-0002-4371-5650.
E-mail: esalnikova@sfedu.ru.

Sidorenkov Andrey Vladimirovich.
Doctor of Psychology, Professor.
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation.
Professor at Management Psychology and Legal Psychology Department.
ORCID 0000-0003-0554-3103.
E-mail: avsidorenkov@sfedu.ru.

Научная статья
УДК 159.9.072.43
DOI: 10.5281/zenodo.19908191

ПРЕДМЕТНАЯ МОДЕЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ ГРУПП

© 2026 *В.А. Терёхин[1], А.А. Велигодская[2], Е.А. Краснова[3], Е.О. Кузнецова[4]*
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
ORCID[1]: 0000-0003-4426-4131
ORCID[2]: 0009-0004-0871-3096
ORCID[3]: 0009-0005-3678-792X
ORCID[4]: 0009-0007-6255-2117

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

Проблема исследования связана с необходимостью объективной оценки социально-психологической эффективности (СПЭ) совместной деятельности малых групп, которая традиционно оценивается субъективными психологическими методами. Методы и материалы. В эмпирическом исследовании участвовали 11 студенческих групп психологических и технических специальностей. Для оценки СПЭ использовалась краткая версия опросника А.В. Сидоренкова, а в качестве предметной методики, моделирующей совместную деятельность, — методика «Конструктор» (В.А. Терехин). Процесс работы групп анализировался методом наблюдения и видеофиксации. Основные результаты исследования. Предметная методика подтвердила свою диагностическую ценность, позволив качественно оценить критерии СПЭ (удовлетворенность, психологический комфорт) и выявить ролевую структуру, динамику и паттерны взаимодействия. Разовое применение предметной методики не позволяет повысить СПЭ в группе, что требует исследования возможностей применения методики в серии экспериментов. С помощью метода наблюдения выявлены различия в стратегиях решения задачи студентами разных направлений подготовки. Методика также дала возможность зафиксировать объективные показатели результативности (время, количество взаимодействий), относящиеся к предметно-деятельностной эффективности. Выводы указывают на потенциал предметных методик как инструмента комплексной оценки группового взаимодействия.

Ключевые слова: совместная деятельность, малые группы, социально-психологическая эффективность, предметная модель, предметная методика, групповая динамика, ролевая структура, удовлетворенность взаимодействием.

Для цитирования: Терёхин В.А. Предметная модель как инструмент оценки эффективности совместной деятельности малых групп / В.А. Терёхин, А.А. Велигодская, Е.А. Краснова, Е.О. Кузнецова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 231-240. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19908191.

Введение. На сегодняшний день существует довольно много определений совместной деятельности. В своей работе мы используем следующее понятие: совместная деятельность — это организованная система активности взаимодействующих индивидов, направленная на целесообразное производство объектов материальной или духовной культуры [5].

Совместная деятельность малых групп представляет собой сложный социально-психологический феномен, изучение которого требует комплексного подхода, учитывающего как индивидуальные, так и групповые процессы. Актуальность

исследования эффективности такой деятельности обусловлена ее ключевой ролью в различных сферах — от профессиональных коллективов до образовательных и терапевтических групп [2; 3].

Совместная деятельность представляет собой взаимодействие двух или более субъектов, направленное на достижение общей цели путем координации действий и распределения функций. Это процесс, в ходе которого участники совместно решают поставленные перед ними задачи, используя взаимодополняющие способности и умения каждого члена группы [8].Отличительными признаками совместной деятельности являются пространственное и временное соприсутствие участников, создающее возможность непосредственного личного контакта между ними, в том числе обмена действиями, информацией, а также взаимной перцепции; наличие единой цели предвосхищаемого результата совместной деятельности, отвечающего общим интересам; наличие органов организации и руководства, которые воплощены в лице одного из участников, наделенного особыми полномочиями, либо распределены между ними; разделение процесса совместной деятельности между участниками, обусловленное характером цели, средств и условий ее достижения, составом и уровнем квалификации исполнителей; возникновение в процессе совместной деятельности межличностных отношений, образующихся на основе предметно заданных функционально-ролевых взаимодействий и приобретающих со временем относительно самостоятельный характер и социально-психологическая эффективность группы [5].

Социально-психологическая эффективность показывает, в какой мере группа может «дать» каждому своему члену то, в чем он заинтересован, и как он себя в ней ощущает [3]. Вклад группы в своих членов и их самочувствие в ней может быть определено только на основе мнений работников, поэтому те или иные критерии и показатели данного вида эффективности носят сугубо субъективный характер и невозможно выделить объективные индикаторы. Существуют два основных подхода к пониманию критериев и показателей социально-психологической эффективности: во-первых, выделяют три таких критерия, как удовлетворенность работников группой и результатами ее деятельности, психологический комфорт работников в группе и содействие группы личностному и профессиональному развитию своих членов. Во-вторых, в качестве критериев этого вида эффективности можно рассматривать степень реализации группой тех функций, которые она должна выполнять, по отношению к своим членам: информирование, обучение, содействие в реализации индивидуальных целей и удовлетворении социальных потребностей, обеспечение чувства безопасности, контроль и нормирование [3].

Кроме того, совместная деятельность всегда отличается наличием групповой динамики. Ее вопросы, так же как и вопросы сплоченности, распределения ролей и коммуникативных паттернов традиционно находятся в центре внимания социальной психологии, начиная с классических работ К. Левина, который подчеркивал значение взаимодействия индивидов в контексте групповых целей [11].

Одним из ключевых аспектов изучения совместной деятельности является разработка и применение специализированных методик, позволяющих оценивать ее социально-психологическую эффективность. Одной из разновидностей таких методик становятся предметные методики — такие психодиагностические методы, в которых материал тестовых задач представлен в виде реальных предметов: кубиков, карточек, деталей геометрических фигур или технических устройств. Наиболее широко используемыми предметными методиками являются методика Выготского-Сахарова, используемая для оценки уровня понятийного развития и абстрактного мышления;

методика «Предметная классификация», изучаемая процессы обобщения и абстрагирования; методика «Кубики Коса», нацеленная на определение уровня сформированности конструктивного пространственного мышления.

Предметная методика, направленная на оценку эффективности совместной деятельности, должна учитывать не только объективные показатели результативности, но и субъективные аспекты, такие как удовлетворенность участников, степень вовлеченности и психологический климат в группе [10; 4]. В связи с этим особый интерес представляют подходы, сочетающие количественные и качественные методы анализа, что соответствует современным тенденциям в психологической диагностике [9].

Материалы и методы исследования. Целью нашей работы является оценка и анализ социально-психологической эффективности совместной деятельности малой группы с использованием предметной методики. В соответствии с целью нами был подобран следующий инструментарий: краткий вариант «Методики изучения социально-психологической эффективности группы и подгрупп» А.В. Сидоренкова и предметная методика «Конструктор» В.А. Терехина [7,8].

Гипотезы исследования:

1) предметная методика позволяет оценить социально-психологическую эффективность совместной деятельности в реальном времени;
2) существуют различия в выраженности социально-психологической эффективности между студентами психологических и технических направлений подготовки;
3) использование предметной методики позволяет значимо повысить социально-психологическую эффективность группы.

Объект исследования — обучающиеся высших учебных заведений.

Выборку составили 11 экспериментальных групп, состоящих из 5-6 обучающихся 1-го, 2-го и 4-го курсов, из них 3 группы — участники пилотного исследования, которое проводилось ранее с целью апробации предметной модели. Экспериментальные группы были сформированы случайным образом из студентов одной академической группы, обучающихся техническим специальностям ДГТУ и обучающихся различным психологическим направлениям подготовки ЮФУ. В выборке присутствуют гомогенные и гетерогенные по полу экспериментальные группы.

В ходе исследования было проведено два измерения с помощью краткого варианта методики А.В. Сидоренкова, первое измерение — за неделю до применения предметной методики «Конструктор», второе — сразу после.

Процесс работы испытуемых с предметной методикой анализировался нами методом наблюдения и последующим анализом видеозаписи эксперимента, также анализировалась обратная связь от участников сразу после завершения работы с предметной методикой.

Основная часть. В ходе исследования нами было изучено 11 экспериментальных групп. *Среди обучающихся первого курса нами было исследовано 3 группы.*

1. Обучающиеся специальности «Компьютерная безопасность», 1 курс, ДГТУ (5 юношей, 1 девушка). Время выполнения — 38 минут. При начале сборки предметной модели, единственная в группе девушка сразу обособилась и начала работать единолично, не обсуждая в групповых обсуждениях. Выявлены следующие роли: *наблюдатели, лидер, самостоятельный член, отверженный («изгой»).* По инициативе лидера у отверженного члена группы забирали части конструктора (детали предметной модели), отпускали шутки. Перенос фокуса внимания с процесса сборки модели на издевательства и невозможность получения от «изгоя» и самостоятельного члена

(девушки) идей повлияли на скорость и логику выполнения задачи. В конце при сборе обратной связи лидер своих ошибок не признал.

2. Обучающиеся специальности «Компьютерная безопасность», 1 курс, ДГТУ (6 юношей). Время выполнения — 32 минуты (досрочное завершение). Выявленные роли: *2 лидера, 2 генератора идей, наблюдатель, отверженный («изгой»).* В процессе сборки активные участники встали со своих мест, склоняясь над столом. Роль «главного» лидера периодически занималась одним из лидеров, который предлагал верное решение. В данной группе также много времени и внимания было уделено издевательствам над отверженным. Участники собирали конструктор 32 минуты, досрочно завершили сбор, отказавшись работать дальше по причине конфликтов и низкой мотивации.

3. Смешанная группа, обучающиеся направлений «Психология» и «Психология служебной деятельности», 1 курс, ЮФУ (5 девушек, 1 юноша). Время выполнения — 23 минуты. В данной группе были выделены роли: генераторы идей, исполнители, 2 лидера (в подгруппах). Роль лидера была «плавающей», поскольку участники большую часть времени работали с ченами своей академической группы. Лидеры координировали работу всей экспериментальной группы только несколько раз, в целом работа была слаженной и построенной на диалоге между всеми участниками. Все участники встали со своих мест и окружили стол, предлагали идеи (в том числе исполнители), были активно вовлечены в совместную деятельность. Группе пришлось несколько раз пересобирать фигуру, и когда одна из участниц предложила объединить в общем пространстве собранные области предметной модели, конструктор был собран.

Среди обучающихся второго курса в исследовании приняли участие 5 групп.

1. Обучающиеся направления «Психология», 2 курс, ЮФУ (2 юноши, 4 девушки). Время выполнения — 14 минут. Выявленные роли: *лидер, генераторы идей, исполнители, наблюдатель.* Лидер был определен с первых минут, активно руководит действиями членов группы. Один из участников встал, чтобы «посмотреть с другой стороны» на задачу, после чего приступил дополнять общую фигуру совместно с лидером. Члены группы вступают в конструктивный диалог, не отвергают идеи друг друга, не отнимают детали. В результате участникам удалось выстроить процесс совместной деятельности достаточно слаженно, что позитивно сказалось на общем времени на решение задачи.

2. Обучающиеся направления «Психология служебной деятельности», 2 курс, ЮФУ (5 девушек). Время выполнения — 39,5 минут. Были выявлены роли *наблюдателей, генераторов идей, лидера, самостоятельного члена.* Среди девушек сразу определился лидер, который вместе с двумя другими участницами сразу встали с мест. Периодически каждая испытуемая генерировала идеи, в основном выполняя роль исполнителей; одна участница занимала роль наблюдателя или работала самостоятельно. В данной экспериментальной группе впервые были высказаны предположения о том, как может выглядеть конечный результат собранной фигуры (в виде рыбы, дома, автобуса и т. д.). Участницы, исходя их своих догадок, предпринимали попытки «подогнать» детали под свои идеи, что тормозило процесс. В группе наблюдались краткосрочные конфликты в случаях, когда собранные части фигуры разбирались и терялась логика сборки. В большинстве случаев группа безоговорочно принимала мнение лидера, наблюдала за ее действиями. Когда общий контур фигуры был очерчен, все испытуемые подстраивали оставшиеся детали в незаполненных местах, методом проб и ошибок приближаясь к завершению. Под конец сборки участницы демонстрировали усталость, стоять остался лидер и одна участница

из исполнителей. В результате группа была удовлетворена результатом совместной деятельности и друг другом.

3. Обучающиеся направления «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем», 2 курс, ДГТУ (6 юношей). Время выполнения — 17 минут. Роли: *лидер/генератор идей, исполнители, наблюдатели.* В данной экспериментальной группе один участник сразу занимает позицию лидера и начинает с выдвижения гипотез о конечной форме фигуры. Лидер единолично выступал в роли генератора идей и критика, остальные участники были исполнителями. В процессе сборки предметной модели члены группы сразу отложили «якоря» (круглые детали, вокруг которых предполагается сборка остальных элементов предметной модели). По инициативе лидера, группа начала категоризировать фигуры по цветам, после чего участники приступили к сборке, отталкиваясь от одной детали. Постоянно вовлечены в процесс совместной деятельности 4 участника, двое периодически выступают наблюдателями. Лидер поддерживал команду при успехе, давал указания по поиску деталей. В данной экспериментальной группе общая фигура была впервые собрана без «якорей» — они были вставлены только под конец для завершения работы в уже очерченные под них отверстия. Группа полностью удовлетворена работой друг с другом и распределением ролей.

4. Обучающиеся направления «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем», 2 курс, ДГТУ (4 юноши, 2 девушки). Время выполнения — 18,5 минут. Выявлены следующие роли: *генераторы идей, критик, аналитик.* В данной группе участники сразу начали генерировать идеи, обсуждать предложения, при этом четкого лидера не было обнаружено, роли были «плавающими». Участникам с первой минуты удается верно сопоставить несколько деталей. Все участники вовлечены в совместную деятельность, стоят или даже сидят на столе. Группа удовлетворена совместной работой и процессом, что прослеживается по смеху, интонации и положительным комментариям участников. В данной группе произошел краткосрочный незначительный конфликт, когда один из участников разобрал часть фигуры, при этом ситуация быстро сошла на нет с помощью юмора. Под конец сборки нужные фрагменты находили быстро, один за другим.

5. Обучающиеся направления «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем», 2 курс, ДГТУ (6 юношей). Время выполнения — 23 минуты. Выявленные роли: *2 лидера, генератор идей, исполнители, наблюдатель.* Первый лидер сразу встал со стула, первый предпринимал попытки сопоставления элементов предметной модели друг с другом. Половина участников также начали работать в общем поле, остальные пассивно наблюдают. Каждым из участников выдвигаются идеи, однако они не находят обратной связи. От одного из членов группы поступает идея, чтобы каждый участник собирал детали вокруг своего «якоря» с целью в последующем собрать укрупненные элементы в общую картину. Эта идея отвергается другими участниками. Когда у некоторых участников получается сопоставлять детали, остальные откликаются на просьбы помощи в поиске необходимых. Впервые обсуждается погрешность деталей. Участники поддерживающе смеются, когда звучат высказывания о том, что ничего не получается. Складывается ощущение комфорта в коллективе. По невербалике можно заключить, что отстраненных участников нет, в процессе совместной деятельности участники стали давать друг другу обратную связь. По завершению участники были удовлетворены результатом совместной работы.

Среди обучающихся четвертого курса в исследовании приняли участие 3 группы:

1. Обучающиеся направления «Клиническая психология», 4 курс, ЮФУ (6 девушек). Время выполнения — 12,5 минут. Выявленные роли: *генераторы идей, наблюдатель, лидер/самостоятельный член, исполнитель.* С первых секунд трое участниц активно включились в совместную деятельность. Далее подгруппа более равномерно распределила обязанности. У некоторых испытуемых роли менялись по ходу решения задачи: примечательно, что в данной экспериментальной группе впервые был выявлен лидер, который периодически занимал роль самостоятельно члена группы. В середине работы испытуемые стыкуют собранные части в одну большую по инициативе одной из участниц, группа благодарит и подбадривает участницу за эту идею. С этого момента работа приобретает системный характер и поиск деталей становится более точным. По вербальным и невербальным сигналам участницы показывали удовлетворенность работой и друг другом, конфликтные ситуации не возникали, высказывались конструктивные предложения и испытуемые получали обратную связь друг от друга.

2. Обучающиеся направления «Психология служебной деятельности», 4 курс, ЮФУ (4 девушки, 2 юноши). Время выполнения — 58,5 минут. Роли: *наблюдатели/исполнители, лидер, сопротивляющийся (антилидер).* Группа начала работать инициативно, однако каждый пытался самостоятельно собрать части конструктора, не пытаясь согласовать свои действия. Образовалась диада из участников-юношей. На первые успехи в сборке участники реагировали слабо, при неудачных попытках участники приостанавливались и занимали роль наблюдателей. Группа использовала метод проб и ошибок, сопоставляя детали в поисках верного решения. Лидером группы было предложено разместить собранные части фигуры на «общей территории», эту идею поддерживают остальные участники, активность нарастает. Одна из участниц несколько раз забирала детали у юношей, отчего они быстро утратили мотивацию к выполнению задания и заняли роли наблюдателей; один из них периодически демонстрировал позицию антилидера, постоянно критикуя действия группы, цель самой работы, саботируя совместную деятельность. Испытуемые высказывали предложения, но не слышали друг друга, не давали и не получали обратную связь (как вербальную, так и невербальную), отчего совместная деятельность не развивалась, каждый работал индивидуально. *Взаимодействие имело цикличный характер,* выражающийся следующим образом: индивидуальная работа, размышления вслух о нужной детали, групповые поиски, которые иногда переходили в групповое обсуждение, снова индивидуальная работа. «Разорвать» цикл индивидуальной работы участникам помогали шутливые высказывания, направленные на процесс. Антилидер отмечает, что испытуемые собирают части фигуры, а потом сами же их разбирают — собранные фрагменты разъединяются и теряются. Уже к середине сборки участники демонстрировали усталость, сгладить возросшее напряжение участникам периодически удавалось шутками — происходил небольшой эмоциональный подъем, участники начинали взаимодействовать активнее, слушать предложения друг друга и совместно искать детали. Две участницы замечают прогресс и более активно включаются в работу, за несколько минут дополнив фигуру еще на треть. Посредством наблюдения и опроса испытуемых выявлены неудовлетворенность участников работой и друг другом, сниженное настроение и усталость, время выполнения задачи сильно выше, чем изначально предполагалось при разработке данной предметной модели.

3. Обучающиеся направления «Психология служебной деятельности», 4 курс, ЮФУ (6 девушек). Время выполнения — 11 минут. Роли: *лидер, генераторы идей, наблюдатель/самостоятельный член, исполнители.* С первых секунд определился лидер, образовалась триада вокруг лидера. Испытуемые высказывают много предположений,

ориентируясь на лидера, получают от него обратную связь. Ситуация ступора на первых минутах была воспринята испытуемыми как «общий враг», участницы сплотились и начали искать решение проблемы. Одна из участниц на протяжении всей сборки была обособленным (самостоятельным) членом группы, работая индивидуально или наблюдая. Участницы получали и давали друг другу обратную связь, процесс шел быстро, без сопротивления. Лидер часто интересовался успехами группы, подсказывал, давал указания. Когда была составлена половина конструктора, испытуемые встретились с трудностями, хором высказывали предположения, из-за чего возник небольшой конфликт. Мнение лидера поддержали не все, однако методом проб и ошибок ее решение оказалось верным. Далее взаимодействие продолжилось без изменений, все испытуемые были активно включены в совместную деятельность. По результату решения задачи испытуемые удовлетворены взаимодействием друг с другом, положительный психологический настрой был сохранен.

Заключение. В результате проведенного исследования было обнаружено, что выдвинутые нами гипотезы о возможностях применения предметной модели в области оценки социально-психологической эффективности в совместной деятельности частично подтвердились. В процессе наблюдения и последующем анализе видеозаписей эксперимента действительно удалось выявить и оценить степень удовлетворенности членов группы друг другом и совместной работой, степень «свободы», которую группа устанавливает по отношению к своим членам для достижения индивидуальный целей, а также уровень психологического комфорта.

Помимо критериев, позволяющих оценить социально-психологическую эффективность, нам удалось выявить ролевую структуру группы, отследить групповую динамику и этапы вхождения испытуемых в совместную деятельность. При более тщательном рассмотрении хода эксперимента можно выявить взаимосвязь содержательного аспекта высказываний участников о процессе взаимодействия с реальными изменениями в совместной деятельности. Также установлено, что предметная модель «Конструктор» позволяет увидеть в реальном времени и оценить объективные, количественные критерии (время сборки конструктора, количество взаимодействий, высказываний, идей и т. д.), которые уже относятся к предметно-деятельностной эффективности (ПДЭ).

В ходе математической обработки данных с использованием U-критерия Манна-Уитни не было выявлено статистически значимых различий в средних значениях СПЭ у подгрупп в обоих измерениях по методике А.В. Сидоренкова. При этом социально-психологическая эффективность у всех исследуемых групп выражена на среднем уровне (*Med* = 27). Вероятно, полученный результат может быть связан с тем, что тестовая методика является самооценочной, и ответы испытуемых могли иметь социально-желаемый характер. Посредством наблюдения и сбором обратной связи от участников нами было выявлено, что в процессе сборки «Конструктора» испытуемые испытывали положительные эмоции, а также заметно повышался уровень психологического комфорта при успешности совместной деятельности. Говоря о возможности применения данной предметной модели для повышения социально-психологической эффективности, единоразовое проведение сборки «Конструктора» может быть недостаточным для изменения уровня СПЭ в количественном аспекте, измеряемым тестовыми методиками. Так, мы полагаем, что проведение нескольких серий сборки может значимо повысить СПЭ, а также позволит группе выработать наиболее оптимальную стратегию и устойчивую ролевую структуру, повысить сплоченность и сработанность.

В процессе наблюдения и анализа видеозаписей было обнаружено, что студенты технических специальностей чаще пытаются продумать план работы перед сборкой, оценить сложность задачи, а также избирают иные критерии для подбора нужных деталей, чем студенты-психологи. Обучающиеся психологическим специальностям студенты чаще приступают к сборке методики без предварительного плана и обсуждения, сопоставляя элементы конструктора методом проб и ошибок, а также всегда пользуются «якорями». В двух группах студентов технических специальностей было обнаружено, что испытуемые откладывают «якоря» на последний этап сборки, руководствуясь отличием этих круглых деталей от остальных. Также было обнаружено *различие в распределении ролей:* студенты технических направлений больше полагаются на лидера, чем студенты-психологи; в некоторых группах было замечено наличие отверженных, что чаще происходило у обучающихся техническим направлениям подготовки.

Полученные результаты открывают новые ***перспективы исследования***. Прежде всего, перспективой является расширение предметной сферы применения методики «Конструктор», ее использование для оценки социально-психологической эффективности в совокупности с предметно-деятельностной эффективностью. Модель может быть использована для экспериментального изучения субъектных характеристик совместной деятельности малых групп, таких как сплоченность, совместимость, сработанность и т.д. На данном этапе нами уже ведется разработка предметных методик схожей конфигурации, расширение выборки и поиск дополнительного методического инструментария для проведения анкетирования. Кроме того, перспективной исследования может стать использование предметной модели как инструмент для формирования проектных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. — М. : Аспект Пресс, 2002. — 364 с.
2. Донцов А.И. Психология коллектива / А.И. Донцов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 208 с.
3. Журавлев А.Л. Социальная психология совместной деятельности / А.Л. Журавлев. — М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. — 248 с.
4. Карпов А.В. Психология групповых решений / А.В. Карпов. — М. : Аспект Пресс, 2009. — 495 с.
5. Козимирова Г.М. Основные направления исследования совместной деятельности в отечественной психологии / Г.М. Козимирова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2016. — №3 (39). — С. 210–215.
6. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив / А.В. Петровский. — М. : Политиздат, 1982. — 255 с.
7. Сидоренков А.В. Групповая сплоченность: анализ основных подходов и инструментов измерения / А.В. Сидоренков // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2005. — № 1-2. — С. 112–118.
8. Терехин В.А. Совместная деятельность на разных этапах онтогенеза / В.А. Терехин. — Ростов н/Д., 2010. — 108 с.
9. Штроо В.А. Методы социально-психологической диагностики / В.А. Штроо. — М. : Юрайт, 2015. — 399 с.
10. Hackman J.R. The design of work teams / J.R. Hackman // Handbook of organizational behavior / ed. by J. Lorsch. — Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1987. — P. 315–342.
11. Lewin K. Field theory in social science / K. Lewin. — New York : Harper & Brothers, 1951. — 346 p.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. (2002). Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. Aspekt Press (in Russian).
2. Dontsov A.I. (1984). Psikhologiya kollektiva [Psychology of the collective]. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta (in Russian).
3. Zhuravlev A.L. (2000). Sotsial'naya psikhologiya sovmestnoy deyatel'nosti [Social psychology of joint activity]. Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN» (in Russian).
4. Karpov A.V. (2009). Psikhologiya gruppovykh resheniy [Psychology of group decisions]. Aspekt Press (in Russian).

5. Kozimirova G.M. (2016). Osnovnyye napravleniya issledovaniya sovmestnoy deyatel'nosti v otechestvennoy psikhologii [Main directions of joint activity research in Russian psychology]. Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings. Electronic scientific journal of Kursk State University], 3 (39), 210–215 (in Russian).
6. Petrovskiy A.V. (1982). Lichnost'. Deyatel'nost'. Kollektiv [Personality. Activity. Collective]. Politizdat (in Russian).
7. Sidorenkov A.V. (2005). Gruppovaya splochennost': analiz osnovnykh podkhodov i instrumentov izmereniya [Group cohesion: analysis of main approaches and measurement tools]. Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki [Bulletin of the South-Russian State Technical University. Series: Socio-economic sciences], 1-2, 112–118 (in Russian).
8. Terekhin V.A. (2010). Sovmestnaya deyatel'nost' na raznykh etapakh ontogeneza [Joint activity at different stages of ontogenesis]. Rostov-on-Don (in Russian).
9. Shtroo V.A. (2015). Metody sotsial'no-psikhologicheskoy diagnostiki [Methods of socio-psychological diagnostics]. Yurayt (in Russian).
10. Hackman J.R. (1987). The design of work teams. In J. Lorsch (Ed.), Handbook of organizational behavior (pp. 315–342). Prentice-Hall (in English).
11. Lewin K. (1951). Field theory in social science. Harper & Brothers (in English).

Поступила в редакцию 12.01.2026 г.

SUBJECT-BASED MODEL AS TOOL FOR ASSESSING SOCIO-PSYCHOLOGICAL EFFICIENCY OF SMALL GROUP JOINT ACTIVITIES

V.A. Teryokhin, A.A. Veligodskaya, E.A. Krasnova, E.O. Kuznetsova

The research problem is driven by the need for an objective assessment of the socio-psychological efficiency (SPE) in small groups joint activities, which is traditionally estimated through subjective psychological methods. 11 student groups from psychology and technical majors were involved in the empirical study. SPE was measured using a short version of A.V. Sidorenkov questionnaire. The "Constructor" method (after V.A Teryokhin) was employed as a subject-based technique modeling joint activity. The groups activities were analyzed through observation and video recording. The diagnostic value of the subject-based technique was confirmed. It enabled a qualitative assessment of SPE criteria (satisfaction, psychological comfort) and revealed the role structure, dynamics, and interaction patterns. A one-time use of the subject-based technique does not allow for increasing the SPE in a group, requiring further research into the possibilities of using the methodology in a series of experiments. Differences in task-solving strategies were identified between students from different majors. The technique also made it possible to establish objective performance indicators (time, interactions number) related to task-performance effectiveness. The findings indicate the subject-based techniques potential in a comprehensive assessment of group interaction.

Keywords: joint activities, small groups, socio-psychological efficiency, subject-based model, subject-based technique, group dynamics, role structure, interaction satisfaction.

Терёхин Вячеслав Александрович.
Кандидат психологических наук, доцент.
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
Доцент кафедры юридической психологии и психологии управления.
ORCID 0000-0003-4426-4131.
E-mail: terjochin@mail.ru.

Велигодская Александра Александровна.
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
Студентка кафедры юридической психологии и психологии управления.
ORCID 0009-0004-0871-3096.
E-mail: veligodskaia@sfedu.ru.

Teryokhin Vyacheslav Aleksandrovich.
Candidate of Psychology, Associate Professor.
Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don. Associate Professor of Legal Psychology and Management Psychology Department.
ORCID 0000-0003-4426-4131.
E-mail: terjochin@mail.ru.

Veligodskaya Aleksandra Aleksandrovna.
Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don.
Student of Legal Psychology and Management Psychology Department.
ORCID 0009-0004-0871-3096.
E-mail: veligodskaia@sfedu.ru.

Краснова Елена Александровна.
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
Студентка кафедры юридической психологии и психологии управления.
ORCID 0009-0005-3678-792X.
E-mail: ekras@sfedu.ru.

Кузнецова Екатерина Олеговна.
Южный федеральный университет, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону.
Студентка кафедры юридической психологии и психологии управления.
ORCID 0009-0007-6255-2117.
E-mail: ekuzne@sfedu.ru

Krasnova Elena Aleksandrovna.
Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don.
Student of Legal Psychology and Management Psychology Department.
ORCID 0009-0005-3678-792X.
E-mail: ekras@sfedu.ru.

Kuznetsova Ekaterina Olegovna.
Southern Federal University, Russian Federation, Rostov-on-Don.
Student of Legal Psychology and Management Psychology Department.
ORCID 0009-0007-6255-2117.
E-mail: ekuzne@sfedu.ru

Научная статья
УДК 316.66
DOI: 10.5281/zenodo.19908516

СТРУКТУРА НЕФОРМАЛЬНЫХ РОЛЕЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ ГРУППЕ В УСЛОВИЯХ ТРАДИЦИОННОГО И ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

© 2026 *В.В. Шульга*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донбасский государственный университет юстиции»
ORCID 0009-0007-2408-8018

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru

В статье изложены материалы эмпирического исследования, посвященного социометрическому анализу процессов внутригруппового распределения неформальных ролей в студенческой группе в ситуациях онлайн и оффлайн обучения. Показано, что учебная группа отличается по уровню своего социально-психологического развития в зависимости от формата обучения, что в значительной степени обусловлено особенностями виртуального и непосредственного межличностного общения. Подчеркивается, что интрагрупповые структуры аттракционных и неформальных отношений носят качественно различный характер в зависимости от формата обучения. Установлено, что формат дистанционного обучения обеспечивает студентам контроль над самопрезентацией, облегчая распределение ролей в группе. Сплоченность коллектива падает при переходе к очному обучению, что свидетельствует об отсутствии необходимой релевантности при восприятии членов друг друга в виртуальной группе. Лидерские позиции при переходе от онлайн к оффлайн обучению остаются идентичными, выраженность их усиливается в ситуации традиционного очного обучения.

***Ключевые слова**:* дистанционное и традиционное обучение, межличностное общение, социометрия, неформальные роли в группе.

Для цитирования: Шульга В.В. Структура неформальных ролей в студенческой группе в процессе традиционного и дистанционного обучения / В.В. Шульга // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2026. — № 2. — С. 241-256. — https://doi.org/10.5281/zenodo.19908516.

Введение. Процессы цифровизации и внедрение ИКТ в различные сферы общественной жизни стали доминирующими факторами трансформации мирового сообщества, оказывая глобальное влияние на всю жизнедеятельность человека XXI века. Мы наблюдаем становление нового информационного общества, «это новая форма организации жизнедеятельности социума, при которой основными объектами и результатами труда является информация и информационные ресурсы» [9].

Современная молодежь оказывается группой, чьи отношения с социальной реальностью выстраиваются иначе, чем у предыдущих поколений. По данным ВЦИОМ 2025 года 61% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет предпочитают цифровое общение личным встречам, проводя в среднем до 9 часов в сутки в социальных сетях и мессенджерах. О. Асеева считает, что открытость и доступность глобальной сети «привела к тому, что современная студенческая молодежь практически все свое не только свободное, но и рабочее, время проводят в виртуальном пространстве: ищут информацию, общаются, организуют досуг и тому подобное» [1], — социальные сети создают условия для качественно новой интеграции молодежи в социум.

В системе высшего образования особого внимания требует изучение студенческих групп как места реализации неофициальных, эмоционально насыщенных референтных

межличностных отношений, которые создают основу для полноценного формирования личности молодого человека. Понимание особенностей неформальных внутригрупповых статусов отдельных представителей студенческой группы и, в целом, структуры межличностных отношений в ней, способствует более рациональному распределению обязанностей между ее членами и, соответственно, лучшему ее функционированию, минимизируя возникновение конфликтных ситуаций.

Влияние всемирной сети на процесс социализации современной молодежи неоднократно отмечался учеными и практиками [3; 8; 11; 13]. Социокультурное пространство, в котором происходит становление подрастающего поколения, расширяясь и становясь более хаотичным, приводит к потере традиционных маркеров идентичности и снижению сопричастности к базовым социальным группам [12].

Влияние процессов цифровизации и ИКТ на процесс социализации молодежи изучалось многими отечественными и зарубежными исследователями: В. Абраменковой, Н. Бойко, О. Войскунским, М. Мирошниковым, Г. Мироненко, Р. Пацлаффом, О. Петрунько, К. Постменом, Н. Хилько, Н. Череповской и др.

Интернет становится все более доминирующим агентом социализации (А. Аянян, С. Бондаренко, А. Кузнецова, С. Скуратова, Г. Солдатова, Т. Сохраняева, О. Степенцева, А. Чистяков). Исследования А. Лучинкиной показывают, что Интернет занимает третье место среди основных институтов социализации после «семьи» и «неформальных объединений» [10], при этом ценности, сформированные молодыми людьми в реальном мире, не соответствуют ценностям современной молодежи, доминирующим в мире виртуальном [5].

В. Плешаков выделил потребности, удовлетворение которых возможно с помощью интернет-среды [13]. М. Чванова анализирует новые формы социализации молодежи [16], а Н. Чалдышкина отмечает, что виртуальная культура начинает экспансивно заменять реальные межличностные отношения [15].

Исследования студенческих группы, обучающихся в оффлайн формате, свидетельствуют о различиях в особенностях учебной деятельности: при погружении в виртуальную среду меняется функционирование познавательных процессов (Л. Белозерова, Н. Большунова, С. Буцык, М. Пашков, М. Поляков, Ю. Дутко), а поведенческий компонент обеднен из-за недостатка невербальной коммуникативной составляющей, что отражено в работах исследователей (С. Иконникова, Л. Мешкова, Б. Стариченко, В. Стрельченко).

Повсеместная цифровизации высшего образования (М. Буланова, Н. Великая), рост интернет-коммуникаций, уменьшение живого общения — факторы, способствующие снижению социальных навыков молодежи. Кроме того, применение дистанционного обучения накладывает на образовательные организации ряд дополнительных требований [4]. Среди основных проблем социализации личности студента при дистанционном обучении выделяют: недостаток практических знаний; невозможность полностью заменить живое социализирующее общение; недостаточность развития коммуникабельности индивидов [3].

Как отмечает В. Казанцев, в условиях ограниченного личного контакта социометрические исследования приобретают особую значимость: они позволяют выявить скрытые коммуникативные связи, определить лидеров, изолированных и оценить сплоченность коллектива [7, с. 82]. Наряду с формальной структурой, отражающей нормативную сторону деятельности коллектива, в любой социальной группе всегда формируются неформальные межличностные отношения, как в реальном, так и в виртуальном мире, которые складываются на основе взаимоподдержки, взаимовлияния,

популярности, престижа, лидерства — и в большей части базируются на эмоциональной составляющей, отражая процессы симпатии/антипатии членов группы.

Материалы и методы исследования. Исследование в полной мере относится к квазиэкспериментальным, как по отсутствию контрольной группы, так и по факту воздействия реального события (смена формата обучения), произошедшего с испытуемыми, что априори увеличивает вероятность альтернативных каузальных объяснений в изменениях психологических параметров. Основным методологическим принципом выступал социально-психологический подход к пониманию коммуникативной компетентности (Г. Андреева, А. Бодалев, А. Вербицкий). Для проведения исследования применялись теоретические и эмпирические методы: изучение и анализ литературы, обобщение и синтез научных подходов к проблеме формирования неформальных структур в группе, наблюдение, социометрический метод, методика Р. Белбина, методы статистической обработки эмпирических данных.

Исследование проводилось на базе Донбасского государственного университета юстиции. Выборка составила 23 студента учебной группы второго курса, из которых: 9 юношей и 14 девушка, средний возраст — 19,1 год.

Цель работы — изучение неформальных групповых ролей в студенческой группе. Исследовательский интерес вызывали следующие вопросы:

– как происходят процессы формирования ролей в одном и том же студенческом коллективе при обучении в дистанционном и традиционном формате;

– как соотносится установки студентов на желаемые роли, и те, которые они реализуют в своих онлайн и оффлайн учебных группах;

– как соотносятся реальная и виртуальная ролевые идентичности студентов?

Основная часть. В условиях, начавшихся в феврале 2022 года боевых действий (СВО), для студентов, проживающих и обучающихся в регионах, затронутых конфликтом, дистанционный формат (*далее* — ДО) обучения стал не выбором, а вынужденной необходимостью [4]. Только в сентябре 2024 года часть вузов и школ Донецка вернулась к традиционному обучению, что дало возможность сравнить процессы группообразования, проходящие в условиях дистанционного и традиционного обучения.

Эмпирическое исследование проходило в два этапа. На первом этапе (сентябрь 2024 г.) проведена первая социометрическая процедура, когда студенты после года учёбы и общения в онлайн-режиме начали посещать аудиторные занятия, и многие из них увидели друг друга впервые. Предполагалось, что социометрия отразит те аттракционные и референтные тенденции, которые сложились в студенческой группе в процессе ДО. Одновременно с социометрией на первом этапе использовалась методика Р. Белбина «Роли в команде» [2]. На втором этапе (май 2025 г.) в конце учебного года, в течение которого учебно-воспитательный процесс проходил в традиционном очном режиме, было проведено второе социометрическое измерение в той же группе.

Статус в студенческой группе рассматривается в контексте социометрического. Ролевое поведение понимается как выполнение функций, предписанных статусу, а освоение социальных ролей — как важная часть процесса социализации личности, выступающая основой для более сложных социальных отношений. Ролевая структура группы — это совокупность связей и межличностных отношений индивидов, характеризуемая распределением между ними групповых ролей [6].

Методика Р. Белбина «Роли в команде» представляет собой форму самоотчета, и результатом ее применения, исходя из инструкции, является информация о собственных установках испытуемых: какие функциональные роли, по их мнению, они выполняют (или претендуют на них) в межличностном групповом взаимодействии.

Ниже перечислены краткие описания ролей в команде по теории Р. Белбина с учетом их названий в разных источниках, при этом их интерпретация в них идентична:

– председатель/координатор (chairman). Определяет направления достижения цели, эффективное использование ресурсов, исполняет лидерские функции;

– формирователь/навигатор/организатор (shaper). Придает законченную форму действиям команды, систематизирует результаты, обсуждения и деятельности;

– мыслитель/генератор идей (plant). Предлагает новые идеи и стратегии, уделяя особое внимание главным проблемам, с которыми сталкивается группа;

– исполнитель/работник/рабочая пчелка (company worker). Превращает планы и концепции в реальность, систематически и эффективно выполняет принятые обязательства;

– разведчик/снабженец/добытчик (resource investigator). Налаживает внешние контакты, сообщает о новых идеях и ресурсах, имеющихся за пределами группы;

– оценщик/наблюдатель/критик (monitor-evaluator). Анализирует проблемы, критикует, оценивая идеи, чтобы группа могла принимать сбалансированные решения;

– коллективист/миротворец/опора команды/душа команды (team worker). Поддерживает командный настрой, оказывает помощь в трудных ситуациях, пытается улучшить взаимоотношения между членами группы и, в целом, укрепить силу духа коллектива;

– доводчик/завершитель/детерминатор (completer) — человек, расставляющий точки над i. Поддерживает в команде настойчивость в достижении цели, активно стремится отыскать работу, которая требует повышенного внимания.

На Рисунке 1 в графической форме представлены результаты, полученные при использовании данной методики.

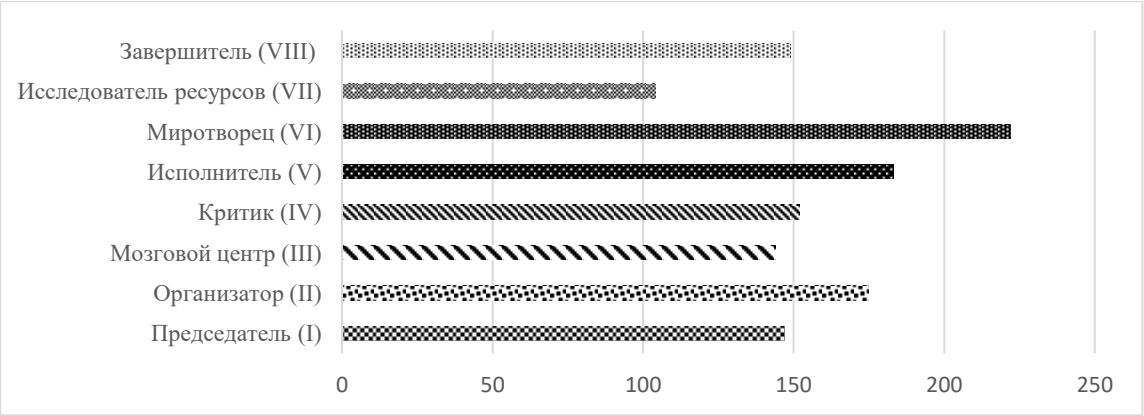

Рисунок 1. Распределение неформальных ролей в студенческой группе в условиях дистанционного обучения (методика «Роли в команде»)

Данные, представленные на Рисунке 1, показывают, что наибольшее предпочтение студенты этой группы отдают ролям «исполнителя» и «миротворца». «Исполнители» демонстрируют исполнительскую дисциплину и умение фокусироваться на деталях, при этом часто мотивируются внутренней тревожностью, что помогает им с максимальной ответственностью выполнять поручения и свои обязанности. Роль «миротворца» предполагает наличие эмпатии и умения оказать психологическую поддержку окружающим. Такая роль коррелирует с развитыми коммуникативными навыками, дипломатичностью, сензитивностью в отношении эмоциональных состояний окружающих. Большая часть студентов примеряет на себя эту роль, считая себя способными к социально-психологической поддержке членов группы, людьми,

умеющими понимать и сопереживать, сглаживать конфликтные ситуации. Выбор двух этих позиций на первых местах свидетельствует о том, что испытуемые в большей степени ориентированы на практическое выполнение задач и поддержание позитивной атмосферы в группе.

Наименьшее количество выборов респондентами было сделано в отношении роли «добытчика». Подобно «генератору идей», они тоже являются для группы источниками новых идей, но приносят их извне. Интенсивно общаясь вне группы, «добытчики» впитывают информационные потоки, вычленяют перспективные новости и факты, и предлагают к обсуждению уже внутри своей группы. Очевидно, что группе не достает ролевого поведения по этому типу, что, помимо прочего, может быть объяснено ограниченностью внешних связей и социальной активности молодежи в текущей ситуации в Донецке.

Роли «председателя», «доводчика-завершителя» подразумевают высокую степень ответственности и определенные личностные качества, в наличие которых у себя респонденты, возможно, не уверены, и они получили небольшой выбор. Лидерские позиции в этой группе не выражены четко, что неудивительно, поскольку они не соотносятся с выбором роли «миротворца», которая доминирует у респондентов, и требуют для своего исполнения набора других личностных характеристик. Для «доводчика-завершителя» свойственен здравый смысл, самоконтроль и дисциплина. Такой тип личности умеет преодолевать трудности в системном режиме, настроен на доведение дел до конца, что имеет значение для учебной деятельности, поскольку незавершённая работа влечет за собой серьезные проблемы с успеваемостью и глубиной усвоения знаний.

Отмечен значительный разброс у студентов в позиционировании себя в роли «генератора идей», что логично соотносится с индивидуальными выборами респондентов: креативные генераторы идей предпочитают работать отдельно от других, следовать оригинальным и самостоятельным путём, коммуникативные навыки не являются их сильной стороной, в то время как большая часть группы видит себя в роли «миротворцев» — эмпатичными и тонко чувствующими людьми.

Межличностные отношения, как субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляются в характере и способах взаимных влияний, оказываемых членами группы друг на друга в процессе совместной деятельности и общения. В их основе лежат разнообразные эмоциональные состояния взаимодействующих людей. В отличие от деловых (инструментальных) отношений, которые могут быть как официально закрепленными, так и незакрепленными, межличностные связи являются экспрессивными, что подчеркивает их эмоциональную содержательность.

Экспериментальные исследования межличностных отношений имеют давнюю традицию и богатый методический арсенал. Социометрия, как валидная и удобная в практическом применении методика для изучения внутригрупповых эмоциональных связей, направленная на выявление «симпатий/антипатий», представлялась как релевантная для выяснения того, насколько ролевые позиции, выбранные респондентами, по внутреннему убеждению, будут соответствовать реальному положению индивида в группе. Результаты социометрии немаловажны как для прогноза существования и продуктивного функционирования малой группы, так и для диагноза самочувствия и перспектив развития отдельного студента.

В исследовании применялась параметрическая социометрическая процедура с ограниченным числом выборов. Студентам, которые только перешли к традиционному очному обучению, и все взаимные представления друг о друге они привнесли из онлайн обучения, было предложено ответить на 3 вопроса.

1. Кого бы из студентов своей группы вы пригласили к себе на день рождения? Вопрос, направленный на выявление эмоциональных связей и позиции («миротворец»).

2. С кем из студентов группы вы хотели бы вместе работать над проектом? Вопрос, направленный на выявление интеллектуальных лидеров группы («генератор идей»).

3. Кому из студентов своей группы вы доверили бы организацию внеучебного мероприятия? Вопрос, направленный на оценку деловых качеств студентов («организатор»).

Сводные результаты двух социометрических измерений представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Сводные результаты социометрических измерений неформальных статусов студентов в условиях очного и дистанционного обучения

№ п/п	«Миро творец»		«Генератор идей»		«Органи затор»		Кол-во получен. выборов		Кол-во взаимных выборов		Кол-во осуществ. выборов		Коэф. удовлетв Куд	
	дист	очн	дист	очн	дист	очн	дист	очн	дист	очн	дист	очн	дист	очн.
1	2	3	0	2	0	0	4	5	0	3	0	9	0	0,33
2	4	3	4	3	4	8	15	14	6	7	9	11	0,67	0,63
3	2	1	1	1	1	0	5	2	3	0	8	0	0.375	0
4	2	3	3	4	3	9	12	16	6	5	9	9	0,67	0.55
5	2	3	3	1	3	0	5	4	3	3	9	9	0,33	0,33
6	1	3	0	1	0	1	1	5	0	4	0	9	0	0,44
7	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0
8	1	2	1	2	1	0	2	4	1	4	7	10	0, 14	0,4
9	1	1	2	1	2	1	6	3	4	3	9	9	0,44	0,33
10	1	3	3	3	3	2	7	8	2	4	4	9	0,5	0,44
11	2	1	5	1	5	1	8	3	6	3	9	9	0,67	0,33
12	1	5	5	0	5	4	9	9	6	4	8	10	0,75	0,4
13	4	1	2	4	2	2	7	5	5	2	9	13	0,75	0,15
14	2	3	3	4	3	2	6	9	5	3	9	8	0,55	0,38
15	0	3	0	2	0	2	0	7	0	4	0	9	0	0,44
16	3	3	2	4	4	2	7	9	0	5	0	9	0	0,55
17	2	3	4	5	3	3	8	11	5	0	8	0	0,63	0
18	5	6	5	9	2	7	12	22	7	3	9	10	0,78	0,3
19	3	1	2	6	2	2	6	9	6	0	9	0	0,67	0
20	2	0	0	0	0	0	3	0	1	0	2	9	0,5	0
21	2	2	0	1	1	1	5	3	2	3	9	7	0,22	0,167
22	2	2	0	1	0	0	2	3	1	3	9	10	0,11	0,167
23	4	2	5	8	5	9	14	19	6	1	9	4	0,67	0,25
Об.	49	65	49	62	56	48	145	173	76	64	146	173	9,42	6,954
Ср.	2,13	2,8	2,13	2,7	2,5	2,08	6,3	9,6	3,2	2,7	6,3	7,5	0,43	0,38

На основании данных, представленных в Таблице 1, могут быть вычислены следующие социометрических параметры:

– социометрический статус студента в группе = сумме выборов, которые он получил от других членов группы;

– индекс групповой сплоченности рассчитывается как частное от деления суммы всех взаимных положительных выборов на общее число выборов;

– уровень благополучия взаимоотношений (УБВ) определяется соотношением суммарных показателей разных статусных категорий;

– коэффициент удовлетворенности (Куд) для каждого члена группы высчитывается как частное от деления суммы его взаимных выборов на число выборов, осуществленных данным студентом.

Социометрический статус студента в группе отражает степень его влияния на группу и потенциальные способности к лидерству. Обычно к группе «социометрических звезд» относят членов группы, которые получают в 1,5–2 раза больше среднего числа выборов. Среднее число выборов позволяет отнести респондентов к категории «предпочитаемых»; если член исследуемой группы получил 1–3 выбора, то его относят к категории «пренебрегаемых», если не получил ни одного положительного выбора, то к категории «изолированных».

При первом социометрическом исследовании в группу высокостатусных попали четыре студента: №№ 2, 4, 18, 23. Для некоторых из них прослеживались лишь тенденции к выполнению лидерских ролей по отдельным направлениям: студент № 23 склонен к проявлению интеллектуальных и организационных способностей, у студента № 18 можно предположить развитые способности к распознаванию и регулированию эмоциональных состояний окружающих, характерные для эмоционального лидерства, а студентка № 12 получила максимальное число выборов в качестве интеллектуального лидера, что обусловлено сформированностью у неё таких компонентов интеллектуальной сферы, как широкий кругозор, большой словарный запас, высокий уровень общей эрудиции, познавательной активности и логического мышления.

Студенты с номерами от 9 до 14, а также №№ 16, 18, 19 составили уверенную группу среднестатусных/«предпочитаемых», а в группу низкостатусных/«пренебрегаемых» вошли 4 студента: №№ 6, 8, 20, 22, получившие 1–3 выбора.

Студент № 7 оказался единственным «изолированным»: сделав один выбор из 9 возможных, в ответ не получил ни одного. Группа считается благополучной, если процент изолированности в ней составляет 5–6%.

Анализ данных, представленных в Таблице 1, также позволяет определить лидерские позиции в студенческой группе в контексте очного обучения.

В центральную позицию, соответствующую высокостатусным членам группы, попали те же студенты, что и в предыдущем социометрическом исследовании: №№ 2, 4, 18, 23, но их лидерские позиции существенно изменились и перераспределились, стали более четкими. № 18 стал самым популярным членом группы, получив 22 выбора, он лидирует во всех категориях («миротворец», «генератор идей», «организатор»), что позволяет идентифицировать его как наиболее популярного члена группы. Следующим лидером, как в интеллектуальном, так и в организационном плане стал студент № 23, получивший 19 выборов со стороны одногруппников. Примечательно, что сам он сократил возможные выборы с 9 (первая социометрия) до 4 (вторая социометрическая процедура), при этом получив лишь 1 взаимный выбор. Таких индивидов относят к категории «обособленных», когда другие члены группы отдают ему предпочтение, а сам он реализует минимальное количество выборов, что предполагает предельную осторожность в установлении эмоциональных связей и контактов, скорее всего в силу определенных личностных особенностей, связанных с уровнем самораскрытия в процессе коммуникаций [14].

Студентка М.С. (№ 13) снизила свои интеллектуальные лидерские позиции в ситуации очного обучения, но зато их повысила Р.Д. (№ 17).

«Предпочитаемые», имеющие среднее число выборов, как в первом, так и во втором этапе составляют примерно две трети студенческой группы. Они сбалансированно участвуют в групповой жизни, демонстрируя умеренную вовлеченность во все три аспекта деятельности. В категорию низкостатусных студентов («пренебрегаемые») в условиях очного обучения попали шесть человек.

По одному студенту попали в категорию «изолированные», т.е. не получил ни одного выбора, как в первом, так и во втором случае проведения социометрии, при

этом, в этой роли оказались разные студенты, что подтверждает существующее мнение: в большинстве групп существует некий «козел отпущения», в отношении которого члены группы объединяются, демонстрируя эмоциональное единство. Несовпадение ожидания и реальной эмоциональной реакции всегда болезненно для респондента, недостаток симпатии одновременно считается и следствием, и источником межличностных проблем, отражая степень адекватности поведения человека.

Подобная ролевая позиция связана с умением (или его отсутствием) адекватно оценивать отношение к себе других людей, и характеризуется различной степенью развитости социально-рефлексивных навыков, являющихся важными показателями личностной зрелости и эмоционального благополучия. Социально-рефлексивная неадекватность порождает разнообразные проблемы, которые могут возникать у студентов в процессе общения, и чаще всего они связаны с демонстрацией такого поведения, которое не соответствует ожиданиям группы, ею не поощряется и наказывается санкциями (М. Битянова).

Обращает на себя внимание нереализованные выборы четырех респондентов во время проведения второй социометрической процедуры (Таблица 1), при этом все 4 участника физически присутствовали, что подчеркивает доминирование ситуативного характера межличностных предпочтений в очной среде: в условиях прямого контакта социальный капитал формируется преимущественно в режиме реального времени и оказывается более уязвимым к эффекту непосредственного присутствия/отсутствия.

Данный феномен, характеризующийся пассивностью индивида в отношении выбора при одновременном признании его значимости другими членами группы, достаточно часто встречается в социологических исследованиях. На подобную ситуацию могут влиять несколько факторов. Во-первых, то неявное влияние, которое студент оказывает на окружающих, может быть обусловлено его личными качествами: умение слушать и понимать других, способность создавать атмосферу доверия. Во-вторых, признание студента со стороны других может быть связано с его прошлыми заслугами и достижениями, поэтому его мнение и позиция могут автоматически восприниматься как ценные и значимые, даже если он не проявляет активного участия в процессе выбора.

Коэффициент сплоченности студенческой группы в ситуации ДО составил 0,52 (соответствует уровню развития «группа-кооперация»), а в условиях традиционного обучения — 0,37 (уровень развития группы — «ассоциация»), т.е. эффективность группового взаимодействия снизилась при переходе студентов на обычный режим учебного процесса. Из этого следует несколько выводов.

1) Очевидно, что процесс социализации и освоения неформальных ролей в онлайн пространстве происходит значительно продуктивнее. ИКТ помогают молодым людям в создании своего «идеального» образа, который им видится адекватным в ситуации виртуального учебного взаимодействия; цифровые технологии способствуют такой «самопрезентации» студента перед виртуальными одногруппниками, которая будет соответствовать его актуальным потребностям [8]. Сетевые коммуникации позволяют человеку выглядеть в лучшем свете и преподнести себя наиболее выгодным образом, и это умение освоено респондентами в достаточной мере.

2) Падение сплоченности группы при переходе от онлайн к оффлайн обучению подчеркивает отсутствии релевантности при восприятии студентами друг друга в виртуальной группе. Самопрезентация в условиях сетевого взаимодействия вступает в конфликт с реальным «Я» студента, которое проявляется ежеминутно в повседневной жизни, и не вполне соответствует тому образу, который сложился о нем у других членов группы. Переход на очное обучение детерминирует познание друг друга студентами заново, возвращая их на более низкий уровень групповой сплоченности.

3) В дистанционной среде ограниченность коммуникативных каналов (преимущественно вербальные и текстовые модальности при эпизодическом использовании видеосвязи) создавала условия для проекции положительных ожиданий на одногруппников и проявления «гало-эффекта» цифрового общения. Отсутствие невербальных маркеров (мимика, постуральные особенности, запах, темп речи) и технические барьеры (задержки связи, невозможность одновременного диалога) минимизировали конфликтогенные ситуации, способствуя формированию социальной структуры с отсутствием явных аутсайдеров, но и низким уровнем взаимности связей. Такая структура, несмотря на формальную «бесконфликтность», характеризуется фрагментарностью и слабой эмоциональной насыщенностью.

Виртуальное общение уменьшает объективные и субъективные препятствия: когда невербальные составляющие коммуникации сведены к минимуму, выстраивание межличностного взаимодействия через медиа-коммуникации позволяет позиционировать себя в выгодном свете, и в любой момент свернуть диалог, если он не соответствует принятой роли [11]. Виртуальная группа лишена естественных нюансов проявления социальных отношений: поздороваться с каждым, рассказать о каких-то событиях, оценить реакции собеседника, заметить подавленность одногруппника и т.п. Интернет-общение допускает возможность идентифицироваться в любом качестве, несвойственном социальным ролям в обыденной жизни, и вероятность получить популярность без особых трудностей, казаться самому себе и другим «душой компании» и «миротворцем» возрастает [14].

4) Многими исследователями неоднократно подчеркивалась безопасность для самооценки личности пользователей Интернета [16]. Ситуации сетевого общения, благодаря анонимности и отсутствию невербальных компонентов, способствуют возможностям для разнообразных «проб и ошибок», а определенная анонимность обуславливает психологический комфорт в процессе общения и обмена мнениями. Кроме того, осуществление личностью общего структурного контроля при взаимодействии с одногруппниками посредством чатов, электронной почты и т.п. удовлетворяет потребность студентов в безопасности собственных действий. Можно предположить, что достаточно высокая групповая сплоченность и дифференциация студентов в процессе ДО обусловлена адекватно выполняемыми ролями, которые испытуемые репрезентировали в интернет-среде перед другими членами группы.

5) Если учесть, что современное общество находится на пороге новой реальности — переход от физической к виртуальной, — то приобретение навыков выстраивания эффективных коммуникаций в различного рода профессиональных, учебных, социальных группах, функционирующих в сети интернет, представляется важным навыком людей XX1 века. Одна из задач вуза учить будущих профессионалов жить и работать с новыми требованиями и реалиями социума, где требуются иные качества, способности и умения.

Уровень благополучия взаимоотношений (УБВ) в группе, обучающейся как в онлайн, так и в офлайн режимах, находится на высоком уровне: сумма «звезды» + «предпочитаемые» больше суммы «пренебрегаемые» + «изолированные».

Коэффициент удовлетворенности (Куд*)* каждого члена группы важен, поскольку социометрический статус не в полной мере отражает положение человека в системе межличностных отношений, не менее значим показатель взаимных выборов респондента: даже социометрическая звезда будет чувствовать себя некомфортно, если ее выборы не будут взаимными.

Из Таблицы 1 видно, что в условиях ДО высший Куд имеют 3 человека (0,75–1), высокий Куд (0,5–0,75) характерен для 9 студентов, средний (0,25–0,5) Куд у 4 человек, и низкое значение (0–0,25) Куд у 7 студентов — такова картина индивидуального

благополучия студентов. Среднее значение Куд в группе в условиях ДО составляет 0,43 и свидетельствует о том, что студенты, в целом, были удовлетворены своими виртуальными отношениями с одногруппниками.

Средняя величина Куд в условиях офлайн обучения снизилась до 0,31, при этом ни один из студентов не имеет высшего значения Куд, высокое значение коэффициента удовлетворенности наблюдается только у 3 членов группы, средний Куд у 12 человек, и 8 студентов имеют низкий уровень Куд.

Следует отметить хорошие результаты, как по сплоченности группы, так и по структуре межличностных отношений, сформированных в студенческой группе в процессе ДО. Одна из причин таких достаточно гармоничных внутригрупповых отношений кроется в выборе роли «миротворца», которую многие члены группы примеряли на себя (методика «Роли в команде»). «Миротворцы» не претендуют на лидерские позиции и не конкурируют с другими ролями, но в тоже время их склонность к сглаживанию трений, мягкость, эмоциональная сензитивность делают их роль значимой в сплочении группы. Возможно, «миротворцы» не вносят решающего вклада при решении актуальных групповых целей, связанных с учебной деятельностью, но их латентное влияние ощутимо при выстраивании эффективных коммуникаций.

Пользуясь только социометрической матрицей, трудно в деталях представить картину взаимоотношений, сложившихся в группе. Для получения более наглядного их описания строятся социограммы. На Рисунке 2 представлена социограмма по типу мишени, соответствующая выборам студентов во втором социометрическом исследовании и представляющая собой концентрические окружности, в которых размещены номера всех членов группы. В центральный круг помещены номера студентов, получивших максимальные выборы, а «изолированный» (№20) вынесен за пределы социограммы.

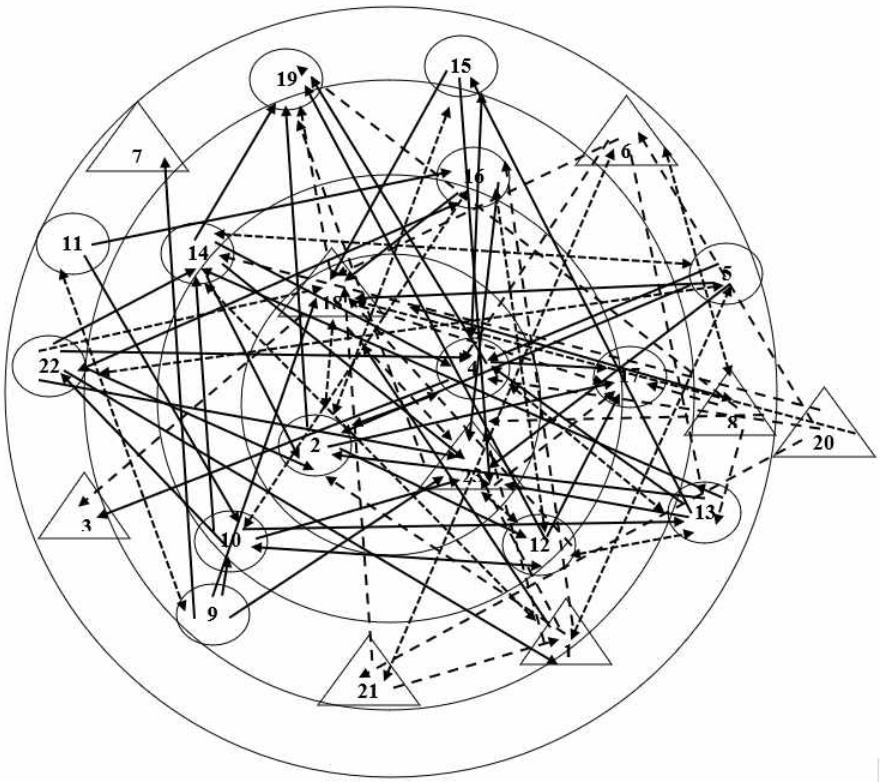

Рисунок 2. Социограмма 2-го социометрического исследования, где: ⬭ — девушки △ — юноши. <—> позитивный двусторонний выбор —> позитивный односторонний выбор Стрелки

соответствуют вопросам: 1. Кого бы из студентов своей группы вы пригласили к себе на ДР? —> **(сплошная черна);** 2. С кем из студентов группы вы хотели бы вместе работать над проектом? —> **(пунктир);** 3. Кому из студентов своей группы вы доверили бы организацию внеучебного мероприятия? **—> (точки)**

На Рисунке 2 количество взаимных и односторонних выборов наглядно демонстрирует многочисленные межличностные связи, существующие в студенческой группе, и служит подтверждением высокой социальной активности молодежи. В ситуации очного обучения по всем категориям наблюдалось увеличение числа выборов (со 145 в ДО до 173 в очном), что свидетельствует о более глубокой вовлеченности студентов в социальные процессы. Увеличилось также среднее количество выборов, сделанных студентами, с 6,3 до 9,6. Можно констатировать, что очное обучение привело к значительному росту активности студентов в выражении своих предпочтений.

Общее количество взаимных выборов имеет тенденцию к уменьшению, как и среднее значение взаимных выборов, с одной стороны, подтверждая устойчивость сложившихся отношений, а с другой стороны, указывая на процесс формирования новых межличностных связей.

Переход к очному обучению трансформировал социальную структуру группы, повышая значимость организаторских способностей и выделяя студентов №18 и №23 как лидеров, обладающих высоким организаторским и интеллектуальным потенциалом. Их способность объединять студентов для совместной работы и эффективно организовывать деятельность была значительно усилена в реальном взаимодействии.

Статистический анализ выявил существенные значения коэффициента Стьюдента при высоком уровне достоверности между общим количеством выборов и выборами организационного (при $p = 0{,}001461$), эмоционального (при $p = 0{,}003398$) и интеллектуального (при $p = 0{,}003013$) лидеров в первом социометрическом исследовании.

В студенческой среде складывается определенная система межличностных отношений, формируются малые (неформальные) группы. Взаимоотношения в таких группах имеют свои особенности: небольшое количество людей, между которыми возможны тесные личные контакты; связи, основанные на взаимных симпатиях; единстве интересов и увлечений, общих черт характера и поведения.

Наличие в группе внутренне сплоченных, хорошо очерченных мини-сообществ — признак ее социальной зрелости. Для более наглядного представления о положении отдельных лиц в группе нередко строят индивидуальные социограммы, которые изображают индивида в совокупности всех его связей с другими членами группы. На Рисунке 4 приведен пример формирования микрогруппы в ситуации очного и ДО обучения.

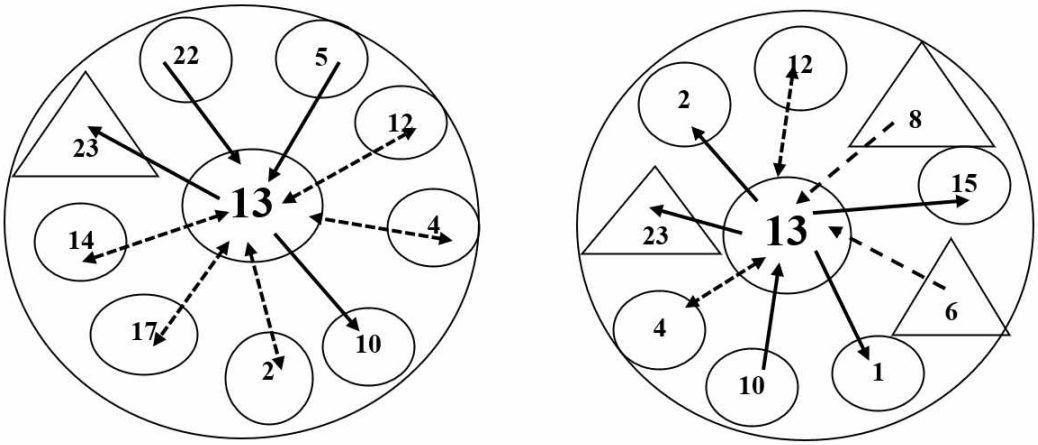

Рисунок 3. Пример формирования микрогруппы в разных видах обучения

⬭ — девушки △ — юноши. <—> позитивный двусторонний выбор; —> позитивный односторонний выбор. Стрелки соответствуют вопросам:

1. Кого бы из студентов своей группы вы пригласили к себе на ДР? **—>(сплошная черна)**
2. С кем из студентов группы вы хотели бы вместе работать над проектом? **—>(пунктир)**
3. Кому из студентов своей группы вы доверили бы организацию внеучебного мероприятия? **—> (точки)**

На Рисунке 3 показаны особенности личных и взаимных выборов студентки №13 в разных форматах обучения, которые отражают существующие тенденции во всей группе и демонстрируют наличие внутри мини-коллектива противоречивых связей и большого числа несовпадений:

– количественный состав микрогруппы остался неизменным, несмотря на радикальное изменение учебного процесса, но в качественной характеристике взаимных симпатий/антипатий респондентов произошли изменения;

– количество выборов, полученных студенткой №13, падает от 7 в дистанционном обучении до 5 в традиционном; количество взаимных выборов уменьшилось с 5 в ДО до 2 в очном обучении.

Ситуация противоречивых выборов болезненна для индивида и несет негативные последствия, особенно для того человека, который адресует свой положительный выбор другому лицу с приблизительно равным статусом. Скорее всего он ожидает от другого также положительной реакции. Такие тенденции свидетельствуют о неблагополучии эмоциональных отношений и возможном распаде их или переструктурировании.

Социальная депривация, невозможность увидеть непосредственные живые эмоции и контактировать с людьми «лицом к лицу» отразились на эмоциональном состоянии молодых людей достаточно ощутимо: не взаимодействуя с реальной действительностью и ее доказательной базой, молодежь становится заложником иллюзии легкости построения собственного желаемого образа, простоты решения любой проблемы, как личной, так и общественной, поверхностностью в познании окружающих и суждениях о них. Столкновение с реальность порождает неизбежную фрустрацию и, как следствие трудности в преодолении несовпадений виртуального образа человека и реального «Я».

Для исследуемой студенческой группы очная встреча выступила пусковым механизмом деидеализации: столкновение с мультимодальной реальностью партнёров по общению (особенности внешности, манеры поведения, темперамента) привело к когнитивному диссонансу между сформированным в цифровой среде образом и его

реальным проявлением. Согласно теории атрибуции, при дефиците информации в условиях дистанционного обучения участники склонны к позитивной интернализации качеств друг друга; в то время, как непосредственное взаимодействие предоставляет избыток вербальных и невербальных сигналов, активизируя критическое оценивание партнера. Для многих студентов это привело к внутренней установке «разочарование реальностью», т.е. к разрушению ранее сформированного позитивного образа одногруппника и, как следствие, его социального отторжения, с последующим поиском новых взаимных предпочтений и симпатий.

Дополнительным фактором неадекватных выборов выступила стрессовая ситуация адаптации при переходе к новому коммуникативному режиму. Непосредственное общение, лишённое возможности «цифровой перезагрузки» (редактирование реплик, отключение камеры, паузы перед ответом), усилила социальную тревожность и привела к фиксации негативных первых впечатлений. Согласно эффекту «первого впечатления», ошибки в невербальной коммуникации (нарушение личных границ, неадекватная громкость речи, избегание зрительного контакта) быстро кристаллизовались в устойчивые социальные оценки, ревизии которых в условиях непрерывного очного взаимодействия вызывают затруднения.

Важную роль сыграла потеря «безопасной дистанции» — феномена, описанного в теории социального присутствия. Дистанционный формат обеспечивал участникам контроль над самопрезентацией: возможность контролировать визуальный образ, выбирать моменты включения в диалог, минимизировать нежелательные взаимодействия. Очное общение лишило студентов этой защиты, наглядно выявило индивидуальные различия в коммуникативной компетентности и уровне социального интеллекта.

Такие процессы редко остаются локальными, они затрагивают не только конкретную микрогруппу, но и всю группу, поскольку члены распавшейся микрогруппы начинают искать возможность примкнуть к другим группировкам, в результате чего на некоторое время может смешаться вся групповая структура.

Заключение. 1**.** Структура неформальных ролей, сложившаяся в студенческой группе, обучающейся в дистанционном формате, формируется значительно быстрее и гармоничнее, чем при традиционном обучении. Виртуальное общение позволяет участникам реализовать желание выглядеть в лучшем свете и преподнести себя наиболее выгодным образом перед виртуальным собеседником; оно способствует самопрезентации студентов через создание образа «идеального Я», соответствующего их актуальному пониманию и насущным потребностям.

2. Сплоченность студенческого коллектива падает при переходе от дистанционного к традиционному обучению, что свидетельствует об отсутствии адеквантности при восприятии членов друг друга в виртуальной группе. Позиционирование себя в «идеальном» свете приводит к возникновению у студентов когнитивного диссонанса в условиях непосредственного общения, формированию искаженной рефлексии, взаимного непонимания и дефицита поддержки в реальной жизни. Процессы группообразования опускаются на более низкий уровень, студенты заново овладевают паттернами реального общения и взаимодействия, устанавливают новые эмоциональные связи и отношения в контексте симпатии/антипатии.

3. Лидерские позиции в исследуемой группе при переходе от онлайн к оффлайн обучению остались практически неизменными, но их выраженность усилилась и укрепилась в ситуации традиционного очного обучения. Неформальное ролевое

распределение между членами студенческой группы остается, но исполнители ролей могут меняться, привнося индивидуальные особенности в их исполнение.

4. Современная молодёжь в своей учебной и профессиональной деятельности неразрывно связана с ИКТ, без которых невозможна их социализация в учебной и профессиональной сферах. Влияние техносферы становится доминирующим фактором глобального мира, и на формирование личности молодого человека оказывают влияние два мощных фактора: реальный и виртуальный, что предполагает сочетание и взаимовлияние цифровой и традиционной коммуникативных компетенций. Навыки взаимодействия и выполнения неформальных групповых ролей, приобретаемые молодежью в ходе цифровой и реальной социализации, становятся жизненно важными для их профессиональной самореализации в смешанном пространстве будущего.

5.Новые требования к системе высшего профессионального образования детерминируют ориентацию на запросы общества в получении высококлассных специалистов, способных к результативной совместной деятельности в команде. Проведенное исследование подчеркивает важность непосредственного общения для полноценной социализации подрастающего поколения, но также указывает на то, что модель гибридного обучения, сочетающая сильные стороны как онлайн, так и офлайн форматов, может стать оптимальным решением.

6. Дистанционное обучение, как возникшее новое особое условие развития личности, требует специальных усилий по преодолению дефицита коммуникативных процессов и взаимодействия между субъектами обучения.

7. Проведенное полевое исследование особенностей распределения неформальных ролей в студенческой группе, перешедшей от длительного дистанционного обучения к очному, показало единичную картину происходящих внутригрупповых процессов. Изложенные выше наблюдения отражают одну из тенденций, присущих такого рода динамике. Получение более общих выводов возможно при условии масштабного эксперимента с выделением контрольной группы, увеличением количества исследуемых групп, и расширением критериев сравнения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асеева О.В. Виртуализация социальной активности молодежи в сетевых сообществах: диссертация... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Асеева Ольга Владимировна; [Место защиты: Белгородский государственный национальный исследовательский университет — ФГАОУ ВПО]. — Белгород, 2015. — 175 с.
2. Белбин Р.М. Команды менеджеров. Секреты успеха и причины неудач / Р.М. Белбин; пер. с англ. — М.: HIPPO, 2003. — 315 с.
3. Брейкина А.И. Проблемы социализации личности студента в современном российском обществе / А.И. Брейкина // Бизнес и дизайн ревю. — 2021. — № 3 (23). — С. 13.
4. Дивулина Н.А. Проблемы дистанционного обучения в школах на территории Донецкой Народной Республики / Н.А. Дивулина // Молодой ученый. — 2024. — № 30 (529). — С. 155–157.
5. Иващенко С.А. Диагностика виртуализации социальной субъектности российской студенческой молодежи / С.А. Иващенко // Молодой ученый. — 2020. — № 20 (310). — С. 630–632.
6. Леонов Н.О. Анализ ролей в командном взаимодействии / Н.О. Леонов, И.С. Сергеев, Н.С. Судаков [и др.] // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2019. — № 3(37). — С. 48–53.
7. Казанцев В.Н. Социометрический метод в социально-педагогических исследованиях студенческих групп / В.Н. Казанцев // Векторы психолого-педагогических исследований. — 2025. — № 1(06). — С. 80–85.
8. Камбурова К.У. Социализация: теоретические основы, понятие, сущность / К.У. Камбурова // «Молодой учёный». — 2016. — № 28 (132). — С. 1045–1047.
9. Колин К.К. Современные проблемы и приоритеты науки и образования России / К.К. Колин // Знание. Понимание. Умение. — 2021. — № 2. — С. 34–51.

10. Лучинкина А.И. Специфика интернета как института социализации / А.И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. — 2019. — Т. 5. — №1. — С. 59–69. — DOI: 10.18413/2313-8971-2019-5-1-0-5.
11. Марокова М.В. Роль социальных сетей в социализации молодежи / М.В. Марокова, З.Е. Бисинова // Система ценностей современного общества. — 2012. — № 22. — С. 258–263.
12. Обидина Т.В. Эго-идентичность представителей юношеского возраста в контексте киберсоциализации / Т.В. Обидина // Современные наукоемкие технологии. — 2013. — № 7–2. — С. 149–150.
13. Плешков Е.О. Влияние всемирной компьютерной сети на процесс социализации современной молодежи / Е.О. Плешаков // Проблемы социализации личности в контексте непрерывного профессионального образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В.Н. Скворцова. — Тамбов, 2014. — С. 105–109.
14. Углова А.Б. Соотношение реальной и виртуальной идентичности студенческой молодежи (на примере автоматизированного анализа профилей в сети ВКонтакте) / А.Б. Углова, И.М. Богдановская, Б.А. Низомутдинов [и др.] // Мир науки. Педагогика и психология. — 2022. — Т. 10. — № 6. — URL: https://mir-nauki.com/PDF/09PSMN622.pdf (дата обращения: 05.03.2026).
15. Чалдышкина Н.Н. Педагогические потенциалы виртуальных социальных сетей в работе с детьми и молодежью / Н.Н. Чалдышкина // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. — 2014. — № 3. — С. 119–124.
16. Чванова М.С. Новые формы социализации студенческой молодежи в интернет-пространстве / М.С. Чванова, М.С. Анурьева, И.А. Киселева // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. — Тамбов. — 2017. — Т. 22. — Вып. 6 (170). — С. 32–40. — DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-32-40.

REFERENCES

1. Aseeva O.V. (2015) Virtualizaciya social`noj aktivnosti molodezhi v setevy`x soobshhestvax: dissertaciya [Virtualization of Youth Social Activity in Network Communities]: (Candidate dissertation). Belgorod State National Research University. Belgorod. (In Russian)
2. Belbin R.M. (2003) Komandy` menedzherov. Sekrety` uspexa i prichiny` neudach [Management Teams: Why They Succeed or Fail]. Moscow: HIPPO. 315 p. (In Russian)
3. Breikina A.I. (2021). Problemy` socializacii lichnosti studenta v sovremennom rossijskom obshhestve [Problems of student personality socialization in modern Russian society]. Business and Design Review, 3(23), 13. (In Russian)
4. Divulina N.A. (2024). Problemy` distancionnogo obucheniya v shkolax na territorii Doneczkoj Narodnoj Respubliki [Problems of distance learning in schools on the territory of the Donetsk People's Republic]. Young Scientist, (30(529)), 155–157. (In Russian)
5. Ivashchenko S.A. (2020). Diagnostika virtualizacii social`noj sub``ektnosti rossijskoj studencheskoj molodezhi [Diagnosis of virtualization of social subjectivity among Russian student youth]. Young Scientist, (20(310)), 630-632. (In Russian)
6. Leonov N.O., Sergeev I.S., Sudakov N.S., et al. (2019). Analiz rolej v komandnom vzaimodejstvii [Analysis of roles in team interaction]. Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement, (3(37)), pp. 48–53. (In Russian)
7. Kazantsev V.N. (2025). Sociometricheskij metod v social`no-pedagogicheskix issledovaniyax studencheskix grupp [Sociometric method in socio-pedagogical studies of student groups]. Vectors of Psychological and Pedagogical Research, 1(06), pp.80–85. (In Russian)
8. Kamburova K.U. (2016). Socializaciya: teoreticheskie osnovy`, ponyatie, sushhnost [Socialization: Theoretical Foundations, Concept, Essence.] Young Scientist, no. 28 (132), pp. 1045–1047. (In Russian)
9. Kolin K.K. (2021). Sovremenny`e problemy` i prioritety` nauki i obrazovaniya Rossii [Modern problems and priorities of science and education in Russia]. Knowledge. Understanding. Skill, (2), pp. 34–51. (In Russian)
10. Luchinkina A.I. (2019). Spetsifika interneta kak instituta sotsializatsii [The Specificity of the Internet as an Institution of Socialization]. Scientific Result. Pedagogy and Psychology of Education, 5(1), pp. 59–69. https://doi.org/ 10.18413/2313-8971-2019-5-1-0-5 (In Russian).
11. Marokova M.V., & Bisinova Z.E. (2012). Rol` social`ny`x setej v socializacii molodezhi [The role of social media in the socialization of youth]. System of Values of Modern Society, (22), pp. 258–263. (In Russian)
12. Obidina T.V. (2013) E`go-identichnost` predstavitelej yunosheskogo vozrasta v kontekste kibersocializacii [Ego-identity of adolescents in the context of cybersocialization]. Modern High-Tech Technologies. No. 7–2. pp. 149–150. (In Russian)

13. Pleshkov E.O. (2014) Vliyanie vsemirnoj komp`yuternoj seti na process socializacii sovremennoj molodezhi [The Impact of the Global Computer Network on Modern Youth Socialization]. Skvortsov V.N. (ed.). Problems of Personality Socialization in Lifelong Professional Education: Int. Sci.-Pract. Conf. Proc. Tambov. pp. 105–109. (In Russian)
14. Uglova A.B. Bogdanovskaya I.M., Nizamutdinov B.A. [et al.] (2022) Sootnoshenie real`noj i virtual`noj identichnosti studencheskoj molodezhi (na primere avtomatizirovannogo analiza profilej v seti VKontakte) [The Relationship Between Real and Virtual Identity of Student Youth (Based on the Automated Analysis of VKontakte Profiles)]. The world of science. Pedagogy and Psychology. Vol. 10. No. 6. (In Russian)
15. Chaldyshkina N.N. (2014). Pedagogicheskie potencialy` virtual`ny`x social`ny`x setej v rabote s det`mi i molodezh`yu [Pedagogical potentials of virtual social networks in working with children and youth]. Proceedings of the Southern Federal University. Pedagogical Sciences, (3), pp. 119–124. (In Russian)
16. Chvanova M.S., Anuryeva M.S., & Kiseleva I.A. (2017). Novy`e formy` socializacii studencheskoj molodezhi v internet-prostranstve [New forms of socialization of student youth in the Internet space]. Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki, 22(6(170)), pp. 32–40. https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-32-40 (In Russian)

Статья поступила в редакцию 17.03.2026 г.

STRUCTURE OF INFORMAL ROLES IN STUDENT GROUP IN TRADITIONAL AND DISTANCE LEARNING

V.V. Shulga

The article deals with the findings of the empirical study focused on the sociometric analysis of intragroup processes of informal role distribution within a student group in both online and offline learning situations. It is shown that academic groups differ in their level of socio-psychological development depending on the learning format, which is largely determined by the distinctions between virtual and direct interpersonal communication. It is emphasized that intragroup structures of attraction and informal relationships are qualitatively different characteristic features depending on the learning format. Research indicates that the distance learning format empowers students with control over their self-presentation, thereby streamlining role allocation within a group. A decline in team cohesion is observed upon transitioning to face-to-face instruction, suggesting an insufficient level of relevance in the way members perceive one another within a virtual group. Leadership positions maintain their identity during the shift from online to offline learning, with their expression becoming more pronounced in a traditional in-person educational setting.

***Key words*:** distance and traditional learning, sociometrics, informal roles in a group.

Шульга Валентина Васильевна.
Кандидат психологических наук, доцент.
Донбасский государственный университет юстиции, Российская Федерация, г. Донецк.
Доцент кафедры социально-гуманитарных и специальных дисциплин.
ORCID 0009-0007-2408-8018.
E-mail: shulga.valentina55vv@mail.ru.

Shulga Valentina Vasilievna.
Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donbass State University of Justice,
Russian Federation, Donetsk.
Associate Professor at Department of Social, Humanitarian and Special Disciplines.
ORCID 0009-0007-2408-8018.
E-mail: shulga.valentina55vv@mail.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректура статей авторам не высылается.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи**: «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления**. В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T.A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приема статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ**! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ к ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине.

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине).

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчеркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* — субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров — полужирный курсив: *Я памятник себе* ***воздвиг*** *нерукотворный*. слова категории состояния: *хорошо*, ***можно***, *пора*.

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир».

8. Цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «.». при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."...".».

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-). различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик. первый знак пунктуационный, второй орфографический.

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделенное пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26.

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / *Я руку*, *бьющую меня*, *целую*. // в *грудь*, *оттолкнувшую — к груди тяну*, / *Чтоб*, *удивясь*, *прослушал тишину*. (М. Цветаева. Пригвождена...).

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см.:

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, *красавицам мучитель*,
И всюду он гусар.

(А. Пушкин. к портрету Каверина).

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи — с. 212, с. 212–218. в библиографическом описании — С. 212–218.

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с..

г. в сочетаниях и т. д., и т. п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования**. ***Ключевые слова:*** (это словосочетание — полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья
УДК 81:112
DOI:

ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

© 2024 *Т.А. Дьякова*
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»
ORCID 0000-0002-8440-7806

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез,

сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалия, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 202X. — № X. — С. XX-XX. — https://doi.org/

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку — текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников — список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т. д.). Список источники приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т. п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала — работы на русском языке, затем — на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырехлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, — 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. — 1965. — № 2. — С. 59-68.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М.: Наука, 1990. — С. 5–33.
3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. — Волгоград : ВГСХА, 2005. — Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. — С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. — Воронеж, 2019. — 324 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. — Режим доступа: http: www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. — Барнаул, 2005. — 18 с.
7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2024. — Вып. 1 (43). — С. 20-31. — http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31.
8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. — 2023. — Т. 21. № 1. — С. 79–96. — http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копье: романы. — Минск: Беллитфонд, 2002. — С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф.П. Филин. — Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. — 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат APA с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате APA. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после нее. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), Osnovy iranskogo iazykoznaniia. Drevneiranskie iazyki [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
2. Berezovich, E. L. (2007). Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. Indogermanische Forschungen, 98, 177–185. http://doi.org/10.1515/9783110243390.177 (In Italian)

Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from http://www.dwds.de/. (In German).

4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.

5. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. Journal of French Language Studies, 2, 185–205. (In French).
7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
8. Lysova, E. V. (2002). Ornitonimiia Russkogo Severa [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. Romance Philology, 56 (1), 41–50. http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495 (In English).
10. Room, A. (1988). Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. Voprosy yazykoznaniya, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию хх.хх.20хх г.*

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

○ название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру),

○ через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по левому краю, без абзаца),

○ через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание ***Key words**:* — полужирный курсив) — выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– в конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации — места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.
Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.

Diakova Tatiana Alekseevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.
State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.
ORCID 0000-0002-8440-7806.
E-mail: diako122@rambler.ru

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.
ORCID 0000-0002-8440-7806.
E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных и других сведений.

10**. Контактная информация:**

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна,** канд. психол. наук, заведующий кафедрой клинической психологии Донецкого государственного университета (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2026. — № 2

На русском и английском языках

Технический редактор: Д. И. Борозенец